

ШРИ АУРОБИНДО

ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

Перевод с английского

Издательство «МИРРА»

Санкт-Петербург

1998

УДК.1

Шри Ауробиндо

Идеал человеческого единства.

Перевод с английского Сафронова О. В. — СПб.: Издательство «Мирра», 1998. — 512 с.

Основополагающий труд выдающегося индийского мыслителя Шри Ауробиндо о истории и путях эволюции человеческой расы.

Книга переведена со 2-го репринтного издания «The Ideal of Human Unity», (Sri Aurobindo, 1970, Pondicherry, India)

© Перевод, О. Сафронова, 1998

© Издательство «Мирра», 1998

ISBN 5—88947—007—8

Предисловие к первому изданию

Главы этой книги были написаны как серия статей для ежемесячного журнала *Арья* и в связи с довольно жесткими сроками публикации печатались в том виде, в котором они выходили из-под пера, без необходимых, для придания им более однородной формы, исправлений. В них отразились быстро менявшиеся аспекты различных представлений, фактов и возможностей, возникавших в ходе Европейского конфликта. Первые главы писались в то время, когда Россия оставалась еще имперской и самодержавной, более поздние после русской революции, когда война уже близилась к своему завершению, но сопутствующие драматические обстоятельства, хотя и вполне закономерные, представить себе было довольно трудно. Когда на страницах этой книги речь идет о современных условиях, читатель может иметь в виду, что первые четыре главы относятся к концу 1915 г., следующие двенадцать — к 1916 г., с семнадцатой по двадцать восьмую — к 1917 г., последние семь глав написаны до июля 1918 г. Отразившаяся в них быстрая смена обстоятельств дает возможность понять, насколько стремительно развивались те процессы, благодаря которым достаточно неопределенное представление и неоднозначная возможность превратились в последнем акте в настоятельную потребность, ожидающую скорого оформления.

Последующие события заставили устареть некоторые умозаключения и выводы, разрешившиеся самой логикой этих событий. Австрия — это теперь уже историческое название, империя Гогенцоллернов исчезла, точно сон, и вся Европа от Рейна до Волги стала республиканской. И, что особенно важно, выбор сделан в пользу Лиги Наций; американская идея, по крайней мере в принципе, восторжествовала и пробивает себе, хотя и с великим трудом, дорогу в жизнь. Но основные предположения, выдвинутые в этой книге, остаются в силе, а точнее, становятся все более актуальными. По-прежнему сохраняются две серьезные проблемы начального этапа создания свободного всемирного единства. Первая проблема — как привести к единой системе великие империи, немногочисленные, но непомерно усилившие свою власть и влияние, значительно расширившие сферу своих полномочий, с одной стороны, и ставшие довольно многочисленными свободные нации, появившиеся на свет скорее силой обстоятельств или некоего Могущества, нежели волей народов и правительств, — с другой. А вторая — надвигающаяся битва между рабочим классом и капитализмом. Первая проблема — не более чем затруднение и помеха, хотя она может стать весьма серьезной проблемой, если перерастет в конфликт двух представлений, империализма и национализма, или воспроизведет в международном масштабе в новой форме старую борьбу олигархических и демократических тенденций, если превратится в вопрос о том, кто будет контролировать мировую систему, воля и влияние нескольких могущественных империалистических государств или все народы — большие и малые, европейские, американские, азиатские, — свободно и на равных правах принимающие общие

решения. Вторая же проблема таит в себе опасность, способную повредить первым усилиям по объединению, в особенности, если Лига (а к тому, по-видимому, все и идет) возьмется защищать мир от сил крайне революционного социализма. С другой стороны, подобный конфликт, вне зависимости от его результатов, может усилить необходимость и актуальность более строгой и жесткой системы и тем самым ускорить начало второй стадии объединения.

Основные выдвинутые на этих страницах утверждения не потеряли своей актуальности в свете последних событий. Это касается неизбежности объединения человечества, как результата действия тех неумолимых естественных сил, которые непрестанно трудятся над созданием все более крупных человеческих сообществ; выбора принципов, которым можно было бы в этом процессе следовать; необходимости сохранения и доведения до полноты принципа индивидуальной и групповой свободы внутри человеческого единства; а также недостаточности формального единства, если не развивается при этом общечеловеческая религия, без которой духовная эволюция человечества просто невозможна.

ЧАСТЬ 1

Глава 1. Обращение к единству: его необходимость и опасности

Внешние проявления жизни понять не сложно; нам доступны их законы, типичные движения, их практический смысл. Не составляет особого труда в них разобраться и научиться использовать. Но такое понимание не многого стоит. Его достаточно для поверхностной повседневной жизни, но оно не дает ответов на великие вопросы бытия. В то же время знание скрытых оснований жизни, оберегаемых ею тайн, ее великих, сокровенных и вместе с тем всеобъемлющих законов нам пока недоступно. Мы еще не нашли подходящего "глубиномера", для того чтобы всерьез заняться исследованием ее "подводных далей"; они по-прежнему нам видятся чем-то смутным и неопределенным, каким-то неоформленным движением, тьмою глубин, перед которой разум охотно отступает, предпочитая блуждать по поверхности: волнистой, пенистой, переливчатой. Но чтобы понимать основы бытия, нужно знать именно глубины, их невидимые силы — на поверхности мы обнаруживаем внешние следствия и вторичные законы Природы, которые помогают преодолевать сиюминутные затруднения и без понимания, полагаясь только на свой опыт, упорядочивать проявления ее переменчивого нрава.

Из всех сфер человеческого бытия самой темной и непонятной для нас остается общественная и коллективная жизнь; это относится не только к силам, ею движущим, но и к цели самого движения. Мы могли бы обратиться за помощью к социологии, но она едва ли нам поможет, поскольку дает только самое общее описание прошлого и тех чисто внешних условий, в которых развивалось то или иное общество. Не стоит уповать и на историю, все еще остающуюся малопонятной смесью событий, личных биографий, калейдоскопом сменяющих друг друга общественных институтов. Истинный же смысл исторических перемен — непрерывное стремление человеческой жизни вперед, ее развитие во Времени, — как и прежде, остается за пределами нашего внимания и понимания. Мы замечаем только сами перемены, периодичность явлений, способны блеснуть незатейливыми обобщениями и частными представлениями. Мы научились рассуждать о демократии, аристократии и автократии, о коллективизме и индивидуализме, империализме и национализме, о государстве и обществе, капитализме и рабочем классе; делать поспешные выводы и строить абсолютные модели, важные сегодня и оказывающиеся в полном забвении завтра. Со страстью и энтузиазмом мы пускаемся в новые предприятия, успех в которых приводит к скорым разочарованиям, и тогда доводить их до конца прихо-

Глава 1. Обращение к единству: его необходимость и опасности

дится другим, возможно как раз тем, кого мы так усердно пытались уничтожить, добиваясь успеха. Целый век человечество жаждет свободы, борется за нее и дорогой ценой — потом, слезами и кровью — наконец, достигает; а век, имеющий счастье быть избавленным от этой изнурительной борьбы, отвращается от нее как от пустой иллюзии и уже готов ею пожертвовать ради новых благ. Так происходит потому, что и понимание, и отношение к коллективной жизни остаются поверхностными, обусловленными нашим ограниченным опытом; у них нет прочной и надежной основы, им недостает всеобъемлющего знания. Из чего следует, что дело совсем не в том, что пуста и бессмысленна сама человеческая жизнь, не в том, что напрасны ее стремления, энтузиазм, идеалы; просто необходим более всесторонний, более глубокий и терпеливый поиск ее истинных законов и целей.

В настоящее время наше сознание начинает все более занимать идеал человеческого единства. Проникновение в сознание того или иного идеала всегда свидетельствует об определенном замысле Природы, хотя, возможно, замысле не всегда сразу же воплощающемся в жизнь; подчас его появление означает только попытку, которой предопределена временная неудача. Ибо Природа нетороплива и терпелива в своих методах. Она воспринимает новые представления, частично их осуществляет и, оставив на время без внимания, вновь возвращается к ним в иную эпоху, используя уже в более удачном сочетании. Она вновь и вновь испытывает свой мыслящий инструмент, человечество, проверяет, насколько он готов к той гармонии, которая ей видится; поощряет человека делать попытки и терпеть неудачи, дабы в следующий раз он научился и преуспел. После того, как идеал овладевает нашей мыслью, он вынуждает нас к нему стремиться; и судя по всему значение идеала человеческого единства как одной из сил, определяющих будущее, постоянно растет, поскольку и интеллектуальные, и материальные условия нынешнего века не только подготовили нас к нему, но прямо-таки обязывают его принять. В особенности это касается научных открытий, благодаря которым Земля уже не кажется такой необъятной — теперь даже самые обширные ее территории вполне сопоставимы с провинциями одной страны.

Однако те же самые обстоятельства могут привести и к полной неудаче идеала. В случае, если материальные условия побуждают к великим переменам, но разум и сердце человеческой расы — и особенно сердце — к ним еще не готовы, не стоит ожидать желаемых результатов до тех пор, пока сами люди не станут мудрее и не согласятся не только на внешнее переустройство жизни, но и на внутренние изменения. Но разум современного человека, находящийся во власти физической науки, стал настолько механическим, что будет, по всей видимости, стремиться к революционным преобразованиям главным образом и исключительно механическими средствами, то есть через социальное и политическое переустройство жизни.

Глава 1. Обращение к единству: его необходимость и опасности

Нужно помнить, что социальное и политическое единство само по себе не всегда еще благо; оно может обладать какой-то ценностью, только если пытается достичь (в той мере, в какой ему позволяют возможности и принципы его устройства) более совершенной, богатой, счастливой и полноценной жизни, и индивидуальной, и общественной. Но вряд ли можно надеяться на то, что громадные государства и империи, даже такие, которые добились определенной монолитности и хорошей организованности общества, будут непременно стремиться к процветанию и благосостоянию своих граждан. Опыт человечества свидетельствует, скорее, об обратном. Общественная жизнь, по-видимому, более свободна и плодотворна, более разнообразна и полноценна именно там, где она ограничена небольшими пространствами и относительно простыми формами.

Если мы обратимся к известному нам историческому прошлому, то обнаружим, что самые интересные и содержательные периоды, особые явления человеческой жизни, оставившие после себя наиболее ценные результаты, приходится на страны и эпохи, отмеченные примерами удачного создания таких небольших центров, которые, несмотря на взаимное влияние, все же оставались независимыми, не связанными узами единого государства. Так, современная Европа развитием своей цивилизации в значительной степени обязана трем решающим событиям человеческой истории: религиозной жизни племенного союза, именовавшего себя Израилем, и, в частности, немногочисленному народу евреев; яркой и многогранной жизни небольших городов-государств Греции; похожей на нее, но несколько более ограниченной, артистической и интеллектуальной жизни средневековой Италии. Если мы обратимся к Азии, то увидим, что не было никогда у нее более энергичного, хорошо устроенного и благоприятного для всего лучшего и наиболее богатого результатами времени, чем героический период Индии, представленный небольшими царствами, многие из которых не превосходили по площади размеров нынешнего округа. Ее наиболее чудесные проявления, наиболее плодотворная и полнокровная деятельность — то есть, все то, что нам прежде всего следовало бы уберечь, окажись мы перед выбором чем-то пожертвовать, — относятся именно к этому периоду; на втором месте идут более крупные, хотя все еще сравнительно небольшие народы и царства: Паллава, Чалукья, Пандья, Чола и Керава¹. И сколь незначительны ее достижения в периоды возникавших и угасавших на ее территории великих империй — Моголов, Гупта, Маурья², — в самом деле незначительны, если не принимать в расчет достижения политического и административного характера, небольшое число находок в области изящных искусств и литературы, а также некоторый вклад за счет усилий в иных сферах жизни. Все их достижения были скорее организующими, чем обновляющими, стимулирующими и творческими.

Вместе с тем не был совершенным сам принцип устройства малых городов-государств или местных культур, вынуждая создавать общности более

Глава 1. Обращение к единству: его необходимость и опасности

крупного масштаба. Именно его несовершенство обуславливало их недолговечность, нередко отсутствие порядка в жизни, а также незащищенность против яростных атак со стороны превосходящих их размерами соседей, равно как и неспособность к широкому распространению материального благополучия. Поэтому такая ранняя форма общественной жизни постепенно исчезала и вытеснялась более сложными типами устройства наций: царствами, или королевствами, и империями.

Мы должны обратить внимание на то, что наиболее интенсивная жизнь была характерна для союзов и объединений малых народов, а не для огромных государств, не для гигантских империй. Общественная жизнь, рассеянная на слишком больших пространствах, теряет, по-видимому, в интенсивности и плодотворности. Жизнь Европы — это прежде всего жизнь Англии, Франции, Нидерландов, Испании, Италии, мелких княжеств Германии: именно здесь истоки всей ее последующей цивилизации и ее прогресса, а не в грандиозных по своим масштабам Священной Римской и Российской Империях. То же явление мы обнаружим в социальной и политической жизни, если сравним достаточно интенсивную и деятельную жизнь Европы, представленную немногочисленными народами, плодотворно влиявшими друг на друга, стремительно развивавшимися быстрыми шагами, иногда даже скачками, с жизнью многолюдной Азии, с ее долгими периодами неподвижности, на фоне которых возникавшие время от времени войны и революции казались мимолетными, преходящими и, как пра-

1. *Паллава, Чалукья, Пандья, Чола и Керава* — названия древних царств на территории Южной Индии.

2. *Моголы* (Великие Моголы) — династия правителей в Индии в 1526 — 1858 гг. Основатель — Батур Тимурид, родом из Моголистана, гос. на территории Центральной и Средней Азии. Наибольшего расцвета государство В.М. достигло при Шах-Джахане. В 17 веке оно включало в себя всю Индию (кроме крайнего юга) и Кабул. После смерти шаха Аурангзеба (1707) гос. В.М. постепенно теряет территории. Размеры империи сокращаются.

Гупта (Чандрагупта) — древние индийские цари из рода Гупт; Чандрагупта I — из рода царей княжества Магадхи. Стал царем всей Магадхи (правил в 320 — 340), заложил основы империи Гупт. Дата его воцарения стала началом древней индийской системы летоисчисления: "Эры Гупт". Чандрагупта II (внук Ч. I, правил в 380 — 415) расширил границы империи на запад, присоединив Гуджарат. Время его правления — период наибольшего могущества и благосостояния империи Гупт.

Маурья — династия царей из рода Магадхи (IV—II вв. до н.э.). Основатель династии Чандрагупта Маурья (правил в 317 — 293 гг. до н.э.). Наибольшего могущества империя достигла при императоре Ашоке (правил в 268 — 232 гг. до н.э.), завоевавшем государство Калингу и стремившемся централизовать управление государством. Последний Маурья был свергнут полководцем Пушьямитрой, основавшем династию Шунгов.

вило, малопродуктивными эпизодами; с ее веками религиозных, философских и художественных грез; с ее склонностью ко всевозрастающей обособленности, приведшей в конце концов к застою внешней жизни.

Не все, надо отметить, государства подобного типа отличались энергичной, плодотворной жизнью. Но те из них, для которых она была все же свойственна, добивались успеха за счет того, что неким искусственным образом сосредоточивали свои жизненные силы в определенном месте, в центре или столице — в Лондоне, Париже, Риме... Таким способом Природе, стремящейся к преимуществам более сложно организованной жизни и более совершенного единства, удавалось в какой-то мере сохранить ту ценную для нее возможность плодотворной концентрации своих усилий на небольшой территории и во взаимосвязанной деятельности, которая была в ее распоряжении в более простой системе города-государства и небольшого царства, или королевства. Но такой успех достигался за счет остальных частей общества — округов, провинциальных городов, деревень, — вынужденных довольствоваться однообразной, невзрачной и сонной жизнью, так разительно непохожей на ослепительную жизнь *urbs*³, или метрополии.

Историческим примером организованного единства, превосходящего пределы одной нации, может служить Римская Империя; ее преимущества и недостатки оказываются совершенно типичными. Ее преимущества заключались в достойной восхищения организованности, в способности поддерживать мир, полную безопасность, порядок и материальное благополучие; недостатком же ее было то, что индивидуальность, город, провинция жертвовали своей независимой жизнью и превращались в детали одного механизма: их жизнь утрачивала свой колорит, богатство и разнообразие, свободу и торжество творческих порывов. Мощная, великолепная организация — и угасшая, подавленная и загнанная в тень индивидуальность. В итоге от принижения и ослабления роли индивидуальности весь громадный механизм медленно и неуклонно теряет свою, поддерживающую его постоянство жизнеспособность и гибнет во всевозрастающем застое. Начинает гнить, несмотря на внешнюю целостность и неприкосновенность, сама структура и при первом же ударе извне трещит по швам и рушится. Такие типы устройства обществ и такие периоды чрезвычайно полезны для сохранения уже обретенного (Римская империя обобщила те достижения, которые были накоплены в плодотворные века, ей предшествовавшие), но они угнетают жизнь и останавливают развитие.

Теперь нам может быть ясно, к чему ведет социальное, административное и политическое объединение человечества, о котором сегодня мечтают некоторые. Потребуется громадная и мощная организация, и под ее губительной властью окажутся и индивидуальная, и местная жизнь; они будут обречены на упа-

3. *urbs* (лат.) — окруженный стеной город, городская крепость.

Глава 1. Обращение к единству: его необходимость и опасности

док, прозябание и медленную смерть — подобно растению, лишенному дождя, ветра и солнца. Человечеству же подобное объединение сулит, после вполне вероятного всплеска приятной и удовлетворяющей его активности вначале, долгий период реакции, усиливающегося застоя и неизбежного разложения.

И все же единство человечества, по всей видимости, предрешено общим замыслом Природы; оно должно непременно возникнуть, но только в совсем других условиях и при таких надежных гарантиях, которые позволят человечеству уберечь в целости и сохранности сами основы своей жизненности — в единстве сохранить богатство разнообразия.

Глава 2. Несовершенство прежних сообществ

Все природные процессы построены на равновесии и стремлении к гармонии двух полюсов жизни: индивидуальности, получающей поддержку от целого, или сообщества, и целого, или сообщества, состоящего из отдельных индивидуальностей. И формы человеческой жизни — не исключение. Для их совершенства необходимо сотрудничество двух, все еще весьма далеких от гармоничного взаимодействия, полюсов: индивидуальности и социального организма. Совершенным будет такое общество, которое наиболее благосклонно к индивидуальности; индивидуальность, в свою очередь, не достигнет полного совершенства, если не будет стремиться к совершенному состоянию того сообщества, к которому принадлежит, а в конечном итоге, и к совершенству самого крупного человеческого сообщества — объединенного человечества.

Процесс последовательного развития Природы усложняет ситуацию и не позволяет индивидуальности быть в прямых и непосредственных отношениях со всем человечеством. Между нею и этим, столь необъятным целым, складываются, иногда помогая, а иногда, напротив, препятствуя окончательному единению, сообщества меньшего масштаба, которые Природе пришлось создавать на разных стадиях развития человеческой культуры, поскольку пространственные препятствия, организационные трудности и ограниченность человеческой мысли и чувства неизбежно приводили к возникновению вначале небольших, а затем все более и более крупных социальных организмов — дабы, тем самым, постепенно подвигать и готовить человека к окончательной универсализации. Семья, община, род или племя, класс, город-государство или союз племен, государство, империя — вот ступени этого процесса и постоянного укрупнения. Если бы меньшие сообщества разрушались всякий раз по достижении более крупных образований, такое поступательное развитие не вело бы ко всевозрастающей сложности; однако Природа действует иначе. Она редко полностью разрушает уже созданные ею типы, или же разрушает только те, которые совершенно бесполезны; все остальное она сохраняет, поскольку в нем нуждается, заинтересована в разнообразии, богатстве и многогранности своих проявлений, и только сглаживает различия и видоизменяет характеристики и отношения, если это способствует появлению создаваемого ею единства. Поэтому человечество буквально на каждом шагу сталкивается с различными проблемами, возникающими не только от того, что ему приходится согласовывать интересы индивидуальности и общества, но и оттого, что оно вынуждено согласовывать еще и потребности и интересы меньших образований с ростом все более укрупняющегося целого, которое должно охватывать и вмещать в себя их все.

История знает множество примеров подобного напряженного усилия — поучительных примеров успехов и неудач. Это и борьба за образование союза племен у семитских народов, евреев и арабов, приводящая у первых к созданию

Глава 2. Несовершенство прежних сообществ

вначале единого царства, впоследствии распадающегося на два (что оказывается основным источником постоянной слабости еврейской нации), и закончившаяся победой, хотя и временной, у вторых, благодаря внезапно возникшей объединяющей силе ислама. Это и неудавшаяся попытка привести к большей организованности и упорядоченности клановую жизнь кельтских народов, полностью потерпевшая неудачу в Ирландии и Шотландии и принесящая в конце концов определенные результаты (но только после разрушения самой клановой жизни — уже под влиянием иноземного закона и иноземной культуры) в Уэльсе. Это и неудавшаяся попытка воссоединения городов-государств и немногочисленных народов Греции, а также блестящий успех Природы на этом поприще — развитие Римской Италии. Вся история Индии последних двух с лишним тысяч лет была, по сути, бесполезным — несмотря на множество случаев видимого успеха — стремлением преодолеть центробежную тенденцию невероятного количества и разнообразия несочетаемых элементов: семьи, общины, клана, касты, небольших княжеств и народов, языкового разнообразия, религиозного общества, внутренних народностей. Можно сказать, что в данном случае Природа ставила столь беспримерный по сложности, потенциальному богатству и разнообразию эксперимент — соединив все возможные препятствия — ради того, чтобы достичь наиболее плодотворных результатов. Но в конечном итоге проблема оказалась для нее неразрешимой или, по крайней мере, нерешенной, и ей пришлось прибегнуть к своему обычному *deus ex machina*¹, то есть воспользоваться игом иноземного закона.

Но даже если нация — самое крупное и удачное из всех целостных образований Природы — уже вполне сложилась, полное единство достижимо не всегда. Даже если нет иных поводов для разногласий, сохраняется возможность для классовых противоречий. И это явление приводит нас к другому закону поступательного развития Природы в человеческой жизни, огромную важность которого мы поймем, когда перейдем к вопросу осуществимости всеобщего единства, к закону гласящему: совершенство индивидуальности в совершенствующемся человечестве (рассматривая, естественно, совершенство в относительном смысле, в развитии) — неизменная цель Природы. Но развитие всех индивидуумов в обществе происходит не всегда *pari passu*², в равной мере и с одинаковой скоростью. Одни преуспевают, другие остаются полностью или частично неизменными, третьи опускаются. Следовательно, неизбежно появление господствующего класса внутри общества, и так же неизбежно, из-за постоянных столкновений между нациями, появление господствующих наций.

1. *deus ex machina* (лат.) — бог из машины. В античной трагедии развязка часто наступала благодаря неожиданному вмешательству какого-либо бога, появлявшегося на сцене при помощи механического приспособления.

2. *pari passu* (лат.) — одновременно, в той же степени.

Глава 2. Несовершенство прежних сообществ

Господствовать будет именно тот класс, которому лучше всего удалось развить тип, нужный в данный момент Природе, для того чтобы способствовать прогрессу, а возможно — и регрессу. Если ей требуются свойства и силы характера, укрепляется государство аристократии; если — знание и наука, преобладает класс ученых и писателей; если — практические навыки, изобретательность, организованность и надежное устройство общества, господствуют буржуа, класс вайшей, во главе которого стоят обычно адвокаты и юристы; если общее благополучие и тщательная организация тяжелого труда становится достоянием большей части общества, не исключено преобладание сословия ремесленников.

Но какой бы класс или нация не господствовали, их власть всегда будет иметь временный характер, поскольку конечной целью Природы не может быть эксплуатация большинства меньшинством, даже меньшинства большинством, совершенство некоторых ценой унижительного подавления и невежественного подчинения своим интересам основной массы человечества — поддерживаться временными механизмами. Поэтому очевидно, что такое господство будет всегда нести в себе зародыш собственной гибели и должно окончиться либо изгнанием и разрушением эксплуатирующего элемента, либо воссоединением и выравниванием отношений. Мы видим, что теперь и Европа, и Америка если не вовсе отвергают господствующее положение браминов и кшатриев, то, во всяком случае, предпринимают попытки уравнивать его с положением всего народа. Остаются два сильно разобщенных класса: господствующий класс имущих и класс трудящихся, и все наиболее значительные современные движения имеют целью устранить это последнее неравенство. Европа, неуклонно следуя в этом направлении и признав одним из величайших законов Природы закон прогрессивного развития, намерена добиться окончательного равенства. И хотя понятно, что абсолютное равенство недостижимо и не может быть реальной целью, так же как невозможно, да и нежелательно, абсолютное единообразие, все же равенство в отношении основных норм жизни, которое позволило бы проявиться истинному превосходству и бесконфликтному разнообразию, принципиально для любого пути усовершенствования человечества как целого.

Поэтому лучшая рекомендация находящемуся у власти меньшинству: своевременно поймите, что настала пора отречься в пользу остальной части общества или тех, кто готов к дальнейшему прогрессу, от исключительных прав на присущие вам идеалы, качества, культуру, опыт. Там, где подобная передача власти происходит, общественное развитие идет нормально и без неприятных потрясений, серьезных нарушений и болезненных состояний; в противном случае оно перестает быть гармоничным, так как Природа не позволяет человеческому эгоизму мешать осуществлению того, что она наметила и считает необходимым исполнить. Там, где господствующие классы уклоняются от ее указаний, общество ожидает самая незавидная участь — подобное случилось в Индии, привилегированные классы которой, с браминами во главе, не позаботились о том, чтобы возвысить остальную часть нации до своего уровня, и в итоге оказа-

Глава 2. Несовершенство прежних сообществ

лись отделенными в своем превосходстве глубокой и непреодолимой пропастью от остальной части общества, что и стало главной причиной его разложения и распада. Так как во всех случаях противодействия своим целям Природа всегда лишает силы и поддержки тот организм, который ей противостоит, и тогда уже использует иные, внешние средства для того, чтобы устранить препятствие.

Но даже если обществу удастся достичь самого высокого для его системы совершенства — в социальной и административной сфере, в области культуры, — вопрос индивидуальности продолжает оставаться открытым, поскольку социальные организмы, или сообщества, не вполне подобны человеческому организму, составляющие клетки которого представляют собой неразрывное единство с самим организмом. Человек же в своей индивидуальности склонен к независимому бытию; он стремится превзойти пределы семьи, клана, класса и нации; неотъемлемыми элементами его совершенства будут как самодостаточность, так и универсальность. Поэтому должны измениться или погибнуть не только социальные организмы, основанные на господстве одного или нескольких классов над остальными, но и те общества, которые создают препятствия для совершенствования индивидуальности или стремятся заключить ее в рамки некоего ограниченного стандарта или жесткой и узкой структуры, недалеких классовых или национальных интересов; им придется решать — готовы ли они к внутренним переменам или предпочитают погибнуть под натиском стремительно развивающейся Природы.

Глава 3. Группа и индивидуальность

В тех случаях, когда Природе необходимо гармонизировать действия двух различных элементов, она обычно довольно долго пытается их уравновесить. При этом создается впечатление, что иной раз она отдает предпочтение то одному из них, то другому, а иной раз согласует их действия и добивается на время компромисса между ними. Оба элемента предстают в виде необходимых друг другу противников, вынужденных искать выход из создавшегося противоречия. Но поскольку каждая сторона действует эгоистично, лишь в собственных интересах, а также в силу присущего всем вещам стремления не только к самосохранению, но по мере сил и к самоутверждению, каждый из этих элементов добивается только такого решения, которое позволило бы именно ему играть главную роль, добивается безраздельного господства над другим, а при случае и полностью овладевает им, поглощая собственным эгоизмом эгоизм противоположной стороны. Поэтому движение к гармоничному единству сопровождается обычно противоборством сил и часто выглядит как стремление не к согласию или взаимному урегулированию, но к взаимному уничтожению. В то время как высший идеал единства предполагает совсем иное: не поглощение одной стороны другой, но их взаимопроникновение и слияние в единой жизни. Невежественная борьба ведется во имя высшего идеала любви. Борьбой же можно достичь только относительного равновесия двух противоположных требований, но не устойчивой гармонии, только компромисса между двумя эгоистическими подходами, но не слияния их в одно целое. Тем не менее, в борьбе растет взаимопонимание, которое, в свою очередь, дает возможность укрепить стремление к настоящему единству.

При взаимодействии индивидуального и группового подобная целенаправленная деятельность Природы проявляется как борьба между двумя равноценными, глубоко укоренившимися в человеке направлениями: индивидуализмом и коллективизмом. И мы имеем по одну сторону баррикады непререкаемый авторитет, рост и развитие государства, а по другую — неоспоримую свободу, рост и развитие индивидуальности человека. Образ государства, от весьма безобидной до самой громоздкой машины, и образ человека, независимой и совершенствующейся личности, растущей божественности, сохраняют неослабевающий накал взаимного противостояния. И размеры государства не влияют на сущность борьбы и характеризующие ее обстоятельства. В прошлом индивидуальности противостояли семья, племя, город, *polis*¹, род, каста и класс, *kula*², *gens*³. Теперь противостоит нация. Завтра или послезавтра ей на смену придет человечество в целом. Но вопрос человека и человечества, освобождающейся личности и всепоглощающей коллективности по-прежнему остается открытым.

Если мы обратимся к примерам и фактам истории и социологии, нам придется допустить, что для начального этапа развития человеческой расы были характерны прежде всего групповые отношения, полностью подчинявшие себе

Глава 3. Группа и индивидуальность

интересы индивидуальности, а рост индивидуальности происходил по мере развития человека, по мере роста сознательного разума. Можно предположить, что изначально человек был существом стадным, объединяющим его началом была потребность выжить; и поскольку выживание — это первая потребность всего живого, то индивидуальность могла быть не более, чем средством борьбы и защиты группы; даже если к силе и безопасности мы добавим рост, эффективность и самоутверждение, а также самосохранение, все равно общественное сознание будет в этом случае преобладать. Такие отношения определяются потребностями обстоятельств и окружающих условий. Обратившись к основам материального мира, мы обнаружим, что на этом уровне групповым признаком оказывается единообразие; свободное же разнообразие и индивидуальное развитие начинаются с ростом жизни и разума. Если мы при этом полагаем, что человек — это развитие в материи и из материи мыслящего существа, то нам придется признать, что он начинает свое развитие с единообразия и подчинения своей индивидуальности и движется к разнообразию и свободе индивидуальности. В этом случае и рождаемые обстоятельствами и окружающими условиями потребность, и закон, утверждающий основные принципы его бытия, будут определять одни и те же результаты, одни и те же процессы его исторической и доисторической эволюции.

Есть древнее предание человечества, которым легко можно было бы пренебречь, полагая, что оно не более, чем плод воображения; и в нем говорится, что социальному состоянию предшествовало иное, свободное и несоциальное устройство общества. Но если такое состояние существовало (что само по себе еще вопрос открытый), то согласно современным научным представлениям оно должно было быть не просто несоциальным, но антисоциальным; человек в таком случае, прежде чем стать на определенном этапе своего развития животным стадным, должен был бы вести, подобно хищному зверю, жизнь животного-одиночки. Однако традиция указывает, скорее, на золотой век, при котором человек, будучи существом общественным, не создавал никакого общества. Не ограниченный законами и правилами, он жил естественным инстинктом или свободным знанием и заключал в себе самом истинный закон своей жизни, не имея надобности ни преследовать своих собратьев, ни подчиняться железной воле коллектива. В данном случае можно, если угодно, сказать, что поэтическое или идеалистическое воображение опирается на глубинную память человечества, и ранние стадии цивилизованного общества питают свой растущий идеал свобод-

1. *polis* (греч.) — город-государство.

2. *kula* (санскр.) — семья, род, клан.

3. *gens* (лат.) — народ.

Глава 3. Группа и индивидуальность

ного, неорганизованного, счастливого общества родовой памятью о неорганизованной, первобытной и антисоциальной жизни. Но, возможно, наше развитие идет не по прямой линии, а циклично, и в этих циклах уже были периоды частичного решения тех же проблем, когда человеку удавалось жить созвучно высокой мечте философского анархизма и ограничиваться лишь внутренним законом света, любви и праведного бытия, правильного мышления и точного действия, вместо того, чтобы подвергаться принудительному объединению властью королей и правительств, законов, политических систем и систем наказаний — всей этой тиранией тягостного и изощренного подавления и угнетения, мрачной наукой самоутверждения и извращения, которая порождается самой системой насильственного управления человека человеком. Возможно даже, что нашим изначальным состоянием было свойственное животным, живущим инстинктивно и спонтанно, свободное и гибкое в своих отношениях сообщество и что идеальным конечным состоянием также будет свободное и гибкое сообщество, ведущее просветленную, интуитивную и спонтанную жизнь. Может быть наша судьба как раз в том, чтобы превратить изначальное сообщество животного типа в сообщество богов, и развитие ведет нас циклически от простого и спонтанного единообразия и гармонии, выражающим Природу, к самоподдерживающемуся единству, выражающему Божественное.

Но как бы то ни было, и история, и социология видят в человеке — если не принимать в расчет религиозных и иных идеалистических устремлений к свободной уединенной жизни или к свободному обществу — только члена того или иного общества. Общества же обычно бывают двух типов. Первые утверждают государственный принцип за счет индивидуальности — древняя Спарта, современная Германия; вторые, несмотря на всеми признаваемый приоритет государства, стремятся все же предоставить своим членам свободу и власть, поддерживать их достоинство (в той мере, правда, в которой это не мешает контролировать их активность) — древние Афины, современная Франция. Но к этим двум типам можно добавить еще и третий, при котором государство передает, насколько это возможно, все свои полномочия индивидууму, открыто утверждая, что оно существует в интересах его развития и для того, чтобы утвердить его свободу, достоинство и зрелость, смело экспериментируя и веря в то, что без предоставления индивидууму самой полной свободы, без поддержания его достоинства и растущей зрелости и само государство не может рассчитывать на благополучие, силу и продолжительное существование. Яркий пример такого типа государства являет собою Англия — Англия, добившаяся свободы, успеха, процветания и непобедимости исключительно силой подобного, присущего ей одной подхода, вдохновленная богами на такое широкое распространение и создание громадной империи, на счастливую судьбу только потому, что нашла в себе смелость пойти именно этим путем, рискнула внести свой вклад в великое начинание и не побоялась в его приложении превзойти пределы своего островного эгоизма. К несчастью, этот эгоизм, а также слабые стороны самого народа

Глава 3. Группа и индивидуальность

и неоправданные притязания ограниченного представления, характерные для человеческого невежества, не позволили Англии найти наиболее достойное и многогранное выражение ее усилиям или добиться иных результатов, которых могло или способно было бы добиться более жестко организованное государство. И вот уже мы видим, как коллективное или государственное представление низвергает старую английскую традицию, и вскоре, возможно, обнаружим, как сей знаменательный эксперимент благополучно завершится прискорбным признанием поражения, выразившемся в восприятии немецкой "дисциплины" и "эффективной" организованности, к которым, кажется, уже склоняется весь просвещенный мир. Но так ли уж, спрашивается, это необходимо! Неужели при наличии стойкой веры, освещенной более гибким и живым умом, нельзя всех желаемых последствий достичь новым и более свободным способом, сохранив *дхарму* (*dharma*)⁴ человечества в нетронутom виде?

Мы вновь должны обратить внимание на одно обстоятельство, связанное со стремлением государства подчинить индивидуальность собственным интересам (при этом совсем не важно, какой принцип лежит в основе данного государства). И тирания абсолютного монарха, и тирания большинства, угнетающего индивидуальность, которая в действительности, в силу парадоксальности человеческой природы, оборачивается гипнотизирующей деспотией и угнетением большинством самого себя, есть формы проявления одной и той же наклонности. Каждый претендующий на абсолютное право выступать от имени государства, с заявлением: "*L'etat, c'est moi*"⁵, провозглашает одну очень глубокую истину даже в том случае, если она основана на ложном представлении. Истина же состоит в том, что каждый подобный претендент в действительности и есть самовыражение государства с присущим ему свойством подчинять себе свободную волю, свободное действие, достоинство и стремление отстаивать свои права составляющих его индивидуумов. Но представление становится ложным, если мы начинаем рассматривать государство как нечто большее тех индивидуумов, из которых оно состоит, и полагать, что оно может безнаказанно для себя и для высочайших устремлений человечества практиковать подобный деспотизм власти.

В настоящее время такое представление о государстве вновь после долгого перерыва начинает обретать силу и становится господствующим в мире принципом, нормой поведения. Оно зиждется на двух побудительных мотивах:

4. *дхарма* (*dharma* — санскр.) — закон существа; критерий Истины; правило или закон действия; собирательное индийское понятие о религиозном, социальном и моральном правиле и поведении; этический образ действий и правильный закон индивидуальной и социальной жизни.

5. "*L'etat, c'est moi*" (фр.) — "государство — это я" — знаменитая фраза Людовика XIV.

Глава 3. Группа и индивидуальность

первый обращен к внешним интересам человечества, второй — к его высшим нравственным устремлениям. Оно требует, чтобы личный эгоизм был принесен в жертву общественным интересам; оно требует, чтобы человек жил не ради себя, но ради целого, коллектива, общества. Оно утверждает, что надежда на благополучие и прогресс человечества — в успехе и надежном устройстве государства. А движение к совершенству возможно лишь в том случае, если государство управляет не только экономикой, но всей жизнью целиком — и индивидуальной, и коллективной; и осуществляет оно такое управление за счет "мобилизации" им (пользуясь вошедшим в моду, благодаря последней войне, выражением) интеллекта, способностей, мыслей, эмоций и всех сфер жизни отдельного человека — всего, что он из себя представляет и чем владеет. Во имя общего блага! И под влиянием столь радикальных представлений в сознании человечества с поразительной скоростью утверждается социалистический идеал. Такое отношение к государству с огромной силой и упорством стремится к своему господству и уже готово сокрушить на своем пути все, что противоречит его силе или утверждает право на иные человеческие склонности. Однако оба лежащих в его основе представления являют собой безнадежную смесь истины и лжи, столь характерную для всех человеческих требований и утверждений. И если мы не хотим быть втянутыми в еще один беспощадный цикл иллюзий и готовы обратиться к более глубокой и полноценной истине Природы, способной стать нашим светом и путеводителем, нам придется прибегнуть к настоящему "растворителю" иллюзий — к пытливой, не желающей играть словами, беспристрастной мысли.

Глава 4. Недостаточность государственности

Что же в конечном счете представляет собой государственность — та пресловутая организованность общества, в жертву которой приносится личность? Теоретически, она означает подчинение личности общим интересам; практически же — подчинение общественному эгоизму — политическому, военному, экономическому — преследующему определенные общественные цели и удовлетворяющему собственные амбиции, навязываемые широким массам незначительной или весьма представительной группой руководителей, выражающих, как принято считать, интересы всего общества. Не существенно, принадлежат ли "отцы народа" к господствующему классу или избираются, как в современных государствах, из общей массы (отчасти благодаря личным качествам, но чаще силой обстоятельств); не имеет большого значения и то, что в наши дни их цели и идеалы утверждаются более чарами словесной убедительности, нежели действительной силой. Во всяком случае нет никакой гарантии, что данный правящий класс или правительство окажутся собранием самых выдающихся умов нации или будут выражать ее наиболее достойные цели и высочайшие устремления.

Ни один современный политик ни в одной части мира не озабочен подобными проблемами и не может быть выразителем интересов народа и его чаяний. Дела его, как правило, не выходят за рамки обыденной мелочности, самолюбивых настроений, эгоизма, самообмана; это касается и его самого, и тех, кого он представляет, и довершается, ко всему прочему, еще и интеллектуальной неосведомленностью, относительностью нравственных начал, неуверенностью и притворством. Нередко перед ним встают великие вопросы, требующие решения, но он неадекватен их величию; возвышенные слова и благородные замыслы оказываются вскоре просто пышными застольными речами. Болезненность и лживость современной политической жизни очевидна и в каждой стране, и во всем мире, и только завораживающая всеобщая покорность, даже интеллектуальных слоев общества, на всеобщем фоне хорошо организованного притворства прикрывает и поддерживает эту болезнь — та покорность, с которой люди поощряют все, что привычно, все, что поддерживает нынешнюю атмосферу их жизни. И все же именно его умом приходится добиваться всеобщего блага, его силами претворяется оно в жизнь, именно к этому посреднику, олицетворяющему собою государство, человек будет вынужден все чаще и чаще обращаться, для того чтобы организовать руководство всеми своими действиями. А потому действительное развитие идет не путем претворения наиболее значимых для всех благ, но при участии огромного количества организованной слепоты и зла лишь с малой толикой добра. Природа же, несмотря ни на какие препятствия, все же движется вперед и цели свои сохраняет скорее вопреки несовершенной человеческой разумности, чем с ее помощью. Но даже если бы аппарат управления имел лучший состав и более высокий интеллектуальный и

Глава 4. Недостаточность государственности

нравственный уровень, даже если бы он действительно искал способа решения стоящих перед ним задач (подобно тому, как это иной раз случалось в эпоху древних цивилизаций, добивавшихся их решения усилиями правящих классов, исповедовавших высокие идеалы и практиковавших определенную дисциплину), все же государству не под силу то, на что претендует государственность. Теоретически, и коллективная мудрость, и сила общества могут быть направлены на достижение общего благополучия. Практически же, интеллектуальный и волевой контроль за состоянием и движением общества возможен лишь в той мере, в которой допускает его конкретный механизм данной государственной структуры; но сама структура оказывается во власти собственного механизма, ограниченная всей массой распространившейся глупости и самодовольной беспомощности. Без сомнения, в данных условиях это лучшее, что может быть сделано, и Природа обычно использует ситуацию наиболее эффективным образом. Но дела обстояли бы гораздо хуже, если бы не оставалось места для индивидуальных усилий, не столь ограниченных, по сравнению с государственными, и осуществляющих то, что государство выполнить не в силах, опирающихся на искренность, энергию, идеализм лучших представителей общества, стремящихся достичь того, на что ему не хватает ни мудрости, ни смелости решиться, исполняющих то, на что бы никогда не отважились общественный консерватизм и ограниченность, подчас, напротив, активно противостоящие всему новому. Коллективный прогресс совершается индивидуальными, личными усилиями. Иногда государство им благоволит, и тогда, если подобная благосклонность не оборачивается слишком бдительным надзором, такие усилия идут на пользу делу. Но чаще оно только чинит препятствия и выступает в роли тормоза прогресса, либо же прибегает к помощи достаточно сильной и организованной оппозиции и к всевозможным трениям, вынуждающим прикладывать гораздо больше усилий и придавать намного более сложную форму тому, что вновь рождается. Однако нынешняя тенденция свидетельствует о таком росте организованной государственной власти и такой невероятной, непреодолимой и сложной государственной активности, что итогом ее усилий может быть либо полное уничтожение любых свободных индивидуальных проявлений, либо доведение их до угнетенного и беспомощного состояния. И тогда необходимость исправлять недостатки, ограничения и неэффективность государственной машины отпадет сама собой.

Государство не является выразителем высочайшего ума нации, так же как не является оно совокупностью всех общественных сил. В своих проявлениях оно вполне обходится без помощи интеллекта и действенной силы наиболее значимого для общественной жизни меньшинства — тех, кто способен видеть и понимать, что в настоящий момент наиболее полезно и что будет наиболее плодотворно в будущем; причем не только обходится, но и нередко угнетает и безжалостно подавляет их. И отражает, по сути, лишь общественный эгоизм, то есть самое низшее из всего того, на что данное общество способно. Мы знаем,

Глава 4. Недостаточность государственности

чем подобный эгоизм оборачивается по отношению к эгоизму других обществ — его уродливый облик уже наложил свой отпечаток на мысль и сознание человечества. Отдельной личности обычно присуще хотя бы некое подобие душевных свойств, или же их недостаток компенсируется нравственными и этическими принципами, а при отсутствии и этих качеств — страхом перед общественным мнением, страхом, наконец, перед существующим законом, который необходимо либо исполнять, либо пытаться обойти; но в последнем случае трудности его преодоления оказываются средством, препятствующим проявлению подобного поведения, и исключение составляют только наиболее непримиримые и ловкие. Государство же это такое существо, которое в величии собственной силы и власти не слишком терзается угрызениями совести или останавливается перед внешними препятствиями. Оно либо совсем лишено души, либо имеет ее в самом зачаточном состоянии. Оно — прежде всего сила: военная, политическая и экономическая, и лишь в самом незначительном виде — если это ему вообще свойственно — существо интеллектуальное и этическое. И, к сожалению, единственная польза, которую оно извлекает из своего недоразвитого интеллекта, состоит в том, чтобы вымыслом, лозунгами, а теперь еще и с помощью государственных философов отуплять свое слабо развитое этическое сознание. В общественной жизни современный человек хотя бы отчасти стал цивилизованным существом, но в жизни международной он все такой же дикий. Отношения между нациями — это отношения голодных хищников, чьи аппетиты время от времени притупляются непомерным обжорством или расстраивающими их обстоятельствами, но остаются главной целью их существования. Самозащита и распространение за счет пожирания других — вот их *дхарма*. И изменений к лучшему пока не заметно — только возрастающие трудности в стремлении пожирать. "Священный эгоизм" продолжает оставаться национальным идеалом, и потому никакое человеческое мнение, никакие правдивость или просвещенность сознания, или действенность международного закона не могут обуздать хищную натуру государства. Ему присущ только страх потерпеть поражение или страх перед губительной, вроде нынешней, экономической разрухой; но все новые и новые факты свидетельствуют о том, что и это препятствие оказывается вполне преодолимым.

Во внутренней жизни чудовищный государственный эгоизм был немногим лучше своих внешних, международных проявлений*. Жестокий, хищный, коварный, деспотичный, нетерпимый к свободе действий и слова, к свободе взглядов, даже к свободе сознания и к проявлениям религиозной жизни, он преследовал как отдельных людей, так и целые классы, подобно тому как во внешней

* Я имею в виду промежуточную эпоху между древними временами и современностью. В древние времена государство в некоторых, по крайней мере, странах имело идеалы и сознательное отношение к своему обществу, но его мало заботили соседи.

Глава 4. Недостаточность государственности

жизни преследовал слабые народы. Только необходимость быть жизнеспособным, полноценным и сильным в присущей ему грубой форме общественной жизни заставляет его проявлять некоторую благосклонность. В наше время, несмотря на серьезные осложнения в определенных направлениях, все же заметен некоторый прогресс в целом. Государство вынуждено оправдывать свое существование устройством общего экономического и жизненного благополучия общества, даже всех его членов. Ему становится понятна необходимость интеллектуального, а косвенным образом и нравственного развития всего общества — и это, пожалуй, наиболее интересное явление современной цивилизации. А также необходимость быть более разумным и нравственным в своих международных проявлениях — задача, которую перед человечеством поставила разразившаяся в Европе катастрофа. Но посягательство государства на все свободные движения индивидуальности, принимающее все более отчетливый вид, по мере осознания государством своих новых идеалов и возможностей, свидетельствует о незрелости государственных представлений и, если ему удастся закрепиться в жизни, может породить серьезные препятствия для человеческого прогресса, предрешая благоустроенный застой, подобный тому, который постиг греко-римское общество после возникновения Римской империи.

Поэтому призыв государства принести ему в жертву индивидуальность и посвятить все ее свободные проявления организованной деятельности общества оказывается весьма далеким от требований наших высших идеалов. Он просто превращает обычную форму личного эгоизма в иную, общественную форму — большую, но не высшую и во многом гораздо более худшую, по сравнению с самым худшим личным эгоизмом. Бесспорна роль идеала альтруизма, практики самопожертвования, потребности все большей консолидации и солидаризации с нашими собратьями и растущей коллективной душой. Но потерей своего "я" в государстве этих высших идеалов не достичь и не осуществить. Человек должен учиться не угнетать и уродовать, но осуществлять себя в осуществлении человечества, равно как и учиться не угнетать, не уродовать свое эго, но совершенствовать его и, преодолевая собственные ограничения, растворять в той безбрежности, которая начинает постепенно проявляться. Поглощение свободной индивидуальности гигантской государственной машиной ведет к совсем другому результату. Государство, хотя и способствует общественному развитию (действуя, надо заметить, достаточно грубо), однако не может быть самоцелью.

Вздором и пустым преувеличением оказываются и претензии государства на превосходство и универсальную действенность отлаженного механизма управления, который оно считает самым лучшим средством для человеческого прогресса. Человек — существо общественное; поддержка общества ему в самом деле необходима и для индивидуального, и для коллективного развития. Но разве направляемая государством деятельность и есть самое лучшее средство для развития индивидуального совершенства, для служения общественным интересам? Безусловно нет. Государство, конечно, может обеспечить всеми

Глава 4. Недостаточность государственности

необходимыми преимуществами совместную деятельность индивидуумов в обществе и защитить их в случае нетрудоспособности и иных непредвиденных обстоятельств и препятствий, возникающих у них в трудовом процессе. Но на этом его действительная польза и заканчивается. И если непонимание возможностей сотрудничества оказалось слабым местом английского индивидуализма, то превращение пользы совместного усилия в оправдание жесткого государственного контроля остается слабым местом германского представления о коллективизме. Как только государство берется контролировать совместную деятельность общества, оно обречено к созданию той чудовищной машины, с появлением которой наступает конец для свободы, для творческого и углубленного развития человека.

Государство может действовать только грубо, только в массовом масштабе; оно не способно на такое свободное, гармоничное и утонченное действие, которое присуще органическому росту. Поскольку государство — не организм; оно остается механизмом и действует механически, без деликатности, чуткости, тактичности и интуиции. Оно в состоянии только производить, человек же существует ради творчества и роста! Пример тому — государственное образование. Несомненно, что право на образование, на его необходимость должно быть у всех, и в вопросе обеспечения им государство становится особенно полезным; но контролируя образование, оно превращает его в рутину, в механическую систему, при которой индивидуальная инициатива, рост и настоящее развитие, вступая в противоречие с заурядными инструкциями, становятся невозможными. Государство всегда склонно к единообразию, потому что его легко достичь, а естественное разнообразие недоступно его механической природе; но единообразие — это не жизнь, но смерть. Тем не менее и национальная культура, и национальная религия, и национальное образование могут иметь огромное значение, при условии, правда, что их не будут путать с ростом человеческой солидарности, с одной стороны, и индивидуальной свободы мысли, сознания и развития, с другой. Они придают форму коллективной душе и оказывают ей помощь и поддержку, умножая тем самым общечеловеческие достижения; но государственное образование, государственная религия, государственная культура неестественны и насильственны. То же правило так или иначе применимо для оценки общего блага в других областях общественной жизни и ее проявлений.

До тех пор пока государство остается неизбежной частью человеческой жизни и человеческого развития, его задача в том, чтобы обеспечивать все необходимые условия для выполнения совместных действий, в том, чтобы преодолевать препятствия, предохранять от нежелательных последствий и трений между людьми — хотя и нежелательные последствия, и трения полезны в известной степени для любого естественного действия — и, избегая насколько возможно несправедливости, обеспечивать всем членам общества (пропорционально их силам и способностям) одинаковые возможности для индивидуального развития и удовлетворения. До тех пор пока цели современного социализма не пре-

Глава 4. Недостаточность государственности

вышают вышеназванных пределов, они остаются благими и верными. Любое же неоправданное вмешательство в свободу человеческого развития всегда будет вредным. И вредны будут совместные усилия, если вместо поиска общего благополучия при обязательном индивидуальном развитии (без которого не может быть настоящего и постоянного всеобщего благополучия), они будут приносить индивидуальность в жертву общественному эгоизму и ограничивать личную свободу и инициативу, столь необходимые для более полноценного развития человечества. До тех пор пока человечество не вполне сформировалось, до тех пор пока ему необходимо расти и оно способно на большее совершенство, не может быть единого стандартного благополучия для всех без учета уровня развития составляющих его индивидуумов. Все идеалы коллективизма, добивающиеся полного подчинения индивидуальности, предполагают, по сути, теперь же или в ближайшем будущем лишь статичное состояние, по достижении которого все серьезные попытки изменить что-либо будут рассматриваться как выпады беспокойного индивидуализма против мира и благополучия установленного общественного порядка. Развивая и вынуждая развиваться индивидуальность, общественный инстинкт настаивает на установлении порядка. Рост, прогресс, расширение горизонтов бытия приносят индивидуальности особое счастье, общество же наслаждается стабильностью, безопасным покоем. И так будет продолжаться до тех пор, пока последнее остается более физическим и экономическим организмом, нежели сознающей себя коллективной душой.

И значит, просто невероятно, чтобы в тех условиях, в которых находится сейчас человеческая раса, ее полноценное единство могло быть достигнуто посредством государственного механизма: путем ли объединения сильных и организованных государств на основе тщательно отрегулированных и узаконенных взаимоотношений между ними или же в результате появления единого Всемирного государства, пришедшего на смену нынешнему довольно слабо организованному содружеству наций — в форме ли единой империи, подобной Римской, или федеративного союза. К такому чисто внешнему или административному союзу человечество вполне может в недалеком будущем прийти, для того, чтобы привыкнуть к мысли об общей жизни, о ее возможности и обычности; но такое единство не будет действительно полноценным и длительным, именно тем, что более всего отвечает его истинной судьбе, до тех пор пока мы не выработаем чего-то более глубокого, более внутреннего, более истинного. Иначе нас постигнет участь древних, хотя и в другом масштабе и при других условиях. Такой эксперимент рано или поздно закончится и сменится перестроечным этапом смуты и анархии. Возможно, человечеству необходим и этот опыт; но у нас есть возможность избежать его, подчинив механические средства делу настоящего развития, через превращение человечества в высоконравственное и даже одухотворенное единство, связанное не только физически, не только во внешней жизни, но единое духом своим.

Глава 5. Нация и империя: единство истинное и политическое

На пути к объединению человечества обнаруживаются два серьезных препятствия. Довольно сомнительно, во-первых, что формы общественного эгоизма, сложившиеся при естественном развитии человечества, можно будет легко изменить или упразднить, способствуя тем самым появлению и упрочению новой формы пусть даже внешнего объединения. И во-вторых, даже если внешнего объединения удастся достичь, маловероятно, что это произойдет не за счет свободы индивидуальной жизни, не за счет свободного проявления и развития существующих общественных объединений с характерной для них полноценной и достаточно активной жизнью, не за счет вытеснения их организованной государственной машиной, механизмирующей человеческую жизнь. Помимо двух вышеозначенных проблем вызывает сомнение еще и следующее: а возможно ли вообще достижение настоящего живого единства одним экономическим, политическим и административным объединением, без сложившегося перед этим прочного единства на нравственной и духовной основе? И именно этот последний вопрос нужно прежде всего рассмотреть.

На современной ступени развития живым коллективным единством остается нация. Империи же, несмотря на свое существование, представляют собой политическое, но не истинное единство. У них нет внутренней жизни, и своим продолжительным существованием они обязаны силе, навязывающей себя тем частям, из которых они состоят, или же политическому соглашению, принятому и признанному его участниками и одобренному внешним миром. Довольно долго типичным примером такой империи оставалась Австрия; это был политически выгодный союз, одобряемый окружающим миром, и до недавнего времени существовавший благодаря тому, что признавался всеми основными его участниками и, прежде всего, благодаря усилиям главного из них — германского (воплощением которого была династия Габсбургов¹), и активно поддерживаемый впоследствии его венгерским партнером. Если политические преимущества для имперского союза такого рода постепенно исчезают, если составные его части, движимые более мощными центробежными настроениями, не желают больше идти на уступки, а внешний мир уже не так благосклонно терпит его присутствие, тогда подобное искусственное объединение может сохраняться только

1. *Габсбурги* — династия, правившая в Австрии в период с 1282 по 1918 гг., в Чехии и Венгрии (с 1867 г. — Австро-Венгрии) с 1526 по 1918 гг., в Испании и ее владениях с 1516 по 1700 гг.; императоры "Священной Римской империи", сохранив за собой титул австрийского императора. При Франце Иосифе I Австрийская империя была преобразована в Австро-Венгрию (1867). 11 ноября 1918 г. в обстановке поражения Австро-Венгрии в первой мировой войне император Карл I отрекся от престола.

Глава 5. Нация и империя: единство истинное и политическое

при помощи силы. Существование Австрии сулило новые политические выгоды, даже после того как она сама начала подвергаться распаду; но преимущества, которые видела в таком союзе Германия, вовсе не были таковыми для остальной Европы; союз тем самым лишался поддержки основных его участников, тяготевших уже к иным комбинациям, вне австрийской формулы. Под угрозой оказалось само существование Австрийской империи: с этого момента оно поддерживалось не внутренней потребностью, но силами австро-венгерского партнерства: при помощи политики активного подавления входивших в нее славянских народов, во-первых, и властью и влиянием Германии и германской идеи в Европе, то есть исключительно силовым путем, во-вторых. И хотя слабость австрийской формы империи была достаточно очевидна и излишне подчеркивались условия, ее определявшие, тем не менее сами эти условия были типичны для всех империй, не представлявших собой национального единства. В недалеком прошлом большинству политических мыслителей была очевидна возможность самопроизвольного распада Британской империи в результате отделения от нее колоний, вопреки близкородственным связям и общему языку, вопреки их общему с метрополией происхождению. Это было обусловлено тем, что политические преимущества единой империи, хотя и выгодные в какой-то степени колониям, были им недостаточно ясны, а кроме того, отсутствовал живой принцип, объединяющий нацию в одно целое. Австралийцы и канадцы уже начали осознавать себя как новые независимые нации, а не как части распроstrанившейся по всему свету британской нации. В настоящее время положение дел несколько изменилось, и принята новая, более широкомасштабная формула; Британская империя стала намного сильнее.

Вполне уместен вопрос: а так ли необходимо подчеркивать различие между политическим и истинным единством в том случае, если название, тип и форма его могут оставаться теми же самыми? Необходимо это потому, что такое различие имеет большое значение для настоящей и глубокой политической науки, а также потому, что касается очень важных, вытекающих из подобного различия, последствий. Когда разваливается на части империя, построенная, подобно Австрийской, не по национальному признаку, ее гибель оказывается благом; не возникает внутреннего стремления к восстановлению внешнего единства, поскольку отсутствует единство внутреннее — она представляет собой всего-навсего образование, созданное политическими средствами. С другой стороны, настоящее национальное единство, разрушившееся под воздействием определенных обстоятельств, всегда будет сохранять стремление к тому, чтобы возродить и вновь утвердить свое единство. Судьба греческой империи была похожа на судьбу всех империй, но греческая нация после долгих веков политического небытия вновь стала независимым организмом, поскольку сохранила свое независимое "я" и потому оставалась живой даже во время турецкого владычества. То же самое случилось и с другими народами, оказавшимися под турецким игмом, потому что, как бы ни была при этом сильна верховная власть, как бы

ни была во многих отношениях безжалостна, она никогда не пыталась уничтожить их национальные особенности или подчинить турецкой национальности. Эти нации вновь возродились и преобразились или пытались преобразиться в той мере, в которой сумели сохранить чувство своей национальности. Сербская нация пытается вновь обрести себя, закрепить за собой всю территорию, на которой живут или преобладают сербы. Пытается возродиться Греция на всей когда-то ей принадлежавшей территории, хотя прежний облик ей вернуть уже не под силу — ныне даже Фракия не столько эллинская, сколько болгарская. Много веков спустя обретает внешнее единство Италия, поскольку, даже перестав быть государством, она всегда оставалась единым народом.

Правда истинного единства столь сильна, что даже те нации, которым в прошлом не всегда удавалось достичь внешнего объединения и к которым судьба, обстоятельства и их собственное "я" не были достаточно благосклонны, нации, подверженные сильным центробежным стремлениям и легко подпадавшие под различные иностранные влияния, обнаруживали в себе столь развитую центростремительную силу, что добивались в конце концов организованного единства. Древняя Греция всегда была склонна к разобщенному существованию, тяготела к самодостаточным городам или мелким местным царствам, к небольшим, не приемлющим друг друга автономиям; но ее центростремительной силе удавалось тем не менее находить свое воплощение в лигах и союзах, вроде спартанского и афинского. И в конце концов она обретает себя вначале, несовершенной и ненадолго, в македонском правлении, а затем, претерпев довольно странное изменение и пройдя путь развития от Восточного Римского общества до Византийской империи, в виде вновь возрожденной современной Греции. Есть еще пример Германии, постоянно, с самых древних времен разобщенной; однако в конце концов ее врожденная склонность к единству достигает угрожающих размеров и чудовищным образом воплощается в империи Гогенцоллернов², а после ее падения предстает в виде федеративной республики. Тот, кто более склонен к изучению действующих сил, а не только внешних обстоятельств, не удивится, если одним из самых многообещающих последствий мировой войны³ станет вступление в единую Германию еще одного немецкого участника, остающегося пока независимым — австрийско-немецкого, хотя возможно уже и не на основе Прусской гегемонии или империи Гогенцоллернов*.

2. *Гогенцоллерны* — династия бранденбургских курфюрстов (1415—1701), прусских королей (1701—1918), германских императоров (1871—1918). Ведут происхождение от франконской ветви швабского графского рода. Ее представитель бурграф нюрнбергский Фридрих VI в 1415 г. получил марку Бранденбург, став под именем Фридриха I родоначальником династии Гогенцоллернов. Последний император Вильгельм II свергнут с престола ноябрьской революцией 1918 г.

3. *"...мировой войны"* — здесь и далее в основном тексте (кроме авторских примечаний) речь идет о первой мировой войне.

Каждый из этих случаев, как, впрочем, и множество других, вроде объединения саксонской Англии и средневековой Франции или образования Соединенных Штатов Америки, являет собой исторический пример настоящего единства, психологической целостности, которая вначале неотчетливо, под влиянием насущных потребностей самой жизни, а впоследствии, вдруг ли, постепенно ли, все более пробуждаясь к самосознанию, приходит к чувству политического единства, к неизбежности внешнего объединения. Это проявление коллективной души, движимой внутренней необходимостью и использующей внешние обстоятельства для того, чтобы сформировать свой организм, тело.

Наиболее яркий пример дает нам развитие Индии. Нигде более центробежные силы не были столь сильными, многочисленными, сложными, упорными. Само ее развитие тянулось необычайно долго; а разрушительные перемены, через которые ей пришлось пройти в процессе своего формирования, имели устрашающий характер. И все же, несмотря на многочисленные препятствия, Природа постоянно сохраняла неизменность выбранного курса и упрямо, с тупым, слепым, неукротимым, неугасимым упорством преодолевала все вызванные человеческим противодействием преграды и в конце концов, после длившейся тысячелетия борьбы, добилась победы. Как всегда в тех случаях, когда ей противостоит ее собственная ментальная, человеческая материя, наиболее враждебные обстоятельства она, труженик подсознания, превращает в наиболее плодотворные средства. Начало центростремительных настроений в Индии восходит к самым ранним, о которых мы только имеем свидетельства, временам, запечатлевшим их в идеале всемогущего царя, идеале о Самрат или Чакраварти радже⁴, а также о военном и политическом значении ритуалов жертвоприношений Ашвамедха⁵ и Раджасуя⁶. Два великих национальных эпоса иллюстрируют эту тему; один рассказывает об установлении объединяющего *дхармараджайя*⁷ или высшего царства справедливости, другой начинается с идилличе-

* Возможность, реализовавшаяся ненадолго, но такими средствами и в таких условиях, которые сделали просто неизбежным возрождение австрийского национального самосознания и назависимости Австрии.

4. *Самрат* — царь, император, великодержавный царь.

Чакраварти раджа — император, царь, глава союза царей, вселенский владыка.

5. *Ашвамедха* — древнеиндийский ритуал жертвоприношения коня. Царь, желавший иметь потомство, выпускал коня и вместе с войском следовал за ним, подчиняя правителей тех стран, где оказывался конь. Поход продолжался год и был прелюдией жертвоприношения.

6. *Раджасуя* — церемония жертвоприношения, совершавшаяся верховным монархом во время коронации.

7. *Дхармараджайя* — царство дхармы, справедливости и правды.

ских описаний закона, отражающего отношения, существовавшие в древнем и святом прошлом страны. Политическая история Индии повествует о возникновении национальных и иностранных империй, разрушавшихся под воздействием центробежных сил, но приближавших при этом центростремительные настроения к победному завершению. И такова уж была роль обстоятельств, что чем более чужеземным был закон, тем более сильное стремление к объединению угнетенного народа он порождал. Это всегда надежный признак того, что уже сложилось, хотя пока еще и не вполне развитое, национальное единство и существует нерушимая национальная целостность, ведущая в конце концов к появлению оформленной нации. На этом примере мы видим, что превращение психологического единства, на котором держится всякое национальное сознание, в оформленное внешнее единство, посредством которого это сознание могло бы осуществляться, заняло более двух тысяч лет; и к настоящему времени процесс еще не вполне завершился*. Когда же внутренняя основа заложена, никакие, даже самые грандиозные трудности и задержки, даже наиболее упорная неспособность людей объединиться и самые разрушительные внешние потрясения не в силах превозмочь настойчивой подсознательной потребности. И это только крайний пример общего закона.

Было бы полезно рассмотреть вопрос о том, как иностранное господство влияет на процесс национального становления, и понять его роль в этом процессе. История изобилует примерами подобного рода. Но в одних случаях иностранное влияние оказывалось временным и незначительным, а в других — продолжительным и многогранным, или же вновь и вновь повторяющимся в различных формах. Иногда иностранный элемент, проявившись определенным образом, отвергался, или полностью поглощался, или более или менее органично, ненадолго или на достаточно длительный срок, встраивался в местную жизнь в качестве правящего класса. Принцип остается одним и тем же в каждом случае, но Природа действует через него по-разному, сообразуясь с необходимостями данного конкретного случая. Ни одна из современных европейских наций в процессе формирования собственной национальности не миновала более или менее продолжительного периода иностранного господства. В России и Англии господство народа-завоевателя быстро превратило его в правящий класс, ассимилированный, в конце концов, обществом; в Испании сменяли друг друга римляне, готы и мавры; в Италии господствовала Австрия; на Балканах** без-

* Нужно помнить, что Франции, Германии и современной Италии, для того чтобы сформировать и утвердить надежное единство, пришлось потратить на это и одну, и две тысячи лет, и даже более того.

** Здесь не было единого, стремящегося к объединению народа, но множество отдельных, отстаивавших свою независимость народов, а в некоторых случаях — союз родственных народов.

раздельно царствовали турки; в Германии — Наполеон. Но общим и существенным для всех случаев было то воздействие или давление, которое или вынуждало утраченное психологическое единство пробудиться к необходимости возродиться изнутри или же, под влиянием более упорного разъединяющего фактора, доведя свои силы, жизнь, реальность до наиболее угнетенного и подавленного состояния, лишиться их навсегда. В отдельных случаях понадобилось даже, помимо более или менее глубокого преобразования самого народа, полное изменение его имени и культуры. Наиболее яркий тому пример — формирование французской национальности. Древний галльский народ, вопреки, а может быть, и благодаря своей друидской культуре и раннему величию, был в большей степени, чем древние греки или ранние индийские царства и республики, неспособен сформировать прочное политическое единство. Понадобились римская власть и латинская культура, подчинение германскому правящему классу и, наконец, временная и частичная победа англичан, для того чтобы выковать нерушимое единство современной Франции. И тем не менее, несмотря на то, что, казалось бы, имя, культурная основа и многое другое изменились полностью, сегодня французская нация все еще, как и прежде, остается старой галльской нацией с ее баскским, галльским, армориканским и другими древними элементами, модифицированными франкским и латинским влиянием.

Итак, нация представляет собой устойчивое психологическое единство, различные формы которого Природа позаботилась распространить в мире, формируя на его основе единство физическое и политическое. Однако политическое единство не обязательный фактор; даже и не добившись его, нация способна продолжать существование и двигаться неукоснительно к своему осуществлению; оно может быть разрушено, но нация, сопротивляясь, преодолевая трудности и страдая, остается жива. В прежние времена нация не всегда становилась настоящим живым единством; живыми коллективами были род, клан, община, небольшой народ. Те объединения, которые при стремлении к национальному развитию разрушали эти старые живые общества и не достигали жизнеспособной национальности, исчезали вместе с гибелью такого искусственного или политического объединения. Но нация в настоящее время представляет собой живой организм, живое человеческое единство, и все прочие единицы должны либо войти в него, либо ему подчиниться. Против него бессильны даже все предыдущие устойчивые человеческие культурные объединения. Каталонцы в Испании, бретонцы, провансальцы и эльзасцы во Франции, валийцы в Англии могут лелеять мечту о независимой жизни, но притяжение более крупных живых единств испанской, французской и британской наций оказывается слишком мощным, чтобы подобное сопротивление вызывало серьезное беспокойство. Польша, расчлененная и сокрушенная тремя могучими империями, погибла, однако польская нация жива и едина более, чем когда-либо. Эльзас после сорокалетнего германского ига остался верен своей французской национальности, вопреки расовому и языковому родству со своим завоевателем. В настоящее время

Глава 5. Нация и империя: единство истинное и политическое

все попытки силой разрушить или уничтожить нацию бессмысленны и бесполезны, поскольку не учитывают закона развития наций. Империи остаются смертными политическими объединениями; нация — бессмертна. И такой она останется до тех пор, пока не появится более крупное жизнеспособное единство, в которое она сможет войти, подчинившись его мощному притяжению.

Тогда возникает вопрос, не оказывается ли империя таким уготованным эволюцией единством? Тот факт, что нация, а не империя представляет собой жизнеспособное единство, не доказывает еще, что в будущем положение не может измениться. Очевидно, для того чтобы подобные изменения могли произойти, нужно, чтобы империя превратилась из исключительно политического образования в психологический организм. В истории развития наций известны примеры, когда политическое единство предшествовало единству психологическому, оказывалось его основой, как в случае объединения Шотландии, Англии и Уэльса в британскую нацию. И потому нет принципиальных возражений, чтобы подобное развитие происходило и в более широком масштабе, а имперское единство могло заменить собой единство национальное. Слишком долго Природа была занята формированием империй, слишком долго изыскивала средства наделить их силой непрерывного существования, чтобы распространение имперского идеала по всей Земле и его попытки (пусть даже грубые, яростные и слепые) заместить собою национальную основу не были восприняты в качестве первых признаков одного из тех быстрых скачков и прорывов, которыми она обычно завершает долгие периоды предварительной подготовки. Нужно рассмотреть именно эту возможность, прежде чем исследовать отношение к идеалу человеческого единства уже утвердившегося в жизни явления национальности. В ходе европейского конфликта столкнулись между собой и оказались близки к своей реализации два различных идеала, а значит, и две различные возможности: возникновении федерации независимых наций и раздел земли между несколькими великими империями. И в недалеком будущем вполне вероятно практическое сочетание обоих. Здесь нужно остановиться и решить вопрос: если один из элементов такого соединения представляет собой живое единство, то почему бы и другой не мог при определенных обстоятельствах тоже превратиться в живое единство, а их сочетание, претворившись в жизни, стать основой нового и продолжительного миропорядка? В противном же случае их соединение окажется лишь временным средством без каких-либо шансов на длительный успех.

Глава 6. Древние и современные пути возникновения империй

Необходимо ясно различать два типа политических объединений, именуемых в наше время империями, поскольку есть империи однородные — национальные, и неоднородные — сложные, многонациональные. В некотором смысле все империи имеют сложный состав, особенно в эпоху своего становления, но в действительности есть большое различие между империями, составные части которых не чувствуют своей обособленности от жизни общества в целом, и империями, состоящими из психологически плохо совместимых частей. Япония до присоединения к себе Формозы¹ и Кореи была, по сути, единой нацией, и империей именовалась по традиции; после их присоединения она стала действительно неоднородной империей. То же касается и Германии, которая могла бы быть национально однородной империей, если бы не польстилась на три небольшие территории: Эльзас, Польшу и Шлезвиг-Гольштейн. Их союз поддерживался не чувством внутренней общности, но исключительно военной силой. Если бы, к примеру, Германия потеряла эти иностранные территории и вместо них получила только немецкие области Австрии, тогда она могла бы стать национально однородным обществом, состоящим из близких по духу немецких народностей, или так называемых субнаций, и только условно именуемым империей. Участникам такого союза был бы чужд дух сепаратизма; напротив, тяготея к национальной целостности, они легко и неизбежно могли бы прийти не только к политически, но и психологически единому обществу.

Но в чистом виде такая форма единства в настоящее время встречается редко. Примером подобного объединения могут служить Соединенные Штаты, но оттого, что их возглавляет избираемый всеми президент, а не наследственный монарх, у нас они с империей не ассоциируются. Тем не менее, если империи суждено из политического объединения превратиться в психологически единое общество, она, по всей видимости, должна быть *mutatis mutandis*² чем-то подобным Соединенным Штатам, то есть системой вполне самостоятельных штатов, каждый из которых обладает собственной законодательной и политической властью, но остается при этом частью единого и неделимого целого. Легче всего это достижимо там, где составляющие целое части более или менее однородны, как это было в случае Великобритании и ее колоний. В политической мысли стремление к крупным однородным союзам приобретает в настоящее время форму идеала о Всегерманской империи, о Великоросской и Всеславянской империи, идеала о Всеисламском объединении мусульманского мира*. Од-

1. Формоза — ныне Тайвань.

2. *mutatis mutandis* (лат.) — с известными поправками.

нако подобное стремление означает обычно, что к власти приходит какой-то один народ, одна нация, и удерживает свое господство над другими, действуя старым методом военного и политического принуждения: сохранение Россией в своем составе народов Азии**, завоевания Германией, полностью или частично, стран и областей других национальностей, установление халифатом³ контроля над немусульманскими соседями***. Но даже при отсутствии подобных "аномалий" переустройство мира путем превращения крупных империй в культурно и национально однородные сообщества встретит определенные трудности. Такого рода сообщества будут иметь на своей территории части, либо полностью им чужеродные, либо связанные с ними только отдаленным родством. И значит, помимо сопротивления родственных народов, не желающих расставаться со своими национальными особенностями и растворяться в общей жизни, сохранится еще и несовместимость смешанных или инородных элементов, которые будут упорно противостоять самой мысли о возможности их растворения в иной жизни и культуре. Так во Всеславянской империи Россия, как главное славянское государство, неизбежно попытается установить контроль над Балканским полуостровом; но в таком случае неминуемо возникнет вопрос не только о независимой сербской национальности и не вполне славянской Болгарии, но и о полностью несовместимых с ними румынском, греческом и албанском элементах. И потому совсем не очевидно, что стремление к созданию таких крупных однородных сообществ (хотя оно и играло одно время важную роль в мировой истории и отчасти проявляется еще и теперь) приведет к удачному решению; даже если подобное сообщество возникнет, ему придется столкнуться в той или иной мере с трудностями, порождаемыми его внутренней неоднородностью. И поэтому перед империей встает действительно серьезный вопрос: как превратить искусственное, чисто политическое, неоднородное

* Революция и война не оставили шансов ни одному из трех, но если национализм несколько ослабит свою хватку, у последнего из них есть все шансы возродиться в будущем; второй также может стать реальностью в случае, если коммунизм окажется сильнее национализма.

** Советский Союз, заявляя о якобы добровольном присоединении к нему азиатских народов, пытался изменить данную ситуацию: не вполне пока, правда, ясно, останется ли такое отношение постоянным или окажется временным явлением.

3. *Халифат* — система мусульманской теократии, а также арабско-мусульманское государство, возглавляемое халифом, сочетавшим в себе духовную и светскую верховную власть (наместника Аллаха). После падения халифата халифы выполняли роль советников при дворе египетских султанов. Позднее халифами стали именовать себя турецкие султаны. Турецкий халифат был упразднен в республиканской Турции в 1924 г. В данном случае речь идет о Турецком халифате.

*** Обе эти империи ныне исчезли и, по всей видимости, уже более не имеют возможности возродиться.

объединение — неоднородное и по национальному составу, и по языку и культуре — в истинное, психологическое единство.

История предлагает нам только один значительный и ясный пример решения подобной проблемы в таком широком масштабе и с таким отношением ко всем поименованным обстоятельствам, что он мог бы вполне быть рекомендован любой из современных империй, столкнувшихся с той же проблемой: России, Англии*, Франции. Отличавшаяся превосходной организованностью древняя Китайская империя подобным примером быть не может, поскольку входившие в ее состав пять основных народов принадлежали одной монголоидной расе и в их взаимоотношениях не возникало труднопреодолимых противоречий. А вот Римская империя может; столкнувшись с теми же самыми проблемами, с которыми приходится иметь дело современным империям, она в каком-то смысле сумела блестяще с ними справиться. В течение нескольких веков Империя сохраняла жизнеспособность и, несмотря на частые угрозы ее целостности, благодаря присущему ей внутреннему принципу единства и той могучей притягательной силе, которой отличался ее центр, преодолевала все разрушительные тенденции. Ее единственное поражение заключалось в разделении, ускорившем ее конец, на Восточную и Западную империи. И все же к гибели ее привел не распад, но загнивание центра. Только когда начала угасать жизнь самого центра, варварский мир, которому ошибочно отводится главная роль в ее смерти, смог одолеть ее великолепную сплоченность.

Свою власть Рим утверждал на основе военных завоеваний и военной колонизации; но, закрепив за собой победу, он уже не мог довольствоваться одними только искусственными политическими средствами, не мог полагаться исключительно на политические преимущества надежного, эффективного и хорошо организованного руководства, даже после того, как делал его экономически и административно приемлемым для завоеванных народов. Ему доставало политического чутья не удовлетворяться столь легким успехом; так как очевидно, что, остановись он на этом, империя распалась бы намного раньше. Народы, оказавшиеся под его властью, сохранили бы чувство своей независимой национальности и, усвоив основные принципы римского управления, неизбежно постарались бы "вкусить" их преимуществ как независимые нации. Римское управление — где бы его власть ни простиралась — преуспевало как раз в том, чтобы искоренить самый дух независимой национальности. Делалось это не посредством тупого злоупотребления грубой силой, как это было свойственно, например, Германии, но мирным давлением. Вначале Риму удалось соединиться

* Данная империя преобразована теперь в Содружество, и наше замечание потеряло смысл; империи больше не существует, есть свободное Содружество, и все большее число зависимых народов стремится к самоуправлению.

со своим основным соперником, с культурой, во многих отношениях по сравнению с ним более высокой, и принять ее как часть собственной культуры, причем как наиболее ценную часть: он создает греко-римскую цивилизацию. Оставив в восточных областях греческий язык, вводит повсеместно в качестве основного средства общения латынь, а также латинское воспитание. Он доказывает, опять же мирным путем, свои преимущества над застойными или зачаточными культурами галлов и других народов завоеванных им провинций. Но поскольку одними этими мерами все же нельзя полностью уничтожить дух сепаратизма, Рим идет еще дальше и не только допускает своих латинизированных подданных к высшим военным и гражданским должностям, вплоть до императорской мантии (менее чем через сто лет после Августа славу и силу цезарей укрепляли уже и итальянский галл, и иберийский испанец⁴), но довольно быстро устраняет саму сущность исходных гражданских привилегий, а потом и формально их отменяет, распространяя права римского гражданства на всех своих подчиненных в Азии, Европе и в Африке — на всех без исключения.

В итоге империя стала не только политически, но и психологически единым греко-римским обществом. Не одною властью Рима или преимуществами его мирного и благоразумного управления побуждались провинции к поддержанию устоев империи, но всею совокупностью желаний и отношений, гордостью за свое положение, культурной общностью. Всякое стремление местного правителя или военного наместника создать свое удельное княжество было обречено на поражение, поскольку не имело под собой никакой основы; оно не могло опереться ни на особенности национальных чувств, ни на склонность что-либо менять в жизни, не давало ни материальных, ни иных преимуществ народу, от которого обычно зависит успех подобных устремлений. И потому Рим процветал; падение же его было связано с несовершенством того принципа, который лежал в его основе. Угнетая, пусть даже мирным путем, подвластные ему народы, он лишал их источника жизни, той основы, из которой они черпали силы. Он, конечно, устранял причины распада и пассивно противодействовал любым изменениям, подрывающим его устои; но империя держалась только жизнью своего центра, и когда жизнь самого центра стала постепенно угасать, в остальных частях ее обширного организма уже не оставалось ни полноценной, ни благотворной жизненной силы, способной ее оживить. Она не могла больше рассчитывать на помощь сильных личностей — выходцев из тех народов, чья жизнь угасала под гнетом чужой культуры; империи оставалось надеяться только на помощь пограничных варваров. Когда же она все-таки распалась, наследниками ее стали не ее возродившиеся к жизни народы, а именно эти варвары,

4. Имеются в виду императоры династии Антонинов. Император Нерва ввел новый порядок наследования власти: власть передавалась не прямому наследнику или родственнику, а усыновляемому им с одобрения Сената лицу. Первым выбранным таким образом императором был усыновленный Нервой испанец Траян (98 — 117).

поскольку их варварство заключало в себе, по крайней мере, некую живую силу и отличалось жизнестойкостью; тогда как греко-римская цивилизация была уже отмечена печатью смерти. Все источники жизненной силы гибли от того контакта, который мог бы видоизменить и обновить ее собственные силы. В итоге погибла и она; но форма и основа ее прижились и возродились вновь на девственных просторах жизнеспособной и мощной культуры средневековой Европы. То, чего Риму не хватило мудрости осуществить силами своей отлаженной империи — поскольку даже самый глубокий и верный политический инстинкт это еще далеко не мудрость, — пришлось осуществлять самой Природе в менее стройном, но зато живом единстве средневекового христианского мира.

С тех пор политическое воображение Европы заморожено примером Рима. Он незримо стоял позади Священной Римской империи Карла Великого⁵, грандиозных замыслов Наполеона, поддерживал мечту Германии о мировой империи, основанной на немецкой эффективности и культуре; в той или иной мере его путем следовали все империи, включая Францию и Англию. Но каким бы замечательными не были усилия по возрождению римских достижений, они не имели успеха. Современные нации не могли полностью следовать тем направлениям, которые Рим проложил или пытался проложить, и, наталкиваясь на различные препятствия, либо терпели поражение, либо вынуждены были отступить. Как будто Природа пыталась им внушить: "Подобный эксперимент пришел однажды к своему логическому завершению и одного раза вполне достаточно. Я создала новые условия; найдите соответствующие им новые средства или, по крайней мере, усовершенствуйте и дополните то, что в прошлом оказалось несовершенным и зашло в тупик".

Европейские нации утверждали свои империи, используя старый римский метод военного завоевания и колонизации, отказавшись, в основном, от принятого до Рима принципа простого господства или подчинения, к которому прибегали ассирийские и египетские цари, индийские княжества и греческие города. Но этим принципом, в форме протектората, пользовались иногда для того, чтобы приготовить более благоприятные для эксплуатации условия. Европейские колонии не были колониями чисто римского образца, но, скорее, смесью римского и карфагенского типа, сочетавшими власть гражданскую и военную; проводя политику равных прав в отношении местного населения, они в то же время оставались (и в гораздо большей степени) колониями коммерческой эксплуатации. Наиболее близкой римскому типу была английская колония в Ольстере, между тем как немецкая система, применявшаяся в Польше, оказалась современным вариантом старого римского способа грабежа. Но это более исключе-

5. Карл Великий (742—814) — король франков с 768 г. Принадлежал к династии Каролингов, основателем которой был его отец Пипин Кроткий. В результате многочисленных завоевательных походов расширил границы королевства. В 800 г. папой Львом III был коронован в Риме императорской короной.

ние, чем правило.

Оказавшись хозяевами завоеванных территорий, современные нации столкнулись с трудностью, преодолеть которую они, подобно Риму, не смогли — с трудностью искоренения местной культуры и ее независимого существования. Повсюду, где бы ни водружался их флаг, такие империи были озабочены, прежде всего, необходимостью внедрения собственной культуры, руководствуясь вначале простым инстинктом победителя и потребностью всячески укреплять свое политическое господство и содействовать его непрерывному и безопасному продлению; впоследствии они прививали ее уже намеренно, в целях распространения (как они лицемерно заявляли) всех преимуществ цивилизации среди "низших" рас. Нельзя сказать, чтобы данные намерения увенчались где-либо успехом. Подобная политика достаточно планомерно и безжалостно проводилась в жизнь в Ирландии, но, хотя ирландская речь не слышна была уже нигде, кроме диких мест Коннаута, и исчезли все явные признаки старой ирландской культуры, поруганная национальность оставалась верна себе и использовала любые, пусть и весьма скудные возможности, чтобы подчеркнуть исключительность своего католицизма и своего кельтского происхождения, подвергнутая насильственной "британизации", отказывалась признавать себя Англией. Устранение или ослабление иностранного давления оборачивалось в итоге яростным протестом и настойчивым стремлением возродить гэльскую речь, восстановить старый кельтский дух и кельтскую культуру. Безрезультатными оказались усилия Германии опруссачить Польшу и своих немецкоязычных родственников, эльзасцев. Обитавшие в России финны сохранили свою самобытность. Умеренные меры Австрии дали возможность австрийским полякам остаться поляками, как и их угнетенным собратьям в немецкой Познани. Все более видна была тщетность подобной политики и возрастало понимание того, что нельзя посягать на свободу духа подвластного народа; одобрялись те действия государства, которые, способствуя созданию новых административных и экономических условий, все же ограничивали бы социальные и культурные преобразования и допускали только такие, которые могли быть легко восприняты, привиты воспитанием или же введены в действие обстоятельствами самой жизни.

Германия, неискушенная в имперских методах, цеплялась за старое римское представление об ассимиляции, осуществить которую она пыталась и римским, и неримским путями. Она даже была склонна и к более древним, бытовавшим еще до цезарей, приемам, практиковавшимся евреями в Ханаане и саксами в Восточной Британии: к изгнанию и уничтожению. Но, будучи современным государством и имея собственные экономические интересы, Германия не могла быть последовательной в своих действиях, не могла проводить подобную политику в мирное время. Тем не менее она прибегала к помощи старого римского приема и стремилась насадить среди местного населения немецкий язык и немецкую культуру, а так как мирными средствами ей этого достичь не удавалось,

Глава 6. Древние и современные пути возникновения империй

она использовала силу. Подобные попытки обречены на провал. Добиваясь психологического единства, она только укрепляла силу национального самосознания и возвращала глубокую и неукротимую ненависть, представляющую для империи серьезную опасность, даже способную привести ее к гибели, если противостоящий ей народ окажется достаточно сильным и многочисленным. Если невозможно устранить неоднородность культур даже в Европе, то есть там, где они представляют собой только вариации одного и того же типа, и преодолеть те незначительные различия, что между ними существуют, то это тем более невозможно в тех империях, которым приходится иметь дело с народами Азии и Африки, обладающими многовековой самобытной национальной культурой. В этих условиях психологического единства пришлось бы добиваться совершенно иными методами.

Влияние различных культур друг на друга не ослабляется, но, скорее, обостряется особенностями современного мира. Однако природа этих влияний, цели, преследуемые ими, средства, с помощью которых эти цели могут быть достигнуты, принципиально изменились. Земля движется к единой грандиозной и многогранной цивилизации, общей для всего человечества; каждой культуре, и старой, и молодой, предстоит внести в нее какой-то вклад, а всякому отчетливо выраженному сообществу быть необходимым элементом общего разнообразия. И на пути достижения этой цели неизбежно возникнет определенная борьба за выживание. Наибольшей жизнеспособностью будет отличаться все то, что более всего согласуется с тенденциями, которые поддерживает в человечестве Природа — не только с тенденциями сегодняшнего дня, но и с теми, которые складывались в прошлом, и с теми, которые еще только зарождаются. А также — все то, что более всего будет содействовать освобождению и созданию новых комбинаций, лучше всего служить приложению, согласованию и выявлению скрытого смысла тех усилий, которые предпринимает великая Мать. Но менее всего ее напряженной работе способствуют военная агрессия и политическое давление. По счастливой случайности или по роковому стечению обстоятельств победный марш немецкой культуры по миру завершился прежде, чем правители Германии безрассудством своей военной агрессии пробудили спящие силы противоположных идеалов. Торжество государственности и государственной организации жизни — то есть того, что было самым существенным в немецкой культуре и общим как для германского империализма, так и для немецкого социализма — наиболее вероятно именно теперь, после того как первому из них был нанесен войной смертельный удар.

Те изменения, которые претерпевают действующие в мире тенденции, их ход, их ориентация, свидетельствуют о другом законе взаимоотношений, указывают на то, что из соединения различных элементов родится нечто новое. Успех будет сопутствовать только тем империям, которые понимают этот новый закон и строят свои отношения в соответствии с ним, и только у них будет какая-то надежда на будущее. Конечно, силы противоположного характера могут празд-

новать свои временные победы и отрицать действие самого закона; но подобный сиюминутный успех обретается, как нам неоднократно на то указывала история, ценой будущего всей нации. Рост интенсивности взаимоотношений и распространение знаний способствуют постепенному признанию этой новой истины. Возросло значение разнообразия, уже ослабевали, теряя надменный тон, претензии на право самоутверждения за счет других культур, когда вдохновляемая умирающим идолом Германия занесла свой меч над миром в надежде отомстить за старый идеал. Но она добилась противоположного результата — отрицаемая ею истина только укрепилась и стала более понятной. Роль даже таких незначительных государств, как Бельгия и Сербия, в качестве культурных элементов европейского сообщества была возведена почти до уровня святыни. Ценность культур Азии, дотоле признававшаяся лишь мыслителями, учеными и художниками, стала, благодаря общению на полях сражений, общепризнанной. Теория, разделяющая народы на "низшие" и "высшие" (где "высшее" оценивается с точки зрения собственного понятия культуры), признает, что лучше все же изменить "точку зрения", чем получить смертельный удар. Представления о новом мироустройстве пускают в сознании человечества крепкие корни.

Новый поворот в развитии отношений между культурами наиболее отчетливо проявляется там, где европейцы пересекаются с азиатами. Французская культура в Северной Африке, английская — в Индии теряют в глазах азиатов свою национальную исключительность и становятся просто общеевропейской цивилизацией; теперь это уже не просто господство империй, живущих за счет других, но диалог континентов. Политические мотивы теряют свое значение; им на смену приходят мотивы вселенского масштаба. В подобном противостоянии нет уже более самоуверенной европейской цивилизации, дарующей свет и блага полуварварской Азии, с благодарностью приемлющей благотворное воздействие. Даже умеющая приспосабливаться Япония, воодушевленная вначале новым влиянием, вновь вернулась к истокам своей культуры; повсеместно европейское присутствие наталкивается на внутреннее противодействие, призывающее остановить его победный марш*. Восток же в целом, вопреки некоторым возражениям и сомнениям, стремится либо вынуждается обстоятельствами и общим ходом развития человечества перенять действительно ценные стороны современной европейской культуры, ее науку и общую любознательность, ее идеал всеобщего образования и отказ от привилегий, широту ее убеждений и либерально-демократических настроений, чувство свободы и равенства, ее призыв к разрушению всех форм ограничения и угнетения во имя обновления жизни. Но дальше этого Восток не идет и не пойдет, побуждаемый к тому очень се-

* Рецидив европеизации, охвативший Турцию и Китай, усилился под влиянием большевистской России. Повсюду, где царит, тормозя развитие, ортодоксия, вероятно возникновение, как временного этапа, подобного движения.

резными причинами, связанными с будущим человечества, причинами, имеющими отношение к человеческой душе, к внутренним движениям разума и всей человеческой натуры в целом. Здесь снова речь идет не о "победителях" и "пораженных", но о взаимопонимании и взаимном обмене, о взаимной приспособляемости и созидании нового.

Старые представления еще живы и не сдадут без боя своих позиций. Жива мечта о христианизации Индии, о повсеместном распространении английского языка, даже о замене им местных языков, мечта об утверждении европейских социальных норм и порядков как необходимом предварительном условии для того, чтобы азиаты могли стать равными европейцам. Но это все голоса из прошлого, которые не в силах оценить значение символов, отмечающих начало новой эры. Христианство, к примеру, имело успех только там, где у него была возможность проявить самые лучшие из своих качеств и, в частности, готовность снизойти до тех, кого индуизм, скованный кастовой системой, лишал своей поддержки, — до падших и угнетенных, возвращая им человеческое достоинство, вселяя веру, другими словами, действуя, подобно своему предшественнику буддизму, с активным состраданием и готовностью помогать.

Там, где у него не было возможности прибегнуть к подобному средству, оно терпело полное поражение и даже могло лишиться своих лучших качеств — разбуженная этим новым для себя воздействием, душа Индии вновь начинала обретать свои утраченные свойства. Социальные формы прошлого, не соответствующие новым политическим и экономическим условиям и идеалам или несовместимые с растущим требованием свободы и равенства, претерпевают изменения; и нет оснований сомневаться в том, что в этой тяжелой борьбе родится новая Азия, раскрепощенная и свободная. Все признаки указывают на это, все силы действуют в этом духе. И Франция, и Англия не властны — и постепенно теряют всякое желание — разрушать и изменять исламскую культуру в Африке и индийскую в Индии. Им остается только одна возможность: поделиться всем, что у них есть ценного, и позволить этим древним народам усваивать полученное сообразно их потребностям и внутреннему пониманию.

На этом вопросе необходимо было остановиться, поскольку он является ключевым для будущего империализма. Замещение местной культуры, а по возможности и ее языка культурой и языком империи было самой сутью старого имперского идеала; но в настоящее время об этом уже не может быть и речи, и само подобное стремление должно осуждаться как нецелесообразное — идеал старой Римской империи потерял свою привлекательность и вряд ли может способствовать решению данной проблемы. Тем не менее Рим внес свой вклад в современный имперский идеал, определив, в частности, характерные черты империализма и роль этого идеала в современной истории; но время требует новой модели. И отвечая духу эпохи, такая новая модель уже начала складываться — родилось представление о федеративной или конфедеративной империи. В связи с этим возникает вопрос: возможно ли создание устойчивой федеративной

Глава 6. Древние и современные пути возникновения империй

империи довольно крупного размера, состоящей из разнородных наций и культур; и есть ли уверенность, что будущее именно за ней? И нужно понять, может ли подобная империя, будучи вначале искусственным образованием, превратиться в естественное и психологическое единство.

Глава 7. Создание неоднородной нации

Задача построения федеративной империи на едином, прочном и надежном основании, то есть задача создания истинного психологического единства (для чего империи придется соединить в одно целое разнородные элементы) распадается на два самостоятельных вопроса: вопрос формы и вопрос той конкретной реальности, которой эта форма должна соответствовать. Трудно недооценить практическую важность первого, но от второго зависит сама жизнь. Какой бы удачной ни была форма единства, как бы она ни соответствовала его реальности, ей никогда не удастся его собою заменить. Мы уже видели, что истинной реальностью при таком, установленном самой Природой порядке вещей остается реальность психологическая, поскольку никакой союз, удерживаемый исключительно политическими и административными средствами, не застрахован от распада после того, как он уже становится невыгодным, или же после того, как существенным образом или полностью меняются условия, ему благоприятствовавшие. В таком случае нам надо прежде всего понять, какую именно реальность будет стремиться выразить федеративная форма империи, и будет ли она, в частности, просто расширенным типом нации — самого значительного и наиболее удавшегося Природе сообщества людей — или же окажется новым более универсальным типом сообщества, вытесняющим нацию, как та с свое время вытеснила из жизни род, племя, город-государство и местное княжество.

Первое, что приходит в голову человеку, столкнувшемуся с подобной проблемой, — воспользоваться знакомым представлением, которое кажется наиболее привлекательным и вытекающим из уже известных воззрений, поскольку в массе своей человеческий разум избегает серьезно менять основы своих представлений. Легче всего он воспринимает те перемены, которые завуалированы либо привычным течением жизни, либо же неким вымыслом: ритуальным, официальным, интеллектуальным или эмоциональным. Подобным-то вымыслом, по мнению некоторых, и можно было бы воспользоваться для того, чтобы совершить переход от национальных представлений к представлению о политически единой империи. Физическое единство страны, дающее возможность жить и ощущать определенную безопасность, общая экономическая жизнь, зависящая от географического единства, и чувство родины, которое вырастает из этой физической и экономической реальности и либо создает политическое и административное единство, либо поддерживает его существование после того, как оно было создано, — вот то, что надежнее всего объединяет сейчас людей. Попробуем расширить это мощное чувство патриотизма за счет нового вымышленного образа, предложив всем разнородным частям империи рассматривать в качестве главной, великой отчизны не свою физическую родину, но всю империю, а если над ними довлеют старые чувства, то считать ее, по крайней мере, первой и главной родиной. Подобно тому, как французы, например, относились к Франции-метрополии. Все прочие владения империи, все ее

Глава 7. Создание неоднородной нации

колонии¹ (хотя в английском языке им более подходит название подчиненных областей, несмотря на предоставленные им существенные политические права) должны были быть единодушны в своем отношении к Франции, воспитаны в духе уважения величия, славы и притягательной силы своей далекой родины. Такое отношение свойственно кельтско-латинскому характеру и чуждо, например, немцам; оно обусловлено расовой терпимостью и той особой притягательной силой и способностью к ассимиляции, которые Франция разделяет со всеми кельтскими народами.

Силу, подчас удивительную силу, подобных вымышленных образов ни в коей мере нельзя игнорировать. Они оказываются наиболее типичным и действенным средством Природы, когда ей приходится сталкиваться с самой собою в лице человека, умного животного, упорно не желающего меняться. И все же при отсутствии определенных условий никакие вымыслы не помогут. Вымысел, прежде всего, должен быть правдоподобным. Должен вести к действительному и достаточно конкретному результату, способному либо его собою заменить, либо оправдать. Которого необходимо настойчиво добиваться, превращая постепенно бесформенную туманную возможность в конкретный факт. В прежние времена в этом не было большой необходимости — люди имели более развитое воображение, были более безыскусны, им достаточно было самого настроения или его внешнего подобия; но человечество развивается и становится все более разумным, все более сознательным и критичным, легче обнаруживает несоответствие между действительностью и претензией на нее. Более того, людей мыслящих можно теперь встретить повсюду, к их мнению начинают прислушиваться, ценить их особое место в историческом процессе; а сам мыслитель оказывается все более и более пытливым, критичным — противником всяких вымыслов*.

Соответствует ли тогда чему-то в действительности этот вымышленный идеал — иными словами, будет ли единая империя, после того как добьется настоящего единства, только более общей разновидностью национального единства? Если же нет, то к какому действительному результату готовит нас подобный вымысел? История знает множество примеров сложных по составу наций, и если данный вымысел соответствует действительности, тогда задачей федеративной империи станет создание сложной по составу нации, но только большего масштаба. Поэтому нам нужно прежде всего взглянуть на наиболее удачные примеры таких неоднородных наций, чтобы увидеть, как такое "соответствие" осуществляется в жизни, и ясно представлять себе те препятствия, ко-

1. *Колонии* в данном случае надо понимать в их первоначальном значении, то есть как поселения выходцев из метрополии.

* Вскоре эти условия также могут измениться, так как повсюду сохраняется угроза для свободы мысли; а там, где нет свободы мысли, не может проявляться и власть мыслителей.

Глава 7. Создание неоднородной нации

торые понуждают скорее к новому развитию, чем к импровизации на старую тему. Ясное понимание препятствий дает возможность понять и способы их преодоления.

Примером удачно сложившейся неоднородной нации и успешно развивающейся неоднородной империи может служить, прежде всего, британская нация в прошлом и Британская империя в настоящем — удачно сложившейся, но относительно успешно развивающейся, поскольку перед ней еще слишком много нерешенных проблем*. Британская нация была образована из англоязычной англо-норманской Англии, из Уэльса с его собственным валийским языком, из наполовину саксонской, наполовину гэльской Шотландии, со своим вариантом английского, и частично и несовершенно включенной в состав нации гэльской Ирландии, которая была представлена в основном англо-саксонской колонией, в едином организме нации удерживалась силой и никогда не могла с ней по-настоящему соединиться. Ирландия всегда оставалась слабым звеном в этой цепи и только теперь, после того как и форма, и условия отношений существенно переменились, становится возможным какое-то единство с целым, с империей, но не с нацией — единство, пока еще настолько ненадежное, что вряд ли можно говорить о его рождении**. Какие же условия определяли такое в целом удачное рождение и не вполне успешное развитие, и как они освещают перспективы решения нашей более общей проблемы?

При формировании человеческих сообществ Природа придерживалась общего закона, используемого ею при создании мира физических форм. Вначале она строит материальное тело, затем дает жизнь составляющим это тело частям и обеспечивает их жизненное значение и, наконец, наделяет сознательным представлением или ощущением единства, а также центральным или руководящим органом, посредством которого проявляется и действует самосознание, эго. И, как правило, должна существовать еще связь поколений или связь с прежними сообществами, дающая возможность подобному придерживаться подобного и отличаться от чужого, а место их обитания, страна, особенностями своего положения должно создавать для своих обитателей необходимость их объединения внутри естественных рубежей. В древние времена, когда человеческое общество не было столь сильно привязано к земле, наиболее важным оказывалось первое из этих условий. В сложившихся современных сообществах стало преобладать второе; но единство народа, и чистокровного, и разнородного — поскольку не во всех случаях народ един с самого начала своего существования — остается непременным условием, и сильные несоответствия или различия

* Нужно напомнить, что это было написано несколько десятилетий тому назад; изменились и обстоятельства, и сама Империя — проблемы в прежнем виде уже не существуют.

** Эти строки писались, когда самоуправление казалось вполне приемлемым решением; нынче стала очевидной неудачность подобного варианта, и Ирландия обрела свободу как независимая республика.

Глава 7. Создание неоднородной нации

могут вступить в противоречие с интересами географии, постоянно о себе напоминающими. Для того чтобы эти интересы нашли свое выражение в действительности, необходимо, чтобы имело достаточную силу второе из упомянутых выше естественных условий — потребность в экономическом единстве, или навык совместной экономической деятельности, а также потребность в политическом единстве, или навык совместной организации жизни в целях выживания, жизнедеятельности и расширения. А чтобы в полной мере могло осуществиться второе условие, не должно быть ничего такого, что бы тормозило или препятствовало исполнению третьего условия. Не должны допускаться никакие действия, способные ослабить единство и культивирующие настроение собственной обособленности от единого целого, поскольку они, тем самым, неизбежно приведут к появлению такого центра или руководящего органа, который не сможет быть психологическим представительством общества в целом, а значит, и истинным центром его самосознания. Однако нужно помнить, что сепаратизм и вполне сочетаемый с единством партикуляризм — это разные вещи; к разнообразию ведет не просто наличие разнообразия, но ощущение невозможности создать полноценное единство.

Необходимость обусловленного географией объединения отчетливо проявилось при формировании британской нации; завоевание Уэльса и Ирландии, объединение с Шотландией — исторические события, продиктованные именно такой необходимостью; однако еще не было ни единого народа, ни близких отношений в прошлом — им еще только предстояло, преодолев определенные трудности, сложиться. Более или менее быстро удачных результатов удалось добиться с Уэльсом и Шотландией, но только не с Ирландией. Географические условия имеют лишь относительную силу; достаточно мощное стремление отделиться, когда ничто не противостоит импульсу дезинтеграции, способно ее преодолеть. Даже при удачном политическом объединении может проявиться склонность к распаду, в особенности, если в пределах данного географического единства существует какой-то физический барьер или разделяющий рубеж — слишком явный повод для возникновения противоречий в области экономических интересов — вроде того, который разделяет Бельгию и Голландию, Швецию и Норвегию, Ирландию и Великобританию. В случае с Ирландией британские правители не только не смогли предложить никакого средства для преодоления или устранения естественной экономической разобщенности, никакого средства, способного противостоять чувству обособленности ирландского общества, чувству физической разобщенности с метрополией, но, решительно просчитавшись в отношении причины и следствия, только довели их до крайнего напряжения.

Прежде всего, в интересах Британской торговли и коммерции были намерено разрушены экономическая жизнь и благополучие Ирландии. После этого было уже бесполезно добиваться, да к тому же еще и методами, далекими от глубокого анализа ситуации, политического "союза" двух островов на основе общего законодательства и общего правительства, поскольку такое правитель-

Глава 7. Создание неоднородной нации

ство не было центром психологического единства. Там, где главные жизненные интересы не только различались, но находились в полном противоречии друг к другу, его власть могла выражаться только в постоянном и неукоснительном соблюдении интересов "главного партнера" и принижении и отрицании интересов этого инородного тела, соединенного со всем организмом лишь законодательными оковами, но не чувством реального единства. Голод, опустошавший Ирландию, в то время как Англия преуспевала и процветала, был устрашающим свидетельством Природы о зловещем характере подобного "союза" — не единства, но полнейшей противоположности всем основным жизненным интересам. И борьба Ирландии за самоуправление, и ее сепаратизм были естественной и неизбежной реакцией, выражали простое желание выжить; они представляли собой не более чем инстинкт самосохранения, демонстрирующий одно из самых очевидных средств выживания.

Экономические интересы в человеческую жизнь вторгаются практически безнаказанно; а поскольку они затрагивают сами основы жизни, их мощное вторжение, если только оно не приводит к гибели того организма, на который они обрушиваются, неизбежно вызывает со стороны Природы наиболее ожесточенное сопротивление и заканчивается самой безжалостной расплатой. По отношению к третьему условию природного единства британское государственное управление в Ирландии также занимало принципиально неверную позицию, решительно искореняя все признаки ирландской самостоятельности. Уэльс, подобно Ирландии, тоже был завоеван, но не предпринималось никаких последовательных действий по его ассимиляции; после первого смутного периода, последовавшего за вторжением, после одной-двух бесплодных попыток оказать сопротивление Уэльс, подвергаясь, скорее, мирному давлению естественных условий и имея возможность сохранить и свой народ, и свой язык, не чинил препятствий для постепенного объединения кельтов и саксов в единую британскую национальность. Подобное же невмешательство (если не касаться сейчас менее важной проблемы северошотландских кланов) привело к еще более быстрому объединению с англичанами шотландцев. И теперь на островах Великобритании обитает неоднородный по составу британский народ, объединенный в одной стране и кровными узами, и прошлыми связями, и общими географическими, экономическими и политическими интересами, живущий единым самосознанием. В Ирландии все наоборот: стремление навязать искусственное развитие (когда вполне было бы достаточно действия естественных сил, при некоторой помощи в управлении, и политики примирения) и применение старых методов в новых условиях привели к противоположному результату. Когда же ошибка обнаружилась, необходимо было принять судьбу как следствие своих же действий и добиваться объединения уже с учетом ирландских интересов, и ирландской самостоятельности, предоставляя, прежде всего возможность самоуправления, а в конце концов и право на создание свободного государства, вместо того чтобы настаивать на искусственном союзе, держащемся исключительно властью закона.

Глава 7. Создание неоднородной нации

Результат мог бы превзойти все ожидания, мог бы даже повлечь за собой необходимость переустройства Британской империи, а, возможно, и всей англо-кельтской нации на новой, федеративной основе, поскольку Уэльс и Шотландия не были столь глубоко связаны с Англией, не так совершенно с ней соединены, как, например, входящие в состав единой и неделимой Франции Бретань, Эльзас, Баскская область и Прованс. И хотя ни экономические интересы, ни материальные потребности не вынуждают применять федеративный принцип в отношении Уэльса и Шотландии, тем не менее обеим провинциям все же свойственно некоторое, пусть и не слишком сильное, чувство самостоятельности, которое в дальнейшем вполне могло бы, от положения ирландской колонии, обостриться и усилиться настолько, чтобы потребовать своего удовлетворения, обнаруживая в провинциальной обособленности определенные преимущества. Подобное чувство обязательно получит новую силу и поддержку, когда федеративный принцип будет применен для реорганизации (которая однажды станет неизбежной) Британской колониальной империи, опирающейся пока только на принцип самоуправления и избегающей какой бы то ни было федеративности*. В действительности, те особые условия, в которых создавались и эта нация, и эта империя, а также распространение населяющих Британские острова народов со всей очевидностью указывают на то, что Природа всеми доступными средствами направляла и готовила Империю к тому, чтобы сделать ее полем грандиозного эксперимента по созданию нового, неизвестного еще человеческой истории типа объединения — неоднородной федеративной империи.

* Самоуправление заменено в настоящее время статусом доминиона, означающим по сути, но не по форме, конфедерацию.

Глава 8. Устройство неоднородной федеративной империи

Если построение неоднородной нации Британских островов с самого начала было явлением предопределенным, обоснованным и с географической, и с экономической точки зрения, и его завершению мешали только достаточно серьезные и постоянные ошибки самой государственной власти, того же нельзя сказать о более быстром, хотя все же постепенном и почти бессознательном процессе развития Британской колониальной империи — развития, сулившем ей возможность стать настоящим единством. Такое положение сохранялось до тех пор, пока предполагаемое отделение колоний, ведущее к превращению Австралии и Канады в молодые независимые нации, не было признано неизбежным для колониальной империи исходом — единственным, логичным и вряд ли прискорбным.

На эту мысль наводили довольно серьезные причины. Объединение было лишено всякого географического смысла; в то время как пространственная разобщенность порождала и соответствующие умонастроения. Колонии имели четко выраженные физические границы, и им, по-видимому, самой логикой развития человеческого общества того времени было предопределено превратиться в независимые нации. Экономические интересы метрополии и колоний были в корне различны и далеки друг от друга, а подчас даже противоположны, что выразилось в системе протекционизма, к которой прибегали последние, дабы защитить себя от британской политики свободной торговли. Политическая заинтересованность в Империи сводилась, по сути, к вопросу безопасности, к той защите от иностранных вторжений, которую обеспечивали колониям британская армия и флот; колонии никак не участвовали в непосредственной управлению империей, не извлекали из него никакой выгоды; они не были хозяевами своей судьбы. Психологически их объединяла память о происхождении да некое умеренное и нестойкое общее настроение, с которым соперничало настроение более определенное — стремление к независимости и естественная предрасположенность всякого ярко выраженного человеческого сообщества к самостоятельной жизни, даже к созданию своего нового типа жизни. И англоязычная Австралия, и Южная Африка с преобладавшими там голландцами, и Канада, наполовину французская, наполовину английская, имели разный национальный состав; но во всех трех странах особенности жизни, политическая ориентация, новый тип характера, темперамента и культуры, если о ней можно в данном случае говорить, были полностью противоположны старой британской культуре, ее темпераменту, ее особенностям жизни, ее социальным и политическим тенденциям. Метрополия, с другой стороны, также не извлекала из этих окраин никаких ощутимых политических, военных или экономических преимуществ, довольствуясь престижем формального владыки. И потому все обстоятельства с каждой стороны указывали на неизбежность мирного распада, оставляющего за Англией право гордиться ролью родоначальницы стольких на-

ций — но и только.

Благодаря связующей роли естественных наук и, как следствие, тенденции к укрупнению человеческих сообществ, изменившимся политическим условиям мира, а также глубоким политическим, экономическим и социальным переменам, охватившим саму Великобританию, меняются все остальные условия, и колониальная империя почти неизбежно должна будет превратиться в крупное федеративное Содружество или в нечто, более подобающее такому названию. Однако трудности неминуемы, начиная с экономических; географическая расчлененность, как мы уже видели, порождает склонность к разобщению, нередко противостоя экономическим интересам, и потому имперский таможенный союз, естественный среди государств Германской империи или центральноевропейской конфедерации (в одностороннем порядке планировавшийся во время войны), среди разобщенных стран был бы искусственным образованием, требующим особого внимания и бдительного руководства; в то же время политическое единство склонно обычно настаивать и на сопутствующем ему экономическом объединении, без которого оно вряд ли может быть полным. Кроме того, могут проявиться политические и иные трудности и привести к крушению империи, если процесс практического объединения будет проводиться необдуманно и неразумно; но их нельзя воспринимать и как непреодолимые препятствия. Расовые противоречия в Южной Африке, довольно серьезные и угрожающие вначале и не разрешенные до конца и по сию пору, не более труднопреодолимы, чем, например, в Канаде; так как в обеих странах присутствует английский партнер, способный, вне зависимости от того в большинстве он или в меньшинстве, приобщить иностранный элемент к империи. На пути объединения Австрийской империи также не возникает сколько-нибудь серьезных препятствий, тех трудностей, которые происходят от тяготения к чему-то внешнему, от столкновения вполне сложившихся культур и несовместимых характеров.

От Англии требуется только одно — продолжать решать свои проблемы в правильном духе, избегать повторения американской неудачи, или просчета, допущенного ею в Южной Африке (которую она, к счастью, нашла в себе силы покинуть). Ей нужно помнить, что ее предназначение, возможно, не в том, чтобы в качестве господствующей державы насильственно уподоблять себе свои владения или держать их в постоянной от себя зависимости, но в том, чтобы быть центром великого содружества государств и наций, срастающихся с ее помощью в новое сверхнациональное единство. И первое условие для этого — обязательное признание свободы внутренней жизни и воли, социальных, культурных и экономических особенностей колоний, предоставление им права наравне с нею участвовать в решении общих вопросов империи. В подобном, построенном на новом принципе, объединении она могла бы в будущем выполнять роль политического и культурного центра, главного связующего звена этого единства. Если бы Англия направила свою руководящую мысль именно в это русло, то никакие неожиданности не смогли бы в дальнейшем воспрепятство-

вать формированию такого объединения, при котором самоуправление (по мере утраты Британией роли сюзерена) превратилось бы в основу будущей Федерации*.

Однако проблема намного усложняется, когда речь заходит о двух таких крупных участниках Империи, как Египет и Индия; усложняется настолько, что для политического ума, обусловленного к тому же множеством предубеждений и сиюминутных интересов, оказывается большим искушением оставить все как есть и создать такую федеративную империю, в которую бы обе великие страны вошли на правах обычных колоний**. Очевидно, что подобное решение не может быть окончательным и, слепо отстаиваемое, приведет к нежелательным последствиям, если не к серьезным несчастьям. Возрождение Индии неотвратимо как восход солнца. Но возрождение великой трехсотмиллионной нации со столь своеобразным характером, со своими уникальными традициями и своим особым отношением к жизни — нации могучей и умной, несущей в себе заряд огромной потенциальной силы — будет одним из самых значительных явлений современного мира. Очевидно, что новое федеративное имперское единство не может позволить себе постоянно противостоять этой возрождающейся трехсотмиллионной нации, а значит, и допускать преобладания близорукой государственной политики, не может допустить к власти служителей сиюминутных интересов, извечно стремящихся отложить решение самых насущных вопросов. В целом понимание достигнуто; но трудности начнутся при практическом решении проблемы, когда нельзя уже будет дольше оттягивать решение индийского вопроса.

Природа трудностей, возникающих на пути такого действительного союза, достаточно очевидна. Прежде всего они связаны с той географической обособленностью, которая всегда делала Индию и ее народ явлением особым, даже когда ей не удавалось достичь политического единства и приходилось в полной мере испытывать воздействие соседних культур, подвергаясь их влиянию и налаживая с ними отношения. Нужно не забывать при этом, что смешение трехсотмиллионного народа с остальными народами Империи — дело вовсе не такое простое, как смешение не столь разнящихся между собой народов Австра-

* Все это обеспечило бы Империи победу и процветание; а также способствовало бы тому, чтобы британская международная политика не была слишком обременительной для младших членов такого федеративного единства.

** Вопрос с Египтом с тех пор, как были написаны эти строки, разрешился способом как раз противоположным тому, о котором шла речь. Индия, уже тогда находившаяся на пути к свободе, добилась ее; и хотя обе ее независимые части сохраняли какое-то время статус доминионов, и одна из них могла оставаться в таком положении, другая осваивала, хотя уже как независимая республика, новую формулу верности Содружеству.

лии, Канады и Южной Африки. Кроме того, между европейцами и азиатами существуют еще и расовые, национальные и индивидуальные различия. Нельзя сбрасывать со счетов и многовекового прошлого, различий происхождения, установившихся связей, неотъемлемых склонностей, препятствующих всякой возможности устранить или ослабить их разобщенность, даже если Индии удастся полностью или в значительной степени воспринять английскую или европейскую культуру. Однако перечисленные трудности еще не означают принципиальной нерешаемости проблемы, напротив, мы знаем, что нет таких трудностей, с которыми человеческий разум — пожелай он этого — не справился бы. Допустим, что в данном случае будут в наличии и воля, и необходимая мудрость; и британское государственное управление не совершит никакой непоправимой ошибки, а ошибки меньшего масштаба, которые обычно сопровождают решение проблемы такого рода, оно вовремя исправит, как это ему уже удавалось в прошлом — в силу своего характера и привычек; и что рано или поздно между этими двумя глубоко различными культурами все же возникнет некий тип психологического единства.

При каких, тогда спрашивается, условиях такое единство возможно, и какова должна быть его природа? Ясно, что народ, стоящий у власти, должен намного более аккуратно и последовательно пользоваться тем уже успешно применявшимся принципом, уклонение от которого всегда по преодолении определенного этапа оказывается вредным для его более широких интересов. Он должен признавать, уважать и даже активно одобрять свободное и самостоятельное развитие Индии, подчиненной единству Империи. До тех пор пока Индия не вправе управлять собой самостоятельно, ее правители должны соблюдать прежде всего ее интересы; если же ей будет предоставлено это право, управление должно быть таким, чтобы не препятствовать ей заботиться о собственных интересах. Например, до тех пор пока условия не изменятся, благодаря целенаправленной политике, стимулирующей и поощряющей ее промышленное развитие, пусть даже в ущерб остальным уже существующим коммерческим интересам внутри Империи, ее нельзя, к примеру, насильно включать в имперский таможенный союз — что в нынешних условиях явилось бы несчастьем для ее экономического будущего. Не должно предприниматься никаких усилий для того, чтобы навязывать развивающейся Индии английскую культуру или английские условия жизни или делать их *sine qua non*¹, обязательными для свободных народов Империи, и ни в коем случае не мешать и не препятствовать защищать и поддерживать свою культуру и характерное для нее развитие. Ее достоинство, чувства, национальные устремления нужно последовательно понять и

1. *sine qua non* (лат.) — непременно условие.

Глава 8. Устройство неоднородной федеративной империи

принять и в теории, и на практике. Предоставляемая этими условиями гарантия ее политических и экономических интересов, забота о ее неограниченном развитии помогут сохранить ее для Империи; после этого можно будет перейти к решению более тонких и трудных вопросов объединения, способствуя тем самым скорейшему его осуществлению.

Созидаемое единство не должно принимать форму индо-британской империи, поскольку это не более чем фантазии ума, химера, к которой ни в коем случае нельзя, в ущерб действительным возможностям, стремиться. Возможности же эти таковы: во-первых, прочное политическое единство, обусловленное общностью интересов; во-вторых, активные коммерческие взаимоотношения и взаимовыгодное промышленное партнерство в жизнеспособных направлениях; в-третьих, новые культурные отношения двух наиболее важных частей человечества, Европы и Азии, позволяющие обмениваться всем, что есть у них великого и ценного, как равноправным членам единой человеческой семьи; и, наконец, вместо обычных старых обществ, развивающихся лишь политически и экономически и за счет военных успехов (что в основном способствовало созданию национального единства) — ожидаемое более свободное общество и более тесное сотрудничество в строительстве новой, богатой и разнообразной культуры во имя облагороженного человечества. Для чего, безусловно, такой тип сверхнационального единства мог бы стать возможным следующим шагом на пути развития совершенной структуры человеческого общества. Очевидно, что смысл и значение этого следующего шага лишь в том, чтобы быть ступенью, дающей возможность практически представить и сформировать новые социальные привычки, новые интеллектуальные отношения и новую общую жизнь всей человеческой расы, как единой семьи. Создание же громадного имперского единства окажется явлением примитивным, даже реакционным, если оно не будет стремиться к этой величественной цели. Построение многогранного индо-британского единства во всеоружии военного, коммерческого и политического эгоизма, противостоящего другим мощным единствам, вроде России, Франции, Германии, Америки, было бы движением вспять, но никак не достижением. Если нам все-таки суждено пойти этим путем — поскольку Британскую империю мы взяли как лучший из возможных примеров, — тогда этот временный этап придется преодолевать, вооружившись идеалом такого гуманизма, который будет выше ограниченного старого патриотизма, выросшего на межнациональных противоречиях. Памятуя о том, что и политические, и административные средства должны способствовать созданию единства человеческой расы — раз уж именно к этой неоднозначной возможности мы теперь обращаемся. Вероятность такого пути все же достаточно невелика, так как и мусульмане, и индусы настроены на независимость Индии, а со стороны Англии не предусмотрено никакого другого решения. Но такое решение должно быть предусмотрено, так как при иных обстоятельствах действительная независимость не обязательно будет единственным решением — вполне возможен тот или иной тип автономии. А

Глава 8. Устройство неоднородной федеративной империи

это будет означать, что Природа выбирает именно этот путь к намеченной цели. И если соединение двух столь различных народов и культур окажется удачным, с большей определенностью можно будет говорить о том облике, который должно принять всемирное единство*.

* События со всей неизбежностью приняли повсюду другой оборот; но эта часть главы была оставлена, поскольку обсуждение такой возможности необходимо для данной темы. Неудачность такого рода эксперимента говорит о том, что этот промежуточный этап развития всемирного единства порождает почти непреодолимые трудности. Вместо него возникли такие объединения, как Британское Содружество и Советский Союз, появилась возможность возникновения Соединенных Штатов Европы и иных континентальных союзов вроде тех, что связывают между собой обе Америки и со временем, вероятно, возникнут и в Азии.

Глава 9. Возможность возникновения всемирной империи

Развитие империалистических представлений от стадии искусственного и механического объединения до состояния истинного психологического единства, воздействующего на человеческий разум с той же силой и энергией, как и господствующее ныне представление о нации, доминирующее над всеми прочими коллективными движениями, остается пока еще вероятностью, но не определенностью будущего. Вероятностью с неопределенными чертами — зарождающейся возможностью; а при том, что их развитие не преодолело до сих пор стадию зародыша, на которой находится, благодаря глупости государственных деятелей, непомерной страстности человеческих масс, укоренившемуся слепому эгоизму, преследующему только личные интересы, мы не можем быть уверенными, что это не попытка умертвить мертворожденного. Но в этом случае возникает вопрос, какая еще есть возможность объединить человечество политическими и административными средствами? Только двумя путями: либо старая мечта о всемирной империи сумеет, благодаря событиям, кажущимся ныне просто невозможными, стать свершившимся фактом, либо же противоположная ей мечта о свободном союзе свободных наций преодолеет сотню трудностей, стоящих на пути ее практического воплощения.

Представление о всемирной империи, построенной на силе, находится, как мы видели, в прямом противоречии с теми новыми условиями, которые определяют положение дел в современном мире. Тем не менее давайте отвлечемся на время от этих новых условий и, рассматривая проблему, допустим теоретически, что возможно появление единой великой нации, утверждающей свой закон и господствующую культуру по всей Земле, подобно тому как когда-то Рим утвердил свой закон и культуру, навязав их народам Средиземноморья, а также галлам и британцам. Или же предположим, что одна из великих наций сумела силой и искусной дипломатией (а впоследствии и признанием культуры и независимой внутренней жизни подчиненных ей наций) победить всех своих соперников и укрепить свою власть, опираясь на привлекательную для всех идею всеобщего мира, на умелое управление и на беспримерную организацию человеческих знаний и возможностей в целях коренного улучшения нынешнего состояния человечества. Если мы хотим понять, насколько вероятно превращение подобной теоретической возможности в возможность практическую и какие условия этому будут благоприятствовать, то, по здравом размышлении, вынуждены будем признать, что подобных условий в настоящее время не существует, но видны лишь препятствия на пути столь колоссальной мечты — осуществлению могут способствовать только грандиозные перемены, скрытые пока еще в таинственных далях грядущего.

Считается, что побудительным мотивом, толкнувшим Германию на то, чтобы бросить вызов всему миру, была как раз мечта о такой империи. Неизвестно,

Глава 9. Возможность возникновения всемирной империи

насколько это было сознательным намерением руководивших ею политиков; но ясно одно: если бы ее ожидания оправдались и ей удалось победить в этой войне, у нее появились бы серьезные преимущества в осуществлении своих замыслов. В этом случае Германия смогла бы занять такое господствующее положение, которым никакая другая нация не обладала ни в один из известных нам периодов истории; и те представления, которыми в настоящее время руководствуется немецкий интеллект, представления о ее миссии, о ее расовом превосходстве, о неоспоримых преимуществах ее культуры, науки и организации жизни, о ее божественном праве руководить всем миром и утверждать повсеместно свою волю и свои идеалы, — все это вместе взятое плюс алчный дух современного коммерциализма со всей неумолимостью толкнули бы ее, в облики божественного избранника, на путь достижения мирового господства. И то, что современная нация — нация, действительно наиболее преуспевающая, то есть сумевшая на практике использовать достижения науки, утвердить дух организованности и порядка, наладить государственную помощь и разумное отношение к национальным и социальным проблемам и тем добиться экономического благополучия, к которому, по сути, и сводятся преимущества европейской цивилизации, — способна разделять подобные представления и быть движима ими, бесспорно доказывает, что прежние боги не умерли, что старый господствующий в мире идеал силы, побеждающей, руководящей и совершенствующей, по-прежнему жизнестоек и продолжает питать психологические корни человеческой расы. Ничто не говорит о том, что нынешняя война уничтожила эти представления и этот идеал; судьба войны вершилась в могучем противоборстве, в столкновении порядков, при лучшем, или, во всяком случае, при более удачном использовании тех средств, которые и породили действительную мощь великой агрессивной тевтонской силы. Поражение Германии ее же средствами не в состоянии было уничтожить тот дух, который воплотился в Германии; оно лишь могло способствовать новому его воплощению, — возможно, в другом народе или в другой империи; и битву пришлось бы выигрывать вновь. До тех пор пока живы старые боги, бесполезно разрушать или подавлять тело, которое они оживляют, так как они слишком хорошо умеют перевоплощаться. Германия приложила руку к низвержению наполеоновского духа во Франции в 1813 году и разрушению остатков ее европейского лидерства в 1870-м; и именно Германия вновь воплотила в себе то, с чем сама же и боролась. Подобное явление легко способно возродиться в более грандиозном масштабе.

Поражение Германии еще не доказывает несостоятельности мечты о всемирной империи, как не доказывало предшествующее ему поражение Наполеона. Германскому союзу для осуществления своих широких замыслов недоставало многого, за исключением одного неоспоримого преимущества. Он располагал такой строжайшей военной, научной и социальной организацией, которой не достигал до него еще ни один народ; но ему недоставало мощного движущего начала, импульса, без которого просто невозможно добиться положительных

Глава 9. Возможность возникновения всемирной империи

результатов в столь грандиозном начинании, того импульса, достаточный накал которого отличал наполеоновскую Францию. Ему не доставало блестящего дипломатического гения, который бы создал необходимые для успеха условия. Ему не доставало также власти на море, которая даже в большей степени, чем военное превосходство, необходима для достижения всемирного господства; Германия же, в силу своего географического положения и враждебного окружения, особенно была подвержена действию неблагоприятных обстоятельств, дополнявших морское господство ее естественного противника. Только сочетание непобедимости на море с непобедимостью на суше* могло дать возможность осуществиться столь великому предприятию. Рим мог претендовать на право называться всемирной империей только после того, как он разрушил господствующую морскую мощь Карфагена. Германское же руководство крупно просчиталось, вступив в борьбу с объединенными морскими силами своих врагов, заключившими против нее мощный союз. Вместо того чтобы сосредоточить свои усилия против своего естественного противника, вместо того чтобы использовать старую неприязнь к Англии России и Франции, бестактная и грубая дипломатия Германии только помогла сплотиться ее врагам; вместо того чтобы изолировать Англию, она добилась собственной изоляции, и тот стиль, в котором она начала и вела войну, лишь способствовал ее обособлению и дал дополнительную силу для ее физической изоляции, усиленной блокадой Британии. В своем ограниченном стремлении сосредоточить свои военные интересы исключительно на Центральной Европе и Турции, она бездумно отказалась от той самой морской власти, которая могла бы стать ее союзником.

Вполне возможно, что стремление к созданию всемирной империи может ознаменоваться появлением в будущем в мировой истории некой нации или государственных деятелей, гораздо лучше к этому подготовленных, одаренных более тонким дипломатическим гением, нации, оказавшейся, подобно древнему Риму, в более выгодных условиях, с более подходящими для этих целей характером и судьбой. Каковы тогда должны быть условия, наиболее благоприятные для успешного выполнения их замыслов? Во-первых, вряд ли она добьется своей цели, если судьба не будет к ней так же благосклонна, как к Риму, которому удалось встретить всех своих противников и врагов по очереди, избежав объединения противостоящих ему сил. Какова вероятность такого благоприятного развития в современном мире, слишком бдительного и осведомленного, чтобы упустить подобное стремление из виду, ведущего непрерывный шпионаж, ревниво следящего за всем недремлющим оком гласности, на вооружении которого сеть коммуникаций, покрывающих собою всю планету? Достаточно просто занять господствующее положение, чтобы заставить весь мир насто-ро-

* А в настоящее время еще (в гораздо большей степени) и с непобедимостью в небе.

Глава 9. Возможность возникновения всемирной империи

житься и враждебно настроиться против той державы, чьи скрытые амбиции он инстинктивно ощутил. Поэтому удачным стечением обстоятельств будет лишь такое, которое, во-первых, позволит наступающей державе осуществить свои планы полусознательно, не выказывая явных амбиций и не возбуждая общей зависти, и, во-вторых, будет сопровождаться целой серией благоприятных совпадений, которые позволят ей почти вплотную приблизиться к желанной цели еще до того, как об этом догадаются те, кто смог бы подобную возможность предотвратить. Если, к примеру, возникнет целая серия столкновений между четырьмя или пятью господствующими в мире великими державами, одна из которых сумеет разбить агрессора безо всякой надежды на его возрождение и появление на его месте новой державы, тогда, возможно, гибель одной из них приведет к состоянию именно такого естественного преобладания, достигнутого без намеренной агрессивности, а напротив, при явном сопротивлении чужой агрессии; и это может способствовать естественному формированию мировой империи под властью победителя. Но подобный успех, естественный и возможный в прежние времена, в нынешних условиях остается, по-видимому, если учесть к тому же разрушительный характер современной войны, за пределами возможного.

Нам придется признать, что такая стремящаяся к мировому господству держава сразу же столкнется с союзом, созданным против нее почти всеми способными ей противостоять державами, которым будет к тому же сочувствовать остальной мир. Подобный итог неизбежен даже при самой блистательной дипломатии. Для того, чтобы преуспеть в этой неравной борьбе, ей придется рассчитывать только на военное и морское превосходство, скоординированное и отлично организованное. Но где та современная империя, которая могла бы на него рассчитывать? Из ныне существующих только России под силу добиться такого неодолимого военного могущества, рядом с которым вся мощь Германии — просто игрушки; правда, трудно представить, чтобы ей удалось сухопутную силу соединить с соответствующей военно-морской мощью. До сих пор морем безраздельно правила Англия; а при определенных условиях ее господство на море могло бы настолько возрасти, что для нее не составило бы особого труда просто игнорировать военную мощь мира*; но даже введя всеобщую воинскую повинность и опираясь на помощь всех своих колоний, ей не удалось бы добиться того же преимущества на суше — если бы только она не создала условий, при которых смогла бы полностью использовать военные возможности Индии. Но и в этом случае мы бы имели лишь противостояние громадных масс и мощных империй; и потому ясно, что достичь такого двойного господства можно лишь случайно, а у такой случайности шансы осуществиться (как о том свидетельствуют факты) весьма невелики. Но и зачислив в стан своих врагов зна-

* Положение изменилось благодаря возросшей военно-морской мощи Америки.

Глава 9. Возможность возникновения всемирной империи

чительное большинство господствующих наций, такая держава все же может иметь преимущества перед их союзом, если добьется превосходства в области науки и в более умелом использовании своих возможностей. Надеясь на успешный исход начатого предприятия, Германия опиралась на превосходство в науке — сам принцип был вполне жизнеспособным. Но в современном мире наука представляет собой всеобщее достояние, и опыт показывает, что даже если одной из наций некими тайными усилиями удастся опередить других и поставить их в более худшие условия, спустя некоторое время — а мощный союз вряд ли может быть разрушен в одночасье — утраченное равновесие восстанавливается, или же находятся новые средства защиты, способные нейтрализовать достигнутое преимущество. И поэтому, для того чтобы подобное предприятие было успешным, нужно допустить, что такая честолюбивая нация или империя сумеет создать какую-то новую науку или сделать неведомое никому открытие — нечто, напоминающее те преимущества, которые позволили Кортесу и Писарро победить ацтеков и перуанцев. Для осуществления подобных широкомасштабных замыслов уже недостаточно одного превосходства в дисциплине и организованности, способствовавших успеху древних римлян или европейцев в Индии.

Теперь понятно, какие требуются условия для успешного построения всемирной империи; так что вряд ли данную модель объединения можно рассматривать как реальную. Усилия в этом направлении вполне возможны, но почти с полной уверенностью можно предсказать их поражение. В то же время не следует забывать о множестве сюрпризов со стороны Природы и помнить, что ее взаимодействие с нами часто выходит за общепринятые рамки, и поэтому нужно быть готовыми к любым неожиданностям с ее стороны. А значит, и такой вариант нельзя считать абсолютно невозможным. Напротив, если у нее возникнет намерение осуществить объединение именно таким образом, она найдет способ создать все необходимые для этого условия и средства. Но даже если это и произойдет, созданная подобным образом империя потребует участия такого огромного количества сил, что поддержание ее будет гораздо более трудным делом, нежели создание, и тогда либо ее скорый распад вновь поставит старую проблему для более полного решения, либо же она, лишившись тех элементов силы и господства, которые вдохновили ее начинания, окажется в противоречии с главной целью своего грандиозного усилия. Однако это касается уже иной части нашей темы, которую мы пока не будем рассматривать. Теперь же можно отметить, что если постепенное объединение мира за счет роста великих неоднородных по своему составу империй, достигших истинного психологического единства, остается пока еще неопределенной и только зарождающейся возможностью, объединение его средствами обычного силового империалистического господства оказывается уже неосуществившейся или уходящей в прошлое возможностью и может произойти только благодаря какому-то новому повороту событий, который бы вдруг преподнесла богатая сюрпризами Природа.

Глава 10. Соединенные Штаты Европы

Мы вынуждены были уделить столько внимания возможностям империи, потому что развитие империалистического государства — это преобладающее явление современного мира; именно оно определяет политические тенденции конца 19 и начала 20 веков, подобно тому, как развитие свободной, демократической нации определяло их в предшествовавшую нам эпоху. Французская революция сформулировала представление о свободном и независимом народе, и, несмотря на космополитизм введенного в революционную формулу идеала братства, она утверждала, прежде всего, представление о свободной, независимой, руководствующейся принципами демократии нации. Этот идеал к началу Великой войны не успел полностью утвердиться даже в западном мире: центральная Европа была демократизирована лишь отчасти, а Россия только начала обращаться к этой общей цели; и поныне в зависимости находятся целые европейские народы или их отдельные части*. Тем не менее, не смотря на свои несовершенства, представление о свободной демократической нации победило и в Америке, и в Европе. Народы Азии также восприняли этот определяющий идеал 19 века, и хотя движения демократического национализма в восточных странах, в Турции, Персии, Индии и Китае, не принесли на первом этапе явных результатов, действенность этого представления, имевшего такие мощные последствия, не может оспариваться ни одним серьезным исследователем. И несмотря на любые возможные видоизменения, несмотря на проникновение новых тенденций и противоположных движений, главные дары Французской революции — национальное самосознание и самоуправление, свобода и просвещение народа, а также социальное равенство и право, столь необходимые для свободы политической, — должны быть, несомненно, сохранены и признаны всеобщим достоянием, неотъемлемыми принципами грядущего миропорядка; так как демократическое самоуправление несовместимо ни с какой формой укоренившегося и жесткого неравенства.

Но прежде чем мощный импульс 19 века исчерпал повсеместно все свои возможности, даже прежде чем он смог полностью осуществиться в Европе, возникла новая тенденция, и передовые умы человечества были захвачены новой идеей — идеалом совершенного государства. В сущности, идеал совершенного государства — идеал социалистический; он базируется на втором понятии великого революционного лозунга — равенстве, в то время как все движение 19 века было сосредоточено вокруг первого — свободы. Первый импульс, заданный великим европейским переворотом, обеспечивал только некий тип политического равенства. Но частичное выравнивание социальных прав не затрагивало того основного неравенства и того политического превосходства, уничтожить

* Это уже не так, хотя государственная зависимость все еще возможна.

которые не может ни одно построенное на конкуренции общество: превосходства имущих над неимущими, неравенства между более преуспевшими в борьбе за жизнь и менее удачливыми, что неизбежно связано с различием в способностях, неодинаковыми возможностями и теми препятствиями, которые создают разные обстоятельства и окружающие условия. Социализм, разрушая конкурентную форму общества и устанавливая кооперативные отношения, стремится устранить это основное неравенство. В прежние времена кооперативной формой человеческого общества были коммуны; но возрождение коммуны означало бы, на практике, возвращение к старому типу города-государства, а поскольку подобное возвращение невозможно в связи с тем, что современная жизнь стала намного более сложной, социалистические идеи можно осуществить, только прибегнув к помощи жестко организованного национального государства. Уничтожить бедность не методом грубого уравнилельного распределения, но получив доступ ко всей народной собственности и распоряжаясь ею силами государства, предельно уравнивать противоположности и способности за счет всеобщего образования и воспитания, опять же при помощи государства, — вот основа современного социализма. Что означает отмену или, по крайней мере, сведение к минимуму, индивидуальной свободы. В действительности, демократический социализм еще придерживается старого идеала политической свободы: он настаивает на праве всех членов общества принимать участие в выборах, в оценке и смене правителей — все же прочие свободы готов принести в жертву основной идее.

Поэтому развитие социалистического принципа будет, по-видимому, вести к эволюции превосходно организованного государства национального типа, которое сможет обеспечивать и контролировать образование и воспитание, сможет управлять и руководить всеми экономическими движениями, принимая для этого, а также для убежденности в собственной эффективности, нравственности и социальной справедливости, в собственном благополучии, самое непосредственное участие в организации всей жизни или, по крайней мере, большей ее части, как внешней, так и внутренней, составляющих его индивидуумов. Практически это можно осуществить средствами государственного контроля, которого в прежние времена общество добивалось при помощи социального принуждения, жесткого кодекса традиций, непосредственными указами, шастрами¹. Это был, в сущности, неизбежный результат самого революционного идеала. Впервые взятое на вооружение якобинцами под давлением внешней угрозы в царство террора, подобное отношение продолжало распространяться и укрепляться, под воздействием уже внутренней потребности, в течение всей второй половины 19 века; широко проникло в жизнь — пусть еще и несовершенно, но

1. *шастры* (санскр.) — своды моральных и социальных норм; знания о истинах, принципах, силах и процессах; теория; предписываемое правило.

уже как первый проблеск грядущего совершенства — при соединении внутренней и внешней необходимости во время последней войны. То, что в начале было лишь идеалом, в направлении которого предпринимались только первые робкие шаги, нынче стало осуществляемой программой, доказывающей со всевозрастающей убедительностью и наглядностью, хотя и несколько поспешно и несовершенно, свою дееспособность. Правда, для осуществления данного идеала в жизни необходимо упразднить, по крайней мере временно, даже политическую свободу; но это, можно возразить, не более, чем потребность момента, уступка временной необходимости. И то, что правители, облеченные с согласия народа абсолютной властью и неоспоримым авторитетом, исполняли в военное время частично и временно, в более свободных мирных условиях может быть исполнено в полном объеме силами самоуправляемого демократического государства.

В таком случае в ближайшем будущем человеческое общество примет, вероятнее всего, облик самоуправляемой, политически свободной нации, стремящейся к совершенной социальной и экономической организации и готовой ради этого полностью отдать индивидуальную свободу под контроль хорошо организованного государства*. И подобно тому как Франция в конце 18 и начале 19 веков была величайшим провозвестником и поборником политической свободы и политического равенства, Германия в конце 19 и начале 20 веков стала основным проповедником и поборником представления об организованном государстве. Здесь родилась теория социализма, именно здесь его пропаганда оказалась наиболее эффективной, и большая часть нации поверила новому евангелию, и именно здесь были основательно и с блеском разработаны и проведены в жизнь основные социалистические мероприятия, а также те, которые утвердили государственный контроль над личностью во имя общего блага и эффективности нации. И не так важно, что их осуществляло антисоциалистическое, военное и аристократическое правительство: результат доказывает непреодолимую силу новой тенденции, для полноты ее триумфа недоставало одного — передачи исполнительной власти от прежних хозяев народу.

На протяжении последних десятилетий рост популярности немецких представлений и усиливающаяся тенденция следовать немецким методам государственного вмешательства и государственного контроля заметен и в других странах, даже в Англии, родине индивидуализма. Поражение Германии в Европейской войне вовсе не означает поражения ее идеалов, точно так же, как поражение, нанесенное союзом европейских держав революционному и наполеоновскому духу во Франции, даже временный триумф монархической и аристо-

* С изумительной основательностью это было исполнено в большевистской России, нацистской Германии и фашистской Италии, и некоторое время неизбежность подобного выбора угрожала распространиться повсюду.

кратической системы, не означали, что новые представления потерпели крах и не могут поэтому распространиться по всей Европе. Несмотря на то, что немецкий милитаризм и юнкерство были разрушены, распад имперской формы правления только ускорял более полное развитие и победу великой тенденции нашего времени — стремления к совершенно организованному социалистическому государству, стремления, набравшего силу за их спиной и вынуждавшего их способствовать его росту; в то время как сам итог войны подталкивал народы, противостоящие Германии, к более быстрому достижению того же самого идеала.

Если бы положение дел ограничивалось только этим, естественный ход событий на фоне распада немецкой формы империализма логически привел бы к новому устройству мира как системы независимых, но все более совершенствующих свою государственность наций, без особой напряженности взаимодействующих между собой и сохраняющих свою самостоятельность. С тех пор как человеческий разум находится в процессе мощного революционного брожения, желанным идеалом для него остается возможность создания федерации свободных наций, парламента мира — Всемирной федерации. Однако обстоятельства не оставляют никакой надежды на столь идеальный итог в ближайшем будущем, поскольку в мире действуют не только националистические, демократические и социалистические представления. Империализм заявляет о себе с не меньшей силой. К настоящему времени только очень ограниченное число европейских народов остаются нациями как таковыми; все они — свободные нации, в подчинении которых находится то или иное человеческое общество, полностью или частично от них зависимое. Даже у небольшой Бельгии есть свое Конго, колонии у Португалии, в восточном архипелаге расположены зависимые от Голландии области; а мелкие Балканские государства мечтают возродит "империю" и править не только своими народами, но вынашивают мысль распространить господство на весь полуостров. Горячо любимая Мадзини² Италия намерена осуществить свои амбиции в Триполи, Абиссинии, Албании, Греции. Очевидно, что империалистические настроения будут в ближайшем будущем не ослабевать, а возрастать. Идея переустройства Европы на строго национальной основе, овладевшая в начале войны умами либерально настроенных кругов английского общества, еще далека от своей практической реализации; если все же ей удастся как-то воплотиться в жизнь, то останутся еще Азия и Африка — сфера приложения империалистических амбиций западных стран и Японии. Незаинтересованность, которая дала возможность большей части американского общества ратовать за свободу Филиппин и которая сдерживала желание использо-

2. *Мадзини Джузеппе* (1805—1872) — итальянский патриот, боровшийся за независимость и республиканский строй в Италии.

Глава 10. Соединенные Штаты Европы

вать в своих интересах затруднения, возникшие у Мексики, была бы просто невозможна для умонастроений Старого Света; еще неясно, правда, как долго такое отношение сможет противостоять вспышкам империалистических настроений в самой Америке, все чаще озаряющим ее политический небосклон. Ум человечества захвачен национальным эгоизмом, жаждой господствовать, жаждой создавать и расширять свои владения, хотя, возможно, используемые при этом методы несколько видоизменились под влиянием более высоких побуждений и более совершенной национальной морали, начинающих проявляться в жизни. Но до тех пор пока не изменится сам дух отношений, объединение человечества в федерацию свободных народов будет оставаться возвышенной утопией.

Вне всякого сомнения главной целью нашего развития должны быть свободный союз и единство, и до тех пор пока мы их не добьемся, мир будет подвергаться постоянным изменениям и революционным преобразованиям. Всякий установившийся порядок в силу своего несовершенства, в силу того, что он всегда настаивает на каком-либо устройстве, допускающем несправедливость или противодействующем новым силам и отношениям, или же в силу того, что он уже пережил свою полезность и оправданность, должен закончиться разладом, сопротивлением и переворотом, должен измениться сам или быть измененным извне; в противном случае он будет вызывать катаклизмы, вроде тех, что периодически омрачают все человеческие достижения. Но еще не настало время, когда на смену искусственным и несовершенным отношениям придет истинный принцип устройства общества. Глупо ожидать появления федерации свободных наций, пока не исчезло их теперешнее неравенство, или же пока весь мир не возвысился до общей культуры, имеющей более высокое нравственное и духовное основание, по сравнению с тем, которое нынче существует и возможно. Еще процветает и господствует империалистический инстинкт, и он пока сильнее принципа национализма; возникновение мировых империй ослабило, по крайней мере на какое-то время, тенденцию развития свободных народов. Остается надеяться, что на смену старому типу искусственной, построенной преимущественно на политической основе империи придет более истинный и более нравственный вариант союза, а существующие империи, заинтересованные в росте собственной силы и движимые просвещенным своекорыстием, поймут, что признание национальной автономии — это мудрая и необходимая уступка все еще живому инстинкту национализма, способному служить делу усиления, а не ослабления могущества и единства империи. Таким образом, хотя еще и невозможно в настоящее время создание федерации свободных народов, все же вполне возможно сплочение системы федеративных империй и свободных наций в новый, не известный еще миру более тесный союз; и тогда с помощью этого, а также и других шагов в более или менее близкой перспективе может родиться некая форма политического единства человечества*.

Война дала повод для множества предположений к созданию такого союза, но, как правило, они сводились к переустройству международных отношений в Европе. Одно из них состояло в упразднении войны средствами более сурового международного закона, охраняемого международным Судом и поддерживаемого всеми нациями, согласными применить его против правонарушителя. Такого рода решение останется пустой фантазией, если за ним сразу же не последуют дальнейшие и более перспективные начинания. Закон, на который будет опираться подобный суд, должен проводиться в жизнь либо союзом неких сильнейших держав, вроде коалиции главенствующих в Европе победителей-союзников, либо согласованными действиями всех европейских держав, либо Соединенными Штатами Европы, либо же какой-то иной формы европейской федерации. Господствующий союз великих держав был бы просто-напросто повторением системы Меттерниха³ и со временем несомненно развалился бы, в то время как союз европейских держав может означать только, как показывает опыт, неудачную попытку соперничающих группировок добиться какого-то взаимопонимания, способного отсрочить, но не навсегда прекратить прямую борьбу и столкновения. В столь несовершенных системах такой закон может признаваться до тех пор, пока он будет выгоден, лишь до тех пор, пока другие державы, жаждущие перемен и реорганизации, отвергаемых остальными, не поймут, что настал благоприятный для сопротивления момент. Внутри страны государственный закон гарантируется лишь до тех пор, пока существует признанный авторитет, уполномоченный утвердить его и осуществлять необходимые изменения, обладающий достаточной силой пресекать все его нарушения. Тем же преимуществом должен отличаться и международный всеевропейский закон, если он рассчитывает иметь какой-то вес, помимо одной моральной силы, игнорируемой каждым, кто достаточно для этого силен и находит преимущества в том, чтобы с нею не считаться. Поэтому некая форма европейской федерации, пусть и несовершенная вначале, все же необходима, раз уж поддержи-

* Появление Гитлера и безудержное стремление к мировому господству Германии парадоксальным образом способствовали его поражению, а противодействие ему полностью изменило все окружающие условия: теперь образование Соединенных Штатов Европы гораздо более возможно, и даже ощущается в этом направлении некоторое движение.

3. *Меттерних* (1773—1859) — князь, австрийский государственный деятель и дипломат, один из организаторов Священного союза. Так называемая система Меттерниха была направлена на борьбу с революционными, либеральными и национально-освободительными движениями во всех странах; он был инициатором политики полицейских репрессий в Австрии и государствах Германии. Ключевым пунктом его политики было стремление использовать Европейский союз в качестве инструмента для достижения стабильности Европы, путем подавления любых революционных движений.

Глава 10. Соединенные Штаты Европы

вающее эти предложения представление о новом мироустройстве нуждается в своем практическом выражении; получив признание, такая федерация должна будет неизбежно укрепляться и приобретать постепенно форму Соединенных Штатов Европы.

Каким бы образом Европейское единство ни сложилось, если оно все же возникнет, его можно будет укреплять и совершенствовать, противодействуя множеству разрушительных тенденций, множеству причин для разногласий — а как долго будет тянуться борьба, покажет жизнь. Но очевидно, что на современном уровне человеческого эгоизма, если такое единство все-таки возникнет, это будет слишком мощный инструмент для подавления и эксплуатации остального мира группой наций, оказавшихся к настоящему моменту на гребне прогресса. Оно неизбежно вступит в противоречие с идеями азиатского единства, американского единства и, несмотря на то, что подобные континентальные союзы, заменяющие собой нынешние меньшие национальные единства, могли бы быть шагом к окончательному объединению всего человечества, их появление способно привести к катаклизмам такого вида и масштаба, что на их фоне последняя катастрофа покажется малозначительным эпизодом, а человечеству придется надолго распрощаться со своими надеждами на скорый и реальный прогресс. Но главное возражение против идеи Соединенных Штатов Европы состоит в том, что человечество в целом настроено искать решения своих проблем на более общем трансконтинентальном уровне, на общечеловеческой основе. И с этой точки зрения, разделение по континентальному признаку было бы слишком реакционным и порождало бы чересчур серьезные препятствия на пути человеческого прогресса.

Европа находится в необычном положении: она готова к Всеевропейскому союзу, но в то же время вынуждена его превзойти. Не так давно конфликт этих двух тенденций странным образом отобразился в неких теоретических рассуждениях о природе нынешнего Европейского противоборства. В соответствии с ним вина Германии, развязавшей эту войну, заключалась в чрезмерности ее национального эгоизма и игнорировании более общего представления о Европе, по отношению к которой нация должна занимать подчиненное и второстепенное положение. Жизнь Европы в целом — вот всепоглощающее единство; на первом месте должны стоять именно ее интересы, а национальный эгоизм допускаться только как составная часть общего эгоизма. В действительности это не что иное, как воплощение в жизнь появившихся несколькими десятилетиями раньше представлений Ницше, утверждавшего, что национализм и война не более чем пережитки прошлого, и идеалом просвещенного интеллекта должно стать не благо патриотов, но благо европейцев. Сразу возникает вопрос, какова

Глава 10. Соединенные Штаты Европы

же тогда возрастающая роль Америки в области мировой политики, а также Японии, Китая, движения возрождения Азии? Поэтому автору теории пришлось, отступая от первоначальной формулировки, пояснить, что под Европой он понимает не Европу как таковую, но все нации, которые восприняли принцип европейской цивилизации как основу своей политики и социального устройства. Такое более философское определение имеет явное преимущество, поскольку включает Америку и Японию и рассматривает тем самым все свободные или господствующие нации как возможных партнеров одного общего круга, а также оставляет доступ в него другим — всем, кто сможет доказать (силовым путем, как Япония, или как-то иначе), что они восприняли европейский стандарт.

Европа, несмотря на то что в своей самооценке она противопоставляет себя остальному миру — что ясно видно на примере часто выражаемого возмущения по поводу присутствия в Европе Турции и желания положить конец власти азиатов над европейцами, — неразрывными узами связана и с Америкой, и с Азией. Некоторые из европейских стран сохранили свои колонии в Америке, все они имеют какие-то владения и интересы в Азии (только Япония остается неподвластной Европе), а также в Северной Африке, культурно единой с Азией. Поэтому Соединенные Штаты Европы будут означать, по сути, федерацию свободных европейских наций, под властью которой остаются и наполовину порабощенная Азия, и значительные области Америки; а в опасной близости от нее продолжают свое существование независимые народы, самой разобщенностью своей создающие для федерации постоянную угрозу, вселяющие тревогу и омрачающие ей жизнь. Неизбежным результатом такого положения в Америке должно стать сближение латинских центра и юга с англоязычным севером и упор на доктрину Монро⁴, с труднопредсказуемыми последствиями, в то время как в Азии возможно только одно или два приемлемых решения сложившейся ситуации: либо исчезновение пока еще свободных азиатских государств, либо их более мощное и всеобщее возрождение, уход Европы из Азии. Подобное движение было бы всего лишь продолжением старого направления развития человечества и сводило бы к нулю космополитические условия, создаваемые современной культурой и наукой; но они неизбежны, если национальная идея будет поглощена идеей европейской, то есть континентальной, а не более широким представлением о едином человечестве.

4. Сформулированная в 1823 г. (в ответ на угрозу вторжения Священного союза в Латинскую Америку) государственным деятелем США Дж. Монро, *доктрина* предполагала разграничение мира на американскую и европейскую системы и невмешательство их в дела друг друга; провозглашала, по сути, лозунг: "Америка для американцев".

Глава 10. Соединенные Штаты Европы

Поэтому, если в результате нынешнего переворота возникнет какой-то тип наднационального устройства, то ему помимо Европы придется включить в себя еще и Азию, и Африку, и Америку и быть по своей природе организацией для устройства международной жизни входящих в ее состав и свободных наций, таких как Швеция, Норвегия, Дания, Соединенные Штаты, латиноамериканские республики, и наций империалистических и колонизаторских, а это — большинство стран Европы. Последние или останутся такими же, как и сейчас, свободными, но сохраняющими свою власть над подчиненными народами, все более и более нетерпимыми к своему угнетению, или же они могут, благодаря росту нравственного начала — еще такому далекому от совершенства — измениться, превратившись в центры свободной федеративных империй или взяв на себя роль попечителей тех народов, которые по-прежнему отстают в развитии, пока последние не научатся самоуправлению — что не так давно потребовалось от Соединенных Штатов на Филиппинах. В первом случае единство, порядок, утвердившийся закон будут взращивать беспримерную систему несправедливости, на нее же в какой-то мере и опираясь, подвергаться воздействию бунтов и революций со стороны Природы и тех мощных волн возмездия, посредством которых она в конце концов отстаивает права человеческого духа, сметая те ошибочные движения, которые она временно терпит как необходимый элемент развития. Второй вариант даст какую-то возможность для того, чтобы новый порядок, пусть вначале и далекий от неоспоримого идеала свободной ассоциации свободных человеческих сообществ, мог бы мирным путем, естественным духовным и этическим развитием человеческой расы вести ее к созданию такого безопасного, справедливого и здорового политического, социального и экономического основания, которое позволило бы человечеству отвлечься от забот низшего характера и начать, наконец, развивать более благородную часть своей неисполненной судьбы, свое высшее "Я", а если и не его — так как неизвестно еще, чем завершится эксперимент Природы над человеческим типом — то, по крайней мере, самых величайших возможностей, на которые только способен наш человеческий разум.

Глава 11. Небольшая независимая общность и более крупное единство

Изучив перспективы объединения человечества на политической, административной и экономической основе, мы приходим к выводу, что определенный тип единства или же, по крайней мере, первый шаг к нему не только вполне возможен, но и необходим — он обусловлен самим духом и смыслом потребностей человеческой расы. Дух этих потребностей сформировался в основном под влиянием возросшего взаимопонимания и более тесного общения, но связан также с развитием более широких и свободных интеллектуальных идеалов и эмоциональных склонностей в совершенствующемся человеческом умонстроении. Смысл потребностей связан отчасти с необходимостью удовлетворить эти идеалы и симпатии, отчасти с политическими и материальными переменами, которые были вызваны разобщенной национальной жизнью, войнами, коммерческим соперничеством и, как следствие, небезопасностью, рискованной сложностью и легкой уязвимостью современной социальной организации, оказывающейся все более и более тягостной и для бизнесмена, и для политика, и для мыслителя-идеалиста. Этот новый поворот вызван еще и желанием преуспевающих наций владеть без помех остальным миром, использовать и эксплуатировать его так, чтобы иметь возможность избежать опасных последствий, принимающие все более устрашающие масштабы соперничества и конкуренции; все чаще возникает стремление к согласию и взаимопониманию, к поиску компромиссов. Истинная сила этой тенденции скрыта в интеллектуальном, идеалистическом и эмоциональном элементах. Экономические причины обладают известным постоянством и способствуют действенному и надежному осуществлению, но им присущи элементы искусственные и временные, способные увеличивать опасности и ослаблять данную тенденцию. Политические мотивы остаются самой низменной частью этого союза; их наличие может даже привести к обратному результату, к неизбежности разрушения такого объединения и полному отказу от всех его последствий.

Тем не менее какие-то результаты будут рано или поздно достигнуты. Давайте посмотрим, в каких направлениях они наиболее вероятны. Прежде всего вполне оправданно определенное соглашение и предварительное объединение ради общих интересов и потребностей: мероприятия в области коммерции, мероприятия для решения спорных вопросов, мероприятия по наведению порядка в мире. Такие первые предпринятые в этом направлении шаги будут под давлением общего руководящего представления и настоятельной потребности естественным образом вести к более сплоченному союзу, а впоследствии, возможно, и к общему верховному правительству, которое будет сохранять свою власть до тех пор, пока не проявятся недостатки данной системы и не возникнут иные идеалы и тенденции, несовместимые с ее существованием и ведущие либо к новым радикальным переменам, либо к полному ее распаду на составные части.

Глава 11. Небольшая независимая общность и более крупное единство

Мы уже знаем, что такой союз может возникнуть только в том случае, если современный мир подвергнется определенным, неизбежным переменам, проводимым в жизнь скорее путем урегулирования международных отношений, нежели введением новых, имеющих гораздо более отдаленные последствия, радикальных принципов и социальных преобразований внутри самих наций. В такой союз войдут как современные свободные нации, так и колониальные империи; но внутреннее устройство общества и система управления начнут стремительно меняться в сторону жесткого государственного социализма, равенства, делающего основную ставку на женщин и рабочих. Так в настоящее время господствуют именно эти настроения. Однако нельзя с уверенностью сказать, что именно они будут преобладать в будущем. Нам неведомы все превратности человеческой драмы, все яростные попытки возродить старое представление о нации, все коллизии, неудачи, неожиданные последствия претворения в жизнь новых социальных тенденций, все возмущения человеческого духа против тягостного и механического государственного коллективизма, все возрастающие и набирающие силу возможности евангелия философского анархизма, призванного вновь подтвердить неискоренимую человеческую жажду индивидуальной свободы и свободного самовыражения, все неожиданные религиозные и духовные революции, которые могли бы вмешаться в самый ход событий современного движения человечества и привести его к совершенно другому итогу. Человеческий разум еще не стал настолько просвещенным, не выработал надежной науки, чтобы с уверенностью предсказать даже свой завтрашний день.

Давайте, однако, допустим, что никакой неожиданный фактор не вмешается. В таком случае возможно удастся достичь политического единства человечества — в каком-то одном из его вариантов. Остается вопрос, желательно ли, чтобы оно осуществилось таким образом и именно сейчас, и если да, то при каких обстоятельствах, и какие необходимы условия, чтобы подобный результат не оказался временным, как уже не раз случалось с предшествующими объединениями. И прежде всего давайте вспомним, какой ценой человечество добивалось в прошлом крупных независимых объединений. Непосредственное прошлое преподнесло нам нацию, естественную однородную империю, объединяющую родственные по национальности и культуре или связанные географическими особенностями и взаимным притяжением нации, а также искусственную неоднородную империю, завоеванную силой в результате коммерческой и военной колонизации и удерживаемую властью закона, но не обладающую действительным психологическим единством. Каждый из этих типов устройства общества достигал определенной цели и в какой-то мере способствовал развитию человечества в целом, но вместе с тем каждому из них были присущи и свои недостатки, временные или постоянные, причинявшие вред полноте самого идеала.

Процесс формирования нового единства, когда он осуществляется внешне-

Глава 11. Небольшая независимая общность и более крупное единство

ми и механическими средствами, должен сопровождаться и действительно, под влиянием практических потребностей, всегда сопровождается определенным ограничением внутренней жизни, сохраняющимся до тех пор, пока такое единство не окажется в состоянии вновь позволить себе внешне проявлять внутреннюю жизнь; поскольку вначале оно было занято созданием формы и поддержанием безопасности своего существования. Его главная задача — утвердиться, и ради этого оно вынуждено жертвовать разнообразием, гармоничной сложностью, богатством материала, свободой внутренних отношений, без которых невозможно истинное совершенство жизни. Для того, чтобы сделать такое единство сильным и надежным, необходимо создать преобладающий центр, сконцентрированную в одном месте государственную власть монарха или военной аристократии, плутократии или иного хитроумного изобретения, которому должна подчиняться или быть принесена в жертву свобода и свободная жизнь индивидуума, общества, города, области или любого другого объединения меньшего масштаба. Вместе с этим возникает тенденция к созданию жестко-механического и фиксированного состояния общества — классовой или сословной иерархии. Одним отводится низшее положение, роль прислуги, оставляется единственная возможность влачить жалкое существование, в то время как другим — высшее, господствующее; таковой была иерархия, представленная королем, духовенством, аристократией, средним классом, крестьянством, классом рабов, пришедшая в Европе на смену богатой и свободной жизни города и рода, а также иерархия жесткой кастовой системы, заменившей в Индии свободную и естественную жизнь мощных арийских родов. Кроме того, как мы уже видели, активное и плодотворное участие всего народа или его большинства в полноценной общей жизни, бывшее огромным преимуществом малых, но свободных ранних обществ, намного труднее достижимо в более крупных объединениях и оказывается вначале невозможным. Вместо этого основная жизненная сила сосредотачивается в господствующем центре или, в лучшем случае, в руках правящего или руководящего класса или классов, в то время как основная масса общества остается в состоянии относительного оцепенения и вынуждена довольствоваться малым, получая лишь ту долю жизненных благ, которой высшие слои общества снисходительно делятся с низшими, ведущими более бедную и ограниченную жизнь. Мы наблюдаем это явление в исторический период человеческого развития, непосредственно предшествовавший современной эпохе и участвовавший в ее создании. Возможно, что и в дальнейшем будет ощущаться необходимость в концентрирующей и формообразующей жесткости для прочного утверждения и закрепления новых политических и социальных форм, которые пришли или придут ей на смену.

Небольшие человеческие сообщества, все члены которых могут непосредственно участвовать в общей жизни, и в которых общие идеи и движения легко

Глава 11. Небольшая независимая общность и более крупное единство

и живо ощущаются всеми, не требуют создания большой и сложной организации и поэтому имеют возможность быстро исполняться и претворяться в жизнь, естественным образом обращаются к свободе, как только ослабевает преобладавшая перед тем в их жизни изначальная потребность в самосохранении. В подобных условиях формы вроде абсолютной монархии, деспотической олигархии, непогрешимой папской власти или священного класса теократии произрастают с трудом; им недостает тех преимуществ, которые приносит пропасть, отделяющая просвещенный класс от народной массы, а также недоступность для постоянной критической оценки их поведения индивидуальным умом, от которого должен был бы зависеть их престиж, и свобода от тягостной необходимости быть похожими на общую массу остальных граждан и от единообразия во всех тех областях, которые им приходится учреждать и поддерживать. Поэтому видим, что монархия невозможна в Риме, а в Греции она выглядела бы как противоестественная и грубая узурпация власти, в то время как даже более сильная олигархическая форма правления не могла обеспечить себе, за исключением чисто военных обществ, подобных Спарте, ни высшего и исключительного превосходства, ни достаточной продолжительности. Склонность к демократической свободе, при которой каждый человек, как гражданин и обладающая определенными способностями личность, принимает естественное участие в гражданской жизни, в культурных учреждениях государства, имеет равные права при установлении и исполнении законов и ведении политики, воплощалась в духе города-государства и была неразрывно связана с характерной для него формой. Рим также был склонен к подобным отношениям, хотя складывались они не так быстро и не столь же полно проявлялись в его жизни, как в Греции из-за потребностей военизированного и победоносного государства, которому для осуществления международной политики и военных действий был нужен либо абсолютный глава, *император*, либо немногочисленная группа правителей; но демократический элемент сохранялся и в этом случае, а склонность к демократии была так сильна оттого, что складывалась и развивалась почти с доисторических времен, еще с тех самых пор, как Рим начал вести борьбу за существование и расширение своих границ, и если от нее приходилось отступать, то только на время в наиболее острые периоды такой борьбы, как, например, в войне с Карфагеном за власть в Средиземноморье. Древние индийские общества тоже были свободными, царь исполнял лишь роль главнокомандующего или гражданского правителя. Демократические основы мы обнаруживаем во времена Будды; в небольших княжествах они сохраняются в дни Чандрагупты и Мегасфена¹, даже после того как громадные монархии и империи со своим бюрократическим руководством вытеснили более раннюю свободную политику. И только после того, как ощущение необходимости организовать жизнь индийского общества на всем полуострове или, по крайней мере, в северной его части

Глава 11. Небольшая независимая общность и более крупное единство

стало достаточно сильным, в стране начала складываться абсолютная монархия и появилась каста ученых и жрецов, утвердивших теократическое господство над общественным разумом и жесткую систему шастр в качестве связующей нити социального единства и скрепляющего звена национальной культуры.

Общественная жизнь подобна жизни политической и гражданской. В небольшом обществе почти неизбежно возникает определенно демократическое равноправие; противоположное явление сильных классовых различий и превосходства в племени или в роду может появиться в военное время, но оно не будет долговечным в тесно взаимосвязанной жизни упрочившего свое положение города-государства — разве что в случае применения искусственных средств вроде тех, к которым прибегали Спарта и Венеция. Даже когда сохраняются определенные различия, их исключительность несколько сглаживается после того, как они делаются основой устойчивой иерархии, и тогда они не могут уже углубиться и усилиться. Примером такого естественного небольшого сообщества могут служить Афины, где дубильщик Клеон имел столь же сильное политическое влияние, как и благородный и богатый Нисиас, высшие офицерские и гражданские функции были вполне доступны и самым различным людям, и самым различным сословиям, а социальным обязанностям и отношениям — свойственны свободное общение и равноправие. Подобное демократическое равенство, хотя и иного типа, мы находим в более ранних упоминаниях об индийской цивилизации. Жесткая иерархия каст с преобладающим и высокомерным отношением — явление гораздо более позднего периода; в простой жизни древних времен различие и даже превосходство определенных обязанностей не сопровождалось непременно чувством личного или сословного превосходства: вначале наиболее священные, религиозные и социальные обязанности, исполняемые Риши и жрецами, были, по-видимому, доступны людям всех сословий и родов деятельности. Теократия, кастовая система и царская власть, подобно церкви и монархической власти в средневековой Европе, набрали силу *pari passu*, под давлением новых обстоятельств, вызванных ростом крупных социальных и политических объединений.

Общества, достигшие успехов культуры в тех же условиях, что и ранние греческие, римские и индийские города-государства и народности родо-племенного типа, своим развитием были обязаны общему оживлению жизни и динамической силе культуры и творчества, от которого последующие сообщества наци-

1. *Мегасфен* (грек по происхождению) — посол Селевка (царя одного из эллинистических государств, образовавшихся после распада империи Александра Македонского) в Индии. Был направлен в столицу царства Магадхи (южного соседа Селевка), в город Паталипутра. Составил подробное описание Индии, ее природы, хозяйства, своеобразных отношений, политического строя, обычаев и нравов.

Глава 11. Небольшая независимая общность и более крупное единство

онального типа были вынуждены отказаться, и возродить которое сумели только после долгого периода самооформления, встретив и преодолев трудности, сопровождавшие развитие этого нового организма. Высочайшим достижением культурной и светской жизни греческих городов были Афины; их жизнь — это поток непрерывного образования, беднейший мог сидеть рядом с богачом в театре, наблюдая суд или драму Софокла или Еврипида, а афинский торговец или лавочник — принимать участие в возвышенных философских диспутах Сократа; они подарили Европе не только свои основополагающие политические типы и идеалы, но практически все основные формы интеллектуальной, философской, литературной и художественной культуры. А с другой стороны, живая политическая, юридическая и военная жизнь одного города — Рима дала Европе все основные типы политической активности, военную дисциплину, науку, юриспруденцию и закон, понятие о справедливости и даже идеал империи и колониализма. Торжество духовной жизни древней Индии, отголоски которой звучат в Ведах, Упанишадах и буддийской литературе, привело к созданию религиозных, философских и духовных дисциплин, с тех пор так или иначе влияющих на жизнь и Азии, и Европы, посылающих им живительные лучи своего духа и знания. Основа свободной, обобщенной, глубоко взаимосвязанной и действенной силы жизни, которую современный мир лишь постепенно начинает перестраивать, была, несмотря на все различия, той же самой: полное участие, определявшееся не принадлежностью к какому-то сословию, но исключительно индивидуальными свойствами в многогранной жизни общества, где каждый разделял энергию всех, был полон ею и свободен расти, оставаться самим собой, свершать, мыслить и творить в незатухающем потоке универсальной энергии. Именно это условие, эти отношения личности и общества пытались в какой-то мере возродить современная жизнь в громоздкой, неуклюжей и несовершенной манере, но уже с участием более широкомасштабных сил жизни и мысли, по сравнению с теми, которые могли быть использованы на заре человечества.

Вполне возможно, что если бы древние города-государства и племенные народности продолжали существовать и видоизменяться так, создавая более крупные свободные общества и не теряя при этом собственной жизни в новой общей массе, множество созданных нами громадных и сложных проблем, risking привести к невероятным опасностям и широкомасштабным потрясениям, было бы решено с большей легкостью, при непосредственном понимании Природы, при соответствии ей. Но этого не должно было случиться; прежняя жизнь имела свои существенные недостатки, исправить которые она была не в силах. У народов Средиземноморья было два наиболее важных исключения из права индивидуального участия в полноценной гражданской и культурной жизни общества; они лишали возможности участия в ней рабов и допускали лишь в

Глава 11. Небольшая независимая общность и более крупное единство

очень ограниченном виде участие женщин. В Индии институт рабства практически отсутствовал, а женщины вначале были гораздо более свободны и занимали не столь зависимое положение, как в Греции и Риме; но вскоре вместо рабов появился пролетариат, именовавшийся в Индии шудрами, и укоренившаяся склонность отказывать в высочайших достижениях общественной жизни и культуры шудрам и женщинам низвергла индийское общество на уровень его западных сородичей. Если бы древнее общество просуществовало несколько дольше, возможно, что обе эти важные проблемы экономического крепостничества и женского бесправия были бы осуждены и решены, подобно тому как они осуждаются и решаются в современном государстве. Хотя это и довольно проблематично; только в Риме мы замечаем проблеск определенной склонности, позволявший, в принципе, повернуть в этом направлении, однако никогда не выходивший за рамки слабых намеков на такую возможность в будущем.

Более роковой оказалась полная неспособность этого раннего типа человеческого объединения решить вопрос взаимоотношений таких обществ между собой. Их обычной формой отношений оставалась война. Все попытки создать свободную федерацию заканчивались неудачей, единственным средством объединения были завоевания. Привлекательность небольших обществ, в которых человеку живется наиболее легко, породила определенный тип интеллектуальной и жизненной замкнутости, препятствовавшей приспособлению к новым более широким представлениям, которые приносило в жизнь философское и политическое мышление, движимое потребностями и тенденциями иного, более крупного масштаба. Поэтому прежние государства распадались и исчезали; в Индии их поглотили огромные бюрократические империи Гуптов и Маурьев, которых сменили Патаны², Моголы и англичане, на Западе — широкомасштабные военные и торговые завоевания, предпринимавшиеся Александром, правящей верхушкой Карфагена и Римской республикой, а впоследствии и империей. Последние были уже не национальными, но наднациональными образованиями, незрелыми попытками добиться значительного объединения человечества, которые в действительности не могли привести ни к какому окончательному результату до тех пор, пока не сложилось промежуточное звено — национальное единство.

Поэтому создание национальной общности было приостановлено и возобновилось лишь тысячелетие спустя после распада Римской империи; а для того чтобы решить поставленную задачу, миру пришлось на какое-то время отказаться от многих, даже от большинства преимуществ, достигнутых человечеством в ранних городах-государствах. И только после решения этой задачи стали возможны реальные усилия не только в направлении жесткой организации общества, но и его прогресса и совершенствования, не только ради создания строгой нормы социальной жизни, но и ради свободного роста и полноты самой жизни в

Глава 11. Небольшая независимая общность и более крупное единство

пределах этой нормы. Нам предстоит ненадолго задержаться на этой стадии, прежде чем мы сможем понять, будет ли вмешательство нового усилия по созданию широкомасштабного объединения свободно от опасности вновь поступиться, пусть даже временно, внутренним развитием человеческой расы и принести его в жертву устройству громадного внешнего единства.

2. *Патаны* — старое название паштанов, афганцев, живущих за пределами Афганистана; паштаны, также, — самоназвание афганцев. В данном случае, видимо, речь идет о султанах Делийского султаната афганского происхождения; Делийский султанат (1206—1526) был основан на территории Сев. Индии после завоевания ее мусульманским государством Гуридов, правители которого были по происхождению афганцами. Наибольшего расцвета Д.с. достиг при Ала-ад-дине Хильджи (1296—1316). В 1526 г. Д.с. был завоеван Великими Моголами.

Глава 12. Создание донациональных империй в древнем мире и построение наций в современную эпоху

Мы увидели, что построение истинного национального единства оказалось той проблемой, которая досталась средневековью в наследство от древнего мира. Древний мир начинался с родового строя, с города-государства, племени или небольшого местного княжества — с малых сообществ, обитавших среди других таких же сообществ, в целом похожих друг на друга, обычно родственных по языку и зачастую более или менее родственных по происхождению, отличавшихся от других человеческих общностей по крайней мере тенденцией к созданию общей культуры и защищенных в своей общности и непохожести на других благоприятными для этого географическими условиями. Таковыми были Греция, Италия, Галлия, Египет, Китай, Средняя Персия, Индия, Аравия, Израиль — все они зарождались как свободные культурные и географические общности и представляли собой независимые и отличные от других культурные единства, прежде чем смогли стать единствами национальными. Внутри свободного единства рода, племени, города или некоего удельного княжества в их еще не вполне оформившейся коллективной жизни возникало множество поводов для создания сильной и сплоченной общности, постепенно усиливающих чувство непохожести ее на другие культурные единства внешнего мира, чувство противоположности им; в то же время, а часто и в гораздо более острой форме могло ощущаться внутреннее несходство, контрастность и противоположность разных частей одного целого. Там, где местные отличия ощущались наиболее сильно, проблема национального объединения решалась труднее всего, и если решение все же находилось, то имело, как правило, довольно призрачный характер.

Поиск решения предпринимался почти во всех подобных случаях. В Египте и Иудее оно было успешно найдено еще в эпоху древнего мира; в последнем случае решение было полным, в предыдущем же — только частичным, окончательный результат был достигнут лишь при суровом дисциплинирующем участии иностранного ига. Там, где подобная дисциплинирующая сила отсутствовала, там, где национальное единство в какой-то степени достигалось неким внутренним образом — обычно благодаря одержанной над остальными победе одного сильнейшего клана, города или удельного княжества, такого, как Рим, Македония, горные кланы Персии, — новое государство, вместо того чтобы закрепить достигнутый успех и заложить более глубокие и прочные основы национального единства, преступало свои непосредственные нужды и пускалось в военные предприятия. Вместо того чтобы дать возможность психологическим корням национального единства прорасти глубже, а нации приобрести надежное самосознание и вполне овладеть своим единством, настойчиво к нему стремясь, правящее государство, подталкиваемое военным порывом, принесшим ему победу, приступало немедленно к созданию теми же самыми средствами

Глава 12. Создание донациональных империй в древнем мире и построение наций в современную эпоху

более мощного объединения — империи. Ассирия, Македония, Рим, Персия, позже Аравия — все они следовали одной и той же тенденции, шли по одному и тому же кругу. Великое нашествие на Европу и Западную Азию кельтских народов и последующее их разобщение и падение было, по-видимому, связано с тем же явлением и произошло по причине еще более незрелого и плохо устроенного, по сравнению с Македонией, объединения. Каждый из этих народов становился исходной точкой великих империалистических движений еще до того, как ему удавалось стать краеугольным камнем крепкого здания национального единства.

Поэтому такие империи не могли существовать долго. Некоторым, однако, удавалось продлить свою судьбу за счет того, что их основу составлял какой-то один народ, как это было с Римом в Италии. Филиппу — первому правителю, стремившемуся к объединению Греции, — удалось добиться быстрого, но несовершенного успеха в этом деле благодаря предшествовавшему ему не слишком жесткому господству Спарты; и если бы его преемники отличались скорее даром терпения, нежели широтой воображения и высшего гения, этот первый предварительный набросок мог бы быть детально разработан и усилен настолько, что сумел бы обрести некое постоянство. Всякий основатель, быстро и широко внедряющий свой замысел в жизнь, нуждается в преемнике, более отличающемся талантом или гением организатора, чем склонностью распространить свое господство на другие территории. Цезарь, предшествовавший Августу, наметил работу огромной продолжительности; Филипп со своим преемником Александром — сыгравшие такую значительную роль — оказались не более чем мимолетной вспышкой. Рим, которому заботливая Природа отказывала в каком-либо гениальном полководце до тех пор, пока ему не удалось надежно сплотить Италию и заложить основы Империи, сумел добиться большего; тем не менее, создавая эту империю, он не мог претендовать на роль центра и опоры великой нации, но оставался все тем же городом-победителем, использующим подвластную ему Италию в качестве плацдарма для нападения на окружающий мир и его покорения. Поэтому ему пришлось столкнуться с гораздо более трудной задачей ассимиляции полуоформленных народностей и сложившихся или только зарождающихся и отличных от него культур, прежде чем он нашел выход и научился применять для решения этой новой для него задачи искусство полного и абсолютного объединения в меньшем и более простом масштабе, прежде чем ему удалось сплотить в живой организм единого народа (более уже не римский, но итальянский) все элементы древней Италии: галльский, латинский, умбрийский, тосканский и греко-апулийский — основу будущей общности и разнообразия. Поэтому, хотя его империя и была жива в течение нескольких веков, ценой ее столь долгой сохранности были энергия, жизненная

Глава 12. Создание донациональных империй в древнем мире и построение наций в современную эпоху

сила и внутренняя интенсивность; она не завершилась ни национальным единством, ни особенно продолжительной единой империей, но была, подобно другим древним империям, разрушена и уступила место новой эпохе истинного национального строительства.

Необходимо разобраться, в чем же была ошибка. В основе административного, политического и экономического устройства человеческих обществ любого размера лежат те же принципы, при помощи которых Природа создает все живые организмы. Вначале она прибегает к внешним, к физическим средствам, руководствуется, так сказать, принципом физической энергии жизни, хотя ее внутренняя цель — ввести в предварительно подготовленную таким образом модель сверхфизический, психологический принцип, скрытый за внешними проявлениями жизни и тела. Ее главная цель и задача — создать сильное, долговечное тело и обеспечить жизнеспособность конкретного сильного эго, имеющего прочную внутреннюю опору и способного за себя постоять. И как мы уже видели, при таком процессе в более крупном и достаточно свободном единстве возникают и развиваются отчетливо выраженные единства меньшего масштаба; их отличает сильная психологическая взаимосвязь и хорошо развитое тело и жизненность, в то время как объединяющая их более крупная целостность не обладает таким же отчетливо выраженным психологическим чувством и той же жизненной силой, той же жизнеспособностью; это довольно слабый и аморфный организм, полуоформленная масса, более напоминающая текучую субстанцию, нежели собственно тело. Оно еще только формируется и строится, ему требуется твердая физическая форма, хорошо выраженная жизненность и отчетливая психологическая реальность, самосознание и воля к жизни.

Так формируется новое более крупное единство; вновь его окружают подобные ему единства, которые вначале кажутся непохожими на него, враждебными ему, а впоследствии образуют, несмотря на все различия, некую общность; и вновь мы перед тем же явлением объединения в единое целое некоторого числа более мелких независимых единств. Составляющие целое единства оказываются более крупными и более сложными, чем прежде, но положение их остается, по сути, тем же самым, и опять нужно решать ту же проблему. Так, вначале мы наблюдаем появление города-государства и небольших местных народностей, сосуществующих как разрозненные части свободного географического и культурного единства — Италии или Эллады, — и возникает проблема создания итальянской или эллинской нации. Позже на смену им приходят уже сложившиеся или складывающиеся единицы-нации, сосуществующие как разрозненные части некоего свободного географического и культурного единства, вначале христианского, затем европейского, и вслед за этим возникает проблема объединения христианского мира или Европы, достичь которого, несмотря на

Глава 12. Создание донациональных империй в древнем мире и построение наций в современную эпоху

неоднократные попытки отдельных правителей или политических мыслителей, так никогда и не удавалось. И прежде чем были преодолены возникающие в этой связи трудности, развитие современного мира преподнесло нам новое, еще более сложное явление — множество отдельных наций и империй, вовлеченных в свободную, но все более усложняющуюся взаимозависимость и тесную торговую взаимосвязь в масштабе всего человечества; и сопутствующая ему задача объединения человечества уже превосходит несбывшуюся мечту объединения Европы.

В физической Природе живые организмы не могут быть целиком предоставлены самим себе; они живут либо благодаря взаимобмену, либо за счет поглощения других; процессы ассимиляции едины для всей разобщенной физической жизни. С другой стороны, при объединении жизни возможна такая ассимиляция, которая выходит за рамки этих двух противоположных вариантов — поглощения одного другим и поддержания разобщенности, ограничивающей обоюдное усвоение энергий, получаемых друг от друга. Возможно такое соединение отдельных единиц, при котором они сознательно подчиняются какому-то общему для всех единству, развивающемуся в процессе их взаимного сближения. Некоторые из них, на самом деле, могут быть уничтожены и использованы в качестве материала для новых элементов, но, разумеется, не все — одно господствующее единство не должно поглощать остальных; поскольку в этом случае нет никакого объединения, нет создания большего единства, нет продолжающейся более общей жизни, но только временное выживание того, кто поглощает, за счет переваривания и использования энергий поглощенного. И поэтому при объединении человеческих обществ возникает проблема: как подчинить новому единству входящие в его состав части без их гибели и исчезновения.

Слабая сторона древних империй, созданных на основе завоеваний, состояла в том, что они имели обыкновение разрушать те более мелкие единства, которые в себя включали, как, например, это делал Рим, и превращать их в пищу, поддерживающую жизнь главного органа. Так были умерщвлены и обессилены Галлия, Испания, Африка, Египет, их энергия была поглощена центром — Римом; империя, тем самым, превращалась в огромную безжизненную массу, которая в течение нескольких столетий поддерживала жизнь метрополии. Однако этот метод высасывания из подчиненных владений жизненных сил должен был лишиться в конце концов господствующий прожорливый центр всех источников энергии. Вначале лучшие интеллектуальные силы завоеванных провинций перетекали в Рим, а их жизненная сила вливалась в него огромную военную мощь и талант руководителей, а в конечном счете и то и другое пришло в упадок, и интеллектуальная энергия Рима, а затем и его военный и политический талант

Глава 12. Создание донациональных империй в древнем мире и построение наций в современную эпоху

угасли. Римская цивилизация уже не могла продолжать самостоятельное существование и вынуждена была опереться на идеи и движения, получаемые ею с Востока. Такой взаимообмен, однако, не имел ни яркости, ни силы настоящего течения, столь характерных для приливов и возвращения новых мыслей и движений жизни в наше время; он не мог по-настоящему оживить низшую жизненную силу имперской плоти и даже как-то затормозить процесс разложения. Когда хватка Рима несколько ослабла, мир, который он цепко держал в своих руках, не сумел прийти к новой организации или к возрождению и оставался в состоянии всего лишь гигантского разукрашенного живого трупа в пышном убранстве; оживить его смогли лишь напор и неистовство варварского мира, пришедшего с равнин Германии и распространившегося далеко за Дунай, вплоть до аравийской пустыни. Движению здорового созидания должно было предшествовать разрушение.

Мы видим, как в средневековый период построения нации Природа исправляет свою более раннюю ошибку. Говоря об ошибках, мы прибегаем к образу, незаконно заимствованному из человеческой психологии, из человеческого опыта; так как у Природы не бывает ошибок, но лишь выверенный темп намеченного ритма, каждый интервал которого имеет свой смысл и место во всяком действии и противодействии на пути к новым достижениям. Разрушительное господство римского единообразия предполагало не уничтожить навеки, но лишь нарушить случайную разобщенность жизни старых более мелких единств, для того чтобы при их последующем возрождении они не создавали непреодолимых препятствий росту истинного национального единства. Возможность потери национальной целостности, избавленной от подобной суровой дисциплины (мы не будем говорить сейчас об опасности, которую она приносит, — об опасности действительной смерти, постигшей Ассирию или Халдею, а также о духовных и иных приобретениях, когда этой опасности удастся избежать), может быть проиллюстрирована примером Индии, огромным, могущественным и хорошо организованным империям которой — Маурьев, Гупта, Андхра¹, Моголов — никогда не удавалось своей всеокрушающей мощью подавить слишком независимую жизнь подвластных им единств: от деревенской общины до целых районов и языковых областей. И вот уже не внутренний закон, не местная власть, но иностранное господство, власть чужой культуры и морали выполня-

1. *Андхра* (государство Сатаваханов или Шатаваханов) — государство Древней Индии (I в. до н.э. — III в. н.э.), управлявшееся династией Шатаваханов. Основано Симукой, правителем Северо-западного Декана, бывшего в зависимости от царей Магадхи. Симука ликвидировал зависимость, расширил границы на запад и центр Декана, присоединил государство Малва. Представители рода Шатаваханов правили в разных частях Декана в III—IV вв. и позже.

Глава 12. Создание донациональных империй в древнем мире и построение наций в современную эпоху

ют ту работу, которая так и не была проделана за двухтысячелетнюю историю более свободного империализма. Такой процесс подразумевал неизбежное грубое, подчас опасное воздействие, а также разрушение старых институтов; Природа, уставшая от упрямой косности векового противостояния, по-видимому, перестает на время заботиться о гибнущих во множестве прекрасных и ценных вещах, пока не добивается главного результата; и если такое разрушение случается, то, несомненно, только в том случае, когда его уже нельзя избежать.

В Европе, после того, как было свергнуто давление Рима, город-государство и местный народ возродились как части новой культуры; исключение составляла только Италия, и это достаточно удивительно, так как именно в Италии город-государство никогда не оказывал сопротивления процессу национального объединения. Его мощное возрождение мы могли бы объяснить двумя обстоятельствами: во-первых, слишком ранним угнетением Римом древней свободной городской жизни остальной Италии, начавшимся еще до того, как она смогла полностью проявить свои возможности и, во-вторых, тем, что она все-таки сохранилась в зародышевом состоянии, благодаря продолжавшейся гражданской жизни самого Рима и благодаря настойчивому стремлению итальянской *муниципии*² ощутить независимость своей жизни, угнетаемой, но никогда не исчезавшей полностью, как это происходило с независимой жизнью кланов Галлии, Испании или обособленной городской жизнью Греции. В психологическом смысле итальянский город-государство никогда не умирал, удовлетворенный или исполнивший свою роль, и никогда не разрушался полностью, а потому в новых условиях сумел возродиться. Его жизнеспособность оказалась губительной для национальной жизни Италии, хотя давала большие преимущества и блага мировой культуре и цивилизации; подобно жизни греческих городов, городская жизнь Италии переоформилась, обновилась и преподнесла нашей эпохе в новом виде искусство, литературу, мысль и науку греко-римского мира. Кроме того, городское единство, правда, уже в форме свободной или отчасти свободной муниципии выжило в средневековой Франции, Фландрии и Германии; а они никогда не создавали препятствий для объединения, но, скорее, помогали формировать его подсознательную основу и в то же время своими яркими порывами и свободными движениями мысли и искусства предохраняли от средневековой тенденции к интеллектуальному однообразию, застою и невежеству.

2. *Муниципия* (*municipium* — лат.) — в Римском государстве статут городов, свободное население которых получало по договору с Римом в полном или ограниченном виде права римского гражданства. В Римской империи в качестве особой привилегии статут муниципии даровался городам провинций.

Глава 12. Создание донациональных империй в древнем мире и построение наций в современную эпоху

Древняя племенная народность прекратила свое существование, за исключением таких не подвергшихся римскому воздействию стран, как Ирландия, Северная и Западная Шотландия; с точки зрения объединения их судьба была чем-то похожа на судьбу городов-государств Италии; такое положение не позволяло создать в Ирландии организованное единство, а кельтам Верхней Шотландии — соединиться с шотландской нацией англо-кельтов, до тех пор пока они не подпали под власть Англии, исполнившей то, чего не сумела добиться власть Рима, остановленная в своем распространении Грампианскими горами и Ирландским морем. В остальной части Западной Европы работа, проделанная римской властью, была столь значительной и плодотворной, что даже господство в странах Запада германских племен не сумело вновь восстановить власть прежних кичливых и примитивно разобщенных кланов. Вместо них появились местные княжества Германии и феодалы и провинции во Франции и Испании; но только в Германии, которая, подобно Ирландии и Верхней Шотландии, не подверглась римскому игу, такая местная жизнь создавала серьезные препятствия для объединения. Во Франции она какое-то время тоже препятствовала этому движению, но ее сопротивление, по-видимому, было связано со стремлением сохранить особенности местной жизни как элемент богатства и разнообразия в окончательном единстве Франции. Беспрецедентное совершенство этого единства — признак скрытой мудрости, затаенной в том долгом процессе объединения, который мы наблюдаем в истории Франции и который при поверхностном взгляде кажется слишком болезненным и расстраивающим, слишком долго противопоставляющим анархизм феодальному и монархическому деспотизму, слишком непохожим на последовательное уверенное и намного более упорядоченное развитие национальной жизни Англии. Но в Англии необходимое разнообразие и богатство окончательного национального организма было обеспечено иными средствами: сильными различиями тех народов, из которых сформировалась новая нация, а также упорством Уэльса, Ирландии и Шотландии — самостоятельных культурных единиц, не желавших подчинять свое самосознание общему единству.

Таким образом, этап построения наций в Европе отличается от древнего этапа, который вел от местного владения и города-государства сразу к империи, тем, что, во-первых, двигаясь к более крупному объединению, не пренебрегал необходимостью создания промежуточного звена, и, во-вторых, своим медленным и постепенным развитием через три последовательные стадии дал возможность упрочиться единству и сохранил при этом составляющие его элементы, не допустив их гибели, их преждевременного и напрасного подавления теми средствами, которыми велось объединение. Первая стадия этого процесса состояла в довольно долгом уравнивании центробежных и центростреми-

Глава 12. Создание донациональных империй в древнем мире и построение наций в современную эпоху

тельных движений, для того чтобы феодальная система могла обеспечить принцип порядка и более свободное, но все же органическое единство. Вторая — была движением объединения и увеличения единообразия, при котором повторялись определенные черты древнеримской системы, но уже не такой разрушительной силы и менее склонные высасывать все жизненные силы. Ее характеризует, прежде всего, появление центра-метрополии, который стягивает к себе, подобно Риму, лучшие жизненные силы остальных частей организма. Второй чертой был рост абсолютного верховного авторитета, задача которого — утвердить законодательное, административное, политическое и языковое единообразие, способствовать централизации национальной жизни. Третьим признаком этого движения было установление руководящего духовного главы, который бы обеспечивал единообразие религиозной мысли, интеллектуального образования и мышления. Такое объединяющее давление, зайдя оно слишком далеко, могло привести к повторению судьбы Рима и окончиться гибелью, если бы третья стадия, стадия мятежей и борьбы с центральной властью, во время которой происходило разрушение или подчинение самих средств объединения — феодальной системы, монархии, авторитета Церкви, — после того, как их работа была завершена, а также замещение их новым движением, не вела к расщеплению национальной жизни, в основе которого лежала надежная и прочная система свободы и равенства во всех областях жизни: политической, законодательной, социальной и культурной. Ее задачей было добиться того, чтобы все классы и граждане современной нации имели возможность пользоваться преимуществами доступной всем общенациональной жизни и могли принимать участие в ее движениях, подобно тому как это было в жизни древнего города.

Третья стадия национальной жизни давала возможность воспользоваться преимуществами единства и достаточного единообразия, достигнутыми во время второй стадии, и позволяла уверенно и по-новому использовать возможности местной и городской жизни, которые были сохранены от полного разрушения во время первой. Благодаря последовательному развитию нации, уже в нашу, современную, эпоху все более реальной становилась возможность, там, где подобное желание и потребность возникали, смело встретиться с проблемой создания федеративной нации или федеративной империи, имеющей в своей основе глубоко укоренившееся психологическое единство; в более простом виде это, в действительности, уже удалось достичь в Германии и в Америке. И потому теперь у нас есть возможность идти, при желании, к частичной децентрализации путем создания подчиненных правительств, обществ и провинциальных городов, которые могут стать надежной гарантией против чрезмерного поглощения метрополией лучших сил нации и обеспечат их свободную циркуляцию по многим центрам и узловым точкам. В то же время мы ожидаем организован-

Глава 12. Создание донациональных империй в древнем мире и построение наций в современную эпоху

ного использования государства, разумно представляющего всю сознательную, действенную и обновленную нацию, как средства совершенствования индивидуальной и коллективной жизни. Это поворотный момент, когда развитие национального единства вновь приводит нас к необходимости, в соответствии с развивающимися тенденциями, столкнуться либо с более широкой задачей создания империалистического объединения, либо с еще более общими проблемами, порождаемыми культурным единством и коммерческой и политической взаимозависимостью человечества в целом.

Глава 13. Три стадии формирования национального единства

Три стадии, которые были характерны для средневекового и современного этапа развития нации, можно рассматривать как естественный процесс создания из многообразных условий и разнородного материала новой формы единства — как процесс скорее внешнего, нежели внутреннего ее развития. При внешнем способе действия психологическое состояние людей формируется путем изменения форм и привычек, воздействием внешних обстоятельств и установлений, а не путем прямого создания того нового психологического состояния, которое затем будет развивать свободно и гибко подходящие и удобные ему социальные формы. При таком процессе вполне естественно возникновение вначале определенного, не слишком строгого, но все же достаточно надежного общественного порядка и общего типа устройства общества, служащего каркасом, опорой будущего здания. Затем начинается период строгой организации, ведущий к единству и централизации контроля и вероятному общему уравниванию и приведению к единой норме, соответствующей главному направлению развития. И, наконец, если такому новому организму удастся избежать омертвелости и единообразия своей жизни, если он продолжает оставаться живым и действенным творением Природы, тогда, после того как формирование основы завершено, и уже единство определяет интеллектуальные и жизненные нормы поведения, наступает период свободного внутреннего развития. В этом случае такая более свободная внутренняя активность, опирающаяся в своей сути и основе на сформировавшиеся потребности, представления и инстинкты общества, не будет опасна для утвердившегося порядка, не будет способствовать его разрушению или чинить препятствия для уверенного роста и формирования всего общественного организма.

Форма и принцип построения исходной, не слишком жесткой системы были обусловлены как предыдущей историей, так и нынешним состоянием тех элементов, которые необходимо было сплотить в единое целое. Но примечательно, что и с Европе, и в Азии существовала общая тенденция, которая не могла быть связана с взаимообменом представлений и поэтому объяснима только действием той же самой естественной причины и общей необходимости — тенденция развития социальной иерархии, в основе которой лежат четыре различных типа социальной активности: духовная деятельность, политическая власть и двойная экономическая деятельность, связанная, с одной стороны, с варным производством и торговлей, а с другой — с подневольным трудом или обслуживанием. Дух и форма, а также их соответствие друг другу могли быть в разных частях мира различны, сообразно склонностям и особенностям того или иного общества, но основополагающий принцип оставался тем же самым. В каждом случае движущей силой была необходимость в крупной действенной

форме для общей социальной жизни, необходимость иметь фиксированный статус, с помощью которого личные и мелкие общественные интересы могли бы быть подчинены власти данного религиозного, политического, экономического единства и их подобия. Замечательно, что исламская цивилизация с ее господствующим принципом равенства и братства в вере и своеобразным институтом рабства, не препятствовавшим взойти на трон даже рабу, никогда не была способна прийти к аналогичной форме общества и, несмотря на тесный контакт с политической, прогрессивной Европой, так и не сумела сформировать ни одного сильного, живого и хорошо организованного и сознательного национального единства, даже после распада империи халифов; осуществляется это только теперь, уже под влиянием современных представлений.

Но и в тех случаях, когда такая подготовительная стадия достаточно уверенно проводилась в жизнь, последующие стадии возникали не всегда. Феодалный период Европы с ее разделением социальной структуры на четыре части — на духовенство, на короля со знатью, буржуа и пролетариат — во многом похожит на четырехступенчатую структуру индийского общества, представленную жречеством, военным и торговым сословиями и шудрами¹. Индийскую систему отличает иной тип представлений, явно более религиозного и этического, чем политического, социального и экономического характера; но все же определяющую роль играли представления социальные и экономические, и на первый взгляд кажется, что у нее не было причины, несмотря на некоторые детальные отличия, отклоняться от общего пути развития. Японии, с ее строгим феодальным порядком, под духовным и жреческим руководством микадо², а впоследствии и двойным руководством микадо и сегуна³, удалось сформировать наиболее сильную и отличающуюся необычайно высоким самосознанием нацию из всех, когда-либо возникавших в мире. Китай с его выдающимся сословием ученых, объединявших в себе функции духовного и светского знания — браминов

1. Согласно др.-индийскому представлению о варнах (или кастах) общество делилось на четыре касты: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Согласно предписаниям законов Ману: "Обучение, изучение (Веды), жертвоприношение для себя и жертвоприношение для других, раздачу и получение (милостыни) он установил для брахманов; охрану подданных, раздачу (милостыни), жертвоприношение, изучение (Веды) и неприверженность мирским утехам он указал для кшатрия; пасьбу скота и также раздачу (милостыни), жертвоприношение, изучение (Веды), торговлю, ростовщичество и земледелие — для вайшьи. Но только одно занятие владыка указал для шудры — служение этим варнам со смирением".

2. *Микадо* — букв. "величественные врата" — титул верховного правителя Японии. Во время второй мировой войны титул микадо вышел из употребления.

3. *Сегун* — исходно — военачальник; после 1192 г. — верховный военачальник. В 1603 г. сегун Токугава, захватив власть, утвердил на троне свою династию; и хотя сегун продолжал формально подчиняться микадо, фактически, он был главой государства вплоть до 1867 г., когда в результате революции была восстановлена верховная власть микадо, а сегунат упразднен.

Глава 13. Три стадии формирования национального единства

и кшатриев — и исполнительной властью императора и Сына Неба, в качестве главы и символа национального единства, также преуспел в создании единой нации. Иной результат был в Индии, обусловленный, помимо прочих причин, особой эволюцией социального устройства. Обычно такая эволюция вела к формированию светской организации и светского руководства; внутри самой нации она приводила к возникновению ясного политического самосознания и, как следствие, либо к подчинению жреческого сословия военному и правящему сословию, либо же к их равноправию или даже слиянию под властью духовного и светского главы. В средневековой Индии она, напротив, ведет к социальному господству жреческого класса и замещению политического сознания сознанием духовным, делает его основой национального чувства. Не был развит ни один светский центр, ни одному великому императору или царю, каким бы признанным и почитаемым авторитетом, какой бы властью и древностью рода он ни обладал, не удалось преодолеть, даже просто уравновесить авторитет и преобладающее значение жреческого класса и сформировать сознание не только духовного и культурного, но еще и политического единства.

Борьба между церковью и монархическим государством была одной из наиболее важных и существенных особенностей европейской истории. Будь результат этого конфликта противоположным, все будущее человечества оказалось бы в опасности. Церковь была вынуждена отказаться от своих притязаний на светскую власть. Даже нациям, оставшимся католическими, удалось с успехом отвоевать независимость и авторитет светской власти. Так, французский король контролировал французскую церковь и духовенство, что делало невозможным вмешательство папы в дела Франции. В Испании, несмотря на тесную связь папы и короля и теоретическое признание духовного авторитета первого, именно мирской владыка определял политику духовенства и управлял делами инквизиции. В Италии непосредственное присутствие главы католицизма в Риме было серьезным моральным препятствием, мешавшим политическому объединению нации; страстная решимость свободного итальянского народа иметь своего короля в Риме отражала на самом деле закон о том, что сознательная и политически организованная нация может иметь только одну высшую и центральную официально признанную власть — светскую. Нация, достигшая или достигающая такой стадии, должна либо отделить духовную и религиозную жизнь от светской и политической путем индивидуализации религии, либо же обе эти сферы скрепить союзом государства и церкви, подчинив его единому авторитету светского главы, или же совместить духовного и земного главу в одном лице, как это было в Японии, Китае и в Англии в эпоху Реформации. Даже в Индии нашлись народы, достигшие определенного национального самосознания, выходявшего за рамки чисто духовного единства; первыми из них были раджпуты и, в частности, Мевар, где раджа был одновременно главой и общества, и народа; другим народом, развившим национальное самосознание и очень близко подошедшим к достижению политического единства, были сикхи

Глава 13. Три стадии формирования национального единства

(их гуру Говинда-сингх предусмотрительно основал общественный и духовный центр в Кхалсе), а также маратхи, которые не только избрали официального светского правителя, представлявшего сознание всего народа, но и настолько стали мирскими людьми, что весь народ безо всякого различия, от брамина до шудры, на какое-то время превратили в народ потенциальных воинов, политиков и администраторов.

Другими словами, институт утвержденной социальной иерархии, сыграв свою роль в качестве необходимой стадии начальных процессов формирования нации, должен видоизмениться и подготовить собственное исчезновение, для того, чтобы были возможны и другие стадии развития нации. Если средство, полезное для выполнения определенной работы и отвечающее определенному сочетанию внешних условий, продолжает свое действие, когда требуется выполнение уже совсем другой работы и изменились сами условия, оно неизбежно становится препятствием. Для того чтобы сплотить жизнь развивающейся нации вокруг единого центра, необходимо было изменить отношение к духовному авторитету одного класса и политическому авторитету другого и передать власть в руки светского, а не религиозного правителя; если же склонность народа к религии оставалась довольно сильной, нужно было разграничить подвластные единому национальному лидеру сферы духовного и мирского, авторитет которого оставался бы признанным каждой из них. И в особенности, для того чтобы сформировалось политическое самосознание, без которого не может оформиться никакое независимое национальное единство, было необходимо, чтобы все настроения, все активности и средства, способствующие его формированию, перешли, пусть даже и на время, под его руководство, а все прочие следовали им или оказывали поддержку. Церковь и господствующий жреческий класс не могут, оставаясь в пределах своих полномочий, создать организованное и политическое единство нации, так как они руководствуются иными (не политическими и не административными) соображениями, и нельзя ожидать, что они подчинят свойственные им чувства и интересы этому единству. Такое возможно, только если религиозное и жреческое сословие станет, как в Тибете, действительно руководящим политическим классом страны. В Индии господство касты, руководимой жреческими, религиозными и частично духовными интересами и соображениями, касты, которая господствовала над мыслью, обществом, над основными принципами национальной жизни, не будучи действительным правителем и исполнителем власти, всегда оказывалось препятствием на пути того развития, которым следовали более материально ориентированные европейские и монгольские народы. И только теперь после наступления европейской цивилизации, после того как каста браминов не только потеряла большую часть своей исключительной власти над жизнью нации, но и во многом сама стала мирской, на передний план вышли политические и мирские соображения,

Глава 13. Три стадии формирования национального единства

пробудилось политическое самосознание, оно овладело массами и сделало возможным организованное единство нации, переросло рамки просто культурной и духовной общности — из неформальной подсознательной склонности превратилось в настоящее единство.

Изменить социальную структуру настолько, чтобы мог возникнуть мощный и конкретный центр такого политического и административного единства, было задачей второй стадии развития нации. В это время постепенно отменяются даже те свободы, которые обеспечивала установившаяся социальная иерархия, и власть сосредоточивается в руках довольно сильного правительства, как правило, абсолютно-монархического типа. Современное демократическое правление допускает монарха только как формального владыку, как слугу государственной жизни, для одобрения исполнительной власти — для действительного контроля он более не нужен. Однако на определенном этапе развития наций без сильной монархической власти не обойтись — средневековые тому пример. Даже в свободолюбивой, изолированной от мира Англии — колыбели индивидуализма — тем ядром, вокруг которого складывалась, обретала прочную форму и зрелую силу нация, были монархические династии Плантагенетов⁴ и Тюдоров⁵; на континенте же еще более выдающейся была роль Капетингов⁶ и их последователей — во Франции, домов Кастилии⁷ — в Испании, Романовых и их

4. *Плантагенеты* (Анжуйская династия) — английская королевская династия (1154—1399). Основатель — Генрих II, граф Анжуйский. Под властью Генриха II и его преемников находились также земли во Франции, большая часть которых была в начале 13 века потеряна. После низложения Ричарда II престол занимали представители боковых ветвей Плантагенетов — Ланкастеров (1399—1461) и Йорков (1461—1485).

5. *Тюдоры* — королевская династия в Англии в 1485—1603 гг., сменившая династию Йорков. Основатель — Генрих VII (правил в 1485—1509); по отцу происходил из уэльских феодалов, по матери — родственник Ланкастеров. Власть Тюдоров носила абсолютистский характер. В конце правления (царствование Елизаветы I — 1558—1603) началась борьба парламента против королевской власти и абсолютизма.

6. *Капетинги* — династия французских королей (987—1328). Основатель династии — Гуго Капет, взойшедший на престол после смерти последнего короля из династии Каролингов. При Капетах власть из выборной стала наследственной. Капетам удалось расширить территории королевского домена, объединив к началу 14 в. 3/4 территории Франции. Политика Капетов способствовала созданию централизованного государства. После смерти Карла IV (не имевшего сыновей) французская корона перешла к династии Валуа (боковая ветвь Капетов).

7. *Кастилия* — феодальное государство в центральной части Пиренейского полуострова в 11—15 вв. После объединения с королевством Леон (1230) превратилось в наиболее могущественное государство Пиренейского пол-ва; играло ведущую роль в Реконките, расширив территории в борьбе с арабами на юге до побережья Средиземного моря. Династическая уния Кастилии и Арагона в 1479 г. положила начало фактическому объединению Испании в единое государство.

предшественников — в России. В последнем случае можно даже сказать, что без Иванов, Петров и Екатерин не было бы и России. И даже в наше время почти средневековая роль, которую играли Гогенцоллерны в объединении и развитии Германии, вызывала у демократических народов тревожное изумление — все это казалось им не слишком здравым и серьезным. То же самое мы видим на начальном этапе формирования новых наций на Балканах. Поиск монарха, призванного быть центром и поддержкой их росту и развитию, несмотря на всю трагикомичность, сопровождавшую это явление, совершенно понятен с точки зрения все той же потребности, оправдываемой не столько нынешними условиями*, сколько подсознательным чувством этих народов. В Японии в процессе преобразования ее в современную нацию подобную же роль играл микадо; инстинктивное чувство реставраторов этого процесса вывело его на свет из беспомощного уединения только для того, чтобы обеспечить эту внутреннюю потребность. Стремление сильного диктаторского режима превратиться в революционном Китае в новую национальную монархию можно вполне объяснить тем же чувством, связанным как с практическими соображениями, так и с личными амбициями**. Именно ощущением той великой роли, которую власть монарха играет при централизации и оформлении национальной жизни в наиболее критический период ее роста, объясняется склонность (свойственная, как правило, Востоку, но не вполне чуждая и Западу) придавать ей почти священный характер; этим также объясняются страстная приверженность и служение великим национальным династиям, даже после того как они деградировали и приходили в упадок.

И хотя такой этап национального развития полезен и имеет конкретное значение, он неизбежно связан с подавлением внутренних свобод народа и у современного человека вызывает вполне естественную, хотя и ненаучную реакцию осуждения монархического абсолютизма и его свойств. Это всегда время ограничений, жесткого единообразия, контроля и однонаправленности; универсализация одного закона, одного правила, единого авторитета — вот его плоды; для него характерны утверждение и абсолютизация авторитета, ограничение и полное подавление свободы и свободного разнообразия. Период Новой монархии от Эдуарда IV до Елизаветы в Англии, период Бурбонов от Генриха IV до Людовика XIV во Франции, эпоха, продолжавшаяся от Фердинанда до Филиппа II в Испании, правление Петра Великого и Екатерины II в России — это то время,

* На смену которым пришло ныне духовно-политическое руководство фюрера — лидера-полубога, призванного быть воплощением личности самого народа.

** Нужно заметить, что даже демократический идеализм современного китайского ума вынужден был выкристаллизовываться вокруг конкретного лидера, Сун Ятсена, Чан Кайши, и сила вдохновляющей идеи зависела от власти этого живого центра.

когда упомянутые народы достигли зрелости, полностью сформировали и укрепили свой дух, добились надежной организации. И в каждом случае это был период абсолютизма или движения к нему, период, когда формируется или утверждается определенное единообразие. Такой абсолютизм уже принял одну из наиболее примитивных форм своего выражения, возрождающую представление о государстве и его праве по своей воле распоряжаться жизнью, мышлением и сознанием народа, для того чтобы сделать его единым и неделимым целым: единым умом и телом, способными в совершенстве действовать и подчиняться*. Именно с этой точки зрения оказывается разумно обоснованным стремление Тюдоров и Стюартов⁸ навязать народу монархический авторитет и религиозное единообразие, становится понятен истинный дух религиозных войн во Франции, католическо-монархическое правление в Испании, с его жестоким методом инквизиции, понятна угнетающая воля абсолютной церковной власти в России, жаждущая к тому же утвердить совершенно национальную церковь. Такое усилие потерпело поражение в Англии, поскольку после Елизаветы не отвечало никакой действительной потребности — нация была уже хорошо сформированной, сильной и вполне защищенной от возможного разрушения извне. Где бы оно ни достигало своей цели, в протестантских ли странах или католических, а в редких случаях и там, где, как в Польше, такое движение отсутствовало или терпело поражение, его результат был разрушительным. Подобное движение всегда сопровождалось насилием над человеческим духом, но виной тому была не просто какая-то врожденная слабость правителей — это неизбежная стадия формирования национального единства политическими и механическими средствами. И если Англии, несмотря на его действие, удалось остаться единственной в Европе страной, где свобода продолжала развиваться естественным образом, то случилось это, вне всякого сомнения, благодаря сильным качествам самого народа, но, более всего, благодаря особенностям ее истории и островному положению.

Развиваясь, монархическое государство уничтожает или подчиняет религиозные свободы людей и делает церковный закон раболепным и преданным вершителем его божественного права, а религию — служанкой земного трона. Оно упраздняет вольности аристократии и оставляет их вольности себе; им же дозволяется только то, что может служить поддержкой и опорой власти короля.

* Во всей полноте проявляющийся в наши дни в России, Германии и Италии тоталитаризм.

8. *Стюарты* — королевская династия в Шотландии (с 1371), а затем в Англии (в 1603—1649, 1660—1714). Вышли из шотландского знатного рода, закрепившего за собой с 12 века должность королевского управляющего — стюарта (отсюда название). Яков IV (правил в 1488—1513) породнился с английской династией Тюдоров. Сын Марии Стюарт (внучки Якова IV) под именем Якова I стал королем Англии, Шотландии и Ирландии (правил в 1603—1625). В 1702 г. трон перешел к Ганноверской династии.

Глава 13. Три стадии формирования национального единства

Воспользовавшись при борьбе со знатью силой буржуазии, оно везде, где только возможно, устраняет ее действительные и живые гражданские свободы и допускает в качестве особых прав и привилегий только их самую внешнюю форму, только некоторые элементы. Что до народа, то у него и вовсе нет свобод, которые бы надо было отнимать. Так монархическое государство воплощает в своих проявлениях жизнь всей нации. Церковь оказывает ему моральную поддержку, знать служит военной доблестью и силой, буржуазия платит изворотливостью и талантом юристов, ученые, мыслители и все, кому свойственна от природы деловая активность, поддерживают его литературным гением или административным талантом, в то время как народ облагается податью и жизнью своей служит личным и национальным амбициям монархии. Но вся эта мощная структура, весь взаимозависимый порядок в своем триумфе обречены на поражение; новые требования и действия предрекают их гибель — либо моментальную, либо постепенную, при поэтапной сдаче позиций и отречении от себя. Они пользуются признанием и поддержкой до тех пор, пока нация сознательно или неосознанно в них нуждается и одобряет; но после того как они свою задачу выполнили и их значение уменьшилось, неизбежно вместе с ростом самосознания встает извечный вопрос: уместно ли дальнейшее угнетение или непрерывное сопротивление? Когда прежний порядок превращается только в видимость монархии, рушится сама его основа. Священный авторитет церкви, духовные основания которого подвергаются сомнению, не может дольше утверждаться земными средствами — мечом и законом; аристократия, оберегающая свои привилегии, но утратившая истинное значение, становится, с точки зрения низших сословий, явлением странным и сомнительным; буржуазия, сознающая свои возможности, недовольная своей социальной и политической несамостоятельностью, пробуждаемая голосом мыслителей, поощряет движение протеста и вызывает к помощи народной; и тогда народные массы — бессловесные, угнетенные, страждущие, — вдохновленные новой поддержкой, которой у них раньше не было, восстают, чтобы свергнуть социальную иерархию. Что означает гибель старого мира и рождение новой эры.

Нам уже ясна внутренняя оправданность этого великого революционного движения. Нация формируется и существует не ради себя самой; ее задача — дать человеческому объединению общую форму, в рамках которой весь народ, а не только отдельные классы и индивидуумы, имел бы возможность для более полного развития своей природы. Пока продолжается ее формирование, такое более мощное развитие может быть ограниченным, и на первом месте царят власть и закон — но не в том случае, когда уже нет сомнений в ее жизнеспособности и возникает потребность во внутреннем расширении. Тогда старые узы должны быть разрушены, а использовавшиеся при ее формировании средства отброшены как препятствия для роста и развития. Тогда лозунгом народа стано-

Глава 13. Три стадии формирования национального единства

вится свобода. Церковный порядок, угнетавший свободу мысли и новое этическое и социальное развитие, должен быть низвергнут со своего деспотического трона, чтобы человек стал интеллектуально и духовно свободным. Должны быть уничтожены монополии и привилегии монарха и аристократии, чтобы сила, процветание и действенность нации могли служить каждому. И, наконец, буржуазный капитализм должен быть склонен или принужден к тому, чтобы принять такой экономический порядок, который бы исключал страдания, бедность и эксплуатацию, а благосостояние общества более равномерно распределялось среди всех, кто принимает участие в его создании. Всеми средствами человек должен стремиться обрести себя, обнаружить свое внутреннее достоинство и свободу своей природы, иметь право проявлять свои высочайшие способности.

Поскольку одной свободы недостаточно, возникает также потребность в правосудии, все более настойчиво звучит требование равноправия. Полного равенства в мире, естественно, быть не может; однако это понятие нацелено против несправедливости и неоправданной разнокачественности, которые допускал старый социальный порядок. Тогда справедливый социальный порядок будет предполагать равенство возможностей, равноправие в общедоступном образовании, для того чтобы каждый мог развивать и использовать все свои способности, а вместе с этим и возможность в равной степени пользоваться преимуществами общей жизни — право всех, кто, используя свои способности, вносит вклад в его могущество, в его жизнь и развитие. Как мы отмечали, эта потребность имела все основания принять форму идеала о свободном сотрудничестве, направляемом и поддерживаемом мудрой и либеральной центральной властью, выражающей общую волю; но в действительности она обратилась к старому идеалу о совершенном и действенном государстве — более уже не монархического, церковного и аристократического, но светского, демократического и социалистического типа; и свобода была принесена в жертву этой самой потребности в равноправии и общей действенности. Мы не будем сейчас касаться психологических причин такого обращения. Возможно, свобода и равенство, свобода и власть, свобода и организованная действенность никогда не смогут прийти к удовлетворительному согласию, до тех пор пока жизнь как отдельных людей, так и всего общества будет строиться на эгоизме, до тех пор пока сам человек не подвергнется серьезным духовным и психологическим изменениям и не устремится за рамки обычного социального порядка к третьему идеалу, которым революционные мыслители Франции, благодаря какому-то своему внутреннему чутью, дополнили лозунг свободы и равенства, к величайшему из трех, хотя еще и мало что для нас значащему — к идеалу братства, или, выражаясь менее сентиментально и более точно, внутреннего единства. Но это уже не механизм — социальный, политический или религиозный, — он должен родиться в душе, восстать из скрытых внутренних, божественных глубин.

Глава 14. Возможность первого шага к международному единству и связанные с этим невероятные трудности

Наблюдение за тем, как растет нация вместе с ростом внутренней потребности и внутреннего представления (помимо политических, экономических и социальных сил, форм и инструментов), дает нам возможность увидеть сам ход этого процесса: его начало — появление свободного сообщества, соединившего в одно целое различные элементы, его становление — этап принудительной консолидации, и этап развития и усовершенствования национального самосознания, общего я, во время которого создается общий центр и вырабатываются средства органичного существования, и, наконец, его завершение — этап надежной независимой жизни и внутреннего единства (вместо внешнего вынужденного союза), во время которого утверждается свобода и каждый обретает право все более и более полноценно участвовать в преимуществах национальной жизни. Если единства человеческой расы придется достигать теми же методами и средствами, а развитие его будет повторять особенности развития нации, мы вправе ожидать похожего процесса. По крайней мере это наиболее вероятно и, по-видимому, соответствует естественным законам развития всего мира форм, начинающегося с некой свободной совокупности, более или менее аморфной массы сил и веществ, а затем, после определенного сокращения, сжатия и фиксирования, протекающего уже в конкретной форме, наличие которой остается необходимым условием для дальнейшей полноценной эволюции.

Если мы примем во внимание действительное состояние мира и его вероятные ближайшие перспективы, нам станет ясно, что первый период свободного сообщества и несовершенного порядка неминуем. Ни интеллектуальная подготовка человеческой расы, ни господствующее настроение, ни движущие политические и экономические силы и условия не достигли еще такого внутреннего напряжения или внешнего давления, которое давало бы нам право ожидать полного изменения основ жизни или установления всеобщего и действительного единства. Правда, стремительно нарастало смутное ощущение необходимости подобных преобразований, а конкретный урок войны вывел этот главный идеал будущего из зародышевого состояния, в котором он оставался не более чем благородной фантазией новых пацифистов и идеалистов-интернационалистов. Было признано, что он как-то отражает конечную реальность; голос же тех, кто мог бы осудить его, как идеал, милый сердцу одних интеллектуальных чудаков и фантазеров, не имел уже особого значения и не внушал доверия, поскольку гораздо слабее поддерживался здравым смыслом среднего человека — ограниченным расхожим мнением материального ума, достаточно остро ощущающего насущные потребности и полностью слепого к выгодам, обещанным в будущем. Но, к сожалению, не велось никакой интеллектуальной подготовки, для того чтобы перестроить взгляды среднего человека в соответствии с набравшими все большую силу новыми идеалами, которые были провозглашены мыслителя-

Глава 14. Возможность первого шага к международному единству и связанные с этим невероятные трудности

ми сего века; да и растущий протест против существующих условий не достиг такого накала, чтобы возможное участие в нем широких масс, охваченных страстью к идеалу и надеждой на новое счастье всего человечества, привело к разрушению существующих условий и созданию новой схемы коллективной жизни. В другом же направлении (замещение индивидуализма, как основы общества, набирающим силу коллективизмом) такая интеллектуальная подготовка велась в гораздо большем объеме, и более сплоченными были силы, готовые к революции; здесь война сыграла роль катализатора и намного увеличила вероятность появления социалистического государства, не обязательно, правда, демократического. Но для мощного движения интернационального единства таких благоприятных условий не возникло. И не было разумных оснований ожидать какой-либо мощной и действенной вспышки массового и эффективного идеализма, зовущего в этом направлении. Подготовку к нему вести было можно, и современные события могли его значительно облегчить и ускорить, но то были самые начальные его этапы.

В этих условиях представления и схемы мыслителей мира, которые бы задумали, опираясь на эти новые принципы, полностью изменить сами основы международной жизни, не могли бы, по всей видимости, найти своим замыслам надежного воплощения. При отсутствии у людей общей идеалистической вспышки созидательной надежды, которая бы сделала подобное изменение возможным, будущее будут оформлять не представления мыслителя, но практические соображения политика, который отражает настроение среднего человека и характер своего времени и действует, как правило, намного ближе к минимуму, чем к максимуму того, что может быть достигнуто. Средний же ум подавляющего большинства людей, хотя и готов прислушиваться к подобным мыслям, рассчитывая что-то получить и имея обыкновение с фантастической жадностью хвататься за то или иное мнение, в поведении своем руководствуется больше собственными интересами, страстями и предрассудками. И политик, и государственный деятель — а мир сейчас наводнен политиками и испытывает недостаток в государственных деятелях — действуют, исходя из обычных представлений широких масс; один просто на них опирается, другой же вынужден принимать в расчет, прежде всего, их мнение и не может вести туда, куда ему вздумается, если только он не представляет собой гениальную, могучую личность, соединившую в себе великий ум и действенную силу понимания с необычайной властью над людьми или особым на них влиянием. Более того, политическому уму помимо ограниченности среднего человека присущи и собственные ограничения; он гораздо больше почитает *status quo*¹, отбивает всякую охоту к великим начинаниям, при которых пришлось бы отказываться от надежных основ прежней жизни, неспособен окунуться в неопределенное и новое. Решиться на

1. *status quo* (лат.) — устойчивое, привычное положение дел.

Глава 14. Возможность первого шага к международному единству и связанные с этим невероятные трудности

такое он может только под давлением общественного мнения или сильной заинтересованности, если вдруг будет охвачен страстью к переменам, витающим в воздухе этой эпохи.

Если же политический ум полностью предоставлен самому себе, вряд ли можно рассчитывать, что даже такое, самое крупное из известных международных потрясений приведет к результатам более серьезным, чем переустройство границ, перераспределение власти и владений, некоторые желательные или нежелательные последствия в международных, коммерческих и иных делах. И эта роковая возможность, влекущая за собой еще более страшные потрясения (пока не решена главная проблема), против которой будущее мира никак не защищено. Все же, с тех пор, как разум человечества был приведен в активное состояние, а чувства пробудились самым решительным образом, всем становится совершенно ясно, что прежнее положение дел дольше терпеть нельзя, а нежелательность международного равновесия, построенного исключительно на совпадении интересов национального эгоизма и поддерживающегося взаимным страхом и ненавистью, неэффективностью переговоров и заседаний в Гааге, недавними разногласиями Европейского совета, теперь совершенно ясна даже для самих политиков, мы вправе ожидать более серьезного стремления к новому устройству мира вследствие морального поражения прежнего. Разбуженные войной страсти, ненависть и эгоистические национальные надежды остаются, без сомнения, серьезным препятствием на этом пути и могут легко вывести из хрупкого равновесия любое подобное начинание. Но если это не более чем обычная опустошенность и внутренняя реакция в ответ на ослабление тех напряжений, которые возникли в ходе борьбы, тогда, возможно, стоит подождать, пока проявятся новые представления, чувства, силы и события, противостоящие этому пагубному влиянию.*

Но и наибольший результат, на который можно было рассчитывать, наверняка оказался бы весьма скромным. Во внутренней жизни наций все главные последствия войны не могут не быть мощными и радикальными; здесь все готово: невероятно сильным было само воздействие, и потому развитие, следующее за его ослаблением, также должно сопровождаться значительными результатами; но в международной жизни мы в лучшем случае можем надеяться на незначительные принципиальные перемены, которые, однако, несмотря на свою не-

* Написано первоначально в 1916 году, еще до окончания войны. Такая более благоприятная возможность не могла проявиться немедленно, но возрастающая опасность, конфликтность и беспорядочность положения почти категорически указывали: необходимо создать международную систему — если современная цивилизация не желает быть втянутой в новые кровопролитие и хаос. В результате были созданы Лига Наций, а впоследствии — ООН, весьма неудовлетворительные, с политической точки зрения; но с этого момента стала полностью очевидной необходимость такого организующего центра.

Глава 14. Возможность первого шага к международному единству и связанные с этим невероятные трудности

значительность, способны все же стать отправной точкой — вполне жизнеспособным зародышем, гарантирующим неизбежность будущего роста. Если бы обстоятельства, имевшие место перед самым завершением этой всемирной битвы, были достаточно сильны, чтобы изменить общее умонастроение Европы, вынудить правителей к большему глубокому размышлению и повсеместно пробудить чувство необходимости радикальных, по сравнению с уже достигнутыми, перемен, можно было бы надеяться на большее; но великая битва близилась к концу, а ничего такого не случилось; динамический период, когда у людей в подобных обстоятельствах формируются действенные представления и устремления, закончился, так и не пробудив сколько-нибудь серьезного и глубокого импульса. Коллективное намерение народов коснулось только двух моментов. Во-первых, возникло чувство протеста против возможности повторения катастрофы подобного масштаба; и во-вторых, возникла еще более острая необходимость найти способы защитить общую экономику от тех серьезных нарушений, которые она переживала в связи с последним конфликтом. Поэтому некоторого развития событий можно было ожидать главным образом в этих двух направлениях; так как слишком многое пришлось бы предпринимать, для того чтобы удовлетворить общее ожидание и желание, и слишком мало было тех, кто мог провозгласить банкротство политического мышления Европы. Его поражение продемонстрировало бы народам Европы нравственную и интеллектуальную несостоятельность их правительств и правящих классов, и могло бы привести в конце концов к общему протесту против существующих интересов, слепоты и отсутствия руководящего курса.

В таком случае можно было бы ожидать определенного стремления обеспечить себя надежными и действенными средствами, для того чтобы иметь возможность останавливать военные конфликты, сократить до минимума вероятность возникновения войны, ограничить вооружения, для того чтобы избавиться от опасных споров и, в особенности, хотя это и труднее всего, для того чтобы достойно встретить тот конфликт коммерческих ценностей и интересов, который стал уже достаточно мощным, хотя и не единственным, фактором, способным зажечь пожар войны снова. Если бы это новое устройство содержало в себе зародыш международного контроля, если бы оно оказалось первым шагом к свободному международному порядку или же содержало его элементы, было бы неким предварительным наброском или даже схемой, опираясь на которую жизнь человечества могла бы более устремленно развиваться в направлении общего единства, тогда, каким бы ущербным или неудовлетворительным такое устройство ни было вначале, будущее его могло быть гарантированным и надежным. Родившись, оно бы уже более не позволяло человечеству откатываться назад, и, какие бы трудности, разногласия, битвы, реакции, испытания или грубые вмешательства ни омрачали путь его развития, они бы оказывались скорее поддержкой, нежели препятствием на пути к окончательному и неизбежному

Глава 14. Возможность первого шага к международному единству и связанные с этим невероятные трудности

результату.

Тем не менее, нельзя рассчитывать, что данный принцип международного контроля сразу же проявит свою полную дееспособность, или что свободный тип объединения наций, не имея, вероятно, вначале, определенной формы, сумеет предотвратить все последующие конфликты, вспышки и катастрофы*. Слишком велики трудности, и разуму человечества не хватает нужного опыта; интеллект правящих классов не приобрел еще необходимого минимума мудрости и прозорливости, а общечеловеческий характер не приобрел необходимых инстинктов и настроений. Какие бы переустройства ни совершались, они будут происходить все на той же старой почве национального эгоизма, сильных желаний, алчности и самооправдания и останутся всего-навсего усилиями, способными придать им относительный порядок и предотвратить тем самым только наиболее непримиримые противоречия. Вначале будет нехватать надежных средств, потому что слишком большое внимание уделяется тому эгоизму, который должен быть поставлен под контроль. Причины разногласий сохранятся, так как жив будет порождающий их характер; он, возможно, и потеряет на время в каких-то своих проявлениях присущую ему твердость и силу, но суть его останется прежней; сохранятся средства борьбы, пусть даже и поставленные под контроль. Вооруженные силы можно будет ограничить, но не отменить; армии народов, даже став менее многочисленными, останутся; наука своей изобретательностью по-прежнему будет служить искусству массовых уничтожений. Войны могут прекратиться (очень непростая задача) только с отменой армий, только если будет выработан иной механизм, сформировать который человечеству сейчас просто не под силу; но даже сформировав его, оно не сможет вначале использовать его совершенным образом. В настоящее время отменить национальные армии просто невозможно, поскольку каждая нация не особенно заботится о других, слишком самоуверена, слишком много желает и, помимо всего прочего, нуждается в сохранении вооружений еще и для охраны своих рынков и владений, колоний и подвластных ей народов. Коммерческие амбиции, соперничество, политическая гордость, мечты, страстные желания, ревность вовсе не собираются исчезать как бы по мановению волшебной палочки только лишь потому, что Европа впала в безумное столкновение долго вызревавших амбиций, зависти и ненависти, уничтожив при этом свою человечность и за три года загубив в котле войны все ресурсы, которые накапливались десятилетиями. Нужно, чтобы пробудились гораздо большие глубины, нужно освоить сами основы действия, прежде чем психология народов сможет дорасти

* И само предположение, которое было довольно нетрудно сделать в те времена, и оценка причин полностью подтвердились направлением развития событий и вспышкой еще более губительной и грандиозной войны.

Глава 14. Возможность первого шага к международному единству и связанные с этим невероятные трудности

до уровня дивного, богатого и чудесного, которому под силу устранить войны и международные коллизии из нашей горестной и ненадежной жизни.

Пока сохраняется национальный эгоизм, пока остаются средства борьбы, в ее причинах, в оправданиях, в благоприятных для нее условиях недостатка не будет. Война случилась потому, что все ведущие нации довольно долго поступали так, чтобы сделать ее неизбежной; она случилась из-за сложной ситуации на Балканах, из-за надежд на Ближний Восток, из-за коммерческого и колониального соперничества в Северной Африке, по причине которого господствующие нации довольно долго боролись между собой мирными средствами, прежде чем некоторые из них взялись за оружие. Сараево и Бельгия были просто определяющими обстоятельствами; чтобы разобраться в действительных причинах, мы должны перенестись в гораздо более ранний период — агадирский и алжирский. От Марокко до Триполи, от Триполи к Фракии и Македонии, от Македонии к Герцеговине шел электрический разряд неумолимой логики причин и следствий, действий и их плодов, именуемых у нас кармой, вызывая вспышки меньшего масштаба, если на пути встречался невоспламененный участок, и привел в конце концов к тому всеобщему взрыву, который залил кровью и превратил в руины всю Европу. Возможно, Балканский вопрос мог бы быть окончательно решен, хотя он еще весьма далек от этого; возможно, окончательное изгнание Германии из Африки могло облегчить ситуацию тем, что предоставило бы континент в распоряжение трех-четырех ставших союзниками наций. Но даже если бы Германия была вычеркнута из списка конкурентов, а ее негодование и амбиции перестали иметь какое бы то ни было значение для европейской политики, основные причины борьбы все же сохранились бы. Остался бы азиатский вопрос Ближнего и Дальнего Востока, который мог бы принять новое выражение, новый вид, как-то переоформиться, но по-прежнему оставаться настолько взрывоопасным, что в случае его бездарного решения или отсутствия решения вовсе можно было бы с уверенностью предсказать, что следующий серьезный взрыв начнется или будет развиваться именно в Азии. И даже если эту трудность тоже удастся разрешить, возникнут новые причины для борьбы повсюду, где национальный эгоизм и алчность наций пожелают своего удовлетворения; и до тех пор пока они живы, они будут вновь и вновь пытаться удовлетворить свой голод, никогда по-настоящему не насыщаясь. У каждого дерева свои плоды, а Природа — садовник весьма терпеливый. Ограничение армий и вооружений — средство иллюзорное. Даже если будут найдены надежные средства международного контроля, они потеряют силу сразу же, как только грянет гром войны. Европейский конфликт показал, что в ходе войны страна может быть превращена в чудовищную фабрику войны, а все взрослое мужское население нации — в армию. Англия, начинавшая с небольшой, даже весьма незначительной военной силы, смогла в течение одного года мобилизовать миллионы людей, а в течение двух — обучить и снабдить,

Глава 14. Возможность первого шага к международному единству и связанные с этим невероятные трудности

превратив их в решающий фактор. Этот наглядный пример достаточно явно свидетельствует о том, что ограничение армий и вооружений лишь несколько облегчает бремя народа в мирное время и только сохраняет тем самым гораздо больше средств и ресурсов на случай войны, но никак не препятствует возникновению и распространению войны, даже не уменьшает ее губительный накал. Создание надежного международного закона даже при более решительных мерах, его поддерживающих, не будет действенным и совершенным средством. О необходимости таких мер говорится довольно часто. В свое время закон пришел на смену старому варварскому способу средствами силы разрешать споры между отдельными людьми, родами и народами, и данный подход также мог бы внести в жизнь наций новые изменения. Возможно, в конце концов так и будет; но ожидать, что он сразу же начнет действовать успешно — значит игнорировать реальную основу действенного авторитета закона и различие между составными частями сформированной нации и составными частями того неразвитого, не оформившегося международного сообщества, нормы поведения которого еще только закладываются.

Внутри самой нации или общества авторитет закона зависит не от так называемого величия или таинственной власти созданных человеком правил и указов. Его настоящих источников силы два, первый — это серьезная заинтересованность большинства, господствующего меньшинства или всего общества в его установлении, а второй — наличие единой вооруженной силы, полицейской или военной, которая помогает претворить такую заинтересованность в жизнь. Метафорический меч правосудия может действовать лишь в том случае, когда его поддерживает настоящий меч, исполняющий его указы и приговоры, направленные против бунтарей и инакомыслящих. Существенной чертой этой вооруженной силы является то, что она не принадлежит никому в отдельности: ни частному лицу, ни общественной структуре — но только государству, королю или правящему классу, или же тому, кто олицетворяет собой высшую власть. Не может быть никакой безопасности, если вооруженная сила государства уравновешивается, а ее исключительная действенность ослабляется наличием других вооруженных формирований, принадлежащих неким группам и лицам, не подчиняющимся контролю центра или способным использовать их силу против правящей власти. Но даже в таком случае, даже при наличии власти, за спиной которой стоит единая централизованная вооруженная сила, закон не в силах воспрепятствовать столкновениям между индивидуумами и между классами, так как он не в состоянии изменить сами причины противоборства — психологические, экономические и прочие. Преступление и следующее за ним наказание — это всегда своего рода взаимное насилие, разновидность бунта и гражданской войны; преступления продолжают существовать даже в наиболее законопослушных обществах с достаточно надежной полицейской системой. Воз-

Глава 14. Возможность первого шага к международному единству и связанные с этим невероятные трудности

можно даже организованная преступность, хотя ей, как правило, не удастся достичь особенного успеха или закрепить свою власть, поскольку она бросает вызов возмущенному недовольству и эффективной организованности всего общества. Но именно то, что более всего от него требуется в первую очередь — предотвратить возможность возникновения гражданской войны, насилия или вооруженных беспорядков внутри организованной нации, — закон выполнить не в силах, хотя способен их несколько ослабить. Если какой-либо класс или представители иных убеждений, угнетаемые или подвергающиеся действию недопустимой несправедливости, обнаруживают, что закон и оберегающая его военная сила настолько связаны с противоположными интересами, что прекращение действия данного закона и восстание кажется единственным средством против насильственного угнетения, они прибегают, при наличии хотя бы незначительного шанса на успех, к древнему праву сильного. И в наши дни мы видим, что большинство законопослушных наций балансирует на грани гражданской войны, а ответственные государственные деятели изъявляют готовность прибегнуть к ее помощи, в случае настойчивого утверждения неугодных им мер, даже если последние были приняты высшей законодательной властью с одобрения верховного правителя.

Но в любом возможном при нынешних условиях свободном международном сообществе вооруженные силы будут по-прежнему распределены между входящими в его состав группировками; они будут принадлежать именно им, а не некой верховной власти, надгосударственному или федеральному совету. Такое положение дел будет напоминать беспорядочные взаимоотношения средневековья, при которых каждый принц и барон имел свое собственное законодательство и войско и мог отрицать власть сюзерена, если был для этого достаточно могущественным, или если мог повелевать необходимым числом и силой союзников и вассалов. А в данном случае это будет даже мало напоминать феодального сюзерена — короля, который кроме всего прочего, даже не будучи настоящим монархом, все же оставался первым среди своих лордов, — обладавшего не только авторитетом высшего правителя, но и средствами действительно и устойчиво претворять его в жизнь.

Не более даст и такой вариант, при котором некая состоящая из вооруженных сил разных наций армия будет контролировать нации и их независимые вооруженные силы; составная сила может распасться, а составляющие ее элементы вернуться к своим конфликтующим истокам, если вдруг между теми возникнет противоборство. В сложившейся нации индивид представляет собой единицу, затерявшуюся среди массы других индивидов, и не в его власти точно вычислить ту силу, которая могла бы быть в его распоряжении в случае конфликта; он боится всех остальных, непосредственно с ним не связанных, поскольку видит в них естественную поддержку действующей насильственным способом

Глава 14. Возможность первого шага к международному единству и связанные с этим невероятные трудности

власти; протест кажется ему наиболее неразумным и опасным событием, и в равной мере всякий заговор внушает ему тысячу страхов и опасений, он боится, например, оказаться смятым и растоптанным сеющими ужас плотными шеренгами солдат, появляющихся при самых незначительных опасностях. И солдат — человек; над ним довлеет страх наказания, готового обрушиться при первом же случае неповиновения; он боится всех остальных, никогда не уверен в поддержке и доверии своих товарищей, а когда их имеет, сомневается в действенной поддержке гражданского населения и потому лишен той моральной силы, которая могла бы вдохновить его отвергнуть власть закона и правительства. Но и в своих обычных чувствах он больше не принадлежит себе или своей семье, своему сословию — лишь государству и стране или, по крайней мере, той машине, частью которой стал. В нашем же случае участниками объединения будет весьма незначительное число наций, некоторые из которых довольно могущественны и способны постоять за себя, оценить собственные силы, а также силы своих союзников и своих врагов; им достаточно лишь оценить вероятность победы или поражения. И солдаты такой неоднородной армии будут в душе оставаться верными своей стране, а вовсе не тому несколько призрачному единству, в распоряжение которого они поступают.

Поэтому разбираемая нами эволюция международного государства, выходящего за рамки обычного добровольного союза наций (а в действительности собрания представителей правительств), призванного стать тем царством мира и единства, о котором мечтали идеалисты, будет несовместима с подобными политическими или административными средствами, а если и возможна, то останется весьма взрывоопасным явлением. Если даже удастся предотвратить угрозу войны, могут быть найдены иные средства борьбы, возможно, по сравнению с войной гораздо более опасные, — останутся преступления отдельных людей внутри самой нации, а также иные силовые методы разрешения конфликтов, например, используемые в межклассовой борьбе забастовки и бойкоты. В общей экономике Природы они нужны и даже неизбежны, не только для того чтобы противостоять психологической неумолимости эгоистических разногласий, страстей и амбиций, но и как отдушина или средство поддержки чувству несправедливости, попраным правам, разрушенным надеждам. Поскольку таков закон: когда действия строятся на эгоизме, плоды всегда будут соответствующими, и как бы они ни были ослаблены или смягчены внешними механизмами, их закономерное проявление может быть лишь отсрочено, но никак не предотвращено.

Теперь, по крайней мере, ясно, что свободное объединение, лишенное сильного центрального руководства, не будет удовлетворительным, эффективным и продолжительным, даже если окажется не столь свободным и более компактным по сравнению с тем, которое могло бы появиться в ближайшем бу-

Глава 14. Возможность первого шага к международному единству и связанные с этим невероятные трудности

дущем. И вполне закономерным будет следующий шаг — движение в сторону большей жесткости, ограничения национальных свобод и исключительного усиления центральной власти при установлении единообразного контроля над народами Земли.

Глава 15. Некоторые пути осуществления

Какими же будут форма, действия, особенности системы, которым рано или поздно таинственная Воля вменит в обязанность обеспечивать внешнее единство человечества, какие из возможных вариантов наиболее предпочтительны — тема для раздумий достаточно интересная, а для тех, кто способен заглянуть за узкий горизонт текущих событий, тема еще и увлекательная, но, к сожалению, пока только для них. Многообразие вариантов, предлагаемых данной эпохой, столь изобилующей полными скрытых возможностей сил, столь богатой новыми субъективными обстоятельствами и объективными переменами, создает такой непроницаемый туман, что сквозь него могут угадываться лишь смутные образы гигантских форм. Современная расстановка сил и прошлый опыт дают основания для некоторых предположений — но это все, что мы можем позволить себе в столь опасной сфере.

Мы исключаем из рассмотрения, как практически невозможную в современных международных условиях и на современном этапе международных представлений и морали, мысль о незамедлительном соглашении на основе союза свободных наций, хотя, очевидно, оно было бы идеальной основой, в качестве главной движущей силы предлагающей признать гармоничное соединение двух наиболее значимых в настоящее время принципов: национализма и интернационализма. Применение такого подхода означало бы, что проблема человеческого единства с самого начала утверждается на разумном и здоровом моральном основании, на признании, с одной стороны, за всеми значительными естественными человеческими сообществами права жить и быть самими собой, на уважении национальной свободы как утвердившейся нормы и главенствующего принципа человеческого поведения, а с другой — свидетельствовало бы о том, что значимость порядка, помощи, взаимного и совместного участия, общей жизни и общих интересов в объединенной и взаимосвязанной человеческой расе получает должное признание. Идеальным обществом или государством становится тогда, когда уважение индивидуальной свободы и свободного роста отдельной личности согласуется с уважением потребностей, эффективности, сплоченности, естественного роста и органического совершенства коллективной личности: общества или нации. В идеальном общечеловеческом союзе, в международном сообществе или государстве национальная свобода, свободное национальное развитие и самоосуществление могли бы подобным же образом находить все большую согласованность со сплоченностью, единым развитием и совершенствованием всей человеческой расы.

Принятие этого естественного принципа не избавляет, конечно, от возможных отклонений по причине того, совершенно действующего сочетания достичь довольно сложно; такие отклонения иногда сопровождали развитие и рост нации: в одних случаях в виде угнетения свободы, в других — в виде угнетения

Глава 15. Некоторые пути осуществления

действенности и порядка. Но если правильные условия данной задачи понять с самого начала, вместо того чтобы оставлять их на произвол судьбы и слепой военной удачи, появится возможность более быстрого разумного решения, при гораздо меньших трениях и насилии, неизбежных в таком процессе.

Но у человечества нет особых оснований рассчитывать на столь благоприятную судьбу. На идеальные условия надеяться нельзя, так как они требуют психологической чистоты, требуют, чтобы социальная атмосфера была насыщена всеобщей разумностью и научным мышлением, но превыше всего — моральным величием и высокой нравственностью, которых ни само человечество, ни его лидеры и правители еще не обрели. А при отсутствии подобных качеств и свойств не от разума, справедливости и взаимной доброты, но от действия силы их практического и законного использования будет зависеть решение этой и всех прочих проблем. И подобно тому, как проблемы, возникающие между государством и личностью, были осложнены и омрачены не только конфликтами между личным эгоизмом и коллективным эгоизмом общества, но и затянувшимися столкновениями промежуточных сил — классовой борьбой, спорами церкви и государства, короля и знати, короля и общества, аристократии и народа, буржуазии и пролетариата, — проблемы взаимоотношений наций и международного единства человечества тоже будут осложнены требованиями промежуточных сил. Помимо коммерческих интересов и союзов, культурных и расовых настроений, движений панисламизма, панславизма, пангерманизма, пананглосаксонизма и зарождающихся панамериканизма и панмонголизма, помимо иных не родившихся еще монстров остается серьезный промежуточный фактор, империализм — этот чудовищный вооруженный титан-властитель, который по самой природе своей должен требовать, чтобы его ублажали, угнетая нации или создавая для них неблагоприятные условия, чтобы его нужды признавали более важными по сравнению с нуждами новорожденного международного сообщества. И, по всей видимости, он еще будет какое-то время получать требуемое, и долго еще его требованиям будет невозможно противиться; во всяком случае, их нельзя игнорировать или воображать, что они устранимы росчерком пера, строя воздушные замки беспочвенного идеализма.

При конкретном исполнении на первом месте стоит сила; нравственные же категории и разум она допускает только в том случае, если ее можно склонить или уговорить их признать, или, что чаще бывает, использовать в качестве поддержки, как глашатаев своих побед, даже для маскировки своих интересов. Иногда представления выступают во всеоружии и прокладывают себе путь, преодолевая сопротивление сил, с этими представлениями не связанных; иногда они меняют положение дел и ставят интересы себе на службу, делают топливом для своего очага, или, испив чашу мученичества, побеждают; но обычно им приходится действовать не только будучи в полускрытом, подавленном состоянии, но и приспособившись к могущественным силам, даже подкупая их и

Глава 15. Некоторые пути осуществления

льстя им, — сквозь них или из-за них. Иначе и невозможно; до тех пор пока средний человек не станет более интеллектуальным, более моральным и духовным существом, пока не превзойдет состояние витального и эмоционального, по преимуществу, и лишь условно разумного человека-зверя. Невоплощенному идеалу интернационализма придется какое-то время действовать, прибегая ко второму методу, приспособляясь к воплощенным уже силам национализма и империализма.

Возникает вопрос, будут ли они готовы сформировать со временем такую прочную и надежную систему, чтобы представление о справедливом интернационализме, увеличивающем свободу народов, переросло усилия мировых мыслителей и интеллектуалов и, прочно укоренившись в жизни, начало оказывать неослабное давление на государства и правительства, вынуждая их признать, если и не полностью, то хотя бы отчасти, справедливость его требований. На это можно ответить, что обычно государства и правительства признают моральные доводы только до тех пор, пока они не вынуждают их пожертвовать своими жизненными интересами. Ни одна прочная империя не захочет с радостью освобождать зависимые от нее области или давать согласие на то, чтобы подчиненная ей нация села за стол международных переговоров в качестве свободного участника. Старое восхищение свободой было тем идеалом, который вынудил Францию вмешаться в дела Италии, чтобы помочь ее свободному развитию, Францию и Англию принять участие в создании греческой нации. Свобода нации, признания которой во время войны добивались огнем и мечом (или, как бы мы теперь сказали, голосом артиллерии), стала уже чем-то установившимся и общепринятым, а потому имеющим право на жизнь. А сверх того предполагалось вернуть уже существующим свободным государствам людей их собственной национальности, находящихся под властью иностранного ига. Предполагалось создать большую Сербию, большую Румынию, восстановить "несостоявшуюся" Италию, вернуть Эльзас и Лотарингию Франции. Для Польши предполагалось подвластное России самоуправление — до победы Германии над Россией, изменившей и интересы, и идеализм союзников. И многие считали, что подобного рода самоуправление при общем подчинении империи, а там, где оно еще не достигнуто, под "протекцией" или "влиянием" империи — это гораздо более практичное решение, чем восстанавливать национальную свободу. Что, видимо, можно принять за признак подсознательного роста представлений о федеративной империи, которые мы обсуждали как один из вариантов будущего развития. Национальная свобода, как безусловный идеал, больше не имеет прежней общепризнанной привлекательности и творческой силы. Борющимся за свободу народам приходится в основном рассчитывать на собственные силу и энергию, и, если не считать действий отдельных энтузиастов и небольших групповых выступлений, чья помощь действительна только на словах и малоэффективна, они могут ожидать не более чем прохладной или нерешительной поддержки. Даже многих из прогрессивных мыслителей привлекает представление

Глава 15. Некоторые пути осуществления

о зависимом самоуправлении для тех народов, что находятся в подчинении, и они, по-видимому, недовольны их мечтой о полной независимости. Империализм победным маршем шествует по планете, и образ его глубоко запечатлелся даже в самых свободолобивых мечтах, как неотъемлемая часть человеческого прогресса.

Как далеко зайдет такое настроение, когда человечество под влиянием этого нового порыва начнет организовывать международную жизнь на более широкомасштабной и подобающей основе? Возможно даже, что нетерпимость, которую Германия в дни расцвета ее имперских настроений открыто выражала по отношению к затянувшейся независимости малых народов, рассматривая их как досадную помеху укреплению прав крупных политических и экономических союзов, в будущем будет признана (может быть, в несколько ослабленном виде) вполне справедливой и в менее грубой надменной и агрессивно-эгоистической форме, вполне допустимой. Другими словами, возможно, что политический ум человечества будет склонен желать, а в конечном счете и настаивать на превращении государств в систему крупных империалистических объединений, вместо того чтобы поддерживать *status quo* из сложносоставных империй и свободных народов*.

Но даже если развитие пойдет иначе и его последствия будут другими, существующие свободные и неимпериалистические государства войдут в конце концов в какой-либо международный союз или иную возможную в будущем систему, и их участие будет тогда напоминать положение мелкой средневековой знати по отношению к крупным феодальным правительствам, то есть им придется выполнять, скорее, роль вассалов, нежели партнеров. Война укрепила мнение о том, что на международной арене в счет идут только великие державы; все прочие существуют лишь потому, что находятся под чьим-то покровительством, входят в союз или их до поры до времени просто терпят. До тех пор пока мир был организован по принципу независимых народов, такое отношение могло иметь лишь скрытый смысл и не оказывать какого-либо действительного влияния на жизнь малых народов, но как только необходимость совместного действия или продолжительного активного взаимодействия станет частью или основой мировой системы, интерес к ним сразу возрастет. Положение небольшого государства, выступающего против воли великих держав или их союза, будет гораздо хуже нейтралитета малых стран в нынешней войне или частной компании, окруженной могущественными покровителями. Такому государству придется признать руководство той или иной группы окружающих его левиафанов, и его независимый вес или деятельность в совете наций будет сведена к нулю.

* Если бы верх одержали амбиции Италии, Германии и Японии и фашистские представления в целом, такой порядок вещей был бы неизбежным.

Глава 15. Некоторые пути осуществления

Несомненно, право небольших наций на существование и признание их интересов, идущих вразрез с империалистической агрессией, все еще имеет силу; именно эта тема стала одной из причин последнего международного столкновения. Но одно дело — признание такого права, защищающего от агрессии какой-либо одной из зарвавшихся держав, и совсем другое — право на участие в международном объединении, признанном большинством ведущих держав мира и отвечающем общим целям и интересам; и, вероятно, в ближайшем будущем оно будет рассматриваться совсем в ином свете. Неудобство, связанное с тем, что определенное число небольших государств настаивало на своем нейтралитете либо же предельно ограниченном участии в этом грандиозном международном конфликте, довольно остро ощущалось не только его действительными участниками, которые были вынуждены иной раз прибегать к прямому или косвенному давлению, чтобы свести это неудобство к минимуму, но и теми небольшими государствами, для которых такой нейтралитет был всего лишь меньшим злом, нежели тяготы и опасности непосредственного участия в войне. Любая международная система расценила бы подобное отстаивание своих независимых прав как мелочный эгоизм и недопустимое препятствие важным общим интересам или, возможно, как препятствие на пути решения конфликтных ситуаций, связанных с основными интересами мирового значения. И конечно же, более вероятно, что при любом варианте устройства международного союза великие державы будут надеяться, что их значимость окажется равной их силе и влиянию; и при самом демократическом устройстве взаимоотношений, на практике оно выльется в господство великих держав. Тот или иной тип устройства может только маскировать факты, он не в силах их отменить: какие бы представления ни олицетворяла сама форма устройства, ее действие всегда будет действием тех конкретных сил, которые могут эффективно ею пользоваться. Большинство правительств либо сформированы на демократической основе, либо прошли через нее, но подлинной демократии не было нигде — от имени народа властью распоряжаются власть имущие, профессиональные политики и буржуазия. Точно так же в любом международном совете от имени человечества будут руководить и осуществлять контроль лишь несколько великих империй.

Если бы дело обстояло иначе, такое положение могло продолжаться недолго, то есть до тех пор пока бы не проявились некие новые силы и не остановили или не разрушили господствующую в мире тенденцию к созданию крупных империалистических объединений. Ситуация в таком случае была бы чем-то, напоминающим феодальную Европу периода ее бесплодных и мучительных попыток создать объединенный христианский мир, — великим скрещением различных, сложных, перекрывающихся и взаимопроникающих интересов, множеством мелких государств, имеющих какое-то самостоятельное значение, но затмеваемых и отчасти подавленных несколькими крупными державами, теми великими державами, которые и создают всю неизбежную сложность общих,

Глава 15. Некоторые пути осуществления

раздельных и противоречивых интересов, какими бы средствами мировая система ни поддерживалась, и готовых опереться на любую помощь и поддержку со стороны, на любую поддержку классов, представлений, общественных тенденций и институтов, которую им удастся встретить. Возникает вопрос об азиатских, африканских, американских регионах и рынках, вопрос классовой борьбы, зарождающейся как национальная проблема и перерастающей в интернациональную; вопрос социализма, анархизма и некоего подобия века конкуренции, когда все человечество боролось за господство; вопрос о столкновении европейских, азиатских, американских интересов. Из этого запутанного клубка вопросов должно родиться какое-то решение. Вполне может оказаться, что достигнуто оно будет методами, очень отличными от тех, с которыми история уже успела нас познакомить. Война может быть упразднена или ее вероятность уменьшена до состояния отдельных редких вспышек гражданской войны, возникающих на фоне международного содружества или конфедерации, но ей на смену придут новые формы принуждения, например, коммерческое, усиление которого мы в настоящее время как раз и наблюдаем, могут появиться иные средства, о которых мы пока еще не можем подозревать. Но в целом ситуация для человечества, скорее всего, останется такой же, какая уже была в прошлом при противостоянии меньших, не вполне оформленных сообществ, и ему, возможно, придется следовать путем тех же побед и неудач.

Наиболее естественным упрощением проблемы (хотя сейчас это и кажется невероятным) был бы раздел мира между несколькими подобными империями, сообществами, представляющими собой отчасти федеративные, отчасти конфедеративные содружества или империи. Хотя это и невозможно при той степени национального эгоизма, который сейчас процветает, развитие представлений и сила изменчивых обстоятельств могут в один прекрасный день привести к подобному варианту, а он, в свою очередь, — к более тесному союзу. В Америке, по-видимому, постепенно увеличивается взаимопонимание между расширяющими свой космополитизм Соединенными Штатами и республиками Центральной и Южной Америки, которое при определенных обстоятельствах может вылиться в межамериканское федеративное государство. В недалеком будущем может вполне осуществиться идея Германской федеративной империи, если Германия и Австрия сумеют оправиться от последствий войны; если же им помешает их состояние полной разрухи, она может осуществиться в отдаленном будущем*. Такие же сообщества не исключены и в азиатском мире. Вступление человечества в крупные естественные сообщества могло бы способствовать уменьшению числа серьезных международных проблем и, по мере роста мира, взаимопонимания, по мере расширения представлений, вести к безболез-

* К сожалению, видимо, такой возможности больше не существует по причине всеяющего ужас возрождения Германии, с ее военной мощью, с ее фюрером во главе.

ненному окончательному объединению во Всемирное государство.

На мысль о другом возможном решении наводит пример развития нации из ее первоначальной более свободной феодальной формы. Подобно тому, как длительное столкновение различных сил и равноценных могуществ вело к необходимости выдвинуть на передний план — вначале просто как равного среди равных — феодального короля, а впоследствии закрепить его роль в единовластной монархии, так и в случае, если империи и нации мира не сумеют добиться определенного мирного решения, если усиление классовой борьбы и рост трудностей коммерческого характера, столкновение различных новых представлений и тенденций приведут к затяжной неразберихе, беспорядкам и непрекращающимся переменам, тогда в роли верховного правителя может выступить некая нация, берущая на себя миссию выработать и утвердить хоть какой-то, пусть даже не вполне надежный порядок. Мы пришли к выводу, что одной нации военным путем всего мира не победить, потому что для этого нет и в будущем не ожидается соответствующих условий. Но нация-империя, такая, например, как Англия, распространившаяся во всем мире и ставшая к тому же морской державой, знающая, как удачно объединить свои составные части и организовать их внутренние силы, обладающая способностью быть представителем и защитником основных прогрессивных и либеральных настроений нового времени, готовая к союзу с другими силами и народами, заинтересованная в их победе и доказавшая, что владеет секретом создания немедленной и действенной международной организации, могла бы стать международным арбитром и надежным центром международного правительства. Появление такой возможности в любой форме — дело пока еще отдаленного будущего, но если обстоятельства изменятся, она может реализоваться и раньше.

Предположим, что задача навести порядок в мире окажется слишком трудной и не удастся достигнуть никакого постоянного соглашения или утвердить прочную авторитетную власть, тогда за нее может взяться не одна господствующая империя, а две-три великие державы, имеющие общие интересы и объединенные желанием сократить возможные различия и беспокойства и достаточно при этом сильные, чтобы утвердить свою власть, сломить всякое сопротивление и настоять на каком-либо действенном международном законе и правительстве*. Такой процесс окажется достаточно болезненным и повлечет за собой массу жестокостей, вызванных психологическим и экономическим принуждением. Но если при этом будет сохраняться стремление к успеху и готовность искать более приемлемую форму законности и справедливости, и даже просто устойчивого порядка, в конце концов все же удастся найти общую мо-

* Если, к примеру, борьба между демократическими и тоталитарными державами обострится до предела, объединенные силы победивших Британии, Франции и Америки или же, напротив, фашистских держав смогут утвердить в мире некий исходный порядок.

ральную поддержку и заложить основу для развития более свободных и совершенных форм.

Однако нельзя не учитывать то обстоятельство, что в процесс межправительственного и политического развития, которое мы рассматривали отдельно, может вмешаться затяжная и изнурительная классовая борьба. Интернационализм рабочего класса, подобно всем прочим формам интернационализма — научному, культурному, миротворческому, религиозному, — рухнул под свирепым натиском войны, и во время этого великого кризиса борьба между трудом и капиталом приостановилась. Но осталась надежда, что после войны дух единства, доверия и компромисса вновь сумеет утвердиться и угрожающий конфликт будет предотвращен. Ни человеческая природа, ни история этих надежд не оправдали. Классовые противоречия довольно долго представляли собой, подобно европейскому столкновению, серьезную угрозу. Началу последнего предшествовали большие надежды на мирный исход и усилия европейских совещаний и переговоров не допустить войны. Надежда на согласие между трудом и капиталом, идиллически устраняющая все серьезные причины конфликта бесхребетными строфами благозвучного компромисса во имя высших национальных интересов, не могла, по-видимому, не быть беспочвенной и иллюзорной. Основную причину конфликта не могли изменить даже социалистическая ориентация правительств и возраставшая национализация промышленности. Так как по-прежнему главным оставался вопрос форм и условий нового государственного социализма, в каком бы направлении он ни решался — в интересах ли рабочего класса или капиталистического государства, какой бы демократии он ни придерживался — рабочей ли, правящих ли классов или бюрократии. Этот вопрос провоцировал столкновения, способные с легкостью перерасти в международный или же, по крайней мере, в межевропейский конфликт, даже расколоть нацию, в то время как война способствовала ее сплочению. Результаты подобной борьбы вели к непредсказуемым последствиям и должны были либо изменить представления и жизнь людей, повернув их в совершенно новых направлениях, либо разрушить границы существующих наций и империй*.

* Это предположение полностью подтвердилось послевоенным развитием национальной и международной жизни, и оно все более и более становится верным. Нечеловеческая бойня в Испании, развитие двух противоположных типов социализма в России, Италии и Германии, нелегкая политическая ситуация во Франции были примерами осуществления этих тенденций. Но высшей точки она достигла в развитии коммунизма, и, по всей видимости, будущему предрешиено быть полем битвы между коммунизмом и оживающим капиталистическим индустриализмом Нового Света или же коммунизмом и более современной формой социальной демократии на двух континентах Старого Света. Но в целом умозаключения, приведенные в этой главе в то время, когда будущие возможности очень сильно отличались от того, что они сейчас собой являют, а мир находился в состоянии перемен и столкновений сомнительного

Глава 15. Некоторые пути осуществления

беспорядка, с тех пор устарели; новый гораздо более серьезный конфликт уничтожил прежде существующие условия нашего бытия. Тем не менее некоторые из них все еще живы и угрожают спокойному развитию нового варианта мирового порядка, а на самом деле — любого мирового порядка в будущем.

Глава 16. Единообразие и свобода

На поставленный нами вначале вопрос есть определенный ответ. Изучив в доступных пределах возможность объединения человечества по политическим и экономическим соображениям и политическими и административными средствами, мы пришли к выводу, что такое объединение не только возможно, но что именно к нему устремлены мысли человечества, именно к такому решению оно склоняется, именно в нем испытывает настоящую потребность; о том же говорят результаты последних событий, на это указывают и действующие силы. Всемирная Природа сделала объединение главной темой в общем потоке человеческого развития; оно — логический итог предшествующей истории и нынешних обстоятельств. В то же время нет никаких оснований надеяться на его безболезненное или быстрое развитие или даже на его неизбежный и обязательный успех. Мы увидели определенные трудности на этом пути, увидели также, что существуют направления, позволяющие эти трудности преодолеть. И пришли к выводу, что ни одно из направлений не кажется идеальным, таким, которое бы отвечало и высшей целесообразности, и самым лучшим намерениям человечества, обеспечивало бы наиболее благоприятные возможности для надежного успеха. Маловероятно, что человечеству удастся его воплотить (разве что на гораздо более зрелой стадии коллективного развития) в форме совершенной федерации свободных и равноправных наций, или же прибегнуть к принципу совершенной гармонии для урегулирования отношений между конкурирующими принципами национализма и интернационализма.

Теперь нам предстоит рассмотреть другой аспект проблемы — как влияет объединение на источники человеческой жизни и прогресса. Политическое и административное объединение человечества не только возможно, но и предreshено современным развитием; растущее стремление к единству, на конкретном облике и отчетливом голосе которого печать страданий европейской бойни, может преодолеть противостоящий ему коллективный национальный эгоизм. Но остается вопрос, насколько неизбежен — не на начальном относительно свободном этапе, но в процессе становления и развития — жесткий единообразный порядок, влекущий за собой неизбежное подавление человеческих свобод, индивидуальных и коллективных, и тот деспотичный механизм, благодаря которому окажется под угрозой или в угнетенном состоянии, по крайней мере на какое-то время, свободное развитие самого жизненного принципа человечества. Мы видели, что в подобных обстоятельствах за этапом свободного устройства наступает этап ограничения и сужения, при котором достигается более жесткое единообразие и новое единство начинает приобретать более косные формы. И во всех предыдущих случаях это означало, а возможно будет означать и в данном, угнетение принципа свободы, который остается наиболее ценной наградой за все предыдущие духовные, политические и социальные битвы человечества. Предыдущий цикл развития, по-видимому, может повториться на новом уровне.

Такое развитие станет не только вероятным, но даже и неизбежным, если объединение человечества будет проводиться на основе немецкого идеала о возрастающем господстве над миром какой-либо одной, наиболее подходящей для этого империи, нации или расы. И тот же результат неизбежен, если Провидению угодно будет прибегнуть к помощи двух-трех, утвердивших свое господство над человечеством, наций-империй; или если действующей силой окажется хорошо организованная Европа, которая, следуя определенным программам политических мыслителей, приберет к рукам все остальное человечество и утвердит свою опеку над цветными народами на неопределенно долгий срок.

Мнимой целью и оправданием для подобной опеки может стать стремление придать менее развитым народам цивилизованный облик, европеизировать их. Что в действительности, как мы знаем, означает их эксплуатацию, поскольку при благожелательной, но силовой охране естественно стремление извлечь наибольшую выгоду из благоприятной ситуации: прежде всего собственные интересы и развитие, а уже потом интересы мира в целом. Такому режиму, чтобы выжить, придется рассчитывать только на силу и противостоять мечтам народов о свободном самоуправлении на том основании, что либо они не готовы к нему, либо их стремление недостаточно зрело — два весомых аргумента, которые невозможно опровергнуть к удовольствию тех, кто их выдвинул. Прежде всего, такой режим будет стремиться сохранить принцип индивидуальной свободы для народов, стоящих у власти, и утверждать, что подчинение тех, кем управляют, вполне для них полезно и выгодно; но это недопустимо. Опыт прошлого учит: если у народа империи возникает привычка предпочитать принцип власти принципу свободы, она определенным образом воздействует на него и меняет, вначале неощутимо, а затем все более и более явно, весь строй его мыслей, и из покорности обстоятельствам развивается готовность жертвовать своей внутренней свободой. Из такой ситуации может быть только два выхода: либо среди народов, все еще находящихся в зависимом положении и во имя их же, так сказать, пользы управляемых другими, принцип свободы растет и набирает силу, либо же он теряет свое значение в мире в целом. Либо на мир снизойдет более высокое состояние, либо восстанет низшее; им не уживаться при одной и той же экономике человеческих отношений. Но если обстоятельства не способствуют прекращению такого объединения, то в девяти случаях из десяти побеждает неблагоприятная возможность*.

Все подобные средства опираются на силу и принуждение, а любое наме-

* Подобные предположения потеряли свой смысл для реального положения дел. Азия теперь по большей части свободна или находится в процессе освобождения, идея господства Запада или Европы более не имеет силы, почти полностью перестала занимать сознание людей и в настоящее время неосуществима.

ренно спланированное, длительное и повсеместное использование средств ограничения обычно ведет к тому, что отбивает охоту уважать принцип свободы у тех, кто прибегает к подобному принуждению, а понятие свободы теряет значение для тех, по отношению к кому такое принуждение применяется. Что, в свою очередь, способствует росту противоположного принципа — авторитаризма, ведущего неизбежно к усилению жесткости, единообразия, механистичности, а значит, и консерватизма всей системы жизни. Такова психологическая взаимосвязь причины и следствия, избежать которой возможно лишь на основе всеобщего признания действующей власти. Но по своей природе и происхождению все режимы, учрежденные таким образом, отказываются от каких-либо уступок в этом направлении, поскольку держатся за счет подавления всего, что может оказывать сопротивление, за счет насильственного устранения всех противостоящих сил и тенденций. Возникает необходимость угнетать, ограничивать, возможно даже, уничтожать все формы свободы, способные поддерживать дух протеста или сопротивления, другими словами — все те значительные привилегии свободного действия и самовыражения, которые составляют самую лучшую, наиболее яркую и действенную часть человеческой свободы. Им придется уничтожить, вначале насильственным образом, а затем путем официального подавления и угнетения, все элементы, именуемые нами национальной свободой; в этом процессе индивидуальная свобода была бы вначале уничтожена в тех частях человечества, которые находятся в зависимом и подчиненном положении, а затем уже, под влиянием и вследствие подобных действий, — в самой нации или в нациях, стоящих у власти. Это довольно легко предвидеть, поскольку достоинство и свобода это те свойства, которые человек обретает в результате долгой эволюции и тяжких усилий; он пока еще не расположен уважать свободу других, хотя без этого его свобода тоже под вопросом; угнетать и властвовать везде, где только можно (нередко, так сказать, из высших побуждений) или быть жертвой обмана, рабом власть имущих — вот к чему он тяготеет от природы. Поэтому каждое (кроме самых неизбежных) ограничение тех немногочисленных свобод, которые человеку удалось завоевать, становится шагом назад, какие бы сиюминутные преимущества это не сулило; и потому всякая организация угнетения и подавления, сверх той необходимой меры, что обусловлена несовершенным состоянием человеческой природы и общества, тормозит прогресс всей человеческой расы.

Если, с другой стороны, внешнее объединение человеческой расы совершается на основе союза свободных наций и империй, и если эти империи стремятся обрести психологическую целостность, превратившись в свободные сообщества, или же сама раса становится настолько развитой, что может допустить, чтобы объединенное человечество свободно создавало группы и союзы на основе принципа культурной и национальной общности, тогда опасность деградации будет намного меньше. Но все же вероятность ее сохранится. Так как мы видели, что в период объединения упор делается главным образом на принцип

порядка и единообразия. Принцип же свободы создает препятствие росту единообразия, и хотя вполне совместим с истинным порядком и легко уживается с тем установившимся порядком, при котором он был утвержден, не столь легко ему примириться с порядком новым, требующим от него новых жертв, к которым он психологически еще не готов. Само по себе это не имеет большого значения, так как любое прогрессивное движение предполагает определенные трения и трудности, связанные с урегулированием; и если, с одной стороны, в какой-то степени ущемляется свобода, а с другой, ущемляется порядок, им не так уж сложно, приобретя некоторый опыт, найти иную норму своих взаимоотношений. К несчастью, всякому движению, связанному с самоопределением, в период, когда оно набирает силу, а обстоятельства благоприятствуют ему, свойственно переоценивать себя и преувеличивать свои требования, направлять усилия к одностороннему осуществлению, устанавливая деспотический порядок и угнетать или даже устранять другие предрасположенности и принципы, в особенности, те, которые инстинктивно ощущаются как наиболее далекие и чуждые его природе. А если оно наталкивается на сопротивление противоположных ему сил, тогда его самоутверждение становится злобным, насильственным и деспотичным; и мы тогда уже имеем не разногласия при согласовании, но противоборство враждующих сторон, яростно и с переменным успехом атакующих друг друга, — действие и противодействие, эволюцию и революцию, — пока одна из сторон не одержит в этом споре верх.

Именно так развивалось человечество в прошлом; борьба порядка и единообразия против свободы — вот главный мотив всех крупных человеческих систем и событий: религиозных, социальных, политических. И нет никаких оснований предполагать, что в ближайшем будущем появится иной, более разумный принцип развития. Человек (в сравнении с любым из известных периодов прошлого) начнет действительно в целом обретать черты разумного существа, но он еще не стал таковым, за исключением, разве что, одного-двух свойств — большей рассудительности и более гармоничного духа; он по-прежнему пользуется разумом главным образом для оправдания борьбы и взаимных разногласий, а не для достижения мудрого взаимопонимания. И все так же ум его и интеллект потворствуют желаниям и страстям. И потому можно предполагать, что даже при самых благоприятных обстоятельствах возобладает старый способ действий и борьба при объединении человечества разгорится вновь. Принцип власти и порядка будет стремиться к механической организованности; принцип свободы будет сопротивляться и требовать более гибкой, свободной и универсальной системы. Два старых врага вновь будут бороться за право контролировать человеческое единство, подобно тому как они уже делали это в прошлом, добиваясь права контролировать форму развивающейся нации. Обстоятельства при этом будут более благоприятствовать силе ограничения, а индивидуальной и национальной свободе придется, по-видимому, потесниться — и их счастье, если это произойдет уже после того, как карательные команды законов и огра-

ничений будут упразднены.

Такого может не случиться, если внутри самих наций дух свободы будет по-прежнему, набирая силу, процветать; поскольку это создаст условия, для того чтобы уважать свободу всех участвующих в процессе объединения наций. Но, как о том свидетельствуют происходящие в мире события, мы вступаем в период, угрожающий идеалу индивидуальной свободы практически полным порабощением идеалом государства, а возможно даже временной смертью или, по крайней мере, длительным состоянием оцепенения, комы, бедствия. Этап ограничения и механизации в процессе объединения должен быть связан, по-видимому, с соответствующим процессом ограничения и механизации внутри каждого, принимающего участие в процессе объединения, элемента. На что же может рассчитывать дух свободы при таком двойном нападении? Действующие формы свободы отомрут, и единственная возможность оздоровить ее развитие будет состоять в каком-то новом выражении свободы на основе нового мощного движения духовного и интеллектуального возрождения, способного согласовать индивидуальную свободу с коллективным идеалом общественной жизни, а свободу коллективной жизни отдельных обществ с появившейся впервые необходимостью более сплоченной жизни всего человечества.

В то же время нам следует понять, насколько далеко, реально и действенно принцип объединения сможет проникнуть в наиболее внешние и механические аспекты, на которые ориентирован политический и административный подход, и будут ли их наиболее крайние выражения содействовать или же, напротив, препятствовать истинному развитию расы в процессе ее совершенствования. Нужно понять также, какова роль национального принципа и вероятность его полного растворения, а в случае, если он сохранится — место, которое займет национальное единство в новой объединенной жизни и форму его подчинения. Это связано с вопросом о контроле, с представлением о "Парламенте человечества" и иными представлениями о политической организации и их приложении к новой грандиозной проблеме в науке коллективного бытия. И, наконец, остается вопрос единообразия и полезности его для расы или необходимости для всеобщего единства. Очевидно, что при этом мы касаемся проблем, решение которых будет намного более умозрительным и менее конкретным по сравнению с тем, которое мы находили до сих пор. Оно остается пока в сфере туманного будущего, и все, что проливает на этот вопрос свет, связано с опытом прошлого и общими принципами жизни, природы и социологии; в свете же современных событий тоже мало что можно различить, стоит нам хоть немного углубиться в смутные перспективы грядущего, полные непредсказуемых возможностей. Мы не можем рассчитывать на предвидение — но только на рассуждение и понимание принципов.

Мы видим, что существуют два противоположных решения и некоторое количество промежуточных вариантов. В настоящее время нация представляет со-

бой надежное коллективное устройство, по отношению к которому все прочие общности занимают подчиненное положение; даже империи до настоящего времени создавались как следующий шаг развития нации, и нынешние империи существуют не ради самих себя, не ради сознательного построения более широко-масштабного сообщества, как во времена Римской империи, но повинаясь инстинкту господства и распространения, территориальной, финансовой, товарной, а также витальной, интеллектуальной и культурной ненасытности могущественных и преуспевающих наций. Тем не менее это не оберегает нацию от возможности раствориться в сообществе более крупного масштаба. В любом человеческом единстве всегда должны сохраняться внутренние группировки, даже в наиболее цельном, нетерпимом и единообразном, поскольку это заложено в самом принципе не только человеческой природы, но всей жизни и каждого сообщества; мы сталкиваемся здесь с фундаментальным законом универсального бытия, с фундаментальной математикой и физикой творения. Но это совсем не означает, что нация тоже должна сохраниться как групповое единство. Она может и исчезнуть; уже возникает тенденция отрицать национальность: перед войной родилось и набирало силу противоположное представление о *sans-patrie*¹, о гражданстве мира; даже будучи временно побежденным, преданным забвению и потерявшим привлекательность, оно ни в коей мере не погибло — впоследствии, по всей видимости, ему придется возродиться с гораздо большей силой. С другой стороны, сама идея нации может не потерять свое значение и так или иначе отстоять — после какой-то борьбы и зависимого положения — право на жизнь, свободу, право на самостоятельную роль внутри более крупного единства. Наконец, она может сохраниться, только потеряв большую часть своей жизненной силы или даже почти полностью утратив и ее, и какую бы то ни было живость духа, поддерживавшего ее самостоятельное и независимое существование, сохраниться просто ради удобства, скорее, как административный, нежели психологический факт, подобно французскому департаменту или английской провинции. Но все же сохранить определенные признаки чисто внешней обособленности как основу для возможного распада человеческого единства, который неизбежно начнется, если объединение окажется не настоящим, но механическим и если им будут продолжать руководить политические и административные мотивы, поддерживаемые, скорее, соображениями экономического, социального или просто культурного удобства — то есть объединением, так и не сумевшим стать материальной основой для духовного единства человечества.

То же касается и идеала единообразия; так как для многих умов, особенно жесткого и механического склада, для тех, у кого логика и интеллектуализм сильнее воображения и свободного живого инстинкта, или тех, кто легко

1. *sans-patrie* (фр.) — безнациональный.

прельщается красотой идеи и готов забыть ее ограниченность, единообразие представляет собой идеал, нередко даже высочайший из возможных идеалов. Единообразие человечества вовсе не маловероятная случайность, даже если оно и немыслимо в нынешних обстоятельствах, и его в определенном смысле трудно себе сейчас представить — разве что в отдаленном будущем. Поскольку существует или существовала устойчивая тяга к единообразию живых привычек, единообразию знания, политическому, социальному, экономическому единообразию, общеобразовательному, а все это вполне логично и естественно должно вести к единообразию культуры. Если это произойдет, на пути всеобщего единообразия останется одно препятствие — языковые различия. Язык создает и обуславливает мысль в той же мере, в какой создан и обусловлен ею, и до тех пор, пока существуют языковые различия, всегда будет существовать свободное разнообразие мысли, знания и культуры. Но легко себе представить, что общее единообразие культуры и тесной взаимосвязанности жизни породят настойчивую потребность во всеобщем языке, ощущаемую уже и ныне; а всеобщий язык, однажды появившись на свет и найдя свое применение, может привести к гибели языков местных, подобно тому, как латынь уничтожила языки Галлии, Испании, Италии, или как английский уничтожил корнуэльский, гэльский, шотландский и ирландский, повлиял на валийский. С другой стороны, в наши дни наблюдается возрождение, связанное с усилением субъективизма человеческой мысли и принципа свободного разнообразия, с отказом от единообразия. Если возобладает эта тенденция, тогда объединение расы произойдет при должном уважении свободы культуры, мысли и жизни входящих в его состав частей. Но есть и третий способ утверждения единообразия, допускающий или даже поддерживающий такой минимум разнообразия, который не угрожает его основным положениям. В этом случае в пределах его жизненных возможностей могут появиться варианты, достаточно сильные и в какой-то степени самостоятельные, хотя и не независимые; они могут быть и весьма приглушенных тонов и оттенков, но все же вполне отчетливыми, для того чтобы послужить основой в случае распада единообразия на новом этапе преобразований.

И вновь о том, как организовать управление человеческой расой. Оно может быть основано на жесткой регламентации жизни, подчиненной центральной власти (подобно тому, которое предполагается некоторыми социалистическими программами для управления нацией), и режиме подавления всякой индивидуальной и региональной свободы, для того чтобы создать строгую и единообразную схему человеческого восприятия, экономической жизни, социальных привычек, морали, знания, даже религии — во всех областях человеческой активности. Такое развитие может показаться маловероятным, а в ближайшем будущем и просто нереальным, поскольку для этого пришлось бы вовлечь в процесс огромные массы людей, преодолеть серьезные трудности и решить многие проблемы, прежде чем сделать его возможным. Но мысль о невозможности такого поворота событий не учитывает двух важных факторов: роста нау-

Глава 16. Единообразие и свобода

ки (с ее возрастающей способностью легко манипулировать, как огромными массами людей — свидетельством тому нынешняя война, — так и широко-масштабными проблемами) и стремительного развития социализма*. Повсеместная победа идей социализма, под каким бы он ни выступал видом, или его практическое претворение могут естественным образом привести к международной социализации, которая была бы вполне возможна благодаря росту науки и научной организации, то есть к устранению пространственных и количественных трудностей. С другой стороны, вероятно, что после периода достаточно строгой борьбы между идеалом распорядка, единообразия и идеалом свободы социалистический период, утвердившись на время, подобно периоду абсолютной монархии в Европе, сменится другим более вдохновенным принципом так называемого философского анархизма — единства, основанного на наиболее полной индивидуальной свободе и свободе естественного непринудительного группирования. Кроме того, может быть достигнут компромисс между жесткой господствующей регламентацией жизни и подчиненной ей свободой, сохраняющей, даже в случае потери своей жизнеспособности, способность разрушить режим, после того как человечество почувствует, что такая регламентация — не единственная его судьба, и что настало время для нового этапа поиска и эксперимента в интересах будущего развития.

Столь значительные вопросы невозможно рассмотреть досконально. Все, что мы можем, так это попытаться вычленив те конкретные представления, которые будут определять общее движение к объединению. Сама же проблема достаточно темна и велика; однако свет понимания, пусть даже в виде редких вспышек, озаряющих нашу тему, помогает уменьшить трудности ее решения и неопределенность.

* Даже падение фашистского режима в Италии просто свидетельствует о подготовке или воплощении новых возможностей принципа государственного контроля и руководства, остающихся самой сутью социализма.

ЧАСТЬ 2

Глава 17. Закон природы в человеческом прогрессе — единство в разнообразии, закон и свобода

Из всех земных существ только человеку, для того чтобы организовать жизнь надлежащим образом, требуется ее правильно понять и осмыслить. В этом он полагается либо на свой разум, пользуясь им как единственным или основным инструментом (как того требует его рационализм), либо более широко и полно — на совокупность своих способностей. Ему необходимо знать истинную природу бытия и то, как она претворяется в жизненных ценностях, а, точнее говоря, знать законы Природы и, в особенности, его собственной природы, действие сил внутренних и внешних, знать, как их правильно использовать в интересах большего совершенства и счастья, своего и своих братьев. Принято говорить, что его задача — научиться жить в согласии с Природой. Однако не следует при этом рассматривать Природу в обычном смысле, в виде некоего известного закона, от которого человек отклонился; сам закон тоже меняется, развивается, эволюционирует и, восходя от одной вершины к другой и преодолевая все новые и новые пределы, достигает еще больших возможностей. За всеми подобными изменениями стоят определенные важные принципы или истины бытия, остающиеся неизменными, и именно они должны, прежде всего, определять наше развитие и совершенствование, быть его опорой и каркасом. В противном случае будет царить бесконечный хаос, но не мир, способный вынести все столкновения принадлежащих ему сил.

Предшествующая человеку жизнь животных и растений не обременена ни необходимостью подобного знания, ни сопровождающей его сознательной волей, вынуждающей исполнять познанное. Не обусловленная ими, она защищена и от многочисленных ошибок, искажений и болезней, поскольку течет спонтанно, в согласии с Природой, в созвучии с ее знаками и волей, и неспособна ни сознательно, ни бессознательно уклоняться от ее законов и указаний. Человека же, напротив, отличает склонность обращать свой ум и волю против Природы, способность управлять ее движениями, даже уклоняться от диктуемого ему направления. Но здесь мы сталкиваемся с некой словесной казуистикой, поскольку мышление человека тоже часть Природы — гораздо более важная, если не величайшая часть. Можно сказать, что здесь Природа начинает отчасти осознавать свои же законы и силы, сознавать свою битву во имя прогресса и, вдохновляясь сознательной волей, устанавливать все более и более высокий закон в подвластных ей процессах жизни и бытия. Дочеловеческой жизни свойственна

Глава 17. Закон природы в человеческом прогрессе — единство в разнообразии, закон и свобода

витальная и физическая борьба, но не ментальный конфликт. Человек оказывается во власти ментального конфликта и потому воюет не только с другими, но и с самим собой; однако благодаря такой войне с самим собой он способен на то, что невозможно для животного, — на внутреннюю эволюцию, на поступательное развитие и все большее возвышение, на постоянное преодоление своих пределов, на восхождение.

В настоящее время такая эволюция совершается при столкновении и развитии претворяемых в жизнь представлений. В своем изначальном виде человеческие представления о жизни это просто осмысление действия сил и тенденций самой жизни, проявляющихся в форме потребностей, желаний и интересов. Человеческому разуму свойственна определенная практичность, более или менее строгая и точная, которая помогает учитывать их и придавать им то или иное значение в соответствии с накопленным опытом, предпочтениями и взглядами. Одни человек принимает и взращивает с помощью воли и разума, другие — отвергает, лишает поддержки, даже старается уничтожить. Но на основе простой первоначальной схемы складывается другой, более сложный характер представлений о жизни; от простого осмысления и готового функционального подхода он идет дальше, к упорядоченной оценке сил и тенденций, которые проявлялись или проявляются в нем и окружающих его условиях. Он изучает их как устойчивые процессы и правила Природы и стремится понять их закон и норму. Пытается понять законы своего ума, жизни, тела, законы и принципы событий и сил, его окружающих и составляющих внешние условия, пытается определить область и характер их проявления. Поскольку мы представляем собой организмы несовершенные и развивающиеся, такое изучение законов жизни связано с рассмотрением двух аспектов: нормы существующей и той, которая допустима или возможна, то есть закона существующих условий и закона возможностей. Последнее относится к человеческому интеллекту, склонному к произвольным и весьма преувеличенным формулировкам, к форме утвержденного идеального стандарта или набора принципов, от которых реальная жизнь отклоняется или отступает, либо в направлении которых она развивается и устремлена.

К более углубленному пониманию приводит нас представление об эволюции Природы и жизни. И сущее, и возможное — все это выражения одних и тех же постоянных истин бытия и сил или свойств Природы, избежать которые мы не можем, и не имеем к тому необходимых средств, поскольку вся жизнь это самоосуществление Природы, а не разрушение или отрицание ею самой себя; кроме того, мы можем возвышать и мы склонны возвышать, изменять и расширять формы, устройства и ценности этих постоянных истин и сил человеческой природы и бытия, и в процессе нашего развития такие изменения или усовершенствования могут даже восприниматься как некие серьезные преобразования, таковыми в действительности не являясь, претендующими на серьезное изменение, хотя никаких значительных перемен при этом могло и не быть. Существующие условия это только форма, значение или способность выражения,

Глава 17. Закон природы в человеческом прогрессе — единство в разнообразии, закон и свобода

отвечающая нашей жизни и природе; их нормы и законы обуславливают устройство общества и его движение на данной ступени эволюции. Возможности же указывают на новую форму, значение и способность выражения и на соответствующее им новое устройство, на то движение, которое будет подходящей для них нормой и законом. Оказавшись между действительным и возможным, интеллект склонен ошибочно принимать существующий закон и форму за вечный закон природы и бытия, а любое изменение рассматривать как отклонение и падение, или же, напротив, ошибочно принимать будущие и возможные закон и форму за идеальные принципы жизни, а все отклонения от них считать ошибкой или объяснять греховностью природы. В действительности же вечно лишь то, что остается неизменным при всех переменах, а идеал это просто его развивающееся выражение. И тогда на роль вечного идеала мог бы претендовать такой самый дальний предел (если только таковой существует — мы ведь не знаем своих предельных возможностей) высоты, широты и полноты самовыражения, на который только способен человек, коль скоро такой предел стал бы нам известен.

Какие бы представления и идеалы человек ни извлекал из жизни и не пытался к ней применить, они всегда будут оставаться лишь выражениями самой жизни, стремлением обнаружить и утвердить ее более высокий закон, с большей полнотой претворять ее возможности. Наше мышление представляет собой сознательную часть движения Природы в постепенном самоосуществлении тех значений и возможностей, которые характерны для ее человеческого способа жизни. Будь наше мышление совершенным, его знания и воля находились бы в единстве с универсальностью того сокровенного Знания и той сокровенной Воли, которые Природа пытается проявить вовне, и не возникал бы тогда интеллектуальный конфликт. Так как в этом случае мы могли бы отождествиться с ее движением, знать ее цель и разумно следовать вырабатываемым ею направлениям, то есть исполнять ту истину, на которую указывает Гита, утверждая, что действует лишь одна Природа, движения же ума и жизни это только действие свойственных ей форм выражения. Дочеловеческая жизнь инстинктивно, механически делает то же самое — в пределах своего типа она живет в созвучии с Природой и свободна от внутреннего конфликта, хотя и не избавлена от противоречий с жизнью внешней. Жизнь, превзошедшая человеческий уровень, достигнет такого совершенства сознательно; и тогда ей будут доступны сокровенное Знание и Воля, она найдет свое осуществление в Природе, благодаря свободному, спонтанному и гармоничному движению, неспешному и непрестанному, и достигнет, наконец, той полноты развития, которая остается ее неизменной и потому predetermined целью. Но пока из-за несовершенства нашего мышления мы улавливаем только отблеск ее тенденций и целей, и каждый такой отблеск возводим в абсолютный принцип или ранг идеальной теории жизни и поведения; воспринимая какую-то одну сторону ее процесса, относимся к ней как к цельной и совершенной системе и пытаемся устроить

Глава 17. Закон природы в человеческом прогрессе — единство в разнообразии, закон и свобода

свою жизнь, руководствуясь только ею. Природа, в свою очередь, действуя через несовершенный индивидуальный и еще более несовершенный коллективный ум, превращает события и возможности нашего существования в противостоящие друг другу принципы и силы, к которым нас склоняют интеллект и эмоции, и, поощряя одни и угнетая другие, ведет их сквозь разворачивающуюся в уме человека борьбу и конфликт к взаимопониманию и чувству их общей значимости, а постепенно и к правильному отношению, к соединению их свойств, что отражается в растущей гармонии и согласованности освоенных сил в гибкой многозначности человеческой жизни.

Социальная эволюция человеческой расы это, по сути, неизбежное развитие отношений между тремя постоянными факторами: индивидуальным, общественным и общечеловеческим. Каждый из них стремится к полному осуществлению и удовлетворению, но вынужден при этом развиваться не самостоятельно, но во взаимодействии с остальными. Главной естественной целью индивида должен быть его внутренний рост, полнота развития и проявления во внешней жизни; но выполнимо это только через отношения с другими индивидами, с различного рода общественными организациями, религиозными, социальными, культурными и политическими, к которым он принадлежит, и с представлением человечества как целого и его нуждами. Общество должно стремиться к своему осуществлению, но какими бы ни были сила его массового сознания и общественная структура, может завершить свое развитие, только опираясь на конкретных людей и при воздействии обстоятельств, диктуемых ему окружающими условиями, подчиняясь условиям, налагаемым на него отношениями с другими обществами, отдельными людьми и человечеством в целом. Человечество, как целое, в настоящее время не живет еще сознательно организованной общей жизнью; оно только начинает ее устраивать, что более связано с обстоятельствами, нежели с человеческим интеллектом и волей. И тем не менее представление об общечеловеческом бытии, сам факт его наличия, его природа и судьба всегда оказывали самое сильное влияние на человеческую мысль и действие. Одна из главных забот этики и религии неразрывно связана с обязательством человека перед человечеством. Воздействие значительных миграций и движений, происходивших в человеческой расе, постоянно влияло на судьбы независимых обществ, и всегда существовало обратное воздействие независимых обществ — социальных, культурных, политических, религиозных, — стремившихся распространиться и охватить, по возможности, всю расу целиком. Добиться же организованной общей жизни и искать коллективного осуществления и удовлетворения человечество сможет только при взаимодействии его, как целого, с входящими в его состав частями и при поддержке, получаемой ими от развивающейся индивидуальной жизни и жизни обществ, успех которых и будет составной частью более крупных реалий жизни всей человеческой расы.

Природа всегда действует, используя все три категории, ни одна из которых не может быть отвергнута. Она начинает с видимого проявления единства и

Глава 17. Закон природы в человеческом прогрессе — единство в разнообразии, закон и свобода

множества, общего и составляющих его элементов, и создает элементы-посредники между этими двумя полюсами, без которых невозможно полное развитие ни общего, ни отдельных элементов. В жизненном плане она всегда создает три категории: род, вид и индивидуальность. Но если в животной жизни ее устраивает жесткая разобщенность и групповая совокупность, в человеке она, напротив, стремится преодолеть созданные ею разделения и подводит весь вид к ощущению единства и достижению общности. Человеческие общества формируются не столько стадным инстинктом множества индивидов, принадлежащих одному и тому же роду и виду, сколько местным объединением, общностью интересов и представлений; и всегда возникает тенденция к преодолению этих пределов за счет большей широты мыслей и чувств, складывающихся при более тесном взаимодействии рас, народов, интересов, представлений и культур. Но даже если преодолевается их независимость, сами по себе они не отвергаются, поскольку существование их покоится на основополагающем принципе Природы — многообразии единства. И потому, видимо, идеальной или конечной целью Природы должно быть развитие каждого индивида и совокупности индивидуумов до наибольшей полноты их способностей, развитие каждого общества и всей совокупности человеческих обществ до наибольшей полноты той многогранной жизни и ее возможностей, которую их развитие и призвано было выразить; вершиной же этого развития должно стать создание объединенной жизни человечества, доведенной до наибольшей полноты и удовлетворенности не за счет угнетения полноценной жизни индивида или небольших сообществ, но при помощи достижений, даруемых тем разнообразием, которое они представляют. Это, по-видимому, самый плодотворный путь приумножить человеческие ценности и сделать их всеобщим достоянием.

Таким образом, процесс объединения человечества должен был бы строиться на общем принципе взаимообмена и взаимной ассимиляции, претворяющихся и на уровне отношений между индивидами, и между отдельными индивидами и обществом, между самими обществами, между отдельными народами и человечеством в целом, а также между жизнью и сознанием всего человечества и его свободно развивающимися общественными и индивидуальными составляющими. В действительности, хотя Природа уже сейчас предпринимает определенные усилия для достижения подобного взаимообмена, жизнь все еще далека от того, чтобы руководствоваться принципом свободного и гармоничного взаимодействия. Господствуют борьба, противостояние представлений, побуждений, интересов, каждый стремится воздействовать на других при помощи различного рода войн, интеллектуального, витального и физического грабежа и воровства и, вместо свободного и полезного для каждой стороны взаимообмена, подавлять, пожирать и переваривать своих собратьев. В своих высочайших мыслях и устремлениях человечество постигло необходимость преодоления этой стороны жизни, однако не выработало еще подходящих средств и не в силах прибегнуть к ним. Вместо этого оно пытается пока только прекратить борьбу и

Глава 17. Закон природы в человеческом прогрессе — единство в разнообразии, закон и свобода

неупорядоченное развитие тем, что насильственным путем подчиняет индивидуальную жизнь жизни общества, даже стремится подавить ее, и, следовательно, оно будет пытаться предотвратить борьбу между различными обществами путем насильственного подчинения жизни отдельного общества единой и организованной жизни человеческой расы, даже ценой ее порабощения. В целях устранения беспорядка, борьбы и негодного материала — устранять свободу, в целях борьбы с сепаратизмом и несогласуемыми усложнениями — устранять разнообразие; именно к этому ведут организованность и регламентация, с помощью которых капризная косность логического разума силится выпрямить и упростить сложные перипетии природного процесса.

Но жизни свобода нужна не меньше, чем закон и система правления, а для истинной полноты требуется не только единство, но и разнообразие. Бытие едино только по сути и во всеобщности своей, для проявления его необходима множественность. Абсолютное единообразие означало бы прекращение жизни, однако сила жизни, ее пульс измеряются богатством разнообразия, созданного ею. Разнообразие имеет значение для силы и плодотворности жизни, а единство необходимо для ее организации, устройства и стабильности. Достичь необходимо единства, но не единообразия. Если бы человек смог достичь совершенного духовного единства, никакого единообразия не потребовалось бы, поскольку такая основа надежно обеспечит самое богатое разнообразие. Если человек добьется надежного, явного и прочного единства, возможно будет богатое, даже безграничное разнообразие, безо всякого опасения, что могут возникнуть беспорядок, конфликты и борьба. Поскольку тогда он бы просто не смог сделать ни одной из тех вещей, которые всегда приводят к искушению заменить единообразием настоящее единство. Сила жизни требует от человека разнообразия, в то время как его разум склонен к единообразию. И предпочитает единообразие потому, что оно создает стойкую и быструю иллюзию единства, заменяющую собой истинную общность, которая кажется ему труднодостижимой. Еще он предпочитает единообразие потому, что с его помощью легко решается весьма нелегкая задача установления закона, порядка и системы управления. Он склонен к единообразию еще и потому, что с точки зрения разума любое значительное разнообразие служит оправданием борьбы и сепаратизма, и поэтому единообразие кажется ему единственным безопасным и легким путем к объединению. Более того, единообразие в каком-то одном направлении или в какой-то одной определенной области помогает ему экономить силы для развития в других направлениях. Если, например, ему удалось стандартизировать экономическую жизнь и избежать связанных с этим проблем, у него, вероятно, появится больше времени и возможностей для интеллектуального и культурного развития. Или же если он полностью стандартизирует социальную жизнь и устранил возможные в дальнейшем проблемы, он, вероятно, обретет покой и свободу ума, чтобы более интенсивно заниматься своим духовным развитием. Но и в этом случае многосложное единство жизни доказывает свою истинность: в конечном счете

Глава 17. Закон природы в человеческом прогрессе — единство в разнообразии, закон и свобода

социальная косность начинает угнетать интеллектуальный и культурный рост человека в целом, и виной тому — ограниченность или бедность экономической жизни; когда же духовное бытие человеческой расы зависит от слишком стандартизированного и регламентированного общества, оно, возможно, и достигает отдельных вершин, но в конце концов его богатство угасает и иссякают непрерывные животворящие источники; со дна поднимается неподвижность и затмевает даже вершины.

Однако из-за несовершенства нашего мышления мы вынуждены в какой-то степени признавать единообразие, даже добиваться его; хотя истинная цель Природы это настоящее единство, поддерживающее богатое разнообразие. Секрет ее довольно прост: она формирует по единому плану, но настаивает на бесконечной изменчивости. Человеческий тип един для всех, но нет двух совершенно одинаковых по своим физическим данным людей. Состав и устройство человеческой природы также всегда одни и те же, но нет двух человек в точности похожих темпераментом, своими особенностями и психологическими свойствами. Вся жизнь в сущности своей едина, и растения родственны животным; но единство жизни предполагает и поддерживает бесконечную изменчивость типов. Естественные разновидности человеческих обществ, так же как и индивидуальная изменчивость, остаются в пределах одного и того же типа: каждое из них вырабатывает свой характер, собственный тип устройства, естественный для него закон. Подобная изменчивость и основополагающее следование собственным независимым законам неизбежно для жизни; но в равной степени они необходимы и для здоровой жизни человечества в целом. Так как принцип изменчивости не мешает свободе взаимоотношений, то не препятствует он и обогащению всех от общей основы и поддержанию ее всеми ее производными, и его мы должны рассматривать как идеальный принцип бытия; и наоборот, без гарантированной изменчивости не будет возможен ни такой взаимообмен, ни взаимная ассимиляция. Мы видим, что секрет жизни в гармонии между единством и разнообразием; во всех своих движениях Природа в равной мере настаивает и на единстве, и на изменчивости. Мы поймем, что действительное духовное и психологическое единство сможет допускать свободное разнообразие и обходиться лишь самым минимумом единообразия, которого вполне достаточно для воплощения в жизнь общности природы и основного типа. До тех пор пока мы не достигли такого совершенства, метод единообразия необходим; но не следует им злоупотреблять, поскольку тогда возникает риск разрушить сами основы жизни, источник ее силы, богатства и полноценного естественного саморазвития.

На том же самом основаны и все разногласия между законом и свободой, и они побуждают к принятию такого же решения. Разнообразие, изменчивость должны носить свободный характер. Природа не вырабатывает, не налагает определенную модель или норму извне; она побуждает жизнь расти изнутри и отстаивать естественный закон и естественное развитие, видоизменяя их лишь

Глава 17. Закон природы в человеческом прогрессе — единство в разнообразии, закон и свобода

в той мере, в какой необходимо для взаимодействия с окружающими условиями. Под свободой мы подразумеваем возможность следовать закону своего существа, естественным образом расти и самоопределяться, естественным и свободным образом добиваться гармоничных взаимоотношений с окружающими условиями. Опасности и недостатки свободы, беспорядочность, борьба, недостойный материал и столкновения, к которым мы приходим в случае злоупотребления ею, достаточно очевидны. Но возникают они от отсутствия или недостатка ощущения единства, связывающего как отдельных людей, так и независимые общества, что заставляет их отстаивать себя за счет друг друга, вместо того чтобы расти при взаимной поддержке и должном взаимодействии и стремлении достичь свободы при каждом случае покушения на свободное развитие своих собратьев. При таком отношении можно было бы достичь духовного и психологического единства, и свобода не подвергалась бы опасности и не находилась бы в невыгодном положении; так как свободные люди, ощущая притягательную силу единства, были бы вынуждены в силу внутренней необходимости самым совершенным образом согласовывать свой рост с ростом своих собратьев, и у них не возникало бы ощущения полной независимости их роста от роста других. К помощи закона и системы управления, как к сдерживающей силе и внешнему регулятору, мы прибегаем только в силу несовершенства и невежества нашего современного ума. Очевидны явные преимущества надежного закона и принудительных отношений, но также — и их серьезные недостатки. То совершенство, которого таким образом удастся достичь, склонно быть механическим, а порядок, возникающий при этом, оказывается искусственным и подлежит разрушению всякий раз, как ослабевает его давление или удерживающая хватка. Зашедший слишком далеко, навязанный порядок разрушает принцип естественного развития, представляющий собой истинный способ жизни, и может даже подавить способность к естественному развитию. Мы угнетаем и стандартизируем жизнь на свой страх и риск; прибегая к чрезмерному регулированию, мы разрушаем инициативу самой Природы и способность интуитивной приспособляемости. Лишенная гибкости жизнеспособной индивидуальности, жизнь умирает изнутри, даже если внешне выглядит благопристойно и размеренно. Уж лучше анархия, чем долгая кабала чужого закона, усвоить который наша природа не в силах. Всякий же подавляющий и ограничивающий закон это только временное средство, заместитель закона истинного, которому должно развиваться изнутри и контролировать не столько свободу, сколько ее внешний вид и видимые проявления. Человеческое общество действительно развивается и сохраняет жизнеспособность лишь в той мере, в какой закон оказывается детищем свободы; оно достигает совершенства лишь тогда, когда человек начинает учиться понимать своих собратьев, становится духовно единым с ними. И тогда естественный закон его общества будет существовать только как внешняя форма той внутренней свободы, которая может сама руководить своим развитием.

Глава 18. Идеальное решение — свободное группирование человечества

Те принципы, которые вытекают из основных и неизменных тенденций Природы и определяют развитие человеческой жизни, вполне могли бы быть руководящими представлениями для любой разумной схемы объединения человеческой расы. Такой подход был бы уместен и в том случае, если бы основу объединения составляло нечто вроде конституции Ликурга¹ или идеальных законов Ману² — совершенного пророка и царя. При усилиях же иного рода, прилагаемых в совершенно иной манере, отвечающей желаниям, страстям и интересам огромных человеческих масс, под руководством далеко не самого ясного света разума мировых мыслителей и эмпирического оппортунизма мировых деятелей и политиков путь к объединению, вероятно, будет вести через серию неоднозначных экспериментов, отступлений и возвратов к прошлому, сопровождающихся сопротивлением и упорством; а само объединение будет осуществляться вопреки человеческой неразумности и несмотря на какофонию соперничающих между собой представлений и интересов; преодолевать придется принципиальные разногласия и добиваться успеха на фоне яростных партийных схваток, завершающихся обычно весьма неудачным компромиссом. Оно, возможно, даже будет утверждено (о чем уже шла речь) наиболее далеким от идеала, хотя, может быть, и не самым губительным способом, даже насильственным путем, при господстве нескольких крупных и могущественных империй или одной, ставшей мировым лидером, — государством-господином, которое заставит признать себя в качестве судьи, если не правителя всего человечества. И не разумный принцип, но необходимость и выгода, не свет, но власть будут действующей силой при любом подобном политическом, административном и экономическом объединении человеческой расы.

И хотя наш идеал не может быть осуществлен пока на практике, он все же остается идеалом, к которому все более и более должны устремляться наши усилия. Если самый лучший подход не может быть применен сразу же, хорошо все-таки знать, что он существует; и тогда в процессе борьбы принципов, сил и интересов он сумеет оказать какое-то влияние на наши отношения, сгладить ошибки, ослабить препятствия и страдания, которыми мы по невежеству и не-

1. *Ликург* — легендарный спартанский законодатель (IX — VIII в. до н.э.). Сведения о нем разнообразны и противоречивы. Греческие авторы V — IV вв. до н.э. приписывают ему создание институтов спартанского общественного и государственного устройства. В Спарте впоследствии сложился особый культ Ликурга.

2. *Ману* — согласно индийской традиции, мифический прародитель людей. В ведах — сын Вивасвата (бога солнца) и брат Ямы (бога смерти); первый человек, живший на земле и царь людей. Традиция приписывает ему создание свода законов — законы Ману.

разумности вынуждены расплачиваться за свой прогресс. Тогда, в принципе, идеальное объединение человечества должно быть системой, позволяющей народам объединяться в соответствии с их собственными психологическими предпочтениями, расовыми и культурными особенностями, экономическими взглядами, вместо того чтобы следовать путями, которые им навязывает их прошлая история или эгоистичная воля могущественных наций, чей полицейский надзор всегда будет вынуждать нации меньшие или менее удачно организованные служить, в качестве подвластных областей, интересам наций-господ и заставлять, в качестве своих подчиненных, исполнять свои указания. Право свободного группирования должно стать первым правилом единой согласованной жизни. Современное устройство мира складывалось экономическими силами, политической дипломатией, угрозами и посулами, военным насилием и без учета каких-либо моральных доводов или общего блага, затрагивающего интересы всего человечества. Оно служило конкретным грубым целям развивающейся Всеобщей Силы и, для того чтобы каким-то образом свести человечество лицом к лицу с самим собой, утверждалось, как правило, ценой кровопролития, страдания, жестокости, подавления и яростного сопротивления. Как и все, что, несмотря на свое далеко не идеальное состояние, существует и утверждается с помощью силы, оно в какой-то мере оправдывает — не с моральной, но с биологической точки зрения — те грубые методы, к которым прибегала Природа, использовавшая их не только в отношении своего животного творения, но и в отношении полуживотного человечества. Но как только основная работа по объединению человечества будет совершена, искусственные устройства, которые ее сопровождали, потеряют всякий смысл. Так должно быть, во-первых, потому, что главная цель — это успехи и благо мира в целом, а вовсе не удовлетворение эгоизма, гордости и алчности отдельных наций и, во-вторых, потому, что вопреки любым якобы законным претензиям наций по отношению друг к другу (вроде целей экономического благополучия и распространения), всемирное единство или Всемирное государство должно строиться не на борьбе и конкуренции, но на принципах сотрудничества и взаимного урегулирования или же, по крайней мере, на конкуренции, регулируемой законом, равенством и справедливыми взаимоотношениями. Поэтому не должно быть места для объединений, созданных на силовой и искусственной основе, за исключением разве что традиционно существующих или предстающих уже как свершившийся факт, который не будет играть особой роли в мировых условиях, до тех пор пока человечество не окажется готовым разрушить многочисленные традиции и подвести итог существованию огромного большинства подобных фактов.

Первым принципом человеческого единства должна стать система свободного и естественного группирования (коль скоро такое группирование необходимо), предотвращающая разногласия между отдельными расами и народами, их нетерпимость друг к другу, предотвращающая возможность угнетения, мятежа. Так как в противном случае Всемирному государству придется опираться,

по крайней мере отчасти, на систему узаконенной несправедливости и угнетения или же, в лучшем случае, на принцип силы и принуждения, пусть даже и в несколько смягченных формах. В последнем случае система сохраняла бы недовольные части, порождающие сильное стремление изменить существующее положение при любой благоприятной возможности и лишалась психологической и физической поддержки этих недовольных частей, которые продолжали бы лелеять мечту о беспорядках, распаде, расстройстве всей системы, мечтать о возврате старой жизни. Тем самым сохранялась бы внутренняя основа для протеста, который в союзе с неукротимостью человеческого разума готов на многое и обладает, в благоприятные для него периоды, огромной силой заразительности и способностью к быстрому распространению. В действительности, всякая система, закрепляющая аномалии, увековечивающая несправедливость и неравенство или же опирающаяся на принцип принуждения и насильственного подчинения, никогда не добьется безопасности и будет, по самой своей природе, обречена.

Возникшее во время войны стремление к устройству мира на основе *status quo*, сложившемуся в результате этого мирового потрясения, имело один принципиальный недостаток — оно пыталось закрепить те условия, которые по своей природе должны были быть временными. Что означало бы не только власть какой-то одной нации над недовольными, чужими для нее меньшинствами, но и в целом превосходство Европы над большей частью Азии и всей Африкой. Союз или зарождающееся единство наций представляли бы в данных условиях олигархическое правление нескольких белых народов над огромной массой человечества. Долговременный мир не мог быть построен на подобной основе, так как был бы неизбежен один из двух вариантов. Либо новая система, опираясь на закон и силу обстоятельств, вынуждена была бы сопротивляться любой попытке радикальных перемен, что вело бы к неестественному подавлению огромных природных и внутренних сил и в конце концов к невероятному беспорядку, возможно даже, к взрыву, способному погубить весь мир; либо пришлось бы повсеместно утверждать такую власть и такие средства к изменению существующих условий, чтобы общечеловеческие настроения, общее понятие о справедливости смогли возобладать над империалистическим эгоизмом и позволили угнетенным народам — европейским, азиатским, африканским — заявлять в советах мира о своих возрастающих, по мере роста их самосознания, требованиях*. Но такой власти, противостоящей эгоизму великих и могущественных империй, было бы нелегко утвердиться; она не могла бы рассчитывать

* Лига Наций начала с какого-то подобного, не слишком ясного идеала; но ее первые же попытки противопоставить себя имперскому эгоизму окончились распадом, и гражданской войны среди своих членов она избежала только благодаря отзыву входящих в ее состав представителей. Фактически, она всегда оставалась не более чем инструментом политики нескольких великих держав.

на какую-то быстроедействие, в ее распоряжении не было бы доступных средств, для того чтобы продемонстрировать свою силу и психологическое влияние, она не могла бы быть предельно мирной и гармоничной в своих расчетах. Она бы либо выродилась в представителя настроений и интересов господствующей олигархии великих держав, либо завершилась движениями, ведущими государства к расколу и гражданской войне, напоминающими конфликт, возникший при решении проблемы рабства в Америке. Тогда остается только одна возможность — чтобы либеральные настроения и принципы, пробудившиеся во время войны в Европе, стали регулирующими и непрерывными силами и распространили свое влияние на отношения европейских наций с их неевропейскими колониями. Другими словами, чтобы они стали регулирующим политическим принципом, который мог бы заставить европейские нации изменить характер своего империализма и превратить империи, по мере возможности, из искусственных образований в настоящие психологические единства.

Но это неизбежно завершилось бы принятием выдвинутого нами принципа — устройства мира на основе свободного и естественного группирования, вместо практикуемого ныне принципа, опирающегося скорее на насилие, нежели на свободу выбора. Психологическое единство может быть гарантировано только при добровольном согласии несвободных в настоящее время народов на их включение в имперский союз; возможность же свободного включения подразумевает свободу иметь собственное мнение и право выйти из состава империи. Если же в связи с несовместимостью культуры, характера, экономических или иных интересов психологическое единство не сможет сложиться, тогда это приведет либо к разобщению, либо к возврату старого принципа силы — весьма непростая задача, когда дело касается огромных масс людей, которым необходимо в процессе нового движения обрести самосознание и объединяющие их силы разума и жизни. Подобные империалистические объединения можно рассматривать как реальный, но ни в коем случае не как неизбежный следующий шаг коллективной жизни, более доступный в нынешних условиях, нежели воссоединение всего человечества; но такие объединения могли бы иметь только два разумных оправдания: во-первых, как некий компромисс на пути к единству всех народов мира и опыт крупномасштабной административной и экономической федерации и, во-вторых, как средство научить народы, принадлежащие к различным расам, традициям и культурам, жить вместе единой политической семьей — единой семьей, уважающей принцип изменчивости и не желающей опускаться до губительного уровня единообразия. Неоднородные по составу империалистические объединения в природном процессе имеют ценность только как временные средства на пути достижения такого более крупного единства, и, где бы они ни возникали впоследствии (в силу естественной ли привлекательности или в результате некоего чудесного полного слияния — что маловероятно, но все-таки возможно), должны прекращать существование сразу же, как только такое более крупное единство будет достигнуто. В случае, если развитие

пойдет в этом направлении, а в сущности, при любом развитии завершающим его результатом, его окончательной и совершенной основой должен быть принцип свободного и естественного группирования народов. Ни на каком другом основании объединение человечества не будет надежным и жизнеспособным. Это важно еще и потому, что после того как произойдет устойчивое объединение человечества, и война и нездоровая конкуренция между нациями будут заменены лучшими методами общения и взаимного урегулирования, не должно возникать поводов для установления любой другой более искусственной системы; тогда разумным основаниям и преимуществам предыдущего подхода тоже придется претерпеть изменения. Институт естественной системы группирования должен, по сути, стать чем-то вроде органов административного управления страной, состоящей из нескольких естественных областей. И это будет разумно и выгодно в той же мере, в какой это удобно и выгодно при любой системе разграничения полномочий и свободной федерации, уделяющей внимание расовым и национальным настроениям или давно сложившимся местным национальным единствам. Можно видоизменять по тем или иным соображениям использование данного принципа, но должно быть исключено все, что способно его упразднить.

Единственной единицей такого группирования остается нация, поскольку представляет собой прочно укоренившуюся основу процесса естественного развития; по-видимому, она действительно создавалась в расчете на более крупномасштабное единство. Поэтому до тех пор пока объединение отодвигается на более поздние времена, а национальный принцип объединения не потерял своей силы и жизнеспособности, не растворился в чем-то ином, свободное и естественное национальное единство, а возможно, и группирование на национальной основе будут оставаться подходящей и живой опорой полноценной и гармоничной мировой системы. Национальный признак будет по-прежнему приниматься во внимание и учитываться, хотя и как элемент, имеющий второстепенное значение. В одних объединениях он будет преобладать и играть главную роль, в других — постепенно потеряет свой смысл, отчасти по историческим и национальным настроениям, преодолевшим языковые и расовые различия, отчасти в силу экономических и прочих отношений, возникших в результате местных контактов или географического объединения. Культурное единство также может иметь значение, но не обязательно должно во всех случаях преобладать; кроме того, объединяющей силы какого-то народа или культуры может оказаться недостаточно, для того чтобы стать при объединении решающим фактором.

Примеров такой неоднородности великое множество. Швейцария по языку, национальному признаку, культуре и даже родственным чувствам принадлежит к различным национальным категориям, по национальному чувству и культуре — к двум, латинской и немецкой, по национальному признаку и языку — к

трех, немецкой, французской и итальянской, и различия эти были столь сильными, что поставили ее в затруднительное положение и вынудили разделить свои симпатии, когда дело дошло до национальных столкновений; но, тем не менее, решающим чувством, преобладающим над всеми прочими, остается чувство швейцарской национальности, и именно оно, по-видимому, оставалось и остается главным препятствием для осуществления идеи добровольного разделения или распада швейцарского единства, столь долго и естественным образом складывающегося, имеющего и географические, и исторические корни. По национальному признаку, языку и своей первоначальной истории Альзас принадлежал германскому союзу, но Германии так и не удалось превратить Альзас и Лорен в Эльзас и Лотарингию; живые настроения, а также национальное, историческое и культурное родство навсегда связали их с Францией. Канада и Австралия не связаны географически ни с Британскими островами, ни между собой, и одно время складывалось впечатление, что им предопределено судьбой быть частью Американского союза, но если их настроения не изменятся (что более вероятно), обе они будут, скорее, тяготеть к Британской группе, вместо того чтобы одной из них стремиться соединить судьбу с Соединенными Штатами, все более усиливающими свой космополитизм, а другой оставаться независимой как Австралийскому Союзу. С другой стороны, славянский и латинский элементы Австро-Венгрии, хотя и принадлежат по географическому положению и экономическим особенностям к этой империи, неуклонно идут к отделению, а там, где местные настроения это позволяют, к союзу со своими родственниками по национальности, культуре и языку. Если бы Австрия относилась к подчиненным ей славянам как к своему венгерскому партнеру или была способна на основе входящих в ее состав немецкого, славянского, венгерского и итальянского элементов создать национальную культуру собственного типа, все возможно было бы иначе, и ее единство, несмотря на действие внешних разрушительных сил, было бы гарантировано. Национальные, языковые и географические отношения, экономические преимущества — это мощные факторы, но решающим все же остается психологический элемент, который и создает единство. Перед этой высшей силой все прочие, какими бы упорными они ни были, вынуждены сдаться; как бы сильно не стремились они к самостоятельному проявлению и самоутверждению в пределах общего единства, им приходится подчиниться этому более мощному тяготению.

Именно по этой самой причине основным принципом при строительстве единства должен быть принцип свободного группирования, а не абстрактное или практическое правило или принцип, основанный на исторической традиции или действующем положении, навязанном народам когда-то прежде. Легко построить систему в уме в надежде утвердить ее на неких основаниях, представляющихся, возможно, разумными и выгодными. На первый взгляд может показаться, что единство человечества разумнее и выгоднее всего было бы устроить на основе европейского, азиатского и американского объединений, с двумя-

-трем подгруппами в Америке: латинской и англоязычной, с тремя в Азии: монгольской, индийской и западноазиатской и с мусульманским миром Северной Африки, примыкающим, вероятно, к третьей из них, с четырьмя в Европе: латинской, славянской, немецкой и англо-кельтской, вместе с колониями последней, все еще предпочитающими держаться за нее, в то время как Центральной и Южной Африке можно было бы предоставить право развиваться в современных условиях самостоятельно на наиболее гуманной и прогрессивной основе, на которой могло бы, выразившись весьма определенно, настаивать объединенное человечество. Ясно, что при лучшем положении вещей действительные и очевидные трудности могли бы и не иметь такого большого значения. Известно, например, что у народов, тесно связанных прочными узами, разделяющие их, в действительности, антипатии намного сильнее, по сравнению с более отвлеченными и менее конкретными антипатиями, разобщающими их с народами, не связанными с ними непосредственным родством. Резко разделены в своем отношении друг к другу монголоидные Япония и Китай; арабы, турки и персы, хотя и представляют собой одну исламскую религию и культуру, не смогли бы создать, даже если бы их отношения друг к другу продолжали сохраняться, единой благополучной семьи. Скандинавские Норвегия и Швеция должны были бы тянуться друг к другу и укреплять свой союз — если бы не сильное, почти иррациональное чувство, не позволяющее сделать его сколько-нибудь продолжительным. Но подобные антипатии сохраняются только в том случае и до тех пор, пока существует какое-либо действительное недружественное давление или чувство подчиненности или господства, страх перед угнетением; с их исчезновением исчезают и антипатии. Примечательно, что со времени разделения Норвегии и Швеции три скандинавских государства во все возрастающей степени склонны были действовать вместе и рассматривать себя как естественную группу в Европе. Длительная неприязнь между Англией и Ирландией начала уменьшаться, когда вступили в действие более справедливые, хотя все еще несовершенные отношения между этими двумя народами; уменьшилась неприязнь между австрийцами и венграми, после того как оба королевства установили более справедливые отношения. Поэтому легко предположить, что система, которая позволит исчезнуть причинам враждебности, даст возможность сложиться естественным отношениям, и утверждаемый нами принцип объединения в группы может оказаться тогда более реальным. Весьма проблематично, что человечество, побуждаемое с большей силой к объединению, будет склонно к созданию именно такой гармоничной системы. Может, например, случиться так, что резкие перемены и революции в мире быстро и решительно устранят все препятствия, подобно тому как революция во Франции устранила все препятствия старого режима, возникавшие на пути утверждения единообразной демократической системы. Но любое подобное устройство не будет иметь практического смысла до тех пор, пока действительное настроение народов не свяжет подобные системы с разумными преимуществами; состояние же мира в настоя-

щее время еще весьма далеко от столь идеальных отношений.

Одно время казалось, что представление о новом основании, построенном на принципе, уважающем национальные настроения, принимает, хотя и в весьма ограниченных пределах, форму практического выражения. Оно сводилось к переустройству Европы и даже в этом случае было обусловлено логикой войны и силой навязывалось империям, потерпевшим поражение. Другие же соглашались применить его к себе лишь в ограниченном виде: Россия — предоставив автономию Польше, Англия — разрешив самоуправление в Ирландии и реорганизовав империю в федерацию, в то время как остальные достаточно решительно отвергали даже сам подход; а одна или две империи отказывались признать его, идя на поводу у собственных амбиций и острых потребностей. Новый принцип получил название, а идея самоопределения — официальное признание; какое-то время она превозносилась как новое евангелие. Несмотря на несовершенное приложение, практическое применение самого принципа, однажды начавшись, будет означать физическое воплощение нового идеала и позволит человечеству надеяться на то, что в будущем его можно будет претворить более широко, превратив, возможно, в универсальный принцип. Даже если бы победа союзников положила конец сим возвышенным мечтам, все равно представление о переустройстве мира на основе свободного группирования нельзя было бы рассматривать как неосуществимую фантазию и несостоятельный идеал.

Тем не менее, этому процессу противостоят довольно мощные силы, и глупо надеяться, что их удастся преодолеть без долгой и трудной борьбы. Первой наиболее серьезной из них оказывается сила национального и имперского эгоизма. Отказаться от инстинкта господствовать, от желания сохранить за собой право быть правителем и высшей властью там, где управление и первенство было наградой за предыдущие усилия, пожертвовать преимуществами коммерческой эксплуатации колоний и зависимых стран, которые могут быть гарантированным подтверждением господства и превосходства, беспристрастно смотреть на проникновение в свободную национальную активность энергичной, а подчас и огромной массы людей, дотоле остававшихся подчиненным и пассивным средством для самообогащения, но ставших ныне сильными равноправными партнерами, а возможно, и могучими конкурентами — все это оказывается требованием чрезмерным для эгоистичной человеческой природы, чтобы его можно было с легкостью и спокойствием признать там, где к подобной уступке не склоняют доводы действительной необходимости или надежды на значительный и явный выигрыш, способный компенсировать конкретные потери. Кроме того, существует диктуемое Европой требование, пока еще остающееся в силе, поддерживать мировую цивилизацию средствами самой европейской цивилизации и настаивать на ее принятии в качестве обязательного условия для распространения на азиатские народы понятий равенства и свободы. Это требование, возможно, утратит вскоре свою силу в Азии, но оно имеет пока серьезную под-

держку на Африканском континенте. Сейчас же, нужно отметить, оно сильно тормозит повсеместное признание новорожденного идеала; и до тех пор пока проблемы, возникающие в связи с этим, не будут решены, устройству мира на основе какого-либо подобного идеального принципа придется дожидаться развития новых сил и победы (и в Азии, и в Европе) еще незавершенных революций: духовных, интеллектуальных и физических*.

* Нынче эти революции уже произошли, и препятствия, хотя и не полностью, исчезли или постепенно исчезают из жизни.

Глава 19. Движение к централизации и единообразию — управление и контроль в международных делах

Поддерживая свободное группирование наций, осуществляемое по принципу их естественного родства и свойственных им настроений, с учетом экономических и иных преимуществ, то есть такое группирование, которое призвано стать в итоге основой устойчивого всемирного союза, мы неизбежно оказываемся перед вопросом, каким же именно должно быть положение национальных единиц в таком широкомасштабном и сложном человеческом единстве. Будут ли они только формальными единицами, ставшими частью одного механизма, или же сохранят настоящую живую индивидуальность, действительную свободу и органичную внутреннюю жизнь? В практическом смысле это приводит к вопросу, будет ли идеал человеческого единства настаивать на насильственном или, по крайней мере, на силовом объединении и сплочении человечества в огромную единую нацию и централизованное Всемирное государство, разделенное на множество областей, или же он будет склонять человечество к созданию, на основе многогранной, свободной и гибкой системы, всемирного объединения свободных народов. Если возобладает первое, более жесткое представление, если будет проявляться склонность именно к нему, наступит период подавления, сужения, отрицания национальных и индивидуальных свобод, напоминающий вторую из трех стадий формирования наций в Европе. Завершится этот процесс (если он получит развитие именно в этом направлении) возникновением единого всемирного правительства, задача которого будет — навязать всему человечеству единообразные нормы и законы, единообразную систему управления, экономики, образования и одинаковой культуры, единый социальный принцип, единую цивилизацию, возможно, даже единый язык и религию. Став централизованным, оно наделит определенными полномочиями представителей национальной власти и советов, но лишь в той мере, в какой, например, центральное правительство Франции — парламент и бюрократическая машина — наделает определенными полномочиями местных префектов, местные советы, а также подчиненных им официальных представителей и местные общины.

Такое положение вещей — перспектива, по-видимому, весьма отдаленная и, несомненно, если не принимать в расчет мнения жестких доктринеров, перспектива не слишком-то привлекательная. Очевидно, что для полного ее претворения в жизнь понадобится немало времени, и ей придется пройти этап свободного формирования, соответствующего феодальному единству Франции или Германии в средневековой Европе. Тем не менее при всевозрастающей скорости, с которой мир начинает развиваться, при поддержке великих революций в области международного мышления, при тех перспективах и практических решениях, которые сулит нам будущее, мы не должны относиться к ней просто как к конечному итогу, так как она вполне может оказаться возможностью не такой уж и отдаленной. Если положение дел в мире будет меняться так женастой-

Глава 19. Движение к централизации и единообразию — управление и контроль в международных делах

чиво и неуклонно и в том же направлении, а наука — продолжать устранять препятствия, связанные с пространственным, географическим и интеллектуальным разобщением, все так же усиливать средства и силы для обширной и, вместе с тем, сплоченной организации, то вполне возможно, что такое изменение случится в течение одного-двух, самое большее трех-четырёх столетий. Такого логического завершения любого процесса, при котором принципиальными средствами объединения оказываются сила и принуждение: господство нескольких великих наций, либо же распространение одного из государств, одной из империй, безраздельно царствующей на суше и на море. Такое изменение может наступить и при поддержке одного более свободного и уже установившегося единства, при распространении во всем мире какой-либо политической доктрины, или в случае прихода к власти некой политической партии, например, доктринеров социализма и интернационализма, похожих по умонастроению на якобинцев революционной Франции, безжалостных к прошлому и к любой форме коллективного индивидуализма и готовых, ради того чтобы претворить в жизнь свои идеи абсолютного равенства и единства, любой ценой уничтожить все, что поддерживает противоположные настроения.

Каким бы образом ни утвердилась подобная система, силами ли, приверженными идее демократического государства — вдохновительнице современного социализма, или силами, поддерживающими идею просто социалистического государства, недемократического и антидемократического, она будет опираться на принцип совершенного единства, достижимого лишь средствами единообразия. Все попытки добиться установления единства механическими или внешними средствами естественным образом порождают склонность к единообразию. Что со всей очевидностью подтверждается историей и уроками прошлого, так как при формировании национального единства склонность к централизации и единообразию была решающим фактором, а обязательность единообразия — кульминационным моментом. Процесс объединения разнородных, часто конфликтующих элементов, составляющих один какой-то народ, в единое национальное государство может служить характерным примером при объединении народов земли в единый народ, во всемирную нацию и Всемирное государство. К настоящему моменту у нас уже немало примеров такой сильной склонности к единообразию, которая по мере развития цивилизации только возрастает. Движение турецкого возрождения начиналось с удивительной терпимости ко всем разнородным элементам: народам, языкам, религиям, культурам — терпимости, свойственной старой турецкой империи; но преобладающий молодой турецкий элемент был неизбежно захвачен инстинктом утверждения, даже навязывания единой турецкой культуры и национальности. Эта склонность нашла свое полное завершение после уничтожения греческого элемента и утраты статуса империи в небольшом чисто турецком государстве наших дней, однако любопытно, что национальное единообразие увеличилось проникновением в него и усвоением европейской культуры и ее социальных форм и стереотипов. Бельгия, сос-

Глава 19. Движение к централизации и единообразию — управление и контроль в международных делах

тоящая почти в равной мере из фламандцев германского происхождения и галльских валлонов, в единую нацию складывалась при поддержке франко-бельгийской культуры и господства французского языка; фламандское движение, которое должно было бы по логике вещей поддерживать равновесие обоих языков, в действительности стремилось полностью изменить положение и добивалось не просто признания, но господства фламандского языка и фламандской культуры. Германия, соединившая в одно целое все свои древние элементы, сохранила существующие княжества вместе с их правительствами и системой управления, но обеспечивавшиеся тем самым возможности для значительного разнообразия были уничтожены централизацией национальной жизни в Берлине; формальная разделенность сохранилась, но ее затмевало реальное господствующее единообразие, сформировавшее всю Германию по образу и подобию великой Пруссии, вопреки более демократическим и гуманистическим наклонностям и нормам южных земель. Существуют наглядные примеры и более свободной федерации: Швейцария, Соединенные Штаты, Австрия, Южная Африка, но и среди них господствует или стремится к господству дух единообразия, несмотря на детальные отличия и широту свободного законодательства областей, входящих в состав того или иного государства. По-видимому, к единообразию обращается сейчас любое единство в надежде найти в нем более или менее прочную опору.

Первый шаг к единообразию, влекущий за собой все последующие, состоит в централизации руководства, естественная задача которого — создание и обеспечение единой системы управления. Единое руководство необходимо любому типу государственного устройства, стремящемуся достичь органичного единства политической и экономической жизни. Номинально или в самом начале такое единое руководство может быть только органом, создаваемым несколькими государствами, продолжающими настаивать на суверенитете в пределах собственных границ, только средством, которое они в общих интересах и для достижения общих целей наделяют определенными полномочиями; но в жизни такой орган всегда стремится стать независимым организмом и желает только одного — еще большего сосредоточения власти в своих руках; местным законодательным органам и их руководству в этом случае отводится весьма скромная роль. Практические неудобства более свободной системы усиливают данную тенденцию и постепенно ослабляют силу, оберегающую от его внедрения, которое кажется все более и более благоприятным и поддерживаемым логикой общей целесообразности. Подобная тенденция складывается даже в Соединенных Штатах с их страстным преклонением перед своей конституцией и с достаточной рассудительностью в отношении прямых конституционных поправок, выходящих за рамки местных изменений; и со временем она, по-видимому, приведет к серьезным и радикальным переменам, если только Верховный Суд не возьмет на себя миссию отменить любое законодательное вмешательство в изначальную конституцию, или если американское равнодушие к иностранной политике,

Глава 19. Движение к централизации и единообразию — управление и контроль в международных делах

делам и затруднениям не пересилит давление тех потребностей, которые в других странах помогли центральному правительству сосредоточить в своих руках всю реальную власть и превратиться в источник, а также в основу или центр национальных активностей. Традиционная политика Соединенных Штатов, ее миротворчество, антивоенная направленность, отвращение к запутанным европейским вопросам и вообще ко всякому сближению с политикой Европы, ревностное отношение к вмешательству в американские дела европейских держав, имеющих колонии и интересы в Западном полушарии, обусловлено главным образом присущим этому народу пониманием, что лишь такая отстраненность гарантирует сохранение присущих им устоев и особенностей национальной жизни. Поддавшись милитаризации, погрузившись в водоворот политики старого мира (такая угроза временами нависала), Штаты лишились бы своей защиты и вынуждены были бы пойти на неизбежные серьезные перемены в направлении централизации и ослабления федеративного принципа*. Швейцария надежностью своей федеративной конституции тоже обязана эгоцентричному нейтралитету.

Усиление централизации национальной жизни связано с двумя насущными потребностями, первой и наиболее неумолимой из которых оказывается необходимость обладать определенной компактностью, целеустремленностью, способностью к единому действию против других наций, будь то защита от внешней агрессии или, напротив, нападение во имя национальных интересов и амбиций. Централизующее действие войны и милитаризма — типичный фактор развития централизованной и абсолютной монархии, установления сплоченной и мощной аристократической системы, объединения разнородных элементов и устранения центробежных настроений. Нации, которые, столкнувшись с этой проблемой, не сумели развить или сохранить такую сконцентрированность сил, обычно терпели в жизненной битве поражение, даже если и не разделяли долгой судьбы Италии и Польши в Европе или Индии в Азии. Сила централизованной Японии и слабость децентрализованного Китая убедительно доказывают, что это древнее правило действует и в современных условиях. И вот совсем недавно свободные государства Западной Европы были вынуждены отказаться от всех своих свобод, которые они так долго и с таким трудом завоевывали, и вернуться к древнему римскому механизму независимого сената или даже к скрытому диктаторству, только для того чтобы противостоять концентрированной силе нации, достаточно хорошо централизованной и организованной как для защиты, так и для нападения. Если бы ощущение подобной потребности сумело, тайно или явно, сохраниться и после войны, демократия и свобода вне всякого сомнения испытали бы на себе гораздо более опасное, а возможно, даже и фа-

* Политика Рузвельта, и трудности, с которыми ей пришлось столкнуться, ярко иллюстрируют силу этих двух противоборствующих тенденций в Соединенных Штатах; становится очевидным движение, хотя и медленное, к усилению федеративного подхода.

Глава 19. Движение к централизации и единообразию — управление и контроль в международных делах

тальное влияние, с действием которого им еще не приходилось сталкиваться со времен их возрождения в современном мире*.

Могущество Пруссии, сумевшей подчинить своей железной воле жизнь всей Германии, во многом было связано с ощущением ненадежного положения страны, зажатой между двумя великими и враждебными ей нациями, и чувством неудобства и опасности при любых попытках расширения границ, что в свою очередь было обусловлено местоположением Рейха в Европе. Другим примером той же самой тенденции может служить та сила, которую в Англии и ее колониях приобрела в результате войны идея конфедерации. До тех пор пока колонии оставались в стороне от военных планов Англии и ее иностранной политики, идея конфедерации имела мало шансов на успех; но опыт войны и связанных с ней трудностей, явная неспособность мобилизовать всю потенциальную мощь империи, находящейся в состоянии практически полной разобщенности, по-видимому, предопределили неизбежность ограничения этой свободы, что означает и легкость исполнения, поскольку Британская империя склонна обычно преуспевать в осуществлении того, что она считает принципиальным и требующим практического претворения в жизнь**. Свободная федерация в той или иной форме удобна во времена мира; когда же мир в опасности или идет борьба за выживание и под угрозой сама жизнь, свобода становится недостатком и может даже обернуться роковым поражением, погибнуть под ударами судьбы.

Давление внешней угрозы и потребности экспансии порождают лишь тенденцию к более сильной политической и военной централизации; необходимость более строгой внутренней структуры приводит, в свою очередь, к разви-

* То, как развиваются дела, свидетельствует о явном уклонении от демократического курса в сторону более жесткого государственного контроля и организованности.

** Пока дело дошло только до уравнивания статуса и непосредственных консультаций в иностранных делах с пробными шагами в области более тесного экономического сотрудничества; но продолжение великих войн могло либо разрушить пока еще свободную систему, либо навязать более согласованную. В настоящее время, однако, такая возможность вновь появляется с принятием статуса доминиона и Вестминстерского статута¹, который лишает тем самым федерацию практического смысла, даже, возможно, делает ее нежелательной с точки зрения настроений, тяготеющих к реальной независимости.

1. *Вестминстерский статут* — законодательный акт английского парламента от 11 декабря 1931 г., определявший правовое положение доминионов и их взаимоотношения с Великобританией; придал юридическую силу решениям предыдущих конференций 1926 и 1930 гг. о полной самостоятельности доминионов во внутренних и внешних делах и о их равенстве с Великобританией.

Глава 19. Движение к централизации и единообразию — управление и контроль в международных делах

тию единообразия, и созданный при таких условиях центр становится инструментом этой структуры. Те же причины, которые способствовали созданию такого инструмента, определяют в какой-то мере и необходимость создания такой структуры; хотя в гораздо большей степени она обусловлена теми преимуществами, которые сулит единообразие, позволяющее организовать социальную и экономическую жизнь при помощи одного весьма удобного преимущества, о котором не заботится жизнь, но которое постоянно требуется человеческому интеллекту — при помощи ясного, простого и доступного в той мере, в какой позволяет сложность самой жизни, принципа порядка. Как только человеческий интеллект начинает организовывать жизнь в соответствии с собственными представлениями, игнорируя принцип органичного устройства жизни, действующей, по большей части, инстинктивно и довольно пластично, он неизбежно начинает подражать устойчивости основных фундаментальных законов физической Природы, но добивается при этом одновременно, в меру своих способностей, и единообразного их использования. Он склонен подавлять всякую значительную изменчивость. И только после того, как добивается большей широты и уверенности в понимании и взаимодействии с естественными сложностями жизни, он чувствует себя способным иметь дело с тем законом, потребность в котором, по-видимому, существует всегда, — с законом свободной изменчивости и тонкого разнообразия в приложении единых принципов. При упорядочивании общественной жизни в целом, он, естественно, стремится, прежде всего, к единообразию политической и военной сферы, того, что призвано быть основой порядка. Он стремится к достаточному, а затем и к абсолютному единству и единообразию системы управления.

Те монархии, которые самой жизнью побуждались к большей сплоченности, достигали ее вначале сосредоточением всех основных нитей управления в руках единой центральной власти. Мы видим это повсюду, но стадии данного процесса наиболее отчетливо прослеживаются в политической истории Франции; поскольку именно здесь конфликт между феодальной раздробленностью и феодальными полномочиями породил невероятные трудности, и все же, благодаря постоянному настойчивому стремлению к единовластию и яростной реакции тех элементов, которым удалось уцелеть, именно здесь в итоге было найдено наиболее удачное решение проблемы. Монархия, крепившая свою верховную власть под ударами повторяющихся уроков английских вторжений, испанского давления, гражданских войн, добилась абсолютизма, олицетворением которого стал великий исторический образ Людовика XIV. Его известное выражение "государство — это я" свидетельствовало о том, что вся страна ощутила потребность в развитии единой неоспоримой высшей власти, сосредоточивающей в своих руках всю полноту могущества, военного, законодательного и административного, и как бы противостоящей свободной и достаточно безалаберной организации феодальной Франции. Система, сложившаяся при Бурбонах², добивалась прежде всего централизации и единства системы управления,

Глава 19. Движение к централизации и единообразию — управление и контроль в международных делах

а кроме того, определенного единообразия. О последнем она могла бы не заботиться вовсе, поскольку, заменив аристократию, она оказалась в сильной от нее зависимости и вынуждена была оставить ей непроходимые дебри феодальных привилегий. Революция решила вопрос аристократии довольно просто, устранив остатки старой системы. Утверждая жесткое единообразие, она не столько отрицала, сколько завершала работу монархии. Целью, к которой французский абсолютизм, и монархический, и демократический, двигался, ведомый своим первоначальным побуждением, было полное единство и единообразие — законодательное, надзирательное, экономическое, судебное, социальное. Якобинцы и Наполеон исполнили лишь то, что медленно вызревало при монархии, выросшей на противоречивом организме феодальной Франции.

В других странах подобное движение было не столь прямолинейным, и приверженность к старым институтам, даже после того, как те теряли свой первоначальный смысл, была более упорной; но для всей Европы, даже для Германии* и России, была свойственна одна и та же тенденция, а значит, неизбежно и те же самые последствия. Изучение развития этого процесса имеет для будущего огромное значение; поскольку трудности, которые приходилось при этом преодолевать, были, по сути, — если не принимать в расчет форму и масштаб — подобными тем, с которыми придется столкнуться Всемирному государству в процессе его развития из свободного и полного противоречий организма современной цивилизации.

2. *Бурбоны* — королевская династия во Франции в 1589—1792, 1814—1815, 1815—1830 гг., а также в Испании в 1700—1808, 1814—1868, 1874—1931 гг., в Неаполитанском королевстве в 1735—1805, 1814—1860 гг.; династия герцогов Пармы и Пьяченцы в 1748—1802, 1847—1859 гг. Первый представитель династии Генрих IV (правил в 1589—1610 гг.) проводил политику укрепления абсолютизма. В 1792 г. во время Великой французской революции Б. во Франции были низложены. Реставрация восстановила династию в лице Людовика XVIII (1814—1815, 1815—1824) и Карла X (1824—1830). После июльской революции 1830 г. на французский престол вступил Луи Филипп (1830—1848), представитель младшей Орлеанской ветви Б., свергнутый революцией 1848 г.

* Отмечается абсолютная кульминация этого движения в Германии в беспрецедентной централизации, жесткой стандартизации и единообразия режима национал-социалистов во главе с Гитлером.

Глава 20. Движение к экономической централизации

Процесс организации национального единства не завершается после установления единой центральной власти, после достижения единства и единообразия в политической, военной и собственно административной областях. Органичная жизнь такого единства предполагает еще одну грань: законодательную и, как следствие, юридическую, которая не менее важна; именно проявление законодательной власти оказывается (хотя и не всегда) по-настоящему характерным признаком такой власти. Логично было бы предположить, что сознательное и организованное определение норм и правил жизни должно быть первоочередной заботой каждого общества, а все прочее — вытекать из них и обуславливаться ими; то есть именно они должны быть в первую очередь установлены. Но жизнь развивается, повинаясь собственному закону и давлению иных сил, нежели закон и логика осознающего себя разума; ее движение определяется прежде всего подсознанием и только потом и как следствие — самосознанием. Развитие человеческого общества не исключение из этого правила; так как человек, хотя и разумное существо, но на практике действует, руководствуясь, как правило, разумностью механической; несмотря на свою сознательность, он прежде всего живое существо — созданное Природой человеческое животное; только впоследствии он может стать живым существом, действительно сознающим себя, — самосовершенствующимся Ману. Этому процессу следует индивидуальность; развитие человека общественного повторяет развитие индивидуальное, но всегда отстает от высших его достижений. Поэтому развитие общества как единого организма, сознательно и полностью отразившего в законах свои насущные потребности (что с точки зрения разума должно быть первым необходимым шагом), в логике жизни оказывается шагом последним и завершающим. Шагом, дающим, наконец, обществу возможность силами государства сознательно совершенствовать общее устройство жизни — военное, политическое, административное, экономическое, социальное, культурное. Полноценность вышеназванного процесса зависит от того, насколько государство и общество, претендующие на такое развитие, становятся синонимами. Именно в этом смысл демократии, а также социализма. Они показывают, что общество готово стать полностью себя осознающим, а следовательно, свободно и сознательно проявляющимся организмом*. Но надо заметить, что современная демократия и современный социализм это только первая грубая пробная попытка подобного осуществления, приблизительный намек, но не свободное и разумное достижение.

* Фашизм и национал-социализм вычеркнули из этой формулы *свободно* и поставили задачу формирования организованного саморегулирующегося сознания насильственными методами.

Вначале, на ранней стадии развития общества не существовало того, что мы называем законом, в смысле римского *lex*¹, но лишь многочисленная взаимосвязь обычаев: *nomoi*, *mores*, *ācāra*², обусловленных внутренней природой первобытного коллектива, отвечающего на действие сил и условий внешнего мира. Постепенно они становятся *instituta*³, уложениями, приобретающими установленный и формальный статус институтов, кристаллизуются в законы. Кроме того, они охватывают всю жизнь общества; нет строгого разграничения между законами политическими и административными, социальными и религиозными; все они не только связаны в одну систему, но и неразрывно сплетены и определяют друг друга. Такими были и древнееврейский закон, и индийские шастры, определявшие принцип устройства общества вплоть до наших дней, вопреки тем процессам специализации и разобщения, которые распространялись повсеместно в результате естественного развития в человечестве склонности к аналитическому и практическому мышлению. Сам этот сложный традиционный закон тоже развивался вместе с естественным развитием всего организма социальных норм, подчиняющегося изменению представлений, и становящихся все более сложными потребностей. Не было никакой единой и утвержденной законодательной власти, наделяющей их сознательной формой, ведущей их отбор или ожидающей их всеобщего признания, оказывающей прямое организующее действие на общепризнанные потребности и мнения. Цари и пророки, риши и судьи-брамины могли так поступать в соответствии с их силой и влиянием, но никто из них не был утверждающей законодательной властью; индийский царь был исполнителем дхармы, а если и законодателем, то лишь в исключительных случаях или в строго ограниченных пределах.

Надо отметить, что в действительности такой традиционный закон обычно связывается с неким изначальным законодателем, Ману, Моисеем, Ликургом; но историческая правдоподобность любой подобной традиции была опровергнута современными исследованиями, что может быть и справедливо, если мы будем учитывать только действительно установленные факты и принимать во внимание процесс человеческого мышления и его развитие. Если мы изучим глубоко-мысленную легендарную традицию Индии, то увидим, что представление о Ману не более, чем символ. Его имя означает человека ума. Он — божествен-

1. *lex* (лат.) — закон, юридическая норма, порядок.

2. *nomoi* (греч. — мн. число от *nomos*) — законы, обычаи;
mores (лат.) — обычай, нравы;
ācāra (санскр.) — образ жизни, обычай, правило.

3. *instituta* (лат.) — свод законов.

ный законодатель, ментальный полубог человечества, утверждающий те направления, по которым народ или племя должны развиваться. В Пуранах говорится, что он и его сыновья царствуют в высших пределах или мирах или, как мы бы сказали, в неосознаваемом нами царстве высшего разума, и именно оттуда исходит его власть определять направления развития сознательной жизни человека. Его закон, *mānava-dharmaśāstra*⁴ — наука о законах поведения разумного или ментального существа, и в этом смысле мы можем рассматривать закон любого человеческого общества как процесс сознательной эволюции того типа и тех направлений, которые установил для него его Ману. Если появляется воплощенный Ману, живой Моисей или Магомет, он оказывается только пророком и глашатаем Божественности, которая завуалирована огнем или облаком — Иеговы на горе Синай, Аллаха, говорящего устами ангелов. Магомет, как мы знаем, только развил существующие социальные, религиозные и административные обычаи арабов в новую систему, диктовавшуюся ему часто в состоянии транса, во время которого он переходил из обычного сознания в сверхсознательное я, при помощи Божественного достигая скрытого интуитивного разума. Возможно, это и сверхрационально или, если угодно, иррационально, но тем не менее представляет собой совсем иную стадию человеческого развития, отличающуюся от системы управления обществом с помощью рационального и практического мышления, которое, взаимодействуя с изменяющимися жизненными проблемами и устойчивыми потребностями, требует сформулированного и вполне определенного закона, создаваемого утвержденной законодательной властью — организованным мозгом и центром общества.

Такое рациональное развитие состоит, как мы уже видели, в создании структуры единовластия — некой независимой единой силы, все более и более совпадающей впоследствии с самим обществом, либо непосредственно его представляющей, которая постепенно становится специализированной и отдельной частью социальной активности. Вначале это власть царя, выборного или наследственного, в первоначальном значении — верховного военачальника, в мирное время выступавшего как глава старейших и сильнейших, того, кто в трудные для общества моменты созывает всеобщее собрание народа и армии, но не того, кто определяет; только в случае войны, когда полное единоначалие становилось первейшим условием эффективных действий, он превращался в высочайшего повелителя. Как военачальник, *strategos*⁵ он был также императором — отдающим указания, то есть был наделен полнотой власти. Когда же он распространял такое сочетание лидерства и правления на внутреннюю жизнь,

4. *mānava-dharmaśāstra* (санскр. — Законы Ману) — др.-индийский сборник предписаний, определявших поведение индийца в частной и общественной жизни в соответствии с господствовавшей системой взглядов и религиозными догматами брахманизма. Основной материал Законов относится ко времени империи Маурьев (IV—II вв. до н.э.).

то превращался уже в исполнительную власть, был не просто высшим орудием социальной системы управления, но правителем, обладающим правом исполнять.

Естественно, что добиться высшей власти было легче во внешней политике, чем во внутренней. Даже сейчас европейские правительства, вынужденные во внутренней политике считаться с волей народа, оправдывать свои поступки перед нацией или заигрывать с ней, в международных делах вполне могут руководствоваться исключительно собственными представлениями: им дозволена тайная дипломатия, в которой народ не имеет права голоса и народным представителям остается лишь критиковать или одобрять ее результаты. Участие таких представителей во внешней политике номинально или, во всяком случае, сведено к минимуму, поскольку они не в силах воспрепятствовать тайным соглашениям и договорам; даже в тех случаях, когда подобные дела становятся достоянием общественности, они могут только воздержаться или одобрить, опасаясь лишиться целостности и надежности, а также необходимого единообразия, внешние проявления нации и, тем самым, потерять доверие иностранных правительств, без которого невозможно ни проведение переговоров, ни создание прочных союзов и соглашений. Не могут они и высказать неодобрения в критический момент, будь то война или мир, так как узнают об этом в самый последний момент, когда принятое решение становится неизбежным. Намного более оправдан такой подход был во времена прежних монархий, когда король сам объявлял войну или мир, вел внешние дела страны в соответствии со своим личным представлением о национальных интересах, определявшихся, главным образом, его личными пристрастиями и предубеждениями, собственными и фамильными интересами. Но какими бы ни были сопутствующие неудобства, и ведение войны, и поддержание мира, и иностранная политика, а также руководство огромной армией на поле боя были, в какой-то мере, централизованными, объединенными верховной властью. Требование настоящего непрерывного контроля над международной политикой, даже требование открытой дипломатии (тема нелегкая для современных наций, и все же вполне уместная, даже способная реализоваться на практике) отмечает еще один шаг далеких от совершенства (как бы ни гордилась ими современная дипломатия) преобразований, переход от монархической и олигархической системы к системе демократической, передающей все высшие функции исполнительной власти от одного высшего руководителя или нескольких наиболее влиятельных людей обществу в целом, организованному в демократическое государство.

5. *strategos* (греч.) — в др. греческом обществе (с конца VI до сер. I вв. до н.э.) военачальник, облеченный широкими военными и политическими полномочиями. В Афинах существовала коллегия из 10 с.; избирались народным собранием на 1 год. Стратеги возглавляли общегреческие военно-политические союзы (Ахейский, Этолийский и др.).

Принимая на себя управление внутренней жизнью страны, центральная власть оказывается перед весьма трудной задачей, поскольку неизбежно при утверждении своего контроля сталкивается с мощными конкурирующими или видоизменяющими ее планы силами и интересами, а также со стойкостью установившихся и подчас весьма ревностно охраняемых национальных обычаев, прав и привилегий. Но в конечном счете эта проблема решается после достижения единого контроля над теми из них, которые по своей природе являются исполнительными и управляющими. В этом случае административная сторона национального устройства будет опираться на три составные части: финансовую, собственно исполнительную и судебную. Финансовая власть предполагает контроль за получением и расходованием той части общенационального благосостояния, которую общество выделяет на общие нужды, и, конечно же, подобный контроль должен осуществляться силами той власти, которая ответственна за организацию и эффективность единого действия общества. Но такая власть в процессе своего развития, в стремлении быть единой, неконтролируемой и полностью объединяющей все силы, должна быть, естественно, заинтересована не только в определении общих расходов в соответствии со своей свободной волей, но и в том, чтобы определять также вклад общества в общую казну, ее размеры и порядок перераспределения между отдельными гражданами и сословиями, составляющими нацию. Монархия в своем стремлении к деспотическому единовластию всегда добивалась возможности приобрести и сохранить за собой эту власть, так как контроль над казной это наиболее важный признак и наиболее действенный момент реальной верховной власти, возможно, гораздо более важный, чем контроль над жизнью. При наиболее деспотических режимах этот контроль абсолютен и простирается вплоть до права конфисковывать и отчуждать собственность, минуя юридические формальности. С другой стороны, правитель, вынужденный торговаться со своими подчиненными за объем их взносов и способы обложения налогами, ограничен в своей власти и, значит, не представляет собой единого и полного авторитета. Жизненная сила страны находится в этом случае в руках низшего сословия и в любой момент может быть обращена против него, если возникнет борьба за власть с целью передать ее этому сословию. Именно это объясняет, почему, например, высшее политическое чутье английского народа, боровшегося с монархией, заставило сосредоточить внимание прежде всего на вопросе налогообложения, как на наиболее жизненно важном моменте в борьбе за право распоряжаться казной. Как только победа над Стюартами дала возможность закрепить это право за парламентом, превращение абсолютной монархической власти во власть народа, а точнее, переход права контроля от трона к аристократии, затем к буржуазии и, наконец, к народу (два последних шага — один из которых все еще незавершен — обусловлены стремительным развитием в последние восемьдесят лет) становилось лишь вопросом времени. Во Франции успешное практическое осуществление этого контроля было привилегией монархии; невозможность распоряжаться общей

Глава 20. Движение к экономической централизации

казной с помощью права и экономики, нежелание облагать налогами огромные богатства аристократии и духовенства, перекладывание их нелегкого груза на плечи народа и, как следствие, необходимость считаться с мнением нации — все это и создало благоприятную возможность для революции. В настоящее время преуспевающие страны отличает такая контролирующая власть, которая требует, по крайней мере, представительства, более или менее полного, всей нации; отдельные граждане и сословия вынуждены подчиниться, поскольку она не отражает все же воли всего общества. Но назревающие в таких условиях революции обусловлены уже не системой налогообложения, но соответствующим типом устройства общества и системой управления экономической жизнью.

Глава 21. Движение к законодательной и социальной централизации и единообразию

Соединение всех средств управления в руках верховной власти завершается установлением единой и единообразной системы судопроизводства (в особенности уголовного), поскольку именно она непосредственно отвечает за поддержание порядка и мира внутри страны. Правителю необходимо контролировать судебную и, в частности, уголовную систему еще и для того, чтобы быть в состоянии предотвратить любое выступление против себя, любую измену, а также для того, чтобы, по возможности, душить критику и противоположные его политике взгляды, угнетать свободу мысли и слова, которая постоянным поиском более совершенного социального устройства и прямым или косвенным поощрением прогресса всегда угрожает существующей власти и ее институтам, оказывается слишком губительной для господствующего порядка. Единство судопроизводства, право утверждать суды, назначать судей и смещать их, устанавливать размер их вознаграждения, а также власть определять правонарушения и наказание за них составляют уголовную сферу правовой системы власти. Подобное же единство судопроизводства, право учреждать суды, управляющие гражданским законом, и право видоизменять законы, связанные с собственностью, браком и прочими сторонами жизни, определяющими общественный порядок, составляют ее гражданскую сферу. Но когда единство и единообразие гражданского закона подчинено обществу, организованному естественным образом, сам этот закон оказывается не столь угнетающим, не столь значимым для государства; он перестает быть значимым инструментом. Поэтому под пристальным вниманием государства должно находиться прежде всего уголовное судопроизводство.

Изначально власть над этими сферами принадлежала всему обществу и в жизни, как правило, реализовывалась при помощи различных естественных механизмов, независимых и полностью традиционных, подобно индийскому панчаяту¹, или деревенскому жюри; ею обладали гильдии и иные естественные объединения; юридической силой обладали и всеобщие собрания, или собрания граждан, подобно римским *comitia*² или большим и неторопливым жюри, избравшимся большинством, или же иным, как в Риме и Афинах, способом; и гораздо реже спорные вопросы выносились на суд царя или старейшин, обладавших административными полномочиями. Поэтому на ранних стадиях своего развития человеческое общество довольно долго имело сложную и неоднородную правовую систему и не стремилось к ее единообразию или к целенаправ-

1. панчаят (*panchayet* — санскр.) — деревенское жюри, совет из пяти и более членов.

2. *comitia* (лат.) — народное собрание для принятия решений.

Глава 21. Движение к законодательной и социальной централизации и единообразию

ленному единству юридической власти. Но по мере развития государственности возникает потребность в единстве и единообразии правовой системы. Вначале это достигается тем, что монарх, сочетающий в себе все возможные полномочия, становится, по сути, источником особых мер, верховным судьей и обладателем наследственной власти, который иногда вершит, как в древней Индии, суд, а иногда, при более авторитетной политике, издает указы; последние касаются уголовных дел, присуждения наказаний и, в частности, наказаний за преступления против личности государя или государственной власти. Подобной склонности к единообразию и государственному авторитаризму часто противостоит религиозное чувство общества, наделяющее закон и традиции, как в большинстве стран Востока, сакральным смыслом, и оно стремится обуздать монарха или государство; правитель воспринимается как вершитель правосудия, и предполагается, что он должен наравне со всеми подчиняться закону, который установлен вовсе не им, но им поддерживается. Иногда такое религиозное чувство приводит к развитию в обществе теократического элемента, церкви, с собственным неоспоримым авторитетом и сферой полномочий; с шастрами, определяющими права браминов-судий, с законами, оберегаемыми улемами³. Там, где царствует религиозное чувство, решения принимаются на совете судей-браминов и монарха или судьи, назначаемого им на каждом государственном суде, при поддержке высшего авторитета пандитов или улемов на всенародном собрании, обсуждающем правовые вопросы. Там, где, как в Европе, политический инстинкт оказывается сильнее религиозного, правовые полномочия духовенства со временем начинают подчиняться государственным и в конце концов исчезают вовсе.

Таким образом, постепенно полновластным хозяином закона, а также олицетворением общественного порядка и действительности становится государство или монархия — этот мощный инструмент перехода от традиционного общества к рациональному. Опасность полного подчинения судебного права исполнительной структуре, приобретающей тем самым власть выносить окончательное решение и не несущей ни перед кем ответственности, очевидна; но только в Англии — в единственной стране, где наравне с признанием необходимости порядка всегда признавалась и важность свободы, а значение ее никогда не умалялось — был достигнут, и причем довольно скоро, успех в ограничении судебной власти государства. Отчасти это произошло потому, что была сильна традиция независимости выборных судей, которая поддерживалась надежностью их положения и жалования, а отчасти было связано с особенностями самой системы судопроизводства. И хотя сохранялась немалая возможность и для угнетения, и для несправедливых решений, все же в грубом виде задача была решена. Надо отметить, что в странах, более приверженных инстинкту порядка и системы, су-

3. *улемы* — мусульманские ученые богословы и правоведы в странах Ближнего и Среднего Востока.

Глава 21. Движение к законодательной и социальной централизации и единообразию

дебная власть по мере развития судопроизводства подпадала под контроль исполнительной. Там, где исполнительная власть не только олицетворяет собой общество, но и подчиняется его контролю, это не слишком серьезный недостаток, по сравнению с теми странами, где она от общественного контроля не зависит.

Единство закона формируется иначе, чем единство и единообразие судебной власти. Вначале закон всегда имеет традиционный характер, и там, где его традиционность ничем не ограничена, там, где он, по сути, просто выражает социальные навыки людей, он должен, за исключением очень небольших сообществ, естественным образом вести к большому разнообразию обычаев, допускать его. В Индии любой касте, даже семье позволялось вносить изменения в религиозные и гражданские обычаи, которые общественному закону приходилось включать в свои не слишком определенные пределы, и такая свобода по-прежнему остается частью теории индийского закона, хотя в жизни теперь уже очень трудно получить одобрение какого-то нового отклонения. Подобная склонность к спонтанной свободной изменчивости представляет собой признак, наследуемый от прежней естественной и органичной жизни общества, в корне противоположной жизни интеллектуальной, упорядоченной, рационализированной и механической. В жизни органичного коллектива общие направления и частные отклонения сохранялись не столько жесткой структурой закона, сколько общим настроением, инстинктом или интуицией коллектива.

Первым характерным признаком рационального развития будет тенденция к преобладанию свода законов и конституции над традициями. Но своды бывают разные. Во-первых, существуют системы законов неписаных или записанных лишь отчасти, не заключенных в жесткую форму свода, но представляющих собой изменяющуюся совокупность законов, *decreta*⁴, прецедентов, и допускающих во многом традиционный закон. Во-вторых, существуют системы, приобретающие, подобно индийским шастрам, строгую форму свода, но остающиеся, по сути, всего лишь кристаллизованной традицией; они способствуют скорее стереотипизации жизни, чем ее рационализации. И наконец, существуют намеренно составленные своды, представляющие собой попытку разумной систематизации; верховная власть устанавливает *основы* закона и позволяет время от времени изменять то, что кажется разумным с точки зрения возникающих потребностей, и допускает варианты, которые не разрушают, но просто видоизменяют и развивают разумную целостность и здравую устроенность самой системы. Совершенное развитие такой системы говорит о победе более узкого, но более самосознательного и самосовершенствующегося рационализма над более широким, но и более туманным и беспомощным жизненным инстинктом общества. Добиваясь победы сознательного и последовательно рационального уст-

4. *decreta* (лат. — мн. число от *decretum*) — решения, постановления, указы, определения.

Глава 21. Движение к законодательной и социальной централизации и единообразию

ройства жизни на основе общепринятой, единой для всех конституции, с одной стороны, и единого и разумно устроенного гражданского и уголовного закона, с другой, общество тем самым демонстрирует готовность вступить во вторую стадию развития. Оно может взяться за сознательное, единообразное упорядочивание всей своей жизни на разумной основе — что и являет нам нынче принцип социализма; к этому же стремились все утопии мыслителей.

Но прежде чем перейти к этой стадии, нам нужно решить один немаловажный вопрос: кто же будет представлять государство? Кто будет представлять интеллект, волю общества и сознание общества: король и его министры, правящий класс теократии, авторитарии и плутократии или особый орган, устраивающий, по крайней мере на первый взгляд, все общество? Или будет достигнут определенный компромисс между некоторыми из этих вариантов или между всеми сразу? Весь процесс развития конституционного правления вращается, по сути, вокруг этого вопроса, скатываясь то к одной крайности, то к другой; но в действительности за этим вполне различима настойчивая необходимость, которая по прошествии монархической, аристократической и остальных стадий правления оформляется в конечном счете в образ демократии. Монарх в своем стремлении олицетворять государство — а побуждает его к этому процесс эволюционного развития — стремится на самом деле стать источником, а также главой законодательной власти, завладеть и законодательной, и исполнительной системой общества, и сферой мысли, и сферой бытия. Но и в этом случае он лишь проторяет пути государству демократии.

И король с его военным и гражданским советом, и духовенство, и собрание свободных граждан, из которых в военное время создавалось войско, были явлениями, по-видимому, повсеместными, но только у арийских народов они стали элементами, с которых началась эволюция общественного самосознания; они представляли собой три элемента общественного устройства свободной нации на ранней и примитивной стадии ее развития, возглавляемой королем, опорой власти. Король мог лишить власти духовенство, мог превратить совет в исполнителя своей воли, а знать, их представлявшую, заставить оказывать ему политическую и военную поддержку, но до тех пор пока он не отверг всенародное собрание или был вынужден его созывать (подобно французской монархии и ее Генеральным Штатам⁵, созывавшимися на протяжении всей ее истории один-два раза, в периоды особых испытаний), не мог быть главой, и уж тем бо-

5. *Генеральные Штаты* — высший орган сословного представительства (духовенства, дворянства, горожан) в феодальной Франции. Возник в связи с ростом городов и обострением социальных противоречий. Первые Г.Ш. были созваны в 1302 г. Представляли собой совещательный орган и созывались по инициативе короля в критические моменты для оказания правительству помощи (главным образом финансовой). С XV в. с развитием абсолютизма приходят постепенно в упадок и созываются крайне редко.

Глава 21. Движение к законодательной и социальной централизации и единообразию

лее, единоличным законодателем и властителем. Даже если он оставлял практическое законодательство в руках не политического, но юридического органа, вроде французского парламента, он сохранял тем самым центр сопротивления. Поэтому истинным признаком абсолютизма становится упразднение такого собрания или закрепление за монархом права созывать его по своему усмотрению. Когда же монарх отвергает или подчиняет себе все силы общества, в этот кульминационный момент его успеха начинается его падение: монархическая система исполнила свою положительную роль в социальном развитии, и ей остается либо поддерживать государственное единство, пока оно не видоизменится, либо же, угнетая, пробуждать движение к народовластию.

Поглотив законодательную власть, монархия тем самым превысила свои полномочия, вышла за пределы собственной дхармы и взяла на себя те функции, выполнять которые правильным и эффективным образом она не в состоянии. Система управления — это просто регуляция внешней жизни народа, упорядоченное утверждение внешних активностей его жизни, развитых и развивающихся, и монарх вполне может быть их регулятором; он может хорошо исполнять роль хранителя Дхармы — роль, которой наделяет его система устройства общества. Но законодательство, социальное развитие, культура, религия, даже устройство экономической жизни народа — все это выше его компетенции; они представляют собой выражение жизни, мысли, духа общества, и монарх, будучи сильной личностью, идущей в ногу с веком, может помочь им своим влиянием, но не в его силах их определять. Они составляют национальную дхарму — мы вынуждены пользоваться индийским термином, поскольку никакое другое слово не позволяет так точно передать всю полноту данного представления, так как дхарма означает не только закон природы, но и его оформленное выражение. Только само общество может определять развитие собственной дхармы или давать ей выражение; и если это должно быть выполнено уже не путем прежнего естественного органичного и интуитивного развития, но при помощи организованного национального разума и его воли, при стремлении к сознательной регуляции, тогда должен быть создан руководящий орган, который мог бы более или менее адекватно представлять, если не полностью олицетворять, разум и волю всего общества. Правящий класс, аристократия или образованная теократия могут представлять определенную сильную или благородную часть развивающейся нации и ее воли, но и в этом случае они будут лишь этапом на пути становления демократического государства. Определенно, демократия в своем нынешнем виде не может быть последним и даже предпоследним этапом; так как часто оказывается демократией просто по форме и, в лучшем случае, руководствуется мнением большинства и опирается на ошибочный метод партийного управления, растущее понимание недостатков которого и выражается, в основном, в современном недовольстве парламентскими системами. Но и совершенная демократия не является, по-видимому, последней стадией социальной эволюции, а остается необходимой пока еще основой, на которой возможен рост социаль-

Глава 21. Движение к законодательной и социальной централизации и единообразию

ного самосознания*. Демократия и социализм, как мы уже отмечали, представляют собой признаки зреющей полноты самосознания.

Законодательство может на первый взгляд казаться чем-то внешним; просто определенной формой системы управления, но не некой неотъемлемой гранью жизни общества, подобно экономике, религии, образованию и культуре. Такое впечатление создается оттого, что при прежнем государственном устройстве европейских народов оно явно отличалось от восточного законодательства или шастр, охватывающих все сферы жизни, но ограничивалось, вплоть до настоящего времени, сферой политики и конституционного закона, принципами и процессом управления, а в социальной и экономической сферах проявлялось лишь постольку, поскольку давало необходимую основу для защиты собственности и установления общего порядка. Кажется, что подобные вопросы вполне могли бы быть решены в рамках королевской власти, и с не меньшей, чем при демократическом правлении, эффективностью. Но в действительности, это не так — и история тому свидетель; король оказывается несостоятельным законодателем, и собственно аристократия — ничуть не лучше. Так как законы и институты общества это его скелет, опора его жизнедеятельности и дхармы. Когда оно начинает устанавливать их, прибегая к помощи сознательно действующего разума и воли в определенных ограниченных пределах, то это означает первый шаг движения, которое неизбежно закончится стремлением сознательно управлять всей социальной и культурной жизнью; и по мере роста своего сознания, общество будет стремиться претворить в жизни то, о чем может мечтать только мыслитель-утопист. Так как мыслитель-утопист — это индивидуальный ум, предвосхищающий в своих фантазиях ту склонность, которую социальный ум в конечном итоге вынужден признать.

Но подобно тому как индивидуальный мыслитель не в состоянии, рассуждая при помощи критического разума, влиять на эволюцию рационального самосознания общества, так и отдельный исполнитель или даже ряд исполнителей не в силах ее определять, пользуясь своей произвольной властью. Очевидно, что один человек не может отвечать за социальную жизнь целого народа — для него это непосильная задача; да и общество не может вынести деспотизм руководства своевольной индивидуальности всей социальной жизнью. Один человек не в состоянии единолично управлять экономической жизнью — это также для него непомерная задача; ему под силу только наблюдать за ней и так или иначе способствовать ее развитию там, где его помощь может быть необходима.

* Это не значит, что должна непременно установиться истинная демократия. Поскольку человеку индивидуально и тем более общественному очень нелегко достичь полного самосознания. И прежде чем сумеет утвердиться истинная демократия, на процесс ее формирования, вероятно, обрушится волна незрелых социалистических устремлений.

Глава 21. Движение к законодательной и социальной централизации и единообразию

Не может он отвечать и за всю религиозную жизнь, хотя, возможно, и будет пытаться, она для него слишком глубока; религия это духовная и этическая жизнь человека, отношения его души с Богом и сокровенное общение его воли и его характера с другими людьми, и никакая монархия, никакой правящий класс, ни теократия, ни духовенство не могут, в действительности, подчинить себе душу человека или душу народа. Не может он определять и национальную культуру — но лишь способствовать во времена великого расцвета этой культуры укреплению и защите тех перемен в развитии, которые она, руководствуясь своей силой, уже предприняла. Желать большего — неразумная попытка, тормозящая развитие рационального общества. Он может лишь авторитетным давлением поддерживать подобную попытку — что приведет в конце концов к ослаблению и застою общества — и оправдывать ее некой мистической фальсификацией, ссылаясь на божественное право королей или монархии, претендующей на особый божественный статус. Даже исключительные правители, такие как Карл Великий, Август, Наполеон, Чандрагупта, Ашока⁶ или Акбар⁷, могут только утвердить определенные новые институты, потребность в которых уже возникла, и помочь в критический момент распространению лучших или же наиболее сильных тенденций. Когда их попытки переходят за эту грань, они терпят поражение. Усилия Акбара, стремившегося при помощи своего просвещенного разума дать индийскому народу новую дхарму, оказались выразительно бесплодными. Камень увековечил эдикты Ашоки, но развитие индийской религии и культуры шло в ином направлении, другими, более сложными путями, определявшимися духом великого народа. Только редкие индивиды — Ману, Аватар⁸, пророк, — приходя на землю, возможно, раз в тысячу лет, способны провозглашать истину о божественном праве, так как секрет их силы не в политике, но в духе. Обычный же политик-правитель или политическое учреждение, выдвига-

6. *Ашока* — древнеиндийский царь (правил в 268—232 гг. до н.э.) из династии Маурья. Подобно Чандрагупте проводил политику создания и укрепления объединенного индийского государства. В 260 г. до н.э. завоевал гос. Калингу. Территория его гос. охватывала почти всю Индию (кроме крайнего юга). Указы Ашоки высекались на скалах, камнях, в пещерах; являются древнейшими точно датированными эпиграфическими памятниками Индии.

7. *Акбар Джелаль-ад-дин* (1542—1605) — правитель династии Великих Моголов в Индии с 1556 г. В целях укрепления своего государства ввел новую религию "дин-и илахи" ("божественная вера"), представлявшую собой смесь верований и обрядов ислама, индуизма, парсизма, джайнизма. Главой новой религии признавался он сам; таким образом, правитель в своем лице соединял верховную религиозную и светскую власть.

8. *Аватар* (*avatara* — санскр.) — букв. "нисхождение"; в индийской традиции нисхождение божества на землю, его воплощение в смертное существо ради "спасения мира", восстановления "закона" и "добродетели" (дхармы) или для защиты своих приверженцев.

Глава 21. Движение к законодательной и социальной централизации и единообразию

ющие подобные требования, оказываются наибольшим курьезом весьма многочисленной плеяды глупцов.

И тем не менее подобная попытка, несмотря на ложность ее обоснования и практическую неудачу, была неизбежным плодотворным и необходимым этапом в социальной эволюции. Неизбежным потому, что этот временный механизм отражал первое представление разума и воли о том, как надо управлять коллективной человеческой природой, коль скоро им удалось овладеть отчасти индивидуальной природой; и это представление навязывало коллективной жизни определенный образ, некую модель и оформляло ее в соответствии со своим произвольным и разумным выбором или имевшейся в его распоряжении властью. А поскольку коллективная природа невежественна и неспособна к подобному интеллектуальному усилию, кто сможет это за нас сделать, если не одаренная личность или некий орган, состоящий из таких одаренных личностей? Вот разумная основа абсолютизма, аристократии, теократии. Это ошибочное представление, либо справедливое лишь отчасти; оно может отражать только временную истину, поскольку истинная роль преуспевающего класса или индивида — постепенно просветить и обучить весь общественный организм сознательно исполнять ту работу, которую до этого всегда делал он сам*. Но такое представление прежде должно утвердиться, а присущая ему воля (поскольку каждому представлению свойственна воля, дающая ему возможность утвердиться) — непременно добиться предельного самовыражения. Трудность состояла в том, что правитель или правящий класс могли иметь дело только с механической частью общественной жизни; все прочее, то, что составляет его более сокровенную суть, оказывалось вне сферы их действий; душа общества была им неподвластна. Пока же они не изменят свою позицию, намерения их останутся неосуществленными, и нет никакой гарантии, что они сохранят за собой власть, поскольку в любой момент могут проявиться и воцариться вместо них более подходящие для данных условий силы, порожденные более универсальными представлениями человечества.

Только два подхода казались уместными и весьма искусно применялись при всех подобных попытках. Один был преимущественно негативного характера; он предполагал угнетение жизни и души общества, более или менее полное устранение свободы мысли, слова, собраний, индивидуального и общественного действия — нередко используя крайне неприглядные методы надзора за самыми сокровенными человеческими отношениями и свободой, как личности, так и общества, активно вмешиваясь в них, оказывая на них давление, —

* Это вовсе не означает, что в совершенном обществе не может быть места для монархических, аристократических или теократических элементов; но тогда они будут исполнять свою естественную функцию в сознательном общественном организме, вместо того чтобы поддерживать и стимулировать несознательную коллективную природу.

Глава 21. Движение к законодательной и социальной централизации и единообразию

и выражал поддержку и покровительство только таким мыслям, культуре и действиям, которые были понятными, лестными и полезными царствовавшему абсолютизму. Другой имел более позитивный характер; он состоял в утверждении контроля над обществом средствами религии и духовенства, как духовной поддержки короля. Так как в обществах естественного типа, равно как и в тех, которые, несмотря на их частичную рационализацию, все еще тяготеют к естественным принципам бытия, религия, если и не определяет всей жизни, то, по крайней мере, держит ее под присмотром и активно на нее влияет, формирует жизнь, как индивида, так и общества, подобно тому как это было, вплоть до настоящего времени, присуще, например, Индии и во многом присуще всем азиатским странам. Именно такое усиление выражают государственные религии. Но государственная религия это не что иное, как искусственный монстр, в то время как национальная религия может быть весьма живой реальностью; но и она, если религиозный дух в ней только формализован, но не умерщвлен окончательно, а духовное распространение не прекратилось, должна быть терпимой, приспособляемой, гибкой — быть отражением более глубокой души общества.

Однако несмотря на свой временный успех, оба эти подхода обречены на поражение; к нему приводит либо активный протест со стороны угнетенного социального бытия, либо медленное гниение, ослабление и умирание, а также жизнь в состоянии смерти. Застой и слабость, охватившие в конечном счете Грецию, Рим, мусульманские народы, Китай и Индию, или же освободительная духовная, социальная, политическая революция — все это прямое следствие абсолютизма. Тем не менее он был неизбежной стадией человеческого развития, экспериментом, которого нельзя было избежать. И несмотря на его неудачу, даже благодаря ей, он принес свои плоды; так как государство монархического и аристократического абсолютизма оказалось предшественником современного представления об абсолютизме государства социализма, которое, по-видимому, находится сейчас в процессе становления. И при всех его недостатках оно было необходимым шагом, потому что только так могло успешно развиваться ясное представление об обществе, способном осуществлять разумное руководство самим собой.

Сознательное и организованное единство, действенность, в основе которой лежат единые и разумные принципы, рациональный порядок и совершенствование развивающегося общества, осуществляющего собственное руководство, — это то, чего не в состоянии исполнить ни король, ни аристократия; однако демократическому государству такая задача по плечу, и у него в этом плане, возможно, больше шансов на успех. На это ориентирована и к этому склоняется, пусть и несовершенным образом, современная жизнь, и именно этим объясняется прогресс современного мира. Демократическое государство стремится к единству и единообразию. А как еще иначе победить неисчислимые сложности

Глава 21. Движение к законодательной и социальной централизации и единообразию

бескрайнего и глубокого явления, именуемого нами жизнью, как овладеть ими, сделать их подотчетными и подконтрольными логическому мышлению и объединяющей воле? Полным выражением такого представления становится социализм. Единообразие социальных и экономических принципов и процессов, которыми руководствуется общество, защищенное основополагающим равенством во всем, государственное управление социальной и экономической жизнью во всех ее частях; единообразие культуры за счет устроенного на научной основе государственного образования; полное упорядочивание и утверждение единообразного и совершенным образом устроенного правительства, а также системы управления, которая бы отражала общественную жизнь и действовала в ее интересах, — вот та современная утопия, которая в той или иной форме стремится, вопреки всем уже существующим представлениям и противоположным тенденциям, обрести живой и конкретный смысл. И, по-видимому, широкомасштабные и неопределенные природные процессы будут замещены человеческой наукой, и ей, скорее всего, предстоит вырабатывать совершенство или, по крайней мере, некоторое его подобие в коллективной жизни человечества.

Глава 22. Всемирный союз или Всемирное государство

Вот таков, в принципе, процесс исторического развития государства. Процесс жесткого объединения вследствие развития центральной власти и увеличения единообразия системы управления, законодательства, социальной и экономической жизни, культуры и основных средств культуры, образования, языка. Процесс превращения центральной власти во все более определенную регулируемую систему. Своей высшей точки он достигает, когда система единоличной или верховной власти претерпевает изменения, и управление от главного верховного правителя или дееспособного сословия переходит к органу, как бы олицетворяющему собой мысль и волю всего общества. Такое изменение, по сути, знаменует переход от общества естественного и органичного к обществу, построенному на рациональной и механически организованной основе. При стремлении к совершенной рациональной эффективности разумное централизованное объединение замещает собой свободное и естественное единство, эффективность которого состояла в том, что жизнь под давлением внутренних потребностей, внешних обстоятельств и исходных условий бытия спонтанно вырабатывала необходимые ей средства и силы. Рациональное, упорядоченное и строгое единообразие замещает собой свободное единство, которое отличается естественной многогранностью и внутренним разнообразием. Разумная воля всего общества, выраженная в продуманном законе и организованной упорядоченности, замещает его естественную, органичную волю, представленную массой обычаев и институтов, естественным образом вытекающих из его природы и характера. И наконец, яркость и богатство жизни со свойственной ей непосредственной простотой основных направлений и неясной, туманной, многообразной сложностью детальных проявлений замещаются совершенством тщательно продуманного государства, а в сущности, гигантской машиной производства и управления. Государство — это деспотичная и в то же время капризная и нетерпимая человеческая наука, рационализм, которому удалось заменить собою интуитивные догадки и эволюционные эксперименты Природы; естественный организм замещается разумной организованностью.

В таком случае единство человеческой расы, достигаемое политическими и административными средствами, означает создание и устройство в конечном счете единого Всемирного государства на основе недавно сложившегося, хотя пока еще и свободного, естественного органичного единства человечества. Так как такое естественное органичное единство уже существует — единство жизни, произвольной объединенности и тесного взаимосвязанного существования составляющих его частей, при котором их жизнь и движение влияют друг на друга так, как это было бы невозможно сотни лет назад. Континенты больше не живут независимой жизнью; никакая нация не в силах больше по своей воле

Глава 22. Всемирный союз или Всемирное государство

изолировать себя от других и жить самостоятельно. Наука, коммерция и возможности быстрого сообщения привели к такому состоянию, при котором разобщенные массы человечества, предоставленные дотоле самим себе, оказались неявным образом связанными в одно целое, уже живущее общей жизнью и стремительно вырабатывающее общее мышление. Требовалось мощное воздействие, которое бы, вторгаясь в жизнь и преобразуя ее, дало возможность проявиться этому неявному органичному единству, обнаружить необходимость и пробудить желание для более конкретного и организованного союза. Мировая война оказала именно такое воздействие. Не только в спекулятивном прогнозирующем уме мыслителей, но в сознании самого человечества родилось представление о Всемирном государстве или Всемирном союзе — родилось из самой потребности в каком-то новом общем способе существования.

Всемирное государство должно теперь складываться либо в результате взаимопонимания, либо силой обстоятельств и чередой новых разрушительных действий, поскольку старый пока еще преобладающий порядок вещей опирался на обстоятельства и условия, которых уже больше не существует. Новые условия требуют нового порядка, и до тех пор пока он не сложится, будет продолжаться переходный этап, несущий смятение или вновь и вновь возникающие беспорядки, а также неизбежные кризисы, при помощи которых Природа, действуя своим обычным насильственным методом, будет добиваться необходимого развития. Столкновение эгоистических интересов национального и имперского характера способно породить многие страдания и привести к страшным лишениям, однако если возобладают разум и добрая воля, их количество может быть уменьшено. Поэтому существуют две противоположные возможности, а значит, два идеала: Всемирного государства, основанного на принципе централизации и единообразия, механического и формального единства, и Всемирного союза, основанного на принципе свободы и разнообразия в свободном и разумно устроенном единстве. Теперь нам нужно рассмотреть оба этих представления, обе возможности.

Глава 23. Формы правительства

Представление о Всемирном союзе свободных наций и империй, исходно независимых, но со временем и по мере накопления опыта взаимодействия оказывающихся все более связанными между собой, кажется, на первый взгляд, наиболее удачной формой для политического единства; только такая форма была бы практически ценной и способствовала тому, чтобы стремление к единству быстро превратилось в сознании человечества в действенный фактор. С другой стороны, в мире сейчас царствует идея государственности. Именно государство было наиболее успешным и действенным средством объединения, и именно оно более всего соответствовало тем потребностям, которые порождались и продолжают порождаться все более усложняющейся жизнью общества. Кроме того, ум современного человека к нему приспособился и привык, оно более всего подходит для логики и практичности разума, поскольку предлагает именно то, что нашему ограниченному интеллекту всегда кажется наиболее удачным средством: ясный и точный механизм, строгий метод организации. Поэтому не исключено, что, даже начав со свободного союза, народы, при столкновении со множеством проблем, вызванных более плотным взаимодействием их потребностей и интересов, не прибегнут к такой более жесткой форме Всемирного государства. Мы не можем сделать однозначный вывод о невыполнимости такого варианта в настоящее время и относительно тех трудностей, которые стоят на его пути; опыт показывает, что довод о невыполнимости немногого стоит. То, что сегодня человек действия отвергает как абсурдное и невыполнимое, у следующих поколений нередко получает признание и возможность реализоваться.

Но Всемирное государство означает такой центральный орган власти, который будет представлять или, по крайней мере, символизировать единую волю народов. Станет неизбежным объединение в руках такого центрального и единого руководящего органа всех необходимых сил или, во всяком случае, их основ — военных, административных, судебных, экономических, законодательных, социальных, общеобразовательных. А вследствие этого неизбежно будет возрастать единообразие человеческой жизни — по всему миру, во всех областях; может даже возникнуть желание выбрать или создать один общий и универсальный язык. И это как раз та самая мечта об объединении мира, которую мыслители-утописты предлагают нам все более и более настойчиво. Трудности достижения такого результата в настоящее время достаточно очевидны, хотя, возможно, и не столь велики, как кажется на первый взгляд, не так уж неразрешимы. Это больше не утопия, от которой можно отмахнуться, как от несбыточной фантазии мыслителя-идеалиста.

Прежде всего возникли бы затруднения, связанные с характером и типом устройства такого руководящего органа — избыливающая сомнительными мо-

ментами и опасностями проблема. В древние времена в меньших масштабах она решалась довольно просто: народ-победитель устанавливал свое единоличное нераздельное господство над остальной территорией, как, например, в Персидской или Римской империях. Однако в новых условиях, в тех, что ныне свойственны человеческому обществу, такое решение не представляется более возможным, несмотря на все надежды и мечты, которыми тешили себя в прошлом могущественные нации или их цари и кайзеры. Само монархическое представление, после непродолжительной и ложной попытки сохранить себя и возродиться, начинает угасать, более всего напоминая предсмертную агонию — судьба уже вынесла ему свой приговор. Современные проявления часто весьма обманчивы, но в данном случае они менее всего выглядят таковыми, поскольку сила, способствующая исчезновению доживающих свой век монархий, достаточно велика, непреклонна и возросла как никогда. Социальные устройства достигли зрелого самосознания и более не нуждаются в престолонаследном руководстве и в том, чтобы оно их олицетворяло — разве что в исключительных случаях, как, например, в Британской империи, где оно остается символом единства. Монархия либо сохраняется номинально (как в Англии, где король обладает даже меньшей властью — если это возможно, — чем президент Франции, и несравнимо меньшей, чем главы американских республик), либо становится причиной бед и несчастий, врагом растущего демократического духа народов и в большей или меньшей степени превращается в оплот или, по крайней мере, в поддержку для сил реакции. Оттого престиж ее и популярность не увеличиваются, но падают, и при любом кризисе, приводящем ее к достаточно решительному противостоянию настроениям всей нации, она рушится без всяких шансов на спасение.

Итак, повсюду одна и та же ситуация: монархический строй либо уже рухнул, либо находится под угрозой — и наиболее внезапно это происходит именно в тех странах, где монархическая традиция была достаточно сильной. Со всем недавно он пал в Германии, Австрии, в Китае, в Португалии, в России; был в серьезной опасности в Греции и Италии*; был низвергнут в Испании. Ни в одной стране континента, за исключением разве что нескольких мелких государств, у него нет шансов на спасение. В большинстве из них он существует по причинам, имевшим значение в прошлом, а ныне теряющим или уже потерявшим свою силу. Европейскому континенту, видимо, суждено со временем стать, подобно обеим Америкам, исключительно республиканским. Поскольку власть короля — не более чем пережиток прошлого; она не отвечает действительной потребности, идеалам или характеру человечества наших дней. После ее окончательного исчезновения, можно будет говорить, скорее, об исчезновении пережитка, нежели чего-то жизнеспособного.

* В Италии теперь также практически нет надежды на его возвращение.

Глава 23. Формы правительства

Склонность к республиканскому строю — это чисто западное изобретение; и чем западнее, тем она сильнее. Наибольшей силы она достигла в Западной Европе, а сейчас господствует и в новых государствах Америки. Может сложиться впечатление, что монархическая идея вновь обретет силу и новый источник жизни, после того, как восточный континент, успешно претерпев муки переходного периода, волеется в общую жизнь мира, поскольку в Азии монархическая власть была не только физическим явлением, обусловленным особенностями политических запросов, но и духовным символом, наделялась сакрально-священным характером. Однако в Азии, как и в Европе, монархия была этапом исторического роста, следствием определенных обстоятельств, а потому ей тоже предстоит исчезнуть, как только эти обстоятельства перестанут существовать. Истинное азиатское мышление за покровом внешних проявлений — не политических, но социальных, монархических и аристократических покровов, — всегда в сущности своей тяготело к демократии и к теократическому духу. Япония, с ее глубоко укоренившимся монархическим чувством, являет собой одно из наиболее ярких исключений из общего правила. Стремление к переменам уже царит повсюду. Китай, будучи, по сути, страной демократической, хотя официально и допускавший в свою демократическую систему интеллектуальный аристократизм и символического императора-властителя, к настоящему времени стал явно республиканским. Трудность возрождения монархии или временного ее замещения диктаторским режимом объясняется природным демократическим чувством, закрепленным нынче в признании демократической формы, как высшей формы правления — тем ценным вкладом Запада в данную проблему, которую старым чисто социальным демократиям Востока так и не удалось решить. Вместе с падением последней из столь долго процветавших в Китае династий рухнул и этот элемент прошлой истории, который был, скорее, поверхностным, нежели отвечающим самой сути его социального характера и обычаев. В Индии монархическое настроение, которое всегда сосуществовало с теократическим и социальным, но никогда не господствовало над ними, за исключением разве что короткого периода правления Моголов, было безнадежно ослаблено, хотя и не вычеркнуто из жизни, во время правления британской бюрократии и при политической европеизации активного сознания народа*. В Западной Азии монархия исчезла в Турции и сохраняется только в тех государствах, которым монархия нужна как централизующая сила или опора.

На двух полюсах азиатского мира, в Японии и в Турции, монархия, после того как война закончилась, продолжала сохранять некоторые черты своего

* Теперь после освобождения страны и установления республиканской и демократической конституции правление наследных властителей либо прекратилось, либо переходит в подчинение главам правительств, а их удельные княжества частично или полностью демократизируются или растворяются в единой Индии.

старого сакрально-священного характера и находила им поддержку в настроениях народа. В относительно демократической Японии настроение, связанное с образом микадо, явно ослабевает; несмотря на свой еще живой авторитет, он не располагает уже реальной властью, а рост демократии и социализма только способствует процессу ослабления и ограничения его власти и вполне может привести к тем же результатам, что и в Европе. Мусульманский халифат, возглавлявший изначально теократическую демократию, превратившийся в процессе быстрого роста мусульманской империи в политический институт, развалился теперь на части. Упраздненный халифат мог сохраниться только как чисто религиозное руководство, но и в этом случае его единству угрожали новые духовные и националистические движения в Персии, Аравии и Египте. Кроме того, для современной Азии характерно одно очень важное явление: вся активная сила, определяющая ее будущее, находится в настоящий момент не у духовенства или аристократии, но, как в России накануне революции, в руках вновь возникшей интеллигенции, немногочисленной, но набирающей силу и настойчиво добивающейся возможности и призванной стать чрезвычайно действенной, оттого что именно она унаследовала духовную силу. Азия может вполне сохранить свою древнюю духовность; в час величайшей слабости ее престиж возрос, даже с точки зрения позитивного европейского мышления. Но какое бы направление ни приняла эта духовность, она будет обусловлена мышлением новой интеллигенции и, уж конечно, будет развиваться в русле, отличном от прежних представлений и символов. Поэтому старые формы азиатской монархии и теократии обречены, по-видимому, на исчезновение; в настоящее время нет никакой надежды на их возрождение в новых формах, хотя, возможно, это может произойти в будущем.

У монархического строя есть только одна возможность сохраниться: если его форма будет оставлена как удобный символ единства тех неоднородных империй, которые будут выступать в качестве самых крупных участников любого союза, основанного на современной политической карте мира. Но даже и для них подобный символ может быть не обязательным. Франция без него вполне обошлась, обходится и Россия. В Австрии он стал для некоторых входящих в нее народов ненавистным знаком порабощения и был обречен погибнуть, даже независимо от событий Мировой войны. Только в Англии и в отдельных небольших странах он имеет безобидный характер и полезен и потому поддерживается общим настроением. Если представить, что Британская империя*, по-прежнему лидирующая, наиболее влиятельная и мощная сила мира, становится ядром или моделью будущего объединения, тогда, возможно, монархическому элементу удастся сохраниться в этом образе — лишенный содержания образ может быть полезен в качестве поддержки и центра тех возможностей, которые бу-

* Ныне уже не империя, но Содружество.

Глава 23. Формы правительства

дут расти и определять жизнь в будущем. Однако ему противостоит укоренившееся на всем Американском континенте республиканское настроение, а также все более распространяющаяся республиканская форма правления; нет никакой уверенности в том, что даже номинальная монархия, представляющая собой только один элемент всего неоднородного целого, будет понятна остальным, какая бы форма общего объединения ни победила. В прошлом она, по крайней мере, утверждалась на правах победителя. Даже если Всемирное государство увидит в ней определенную, с точки зрения предыдущего опыта, пользу и согласится ввести монархический элемент в свою конституцию и тем самым возродить его, то, выразится это, скорее всего, уже в некой новой форме демократической монархии. Но подобной демократической монархии — в противоположность монархии, играющей пассивную роль, — современный мир как раз то и не развивал.

Есть два определяющих момента современного мира, которые видоизменяют всю проблему. Во-первых, при такого рода объединении роль индивидуумов выполняют целые народы и, во-вторых, именно этим народам, как зрелыми и достаточно сознательным общественным единицам, предопределено идти либо путем провозглашенных форм социальной демократии, либо путем некой иной формы социализма. Вполне резонно допустить, что Всемирное государство будет склонно бороться за утверждение того же самого типа общественного строя, который характерен для входящих в его состав обществ. Проблема будет выглядеть проще, если мы предположим, что трудности, создаваемые конфликтующими национальными характерами, интересами и культурами либо исчезнут, либо их удастся победить и свести к минимуму путем подавления национальных настроений и по мере роста всеобщего интернационализма. Подобный вариант вполне допустим, даже несмотря на довольно решительное противодействие интернационализму и мощный рост националистических представлений, возникших в ходе Мировой войны. Так можно предположить, что, после того как влияние порожденных войной чувств ослабеет, интернационализм возродится с удвоенной силой. В таком случае силы, заинтересованные в объединении, может привлечь идеал Всемирной республики, состоящей из множества областей-наций — областей вначале очень разных, руководимых советом или парламентом, ответственным за объединенные демократии мира. Или же объединение примет форму скрытой олигархии международного совета, опирающейся в своем правлении на согласие, выражаемое на выборах или как-то иначе, некой полупассивной демократии. Современная демократия как раз именно такая; единственно демократическими остаются: общее мнение, периодические выборы и право народа отказать в перевыборах тем, кто ему не подходит. Правительство в основе своей состоит из буржуазии, профессионалов, бизнесменов и землевладельцев (там, где подобный класс существует), усиленное некоторым числом вновь избранных из рабочей среды, которые довольно скоро усваивают политический характер и представление правящих классов*. Если Всемирному

Глава 23. Формы правительства

государству предстоит утвердиться на современной основе, оно вполне может на этом принципе сформировать центральное правительство.

Современный мир находится в переходном состоянии и Всемирное государство, построенное на буржуазной основе, не кажется вероятным итогом. В каждой из более развитых наций господству среднего класса угрожают с двух сторон. Во-первых, существует неудовлетворенность со стороны интеллектуалов, которые видят в его прозаическом деловом практицизме и упорном торгашеском духе препятствие для осуществления собственных идеалов. А во-вторых, существует недовольство могучей всевозрастающей силы рабочего класса, который видит, что демократические идеалы и изменения служат интересам среднего класса; сам же рабочий класс не может предложить никакой замены парламентаризму, благодаря которому класс обеспечивает себе власть**. Невозможно предугадать, к каким изменениям приведет союз этих двух недовольных сторон. В России, где он оказался наиболее прочным, он возглавил революцию и заставил буржуазию подчиниться его контролю, хотя компромисс, таким образом достигнутый, не мог дольше выносить лишений, связанных с войной. С тех пор старый порядок был ликвидирован, а новые тенденции праздновали полную победу. И к новой форме видоизмененной олигархии с демократической основой можно было идти двумя путями. Управление современным обществом в настоящее время становится делом всевозрастающей сложности, в каждой его части требуется специальное знание, особая компетенция, способности, и каждый шаг к государственному социализму должен только усиливать эту тенденцию. Необходимость в такого рода специальной подготовке или нужда в знаниях советника и администратора, использующих свои способности в согласии с демократическими настроениями века, могут привести к некоему современному варианту древнего китайского принципа руководства, с демократической организации жизни низов и правлением своего рода интеллектуальной бюрократии в верхах, привести к появлению официальной аристократии знания и способностей, избираемой из общей массы, без отчетливого классового разделения. Равноправие возможностей было бы обязательным, но подобная руководящая элита сама представляла бы в обществе некий особый класс. А с другой стороны, если, по мнению некоторых, индустриализм современных наций претерпит изменения и превратится в определенный тип цехового социализма, цеховая аристократия рабочего класса вполне может стать руководящим органом

* В настоящее время ситуация изменилась, профсоюзы и тому подобные учреждения добились власти наравне с другими классами.

** Написано до создания советского государства в России и фашистских государств. В последнем случае именно средний класс восстал против демократии и утвердил на время новую форму правления и общественного устройства.

общества*. Какая бы из двух возможностей ни осуществилась, развитие Всемирного государства будет идти в одном направлении и вырабатывать руководящий орган того же самого типа.

Однако при рассмотрении обеих возможностей мы не учитываем значение мощного фактора национализма, а также противоборствующих интересов и склонностей, им порождаемых. Предполагалось, что лучший способ преодолеть противоборствующие интересы — это создать своего рода Всемирный Парламент, опирающийся, надо полагать, на свободно формируемое и свободно выражаемое мнение большинства. Парламентаризм — изобретение английского политического гения — необходимая стадия в эволюции демократии, так как без него не удастся выработать общедоступную способность обсуждать, при минимальных разногласиях, серьезные проблемы политики, системы управления, экономики, законодательства, затрагивающие крупномасштабные общественные структуры, а также способность ими управлять. Кроме того, он оказался самым удачным из всех известных средств, позволяющим защитить свободу отдельных граждан и общества в целом от угнетения ее государством. Поэтому нации, принимающие современную форму общественного устройства, естественным образом и по праву принимают такой механизм руководства. Но не найден еще способ соединения парламентаризма и современной тенденции к более демократической демократии; парламентаризм всегда оставался инструментом власти аристократии в новом виде, либо среднего класса. Кроме того, сам его подход отнимает огромное количество времени и сил и предполагает противоречивое, неоднозначное и часто непонятное действие, которое вымучивает в конце концов некий терпимый результат. Такой метод плохо согласуется с более строгими, набирающими силу, более насущными представлениями об эффективности правительства и администрации и может оказаться губительно неэффективным в столь сложном вопросе, как управление миром в целом. Кроме того, практика парламентаризма показывает — это управление, а часто и тирания, большинства, даже самого незначительного большинства, в то время как современный мир все большее значение начинает уделять правам меньшинств. Во Всемирном же государстве эти права должны будут приобрести еще большее значение, когда любая попытка перешагнуть через них сможет легко вызывать серьезные разногласия и расстройств, даже потрясения, губительные для всей структуры. Но, кроме всего прочего, Парламент народов должен быть, несомненно, объединенным парламентом свободных наций, и просто не в состоянии утвердиться при существующем ныне аномальном и хаотичном распре-

* Прийти к чему-то подобному пытались одно время в России. Но существующие условия не располагали к этому, и пока не видно никакой определенной формы правления, ни нереволюционной, ни временной. В фашистской Италии было провозглашено государство кооперации, но оно также не приобрело действенной или современной формы.

Глава 23. Формы правительства

делении сил в мире. Одна только проблема Азии, если не будет решена, станет губительным препятствием, а она не единственная; слишком многочисленны неравноправие и искажения, слишком всеобщий их характер.

Более вероятной формой мог бы быть высший совет свободных наций и империй всей мировой системы, но в этом случае возможны свои трудности. Такой подход был бы вполне приемлем, если бы исходная фактическая власть нескольких мощных империй, голос и сила которых преобладают во всех случаях над более многочисленными, но меньшими по размеру неимпериалистическими содружествами, подверглась впоследствии прогрессивной и, по возможности, мирной эволюции, в результате которой данная система олигархии превратилась бы в систему более справедливую и идеальную, империалистические представления постепенно бы исчезли, великие империи влились своей независимой жизнью в жизнь объединенного человечества. В какой мере национальный эгоизм позволит подобному развитию продолжаться, не вступая с ним в борьбу и не вызывая опасных потрясений, это еще вопрос, и вопреки поверхностному либерализму, о котором сейчас так широко и открыто заявляется, вопрос, внушающий серьезные и зловещие опасения.

В целом, к какому бы пути мы ни обратились, вопрос о форме Всемирного государства остается запутанным и связанным со множеством сомнений и трудностей, которые в одночасье не решить. Одни вызваны еще живыми настроениями и интересами прошлого; другими грозят стремительно растущие революционные силы будущего. Из этого не следует, что их нельзя преодолеть, однако путь и направление каждого подобного шага остается за пределами оценок и расчетов; только практика и эксперимент под давлением сил и потребностей современного мира могут их, в действительности, прояснить. Форма же правительства — проблема не столь важная. Настоящая проблема в объединении всех сил и в том единообразии, которым любая способная к управлению система Всемирного государства вынуждена будет расплачиваться.

Глава 24. Необходимость объединения вооруженных сил

При централизации, сосредоточивающей в руках одного высшего органа власти все силы организованного общества — которая наиболее ярко характеризует процесс формирования наций, — с самого начала наиболее очевидной была необходимость иметь и контролировать вооруженные силы. Необходимость была и внешней, и внутренней: внешней — для защиты нации от разрушения силами извне или от подчинения им, внутренней — для защиты от гражданского раскола и беспорядков. Если общая административная власть нужна для того, чтобы соединить разные части формирующейся нации, основное условие центральной власти — право распоряжаться средствами, предохраняющими от инакомыслия и силовой борьбы, способных ослабить или разрушить органичную целостность сформировавшегося общества. Монархия, как и любой другой центральный орган власти, должна добиваться этого результата отчасти еще и силой морального и психологического убеждения, так как она представляет собой символ единства и требует от входящих в ее состав частей уважения к их очевидному, священному единству, какой бы сильной ни была их склонность к местному, расовому, клановому или классовому сепаратизму. Она олицетворяет единую власть нации, дающей ей право утверждать свою моральную силу как более важную, по сравнению с моральными требованиями отдельных частей, даже значительных частей, возможно даже, довольно самостоятельных частей, и призывать их к повиновению. Но в качестве последнего аргумента — поскольку подобные мотивы могут в любой момент потерять свою силу, если неожиданно возрастут переменчивые интересы или настроения, и вмешаются страсти — правящий орган должен всегда иметь в своем распоряжении наиболее мощные вооруженные силы для подчинения отдельных частей общества и предотвращения возможной вспышки разрушительной гражданской войны. Если гражданская война или восстание все же возникают, как это случается, когда монархия или правительство придерживаются в ссоре одной из сторон, или если они сами оказываются причиной недовольства и нападок, у них тем более должно быть значительное превосходство в силе, чтобы быть уверенными в победе в данном споре. Самую надежную гарантию может дать — и только в случае полного и эффективного всеобщего разоружения — сосредоточение всей военной власти в руках центрального органа и подчинение всей действительной и потенциальной военной силы единому контролю.

Очевидно, что Всемирному государству, каким бы подсознательным, неопределенным и неоформленным ни был процесс его становления, вооруженные силы необходимы. Народам мира уже свойственно неявное и неорганизованное единство жизни, ни один из них уже не может вести изолированное независимое и замкнутое существование; на его культуру, политические тенденции и экономическую жизнь влияют события и движения всех частей света. Каждый народ так или иначе ощущает, что его отдельную жизнь захлестывает

Глава 24. Необходимость объединения вооруженных сил

жизнь целого. Наука, международная коммерция, утверждение в Азии и Африке господства Запада и его культурная экспансия создали предпосылки для великих перемен. Даже при таком весьма неопределенном, неосознанном, подсознательном единстве мировая война, даже ее потенциальная возможность, становится фактором серьезного расстройтва всей структуры жизни, расстройства, способного однажды привести к гибели всей человеческой расы. Уже перед Мировой войной возникло ясное понимание, что, избежав конфликта с одной или двумя нациями или сведя его к минимуму, можно изменить участь всех; даже были разработаны и опробованы некоторые, имевшие весьма достойные намерения, хотя и бесплодные и неэффективные средства, учитывавшие возможность подобного итога. Окажись одно из этих временных средств хотя бы отчасти действенным, мир так и остался бы удовлетворен нынешними далеко не идеальными условиями, и настойчивая потребность в более серьезной международной организации не была бы понятна для человечества в целом. Но европейский конфликт показал, что старый беспорядочный режим далее поддерживать невозможно. Необходимость избежать любого повторения катастрофы какое-то время признавалась всеми. Каким-то образом нужно было утвердить или создать механизм, позволяющий оберегать международный мир, и сформировать такую власть, которая бы обладала силой устранять опасные международные проблемы и предотвращать то, что, с точки зрения нового понимания, с точки зрения человеческого единства, можно было бы назвать гражданской войной между народами единого человечества.

Выдвигались различные более или менее авторитетные предложения по созданию необходимых условий для международного мира. Самым незрелым из них было весьма недалекое заявление — плод односторонней пропаганды, — предполагавшее, что уничтожения немецкого милитаризма будет вполне достаточно для обеспечения в будущем мира во всем мире. Непосредственным моральным обоснованием этой конкретной войны стали военная мощь, политические и коммерческие амбиции Германии, ее острое недовольство ограниченным географическим положением и своим окружением, представленным враждебным ей союзом; но истинная причина лежит в самой природе международной ситуации и психологии национальной жизни. Главная черта этой психологии — преобладание национального эгоизма, преклонение перед ним, под видом священного патриотизма. Каждое национальное эго, подобно всей органической жизни, стремится к двойному самоосуществлению: к усилению и к распространению, экспансии. Углубление и обогащение культуры, политическая сила и экономическое благополучие в пределах собственных границ кажутся недостаточными, если нет распространения, расширения данной культуры, увеличения политического пространства, господства, силы или влияния и искусного расширения коммерческой эксплуатации мира. Подобное естественное и инстинктивное стремление вовсе не представляет собой некий нравственный порок — им движет инстинкт эгоистичной жизни. А какая жизнь нынче не эгоистична?

Однако мирные и неагрессивные средства могут удовлетворить его лишь в самом ограниченном объеме. И всякий раз, когда подобный эгоизм ощущает ограничения и препятствия, которые не кажутся ему непреодолимыми, ощущает, что он окружен барьерами и обстоятельствами, ощущает недовольство сферой своего влияния и господства, не соответствующих, как ему кажется, его потребностям и силе, или видит, что открываются новые возможности распространения, а достигнуть желаемого можно лишь собственной силой, он тут же прибегает к помощи этой силы, и остановиться может, только встретив решительное сопротивление. Если ему противостоят неорганизованные или плохо организованные народы, он не колеблется; если ему противостоят мощные, внушающие страх соперники, он будет медлить, искать союзников или выжидать момент. Германия вовсе не монополист подобного инстинкта распространения и подобного эгоизма; но ее эгоизм оказался лучше организованным и наименее удовлетворенным, более молодым, незрелым, голодным, самоуверенным и бесцеремонным, наиболее подвластным самодовольной жестокости своих желаний. Сокрушение германского милитаризма могло ослабить на время интенсивность многоплановой коммерческой борьбы, но было не в силах одним устранением опасного и неутолимого конкурента прекратить ее. До тех пор пока выживает какой-то вид милитаризма, до тех пор пока существует область политического или коммерческого расширения, а национальный эгоизм жив, поддерживается его священный характер, и нет целенаправленного контроля присущего ему инстинкта распространения, война всегда будет оставаться реальной возможностью, чуть ли не потребностью жизни народов человечества.

Была и другая идея, выдвинутая великими державами — создать лигу свободных наций, которая могла бы оберегать мир благодаря своему влиянию, а в случае необходимости и силовым путем. Подобное решение, пусть и более зрелое, столь же неудовлетворительно, как и все предыдущие. Это старая идея Меттерниха, уже осуществлявшаяся в жизни после победы над Наполеоном; только вместо Священного союза монархов, призванного установить мир и монархический порядок и низвергнуть демократию, предполагалось создать лигу свободных — империалистических — народов, чтобы утвердить демократию и установить мир. Но было совершенно ясно, что новая лига пойдет старым путем; она рухнет сразу же, как только интересы и амбиции составляющих ее держав перестанут совпадать, или возникнет новая ситуация, чем-то напоминающая мощный протест угнетенной демократии в 1848 году, или иная, неизбежная при грядущем противоборстве молодого титана, социализма, и старых богов Олимпа — мира буржуазной демократии. Этот конфликт, накрывший своей зловещей тенью революционную Россию, уже воплотился в жизнь, и вряд ли Европе удастся его избежать. Война и ее последствия временно приостановили его развитие, но в любой момент он может возобновиться с удвоенной силой и продемонстрирует свою мощь. И одна, и другая, а возможно, и они обе повлекут за собой роспуск лиги. Никакая намеренно созданная лига не может быть непре-

рывной. Меняются поддерживающие ее представления, меняются и выходят из употребления интересы, делавшие ее возможной и действенной.

Предполагается, что демократии не так легко, как монархии, развязывают войны; но это справедливо лишь отчасти. Демократическим называется буржуазное государство, имеющее форму либо конституционной монархии, либо республики, власть в которой принадлежит среднему классу. Но где бы средний класс ни добивался власти, дипломатические навыки, иностранную политику и международные представления он перенимает, хотя и с определенными изменениями, от предшествовавших ему монархических и аристократических правительств*. Подобная преемственность, по-видимому, была естественным законом мышления правящего класса. В Германии именно объединенный класс аристократии и капиталистов учредил Всегерманскую партию с ее чрезмерно преувеличенными и почти безумными амбициями. В новой России буржуазия во время своего недолгого правления отвергла во внутренних делах политические представления царствовавшего дома и помогла свергнуть самодержавие, но сохранила его представления во внешних делах, только уже без германского влияния, она выступала за продолжение экспансии и обладание Константинополем. Определенно, это важное различие. Монархическое или аристократическое государство по своему мышлению остается государством политическим и стремится, прежде всего, к территориальному расширению и политическому господству или гегемонии, в то время как коммерческие цели имеют для него второстепенное, сопутствующее значение. В буржуазном государстве все наоборот; прежде всего его интересуют рынки, новые сферы благополучия, создание или завоевание колоний или иных зависимых регионов, которые можно было бы использовать в коммерческих и индустриальных целях, политическое же распространение интересует его только как средство исполнения своих замыслов. Более того, государственный деятель монархического или аристократического государства прибегает к войне почти как к единственному средству. Как только его не удовлетворяет реакция на его дипломатию, он берется за оружие. Буржуазный лидер в этом случае колеблется, прикидывает, питая гораздо большие надежды на дипломатию, старается добиться своих целей за счет выгодных сделок; устраивая дела, прибегает к мирному давлению, к демонстрации силы. Он готов в конце концов прибегнуть и к войне, но только в том случае, если все эти ухищрения не увенчались успехом и тогда лишь, когда окончательные прибыли соразмерны используемым средствам, а ставка на войну сулит серьезные преимущества в успехе и надежную выгоду. С другой стороны, буржуазное демократическое государство создало такую грандиозную организацию вооруженных сил, о которой не могли и мечтать могучие монархи и аристокра-

* Точно так же социалистическая Россия переняла от царского правительства, с очень малыми отличиями или почти без них, его представления и привычки.

Глава 24. Необходимость объединения вооруженных сил

ты. И им свойственно не только препятствовать вспышкам великих войн, но и способствовать их удачному завершению; размеры их невероятны, и в наши дни им несть числа.

Одно время существовало довольно устойчивое мнение, что более правильный демократический и, значит, более мирный дух, а также более совершенные демократические институты смогут повсеместно утвердиться после восстановления мира в результате победы свободомыслящих народов. Одним из правил новой международной обстановки стало право наций самим определять свою судьбу, руководствоваться только своим добровольным согласием. Правда, последнее условие не применимо пока нигде, кроме Европы, и даже там этот принцип не признан всеобщим и не вполне осуществим на практике. Если бы он мог быть принят повсеместно, а существующие между народами отношения, изменившись, позволили ему утвердиться в качестве рабочего принципа, исчезла бы одна из наиболее благоприятных для войны и революции причин; хотя остались бы другие. Более широкая демократизация европейских народов ничего не гарантирует. Несомненно, определенного рода демократия, та, в основе которой лежит конституция, признающая индивидуальную свободу, вероятнее всего выступила бы против войны — исключая моменты великих всеобщих перемен. Война требует решительной мобилизации всех сил, требует духа подчинения, отказа от свободы воли и свободы действия, от всякой критики, сопутствующих истинно демократическому чувству. Но в будущем демократии, вероятно, превратятся в центрированные самым решительным образом правительства, при которых принцип свободы будет принесен в жертву эффективности общества, станут чем-то вроде государственного социализма. Подобное демократическое государство может располагать даже более мощными силами на случай войны, может продемонстрировать, если она разгорится, более надежную организацию вооруженных сил, по сравнению с буржуазными демократиями, и совсем не очевидно, что оно будет менее искушенным в использовании своих сил и средств. Направленность социализма носила международный и мирный характер потому, что необходимость подготовки к войне благоприятна для системы правления, представленной высшими классами общества, и потому, что сама война используется в интересах правительств и капиталистов; сами убеждения и классы, которые их представляют в настоящее время, находятся в подчиненном положении и не преуспевают от такого их применения в войне, не извлекают из этого никаких для себя преимуществ. Когда они придут к власти, станет ясно, что она сулит и какие содержит искушения, благоприятные возможности; однако их нетрудно предвидеть. Обретение власти — самое трудное испытание для всех идеалистов, и не было еще ни одного верующего или священника, который бы избежал потери своего уровня и коррупции.

Опираясь на обычное соглашение между конфликтующими эгоистическими национальными интересами в деле сохранения между народами мира —

это значит опираться на логическое противоречие. Практическая неправдоподобность, которая с точки зрения разума и опыта, кажется просто невозможной, вряд ли способна стать надежным основанием для будущих построений. Лига мира может лишь предотвратить на время вооруженную борьбу. Система силового арбитража, даже в том случае, если правонарушителю противостоит мощный военный союз, в состоянии лишь уменьшить вероятность войны, а полностью предотвратить — только в случае небольших или слабых наций; но если какая-то великая держава, стремящаяся быть ядром сильного союза народов, увидит, что расстройство сложившегося порядка сулит ей личные выгоды, она всегда сможет пойти на любую авантюру в надежде не упустить свой шанс, расценив, что результаты превзойдут рискованность самого предприятия*. Более того, во времена мощных потрясений и крупных движений, когда великие идеи, широкие интересы и воспламенившиеся страсти разделяют народы мира, может вполне развалиться на части и сама система, а те части, что гарантировали ее надежность, перестать существовать. Всякому предварительному и несовершенному механизму пришлось бы сначала долго отыскивать причины своей неэффективности, а сама попытка обдуманного устройства международной жизни должна была бы быть отложена и предоставлена сумбурному действию обстоятельств. Настоящее действие и мощная власть, основанная на общем настроении и общей силе человечества, живущего коллективной жизнью и обладающего коллективным духом, предполагает нечто, превосходящее обычный союз сильно разобщенных государств, непрочно связанных довольно хрупкими узами моральных обязательств; и создание такой власти будет единственным действенным на этом пути шагом. Когда именно такая власть, на основе конкретного договора, сможет возникнуть, когда в ее создании будут принимать участие не столько идеи, сколько реальные силы — это вопрос, на который сможет ответить только будущее.

Такого рода власть должна опираться на психологическое согласие человечества; должна иметь большую моральную силу, нежели ее имеют правительства тех народов, с которыми она взаимодействует, и должна добиваться более быстрого с их стороны повиновения во всех обычных обстоятельствах. Она

* История Лиги Наций¹, которая во время написания этих строк лишь складывалась, полностью подтвердила несостоятельность подобных средств.

1. *Лига Наций* была создана в 1919 г. Ее устав был выработан специальной комиссией, созданной на Парижской мирной конференции (1919—1920) и включен в Версальский мирный договор 1919 г., который первоначально был подписан 44 государствами (в т.ч. 31 гос., участвовавшим в войне). В совет вошли 4 постоянных представителя от Великобритании, Франции, Италии и Японии. США в Лигу Наций не вошли, поскольку конгресс не ратифицировал подписанный президентом договор.

Глава 24. Необходимость объединения вооруженных сил

должна не только быть символом и центром единства всей расы, но и постоянно проявлять готовность служить миру, гарантируя действенное поддержание и развитие основных общих интересов и общих преимуществ, которые бы перевешивали разобщенные национальные интересы, и полностью отвечать той необходимости, которая вызвала ее к жизни. Она должна поддерживать растущее чувство общечеловеческой семьи и общей жизни, чтобы острые разногласия, отделяющие друг от друга страны, народы, расы и континенты, постепенно теряли свою силу и стирались. При таких условиях будет развиваться власть морального типа, способная объединить человечество при минимальном принуждении и разногласиях. Природа психологического согласия, которую она должна была бы гарантировать с самого начала, будет зависеть, главным образом, от ее конституции и типа устройства, а при ее изменении будет определять природу и власть той нравственной силы, с которой она могла бы воздействовать на народы земли. Если ее конституция и тип устройства будут таковыми, что сумеют согласовать общее настроение, и если она будет заинтересована в оказании активной помощи всем частям человечества, большей их части или, по меньшей мере, тем, чьи настроения и поддержка считаются наиболее влиятельными и представляющими ведущие политические, социальные и культурные идеи и интересы своего времени, на ее стороне окажется максимум психологического согласия и нравственной силы, а путь ее будет сравнительно гладким. Если же в этих отношениях ей не удастся добиться успеха, она будет компенсировать этот недостаток тем, что начнет сосредоточивать в своих руках и демонстрировать военную мощь, при поддержке чрезвычайных и специальных служб, направленных против общей жизни, культуры и развития человечества, подобных тем, которые обеспечивали Римской империи власть над западными народами средневековья и их длительное общее согласие на то, чтобы терпеть подчиненное положение, при угнетении собственной национальной жизни.

Но в любом случае обладание вооруженными силами и их определенная сконцентрированность довольно долго будут первым условием безопасности такой власти и эффективности ее контроля; и владение ими должно быть, по возможности, безраздельным. В настоящий момент трудно представить, чтобы нации согласились на полное разоружение. До тех пор пока сохраняется сильный национальный эгоизм, а значит, и взаимное недоверие, нации не согласятся пожертвовать своими вооруженными силами, как средством самозащиты, пока будет оставаться хоть какая-то угроза их интересам или, по крайней мере, тому, что они считают важным для своего благополучия и существования. Любое подозрение в небеспристрастности международного правительства будет действовать таким же образом. И все же разоружение могло бы сыграть решающую роль в деле прекращения войны — при отсутствии мощного и радикального изменения психологического и морального характера. Пока существуют национальные армии, возможность, даже неизбежность войны будет сохраняться

Глава 24. Необходимость объединения вооруженных сил

вместе с ними. Как бы ни была незначительна их роль в мирный период, высшая международная власть, даже при поддержке собственных вооруженных сил, будет находиться в положении феодального короля, никогда в полной мере не уверенного в надежности контроля над своими вассалами. Международная власть должна иметь под своим началом единые хорошо обученные вооруженные силы мира для поддержания порядка среди наций, а также — без чего монополия ее власти будет неэффективной — правом единолично распоряжаться средствами военного производства и средствами ведения войны. Национальные и частные военные производства должны исчезнуть. Национальные армии должны стать, подобно армии баронов, достоянием прошлого и историей.

Такое завершение определенно указывало бы на то, что на смену современным международным отношениям пришло Всемирное государство. Так как вступить в свои права оно может, только если международная власть станет не просто третейским судьей в спорах, но источником законов и окончательной силой, следящей за их исполнением. Для того чтобы исполнять декреты, направленные против отдельных стран или классов, предотвращать все виды борьбы, не только политической, но и коммерческой, промышленной и прочей, или, по меньшей мере, приостанавливать те решения, которые предполагают использование средств немирных и незаконных и игнорируют третейский суд, для того чтобы подавлять любую попытку насильственных перемен и революций, даже самых крупных, Всемирному государству понадобится полное сосредоточение в своих руках всех сил. До тех пор пока человек остается таким, каков он есть, именно сила, вопреки всякому идеализму и благородным мирным надеждам, будет непреложным судьей и руководителем его жизни, а обладающий ею — истинным правителем. В обычное время сила может маскировать свое грубое присутствие и принимать мягкие и цивилизованные формы — относительно мягкие, до тех пор пока социальный порядок держится на двух главных опорах, на тюрьме и судебном исполнителе, — но именно она безмолвно поддерживает особый облик нашей цивилизации и готова вмешаться всякий раз, как возникает к ней призыв более справедливых, но все еще слабых богов социального космоса. Рассеянная сила осуществляет независимые движения Природы и служит жизни так же, как и беспорядку и борьбе; сконцентрированная, она становится гарантом организованности и опорой порядка.

Глава 25. Война и необходимость экономического единства

Военная угроза, тяготы войны между народами и необходимость в целях ее предотвращения сосредоточить всю силу и власть в руках международного органа: Всемирного государства, Федерации или Лиги Мира — вот то, что более всего в конечном счете будет побуждать человечество к созданию международного союза. Но помимо этого есть еще и иная необходимость, гораздо сильнее действующая на современный ум, коммерческий и индустриальный, — необходимость, порождаемая экономической взаимозависимостью. Коммерциализм это современное социальное явление; можно даже сказать, основное явление современного общества. Экономическая часть жизни всегда играет важную, даже основополагающую роль в организованном обществе; но в прежние времена, оставаясь вещью первой необходимости, она не поглощала всех мыслей людей, не задавала общий тон социальной жизни, не стояла во главе социальных принципов и не воспринималась как их явная основа. В своей коллективной жизни древний человек, по выражению Аристотеля, был прежде всего существом политическим — после того, как перестал быть по преимуществу религиозным существом; и в тех случаях, когда это было достаточно легко исполнить, он заботился о развитии мысли, искусства и культуры. Экономические мотивы коллектива вырабатывались механически, скорее как потребности жизни, нежели как определенные представления разума. Общество не рассматривалось и не понималось как экономический организм, разве что в самых своих внешних проявлениях. Экономический деятель вызывал уважение, но все же занимал сравнительно низкое положение в обществе; он был только третьим сословием, кастой вайшей. Управление обществом находилось в руках двух других сословий: интеллектуального — браминов, мыслителей, исследователей, философов, духовенства, и кшатриев — правителей и воинов. Именно их мысли и предпочтения задавали тон в обществе, определяли его сознательную направленность и поведение, наиболее ярко окрашивали все его мотивы. Коммерческие интересы влияли на отношения между государствами и на мотивы военного и мирного времени лишь как подчиненные и вторичные причины, предрасполагающие к мирным или враждебным отношениям, и только изредка или случайно включались в перечень явных и осознанных причин мира, союза и борьбы. Политическое сознание и политический мотив преобладали; рост благосостояния рассматривался в основном как средство политической власти, величия и изобилия мобилизуемых ресурсов государства, а не как самоцель и дело первостепенной важности.

Теперь же все обстоит иначе. Современное социальное развитие наглядно демонстрирует ослабление роли браминов и кшатриев, церкви, военной аристократии, аристократии литературы и искусства и рост власти, или господства коммерческих и промышленных сословий, вайшей и шудр, капитала и труда. Они совместными усилиями поглотили или изгнали своих соперников и заня-

лись братоубийственным конфликтом ради исключительного обладания, при котором результирующее действие силы социальной гравитации, решительная победа его величества Труда и переустройство всех социальных концепций и институтов под его руководством, под руководством именно этого понятия, обусловливающего ценность всех остальных видов активности, выглядит как явный приговор Судьбы. Однако в настоящее время преобладают вайши; а печать их деятельности в мире — это коммерциализм, господство бизнеса, повсеместная значимость коммерции или утилитарной и материальной эффективности и продуктивности во всех сферах человеческой жизни. Даже в области познания, мысли, в сферах науки, искусства, поэзии и религии преобладает экономическая концепция жизни*.

С точки зрения современного экономического понимания жизни, культура и ее плоды имеют в основном декоративную ценность; они выполняют роль пышной и желанной роскоши, но не чего-то безусловно необходимого. С этой же точки зрения религия — не более чем побочный продукт человеческого разума, не имеющий большой практической пользы, а то и вовсе нечто бесполезное и досадное. Образование имеет общепризнанную ценность, но его цель и формы связаны не столько с культурой, сколько с наукой, с практической и экономической стороной жизни; его ценность — в подготовке достаточно эффективной самостоятельной единицы, способной занять свое место в теле экономического организма. Основное назначение науки не в том, чтобы раскрывать тайны Природы и способствовать распространению знания, но в том, чтобы использовать их для создания механизма, помогать обществу разрабатывать и организовывать использование экономических возможностей. Руководящей мыслью общества, почти что его душой — если оно еще сохраняет столь нематериальное и непродуктивное явление как душа — оказываются не религия и литература, хотя первая продолжает влачить жалкое существование, а вторая процветает и множится, правда, главным образом в виде ежедневной прессы, как средство коммерциализма, направляемое политическим и экономическим духом и весьма далекое от той литературы, которая всегда остается прямым средством культуры. Политика и управление становятся все более и более механическими, действующими в интересах развития индустриального общества, разрывающимися между служением буржуазному капитализму и почти произвольной поддержкой надвигающегося экономического социализма. Свободная мысль и культура остаются на поверхности этой великой все возрастающей массы коммерциализма, влияют на него, видоизменяют его, но и сами при этом все более испытыва-

* Замечательно, что особенность буржуазного общества — господство коммерциализма — была перенята и практиковалась, и даже в еще большем масштабе, новыми социалистическими обществами, хотя и на основе социалистической, а не буржуазной экономики, стремящейся по-новому распределить благосостояние и сосредоточивающей все в руках государства.

ют на себе его влияние, пронизываются и окрашиваются им, поработаются экономическим, коммерческим и индустриальным отношением к жизни.

Столь великие перемены повлекли за собой в прошлом глубокое изменение самого характера международных отношений и, вероятно, будут более явно и сильно влиять на них в дальнейшем. Поскольку поворот в новом направлении маловероятен в ближайшем будущем. Иные предсказывают, в действительности, быстрое завершение века коммерциализма. Однако, нелегко себе представить, как это произойдет; и, конечно, это случится не благодаря возврату господствовавшего в прошлом политического духа или характера и формы старого аристократического социального типа. Вздохи сожаления наиболее консервативного ума об ушедших в прошлое золотых временах — какими они видятся воображению с определенного расстояния, а на самом деле, не таких уж и золотых, — вздохи напрасные, вряд ли способные поколебать овеваемый Духом Времени и мчащийся на всех парах локомотив прогресса. Коммерциализму может прийти конец либо в том случае, если его развитие пойдет неким неожиданным образом, либо если начнется новое возрождение духовности самой человеческой расы и, тем самым, произойдет подчинение политических и экономических мотивов жизни мотиву духовному.

Некоторые признаки указывают на возможные изменения в этом направлении. Оживает религиозный дух, и вновь обретают определенную силу потерявшие авторитет религиозные символы и формы. В мирском мышлении человечества появляются признаки идеализма, все больше и больше допускающего среди прочих мотивов мотив духовный. Но все это пока еще достаточно поверхностно и призрачно; остаются незатронутыми и неизменными основа мышления и практической деятельности, мотивация, движущая побуждение. Само это побуждение все еще тяготеет к индустриализации человеческой расы и к совершенствованию жизни общества как экономического и производительного организма. И похоже, что дух этот вовсе не умирает от истощения, так как не вполне еще себя осуществил; он продолжает расти и силы его не уменьшаются. Кроме того, его поддерживает современный социализм, который претендует на роль хозяина положения в будущем; так как социализм опирается на марксистский принцип, заявляющий, что царству его предшествует век буржуазного капитализма, преемником которого он становится, а результаты и организацию которого он конфискует, для того чтобы обратить их к своей выгоде и видоизменить своими принципами и методами. Его задача свергнуть Капитал и возвести на престол Труд*; но это только означает, что вся деятельность будет оцениваться с точки зрения затраченного труда и выполненной работы, а не количества вложений и производства. Он будет означать переход от одной стороны экономизма к другой, но не перехода от экономизма к господству какого-то иного, более возвышенного импульса человеческой жизни. Такое изменение, по-видимому, будет одним из основных факторов, с которыми международному сообществу

придется иметь дело, либо оказывая значительную помощь, либо создавая величайшие затруднения.

В прошлом коммерциализм, несмотря на политическую разобщенность человечества, должен был вести его к определенному экономическому единству. Но это единство оставалось только подсознательным единством неразрывных взаимоотношений и скрытой взаимозависимости — отсутствовало какое-либо единство духа или сознательно организованной жизни. Поэтому такие взаимоотношения порождали как необходимость мира, так и неизбежность войны. Мир им был необходим для нормальной деятельности, война становилась устрашающим осложнением для всей их системы. Но ввиду того, что сами организованные единицы оставались политически разобщенными и соперничающими между собой нациями, их коммерческие взаимоотношения пронизывал дух соперничества и борьбы, они оставались хитросплетениями обмана, взаимозависимости и враждебной разобщенности. Защита друг от друга при помощи тарифных барьеров, соперничество за закрытые рынки и сферы эксплуатации, борьба за место или господство на рынках и в областях, которые не могут быть монополизированы, и стремление к взаимопроницаемости, несмотря на тарифные барьеры, — вот основные черты этих враждебности и разобщенности. И возникновение при таких условиях войны — это лишь вопрос времени; она неизбежно должна была наступать, как только одна нация или группа наций чувствовали, что не могут дольше придерживаться мирных средств, или сталкивались (в лице набирающего силу союза соперников) с определенными ограничениями, препятствующими их распространению. Война между Германией и Францией была последней войной, возникшей на политической основе. Поскольку тогда еще политические мотивы преобладали над коммерческими. Мотивами же австрийской политики было не стремление к политическому подчинению Сербии, которое могло бы привести лишь к новым затруднениям для Австрийской империи, но желание владеть выходом через Салоники, сулившем коммерческие перспективы. Пангерманизм скрывал в себе страстное стремление германской индустрии обладать огромными ресурсами и выходом к Северному морю, столь желанному для стран, расположенных вдоль берегов Рейна. Его истинным намерением было захватить африканские просторы, в целях их дальнейшей эксплуатации, а если удастся, то и французские угольные месторождения, а вовсе не для того, чтобы править на французской территории. В Африке, в Китае, в Персии и Месопотамии¹ политические и военные действия оп-

* Связь между социализмом и идеей демократии или равенства — это только исторический эпизод, но не его сущность. Итальянский социализм произвел на свет совсем иной социализм, по характеру, по форме и замыслу вовсе не демократический и не признающий равноправия. Фашизм миновал, но между социализмом и господством Труда нет обязательной связи.

ределялись коммерческими мотивами. Война перестала быть законным наследником амбиций и жажды земных пространств, но стала незаконнорожденным отпрыском ненасытного голода по благополучию, или коммерциализма — политические амбиции перестали быть ее истинным родителем.

С другой стороны, результаты войны, ее последствия создавали для индустриальной организации жизни и коммерческой взаимозависимости народов невыносимую ситуацию. Было бы преувеличением утверждать, что война разрушила эту организацию, однако ее воздействие имело достаточно тяжелые последствия: создало во всей системе беспорядок и вынудило к неестественным результатам. Война ввергла в пучину беспримерных страданий и лишений страны-участницы и породила *gene*² и серьезные осложнения в жизни стран, сохранявших нейтралитет. Гневный призыв предотвратить возможности новых страданий, а авторов этой самозванной цивилизации, угрожавшей современному индустриальному устройству мира и ведущей к его разрушению, подвергнуть заслуженному наказанию: международной изоляции, проклятию и бойкоту, показал, на сколько прочно был усвоен этот урок. Но стало также понятно (о чем свидетельствовало послевоенное умонастроение), что настоящая внутренняя правда этого явления все еще не понята, а сущность его не осознана. С этой точки зрения ясно также, что первостепенной заботой нового порядка должно быть предотвращение войны. Но как можно предотвратить войну, если будет продолжаться старое коммерческое соперничество между политически разобщенными странами? Как могут быть предотвращены физические действия, если мир все еще остается в состоянии скрытой войны и опирается на принцип борьбы и соперничества? Допустим, путем упорядочивания при помощи закона неизбежной борьбы и соперничества, подобно тому как это осуществлялось в построенной на конкуренции коммерческой жизни нации, до того как поднял голову социализм. Но это было возможно только потому, что конкурирующие между собой индивидуумы или союзы были частью единого социального организма, подчиненного единой правительственной власти, и не имели возможности противопоставлять ей свою индивидуальную волю. Поэтому естественно, что подобная регуляция отношений между народами не может осуществляться иначе, как силами централизованного Всемирного государства.

Но давайте предположим, что физическая возможность войны предотвращается не законом, но принципом, навязываемым в случаях, способных привес-

1. *Месопотамия* (Междуречье, Двуречье) — природная область в Западной Азии в бассейне рек Тигр и Ефрат. Крупнейший культурный очаг Древнего Востока. В конце 3 тысячелетия до н.э. здесь существуют древние государства Аккад, Ур. В начале 2 тыс. до н.э. в южной части Месопотамии складывается Вавилония. Ныне территория принадлежит в основном Ираку, остальная территория входит в состав Сирии и Турции.

2. *gene* (фр.) — стеснение, замешательство.

ти к войне, третейским судом; не созданием международной власти, но угрозой международного давления. Состояние скрытой войны будет продолжаться, оно может даже принять новые и губительные формы. Лишенные иных средств, нации вынуждены будут все чаще прибегать к средствам коммерческого давления, что уже демонстрировали в рамках национальной жизни и буржуазия и рабочий класс в своем хроническом состоянии мирной борьбы. Инструменты могут быть различными, но следовать они будут тому же принципу, принципу борьбы и локаута, который представляет, с одной стороны, объединенное пассивное сопротивление более слабой партии, настаивающей на своих требованиях, а с другой — пассивное давление более сильной партии, настаивающей на своих желаниях. Соответствующим оружием в борьбе между странами может быть коммерческий бойкот (к которому уже неоднократно стихийным образом прибегали и в Азии, и в Европе), способный оказаться крайне эффективным и действенным средством, даже если он организован более слабой в политическом и коммерческом смысле страной. Так как более слабый неизбежно становится более сильным, оказавшись жертвой если не во всех отношениях, то уж во всяком случае став рынком, коммерческим или индустриальным полигоном. Соответствующими средствами для локаута могут быть отказ в капитале или оборудовании, запрещение всякого либо какого-то необходимого импорта в страну, жертва, даже морская блокада, ведущая, в случае длительного ее использования, к промышленному краху или к общенациональному голоду. Блокада — это средство, обычно используемое в условиях войны, но она уже применялась, вместо войны, против Греции и вполне может быть использована в будущем. Кроме того, остается еще путь непомерно высоких тарифов.

Ясно, что подобные средства могут применяться не только в коммерческих целях и по коммерческим соображениям; когда речь идет о национальных интересах, к ним вполне можно прибегнуть и для защиты, и для нападения, чтобы настоять на любом требовании, справедливом или несправедливом. Мы уже знаем пример того, сколь чудовищным средством может стать коммерческое давление, когда им пользуются в интересах войны. Если Германия и потерпела поражение, то главным образом благодаря блокаде, лишившей ее денежных средств, ресурсов, продовольствия, разрушившей промышленность и коммерцию. Военный разгром не был непосредственно связан со слабостью вооруженных сил, а прежде всего с сокращением и потерей основных источников жизни, с изнеможением и полуголодным существованием, с моральной депрессией от невыносимого положения, лишившего всякой надежды на пополнение и восстановление. Этот опыт вполне может быть распространен и на так называемое мирное время. В некоторых частях света уже предполагалось продолжить коммерческую борьбу после ослабления политической, для того чтобы Германия не только была вычеркнута из списка великих империй, но и была подвергнута непрекращающемуся притеснению, лишена всех прав и даже разрушена как коммерческий и индустриальный соперник. Политика отказа в капиталах и трудо-

вых взаимоотношениях, определенного рода заслон или враждебная блокада открыто отстаивались и какое-то время даже применялись против большевистской России. И допускалось, что Лига Мира* могла бы вместо военной силы воспользоваться средством коммерческого давления против любой непокорной страны.

Но до тех пор пока не существует достаточно надежной международной власти, подобное средство использовалось бы, вероятнее всего, не только в таких случаях, не только в интересах закона и справедливости. К нему могла бы прибегнуть любая сильная нация — гарант общей незаинтересованности — для подавления слабой нации или влияния на нее; к нему мог бы прибегнуть и союз сильных империй для утверждения своей жесткой воли над миром. Любая сила и любое принуждение, оказавшиеся в руках несправедливой и небеспристрастной власти, всегда порождают злоупотребление и неверное их применение. Поэтому по мере роста единства человечества развитие подобной власти должно неизбежно стать первоочередной потребностью. Всемирное государство даже на самой ранней и несовершенной стадии своего развития должно начать не только с сосредоточения в своих руках вооруженных сил, но сразу и сознательно начинать с того, к чему национальное государство только приближается в своем неспешном и естественном развитии — с упорядочивания коммерческой, промышленной, экономической жизни человечества, с контроля всех принципиальных отношений международной коммерции**, а в конце концов и всей ее системы, всех принципов. Поскольку промышленность и труд это пять шестых социальной жизни, а экономический принцип — руководящая основа общества, Всемирное государство, не контролирующее этот главный принцип человеческой жизни и самую значительную из ее активностей, будет существовать только номинально.

* Ставшая впоследствии Лигой Наций.

** Некоторые первые подобные начинания проявились в действиях ныне почти покойной Лиги Наций. Эти действия были еще платоническими и совещательными, как, например, бесплодная дискуссия о разоружении, и незавершенные попытки урегулировать определенные отношения буржуазии и рабочего класса, но они показали, что необходимость в этом уже назрела, и были определенной вехой на пути к будущим успехам.

Глава 26. Необходимость административного единства

Почти все современные представления о первом шаге к международной организации исходят из того, что нации сохранят свое независимое существование и свободу, а задача международной деятельности будет состоять в предотвращении войны, урегулировании опасных споров, в решении тех серьезных международных вопросов, которые не могут быть решены обычными средствами. Но развитие на этом не закончится; первый шаг неизбежно повлечет за собой другие, ведущие только в одном направлении. Какая бы ни утвердилась власть, если это будет власть истинная, а не просто собрание для переговоров, ей придется все чаще проявлять свою волю и приобретать все большую силу. Избегать беспорядков и трений, которых можно избежать, предотвращать возобновление трудностей и бедствий, которые вначале не удавалось новой власти предотвратить, по причине ее ограниченных возможностей, и своевременное вмешательство в которые позволяет остановить их еще в зародыше, координировать общие усилия в достижении общих целей — вот те основные соображения, которые могут побудить человечество развиваться от более свободного объединения к более сплоченному, от добровольного самоподчинения в самых важных и исключительных ситуациях к полному подчинению в большинстве случаев. Желание ведущих наций использовать международную власть в своих целях, возможность для более слабых наций видеть в ней защитника своих интересов, потрясения, вызванные реальными или только угрожающими внутренними бедствиями и революциями, — все это будет лишь способствовать укреплению ее авторитета, расширению ее нормальной деятельности. Наука, мысль и религия — три великие силы, склонные в наше время все чаще преступать национальные пределы и вести человечество к единству жизни и духа — будут становиться все более нетерпимыми к национальным барьерам, к враждебности и разобщенности, оказывать свое мощное влияние, побуждая к изменениям. Великая битва между капитализмом и рабочим классом легко может стать всеобщей и способствовать появлению международной организации, призванной сделать первый шаг в этом направлении просто неизбежным или даже ведущей к такому кризису современности, который будет способствовать упомянутым преобразованиям*.

И нам кажется, что в настоящее время наиболее вероятно появление прочного Всемирного государства, провинциями которого будут нынешние нации. Вначале международное правительство, берясь за урегулирование междуна-

* Может сложиться впечатление, что распространение фашизма воспрепятствует этому развитию тем, что отменит классовую борьбу, но это проблематично; даже в фашистских странах подобная отмена, скорее, просто интерлюдия, временная приостановка, но не окончательное решение.

Глава 26. Необходимость административного единства

ных споров, экономических договоров и отношений, сможет выполнять роль арбитра и временной исполнительной власти и постепенно превратится в законодательный орган и постоянную исполнительную власть. Международное законодательство в международных делах совершенно необходимое условие, для того чтобы избежать новых потрясений, так как нет никаких оснований надеяться, что любой порядок, установившийся в мире после завершения этой великой войны, будет удачным, а сдвиги постоянными и окончательными. В отношениях между странами и континентами сохранятся и несправедливость, и неравенство, и уродливость, причины для ссор или недовольства, и все это будет вести к новой враждебности, к новым вспышкам. Во внутренних делах государства их предотвращала законодательная власть, видоизменяя сложившуюся систему отношений сообразно новым представлениям, интересам, силам и потребностям; ей предстоит та же работа при развитии Всемирного государства. По мере того как законодательная власть будет развиваться, распространяться и упорядочивать свои действия, силы и процессы, она будет становиться все более сложной, и ей придется все чаще и чаще вмешиваться в жизнь наций, преодолевать или подчинять себе их независимые действия. Что будет также означать рост ее политической власти и развитие международной исполнительной организации. Вначале ее сфера может быть ограничена наиболее важными вопросами и делами, которые требуют явного контроля; но она постарается прибрать к рукам все или большую часть дел, которые могут иметь хоть какое-то международные последствия. И вскоре начнет вторгаться даже в такие сферы, в которых нации сейчас весьма ревниво оберегают свои права и свою власть. А в конечном счете она проникнет во всю систему национальной жизни и подчинит ее международному контролю, в интересах большей согласованности жизни, культуры, науки, образования всей человеческой расы, в целях ее большей действенности и организованности. Она низведет ныне свободные и разобщенные нации вначале до состояния американских штатов или провинций Германской империи, а в конце концов, возможно, до географических областей или департаментов единой нации человечества.

Настоящим препятствием для всякого варианта такого рода остается по-прежнему сильный принцип национализма, чувство разобщенности человеческих обществ, инстинкт коллективной независимости, национальная гордость и вызываемые ими положительные эмоции, различные источники экономического самодовольствия, настойчивое стремление подчинить общечеловеческие представления национальным. Но мы допускаем, что родившееся представление об интернационализме будет быстро расти и подчинять себе прежние националистические представления и саму основу национализма, допускаем, что оно станет господствующим и овладеет человеческим сознанием. Мы предполагаем, что подобно тому как более значительные национальные единства подчиняли себе и стремились поглотить все меньшие племенные, родовые и местные образования, подобно тому как современные империи склонны подчинить,

Глава 26. Необходимость административного единства

а если им позволят обстоятельства, то и поглотить в конце концов меньшие национальные единства, сложный организм объединенного человечества будет таким же образом подчинять себе и в конечном счете поглотит все меньшие образования разобщенного человечества. Только с ростом интернационального представления, представления о едином человечестве может такой национализм исчезнуть, при условии, что старый естественный механизм внешнего объединения путем завоевания или иным принудительным образом будет более невозможен; так как методы войны стали слишком губительными, и ни одна империя не в состоянии победить остальной мир, ни быстрым, ни постепенным, римским, способом. Несомненно национализм это гораздо более серьезное препятствие к дальнейшему объединению, по сравнению с сепаратизмом прежних более мелких и не столь сознательных коллективов, предшествовавших развитию национального государства. Он все еще остается наиболее мощным настроением общечеловеческого мышления, все еще наделяет нацию несокрушимой жизнестойкостью и способностью возродиться вновь там, где казалось был уже уничтожен. Но мы не можем с уверенностью рассуждать на подобные темы, опираясь на равновесие тенденций в начале этой великой эры перемен. Уже налицо действие не только представлений, но и сил, достаточно решительно претендующих на роль сил будущего взамен существующих сил, способных преуспеть в деле подчинения национализма с легкостью большей, нежели мы можем себе представить.

Если принцип Всемирного государства дойдет до своего логического завершения и его крайних последствий, мы будем наблюдать процесс, в принципе, аналогичный (хотя и с закономерными отличиями в образе действий, в форме или продолжительности существования) тому, в результате которого центральное правительство при становлении национального государства, вначале в форме монархии, затем в форме демократического собрания и исполнительной власти, взяло в свои руки всю систему управления национальной жизнью. Что предполагает полную централизацию контроля, армии и полиции, административной, законодательной, экономической, социальной и культурной власти в единую, международную. Духом централизации должно быть сильное унитарное представление и принцип единообразия, утверждаемый ради практики всеобщего согласия, а результатом — механизация, на рациональной основе, человеческой жизни и всех активностей во всем мире со справедливым, универсальным благополучием, организованным действием и научной эффективностью в качестве своих главных целей. Вместо индивидуальных активностей наций, каждая из которых работает на себя с предельным трением, убытками и конфликтами, будет предпринято усилие по координации, подобное тому, которое мы сейчас наблюдаем на примере хорошо организованного современного государства, порождающего представление о не знающем препятствий государстве социализма, нигде пока еще не воплощенном, но стремительно проникающем в жизнь*. Если мы беглым взглядом окинем каждую из сфер общественной жизни

ни, то поймем, что такое развитие просто неизбежно.

Мы уже пришли к выводу, что все вооруженные силы — а во Всемирном государстве они будут представлены международной военной полицией — должны быть сосредоточены в руках одной общей власти; без этого у государства нет будущего. Кроме того, необходима определенная концентрация власти, принимающая окончательное решение по экономическим вопросам. И в конечном счете верховному правительству придется претендовать на всю полноту власти, так как экономическая жизнь мира все более и более становится единой и неделимой. Современное же состояние международных отношений определяется уродливым сочетанием противоположных принципов, отчасти конфликтующих между собой, отчасти согласованных — насколько это вообще для них возможно; но и в самом лучшем виде они неподходящи и ужасны с точки зрения общих интересов. С одной стороны, существует основополагающее единство, которое делает каждую страну зависимой в коммерческом отношении от всех остальных. А с другой, — существует дух национальной ревности, эгоизма, чувства отдельности, которые заставляют каждую нацию добиваться индустриальной независимости и, вместе с тем, усиления своей коммерческой деятельности на иностранных рынках. В настоящее время взаимодействие обоих принципов происходит естественным путем, в рамках установившейся практики и понимания, при помощи системы защиты тарифов, правительственной и разнообразной государственной поддержки, с одной стороны, и средствами коммерческих договоров и соглашений, с другой. Неизбежно с ростом Всемирного государства уродливость, расточительность и неэкономичность такого положения дел будут становиться все более заметными. Действенная международная власть будет обязана все чаще вмешиваться и видоизменять свободные отношения между нациями. Коммерческие интересы человечества выйдут на первое место; независимым склонностям и коммерческим амбициям или завистливым настроениям той или иной нации придется подчиниться общечеловеческим интересам. На смену идеалу взаимной эксплуатации придет идеал долевого участия в объединенной экономической жизни всей расы. В частности, подобно набирающему силу социализму, который постепенно начинает все более влиять на экономическую жизнь отдельных стран, даже полностью ее определять, универсальный принцип Всемирного государства будет действовать в международном масштабе и принуждать к тому, чтобы сосредоточить в одних руках правильную организацию мирового промышленного производства и распределения. До поры до времени каждой стране может быть позволено производить все, что ей совершенно необходимо; но в конечном счете станет, видимо, ясно,

* С тех пор как были написаны эти строки, подобное проникновение стало намного более быстрым и радикальным в трех, по крайней мере, величайших странах мира, а кроме того, более поспешная и не столь сознательная имитация его заметна в небольших странах.

Глава 26. Необходимость административного единства

что это необходимо не более, чем, например, Уэльсу или Шотландии производить все, что им нужно, независимо от остальной части Британских островов, или каждому Индийскому штату, для того чтобы быть экономически независимой от остальной страны единицей; каждый должен производить и распространять только то, что дает ему наибольший успех, что будет для него наиболее естественно и экономически оправданно с точки зрения общих потребностей и нужд человечества, общность с которым станет полной и нераздельной. Каждая страна будет согласовывать свои активности с общей системой, утверждаемой волей всего человечества через общий принцип единообразия (допускающего, правда, местные различия), чтобы обеспечить наиболее простую, ровную и разумную работу механизма, в случае необходимости действующего более сложным образом.

Поддержание порядка в устоявшемся обществе — дело не столь сложное, если сравнить его с периодом формирования наций, потому что то были времена, когда принцип порядка только еще закладывался и людям было более свойственно насилие, они легче шли на преступления и мятежи. В настоящее время не только сами общества достаточно неплохо в этом отношении устроены и имеют равные права, подкрепленные совершенно необходимыми между странами соглашениями, но и сложилась система национальных, местных и муниципальных правительств, связанных между собой системой коммуникаций, набирающей все большую скорость, и потому государство может теперь управлять такими сферами жизни, с которыми менее искусные правительства прежних эпох просто не могли совладать. Можно думать, что во Всемирном государстве каждой стране могло бы быть оставлено право на собственное свободное устройство внутреннего порядка, а, по сути, и всей его независимой политической, социальной и культурной жизни. Но даже здесь, вероятно, Всемирное государство будет добиваться большей централизации и единообразия, чем мы сейчас можем себе представить.

В случае, например, непрерывной борьбы общества с неискорененными элементами преступности, рождающимися в его же недрах, оно, безусловно, могло бы понять несовершенство современной системы и предпринять более решительные шаги в этом направлении. Прежде всего было бы необходимо более серьезное изучение той огромной массы постоянно возобновляющегося извращенного человеческого материала, в которой вирус преступности легко и естественно произрастает. Это в настоящее время делается самым незрелым и несовершенным образом, и по большей части уже после совершения конкретного преступления силами полиции каждой отдельной страны, поддержку которой оказывают договоры о взаимной выдаче преступников и обмене информацией в целях их скорейшей поимки. Всемирное государство будет добиваться как международного, так и местного надзора не только для того, чтобы противодействовать международной преступности и беспорядкам, которые, вероятно, значи-

тельно возрастут в будущих условиях, но и, что много важнее, для предотвращения преступлений.

И тогда второй насущной потребностью должно стать стремление влиять на начальную стадию зарождения преступности. Добиться этого возможно прежде всего при помощи более просвещенного и нравственного воспитания, учитывающего особенности характера человека, что само по себе уменьшало бы склонность нарушать закон; а — также методами науки, евгеники, проводя изучение, лечение и изоляцию, возможно даже определенную стерилизацию извращенного человеческого вещества; и, наконец, созданием более гуманной и просвещенной системы тюрем и методов наказания, целью которых должно было бы стать не столько наказание, сколько исправление начинающего и законченного преступника. Всемирное государство будет добиваться определенного единообразия подхода к данному вопросу, чтобы не осталось таких стран, которые бы настаивали на обратном или склонялись к старой или менее организованной и неустойчивой системе и тем самым противоречили общей цели. С этой точки зрения централизация контроля была бы необходима или, по меньшей мере, очень желательна. То же касается и правосудия. Современная система считается просвещенной и цивилизованной, что по сравнению с методами средневековья вполне резонно; но, безусловно, наступят времена, когда она будет восприниматься как явление довольно абсурдное, неэффективное и неразумное, по многим своим показателям наполовину варварское и лишь отчасти изменившее более мрачные и деспотичные методы прежней ступени развития мысли, чувства и жизни общества. С развитием более разумной системы, все более недоступными будут принципы и методы законности и судопроизводства в любой части мира, и Всемирное государство начнет стремиться к стандартизации новых принципов и методов на основе общего законодательства, а возможно, и общего централизованного контроля.

Основываясь на подобных соображениях, можно признать, что единообразие и централизация будут в какой-то мере полезны, а во многом даже неизбежны; никакому ревностному пристрастию к национальному сепаратизму и независимости не удастся при таких условиях сохраниться и мешать общечеловеческому благу. В то же время при выборе политической системы и решении других вопросов социальной жизни нация вполне может следовать своим идеалам и наклонностям и вести здоровый и свободный образ жизни. Можно даже сказать, что нации не должны никогда сталкиваться с каким-то серьезным вмешательством в их дела, и что власть Всемирного государства, используемая в этих целях, принесет им гибель. Но, в действительности, принцип политического невмешательства будет, вероятно, менее всего пользоваться поддержкой в будущем, по сравнению с прошлым и нынешним положением. Когда бы ни возникала серьезная и яростная борьба между конфликтующими политическими представлениями — между олигархией и демократией Древней Греции, между ста-

рым режимом и идеями Французской революции в современной Европе, — принцип политического невмешательства терпел поражение. И теперь перед нами уже другое явление — принцип вмешательства во внутренние дела постепенно становится сознательным правилом международной жизни. Все более и более вероятны вмешательства, подобные американскому вторжению на Кубу, игнорирование, во имя якобы свободы, конституционности и демократии, основ национальных интересов или противоположного, с точки зрения международных интересов, социального и политического принципа на том только основании, что внутреннее устройство этих стран определенными условиями своего беспорядка и неэффективности может касаться не только их самих, но и соседей, человечества в целом. Подобный принцип был во время войны предложен союзниками в отношении Греции. Он применялся и по отношению к одной из наиболее могущественных стран мира, Германии, и выражался в отказе союзников иметь с ней дело; предлагалось вновь допустить ее в Совет наций только после того, как она изменит свою политическую систему, свои принципы и воспримет формы современной демократии, устранив все пережитки абсолютизма*.

Подобное представление об общечеловеческих интересах, влияющих на внутренние дела нации, усиливается по мере того, как жизнь человечества становится все более единой. Великой политической темой будущего станет, вероятно, выбор в пользу социализма, в пользу полного развития всемогущего государства. И если социализм победит в ведущих странах мира, он будет неизбежно стремиться утвердить свой закон повсюду, не только косвенным воздействием, но и прямым вмешательством в дела тех стран, которые считаются отсталыми. Международная власть, парламентская или иная, имея которую, он сможет командовать большинством или оказывать основное влияние, будет слишком выгодным средством, чтобы им можно было пренебречь. Более того, Всемирное государство, будучи по большей части социалистическим, вряд ли захочет терпеть нации, продолжающие свое капиталистическое существование, подобно тому как капиталистическая или социалистическая Великобритания вряд ли смирилась бы с социализмом или капитализмом в Шотландии и Уэльсе. С другой стороны, если все народы станут социалистическими, Всемирное государство вполне естественно захочет соединить все разобщенные виды социализма в единую великую систему. Но социализм добивается полного развития средств, разрушающих различия между политическими и социальными актив-

* Плохо замаскированное вторжение фашистских государств в Испанию для того, чтобы свергнуть и уничтожить демократическое правительство страны, — яркий пример тенденции, которая, по-видимому, будет только усиливаться в будущем. А впоследствии было предпринято вмешательство противоположного характера в дела страны, уже при режиме Франко, а также оказано на нее определенное давление, хотя и неполное и нерешительное, чтобы иметь сколько-нибудь действенные результаты.

ностями; это означает солидаризацию общей жизни и подчинение всех ее областей единому организованному правительству и руководству. Ничто, ни малое, ни великое, не избежит его внимания. Рождение и брак, труд и отдых, а также образование, культура, физическое воспитание, воспитание характера — социалистическое отношение ничего не исключает из сферы своего внимания и своего несносного контроля. Поэтому, допуская возможность международного социализма, мы должны помнить, что ни политике, ни социальной жизни отдельных народов, вероятно, не избежать централизованного контроля со стороны Всемирного государства*. Мировая система такого рода еще довольно далека от наших современных концепций и установившихся норм жизни, хотя сейчас основа этих концепций и норм находится во власти мощных, сулящих перемены сил. Единообразие неумолимо становится основным законом мира; местным особенностям все труднее и труднее сохранять свою жизнеспособность, несмотря на присущие им настроения, несмотря на сознательные усилия выжить и возродиться. Победа единообразия будет, естественно, способствовать централизации; крайнее стремление к сепаратизму постепенно начнет исчезать. А централизация, однажды одержав верх, будет в свою очередь способствовать более полному единообразию. Децентрализация, неизбежная при единообразии человечества, поддерживалась бы необходимостью, связанной с удобством управления, а не с разнокачественностью. Если господствующий интернационализм поглотит национальные настроения, принцип разделения во Всемирном государстве сохранится лишь на основе особенностей культуры и расовых различий, достаточно сильных, но занимающих подчиненное положение. Однако культурные различия, как любой другой более внешний принцип групповой изменчивости, находятся сегодня под угрозой. Различия между европейскими странами это просто небольшие изменения общей западной культуры. А теперь еще и наука — эта великая сила, формирующая единый тип мышления, жизни и общего подхода — начинает играть все более и более значительную роль и угрожает изменить и культуру и жизнь; важность подобных вариаций тоже, вероятно, уменьшится. Единственное существующее различие — это радикальное различие западного и восточного типов мышления. Но при этом Азия подвергается натиску европеизации, а Европа начинает, хотя и незаметно, испытывать влияние азиатского умонастроения. И наиболее вероятный итог этого процесса — общая мировая культура. Веские доводы против централизации в этом случае значительно сократятся или полностью отпадут. Чувство национальной принадлежности останется, видимо, серьезным препятствием, поскольку оно не столь рационально; но и его также может заглушить более тесное интеллекту-

* Этот аспект социализма получил достаточное практическое подтверждение в его склонности во всеобщему правительственному контролю на примере Германии и Италии. Оказалась непредвиденной борьба между национал-социализмом (фашизмом) и чистым марксистским социализмом; но кто бы из них ни победил, принцип остается тем же самым.

альное, культурное и физическое общение, которое неизбежно в недалеком будущем*.

Мечта социалистического мыслителя-космополита может, таким образом, в конце концов, осуществиться. А с учетом продолжающих развиваться мощных современных тенденций мировых сил этот путь неизбежен. Даже то, что кажется сейчас наибольшей фантазией — общий язык — может вполне оказаться реальностью. Так как государство, естественно, стремится утвердить общий язык и в интересах своих общественных дел, и как средство мышления, литературы; остальные языки низводятся до уровня местного говора, диалекта, провинциальных наречий, подобно уэльскому в Великобритании и бретонскому и прованскому во Франции; исключений, подобных Швейцарии, мало — одно-два, не более, и сохраняются они только благодаря особым благоприятным условиям. Однако трудно себе представить, что языки с мощной литературной тенденцией, языки, на которых говорят миллионы образованных людей, позволят оттеснить себя на второй план, тем более дадут себя уничтожить какой бы то ни было старой или новой человеческой речи. Но нельзя и утверждать, что научный разум, подчинив себе человеческое мышление и отвергнув сепаратистские настроения как варварский анахронизм, не будет пополнен однажды подобным психологическим чудом. Во всяком случае, разнообразие языков не обязательно должно стать непреодолимым препятствием для единообразия культуры, образования, жизни и ее устройства или единого управления тем научным механизмом, который будет применен во всех сферах жизни и установлен во имя общего блага единой волей и разумом человеческой расы. Поскольку именно на этой основе, как нам представляется, должно будет строиться Всемирное государство, из этого исходить и оправдывать свое существование, в этом видеть свою цель. И, по всей видимости, именно это, а не что-либо меньшее, будет служить полным оправданием его существования.

* Расизм фашистского и нацистского толка перечеркивает такую возможность, и если он не умрет, объединение станет возможным не иначе как в результате победы над миром нескольких господствующих наций или при их полном контроле. Возможно, однако, что это только временная стадия.

Глава 27. Опасность Всемирного государства

И вот перед нами весьма вероятная форма Всемирного государства, форма, о которой мечтали идеологи социализма, ученые и гуманисты, представляющие разум современного человека в его высочайшем взлете самосознания и способные поэтому обнаружить направление его развития, хотя полурациональному мышлению среднего человека, чей взгляд не идет дальше сиюминутных проблем и самого ближайшего будущего, их рассуждения могут показаться надуманными и утопичными. В действительности же они совсем другой природы; по своей сути, хотя и не обязательно по форме, они представляют собой, как мы уже видели, не только логический итог, но и неизбежное практическое завершение исходного условия — достичь человеческого единства, если осуществление его будет происходить механическим путем, при помощи, так сказать, государственного принципа. Именно по этой причине мы сочли нужным показать действующие принципы и потребности, которые определяли рост объединенного, а в конечном счете и социалистического государства национального типа, чтобы понять, как при аналогичном развитии то же движение в международном масштабе приведет к тем же результатам. Государственный принцип неизбежно ведет к единообразию, регулированию, механистичности; он неизбежно завершается социализмом. В политическом и социальном развитии нет ничего случайного; и распространение социализма тоже не случайно, социализм не был событием, связанным с определенной вероятностью, но неизбежным результатом, содержащимся в самом зародыше государственности. Он был неизбежен с того самого момента, как государственное представление начало претворяться в жизнь. Действие Альфредов, Карлов Великих и других поборников незрелых национальных и имперских объединений вели к этому неизбежному результату, так как люди почти всегда действуют, даже не подозревая об истинных целях своих поступков. Но в наше время признаки этого настолько очевидны, что, предполагая механический способ всемирного объединения, вряд ли стоит сомневаться, что заложенный в самом усилии результат будет настойчиво искать своего выражения, каким бы отдаленным он ни казался в настоящее время с точки зрения непосредственных или даже грядущих возможностей. Жесткое объединение, всеобщее единообразие, регулируемое общественное бытие объединенного человечества будет предрешенным итогом наших же усилий.

Подобного результата возможно избежать лишь в том случае, если проявится иная, противоположная сила, и если она наложит свое вето, как то было в Азии, где государственность, хотя и обладала в каких-то пределах достаточной властью, никогда не могла в своем практическом приложении перешагнуть определенного предела, поскольку основополагающий принцип национальной жизни был во многом для нее неприемлем. Народы Азии, даже наиболее организованные, всегда оставались, скорее народами, чем нациями в современном смысле этого слова; им были свойственны общий дух жизни, общая культура,

Глава 27. Опасность Всемирного государства

социальная организация, общий политический глава, но они никогда не становились нацией-государством. Государственный механизм действовал только как ограничивающий и внешний фактор; жизнь народов определяли другие силы, в действие которых он не мог вмешиваться. Его основной задачей было предохранять и защищать национальную культуру и поддерживать должный политический, социальный и административный порядок — насколько позволял неизменный закон, — для того чтобы реальная жизнь народа могла развиваться характерным для нее путем и в согласии с ее внутренними наклонностями. Если же народы мира сумеют сохранить сформировавшийся инстинкт национализма в нетронutom виде, и он будет достаточно сильным, чтобы сопротивляться господству государственной идеи, вместо Всемирного государства вполне может сложиться единство человеческой расы, подобное вышеописанному. Тогда в итоге возникнет не единая нация человечества и не Всемирное государство, но единый народ человечества, в основе которого будет свободная ассоциация независимых наций. Или, возможно, нации в том виде, в котором они нам известны, исчезнут, но появится некий новый тип коллективных образований, которым будет гарантировано при соответствующем международном порядке мирное и естественное выражение социальных, экономических и культурных отношений.

Какая из этих двух возможностей была бы предпочтительнее? Чтобы ответить на такой вопрос, мы должны спросить себя, что бы приобрела или потеряла в своей жизни человеческая раса, возникшая в результате создания Всемирного государства? Результаты, по всей вероятности, будут во многом подобны (с учетом различий, естественных для столь отстоящих друг от друга эпох) тем, которые мы можем наблюдать на примере Древнеримской империи. Прежде всего мы бы получили одно необычайно ценное достижение — мир во всем мире. Он не обязательно будет застрахован от любых внутренних потрясений и расстройств, но, полагая, что определенные нерешенные вопросы будут приближены к окончательному решению, можно смело утверждать, что в этом случае удалось бы покончить даже с теми время от времени возникающими жестокостями гражданских войн, которые разрушили экономику Древнего Рима, и, несмотря на возможность иных потрясений, устойчивая основа системы цивилизации сохранялась бы до тех пор, пока ее судьба — претерпевать напор великих и неумолимых перемен. Надежный мир дает возможность достичь беспримерного спокойствия и благополучия. Огромное число нерешенных проблем могло бы быть решено объединенными интеллектуальными усилиями человечества, действующего не порознь, но вместе. Сама жизнь, войдя в русло надежного разумного порядка, стала бы комфортабельной и хорошо организованной, осведомленной, снабженной должным механизмом, для того чтобы смело встретить любые трудности, общие проблемы и потребности с наименее возможными трениями, расстройствами и просто неожиданностями и опасностями. Начался бы великий культурный и интеллектуальный рассвет. Наука в этом

Глава 27. Опасность Всемирного государства

случае будет добиваться улучшения человеческой жизни, роста знания и механической эффективности. Различные культуры мира — представляющие собой ныне независимые явления — не только будут изменять внутренние представления друг друга, но и вносить свой вклад в общий фонд, и со временем возникнут новые мотивы и формы в мысли, в литературе и в искусстве. Рост всеобщего взаимопонимания предотвратит множество ныне изобилующих случайных поводов для борьбы, ненависти, противоречий, люди гораздо ближе и полнее соприкоснутся друг с другом и достигнут если не братства — которое недостижимо политическим, социальным и культурным объединением, — то хотя бы некоего его подобия, достаточно спокойного объединения и взаимообмена. Человеческая жизнь будет преисполнена восторга, покоя и обходительности; и какой-нибудь поэт нового века, пишущий на общем и официальном языке — может быть на эсперанто — смело возвестит о приближении золотого века или даже провозгласит его действительное наступление и вечное царство. Но спустя некоторое время начнется угасание этой силы, прекратится развитие человеческого разума и жизни, а затем придут застой, разложение и распад. Среди подобных достижений дух человека будет постепенно увядать.

К такому итогу могут привести те же причины, которые предрешили судьбу Рима. Были бы утрачены условия полноценной жизни, свобода, динамическое разнообразие и взаимные потрясения, неизбежно возникающие при естественном развитии видоизменяющейся жизни. Можно было бы возразить, что этого не произойдет, потому что Всемирное государство будет свободным демократическим государством, а не узурпировавшей свободу империей и автократией, и потому что свобода и прогресс — это сама основа современной жизни, и они не допустят такого развития, которое вступит в противоречие с ее главным принципом. Однако полной гарантии этому нет. Так как совсем не обязательно, что нынешнее положение будет продолжаться при совершенно других условиях; само представление о нем может превратиться в странный мираж, доставшийся в наследство от нашего времени иным, грядущим обстоятельствам. Демократия вовсе не является гарантом свободы; напротив, мы видим, скорее, что демократическая система управления движется неукоснительно к такому организованному устранению индивидуальной свободы, о котором не могли бы и мечтать прежние аристократические и монархические системы. Возможно, демократия действительно освободила от наиболее насильственных и жестоких форм свойственного этим системам деспотического подавления те народы, которые имели достаточно счастливую судьбу, чтобы достичь свободных форм управления; и это, без сомнения, великое достижение. Теперь прежний порядок вновь оживает только в периоды революций и общественных потрясений, в форме грубой тирании, беспощадной революционной и реакционной агрессии. Однако существует более респектабельное с виду, более утонченное и последовательное, более умеренное в своих методах (поскольку ощущает за собой большую силу), но именно поэтому и более действенное и распространенное

Глава 27. Опасность Всемирного государства

угнетение свободы. Тирания большинства — фраза достаточно привычная, и ее убийственные последствия с должным негодованием отмечались некоторыми из современных мыслителей*, но будущее обещает намного более основательный подход: всеобщую тиранию загипнотизированной на себя массы, угнетение входящих в ее состав частей и отдельных элементов**.

Это весьма примечательное развитие, тем более что индивидуальная свобода с момента зарождения демократических движений всегда была, и в древние, и в нынешние времена, идеалом, имевшим первостепенное значение. Греки отождествляли демократию с двумя основополагающими представлениями, во-первых, с эффективным и непосредственным участием в действительном управлении обществом и в законодательном процессе каждого гражданина, а во-вторых, с большой свободой для особенностей индивидуального характера и поведения. Но ни одно из этих представлений не может процветать при демократии современного типа, хотя в Соединенных Штатах Америки предпринимались какое-то время определенные попытки в этом направлении. В крупных государствах личное участие каждого гражданина в управлении не будет эффективным; ему может быть предоставлено право на равное участие — эфемерное для отдельного человека, но действенное для широких масс — в периодических выборах своих законодателей и администраторов. Даже если бы на практике их не нужно было избирать из класса, не представляющего интересы всего или даже большинства общества (в настоящее время это почти повсеместно средний класс), все же законодатели и администраторы не будут их настоящими избранниками. Сила, которую они представляют, иного рода — будучи бесформенным и бесплотным существом, занявшим место монархии и аристократии, она остается коллективным образованием, принимающим определенный внешний облик, определенное тело и сознательное поведение, после того как воплощается в чудовищном механизме современного государства. И против этой силы индивидуум намного более беспомощен, чем при любом из прежних своих угнетателей. Когда индивид испытывает на себе ее давление, вгоняющее его в однотипные шаблоны, ему не остается ничего иного, кроме как впасть в бессильный анархизм либо же отступить, пока не поздно, внутрь, в свободу души, или уйти в интеллектуальную жизнь.

Полная свобода слова и мысли — это одно из пока еще не утраченных достижений современной демократии, которой древние вольности в таком объеме не ведали. И до тех пор, пока существует эта свобода, страх перед статическим

* Ибсен, драма "Враг народа".

** Первое решительное проявление подобного отношения уже происходит в фашистской Италии и Советской России. В момент написания этих строк такая возможность носила еще умозрительный характер. Впоследствии она приняла очертания конкретного факта, и вот перед нами оформившийся, вселяющий ужас организм.

Глава 27. Опасность Всемирного государства

состоянием человечества и сопутствующим ему застою можно считать беспочвенным — в особенности, если ее дополняет всеобщее образование, обеспечивающее наиболее конкретную почву для приведения в действие присущей ей силы. Свобода мысли и слова — которые должны идти рука об руку, поскольку не может быть действительной свободы мысли без свободы слова — не будут действительными без свободы обществ и собраний; так как свобода слова означает свободу пропаганды, которая становится эффективной только при наличии обществ и собраний для осуществления своих целей. Эта третья свобода, с теми или иными ограничениями, также существует во всех демократических государствах. Остается вопрос: были ли эти великие основные свободы завоеваны человечеством навсегда — не принимая во внимание случаев их временного прекращения в свободных странах и серьезные, ограничивающие их препятствия в странах зависимых. Возможно, будущее еще преподнесет нам в этом направлении свой сюрприз*. Свобода мысли, видимо, окажется последней человеческой свободой, на которую обрушится хорошо отлаженная машина: вначале она будет стремиться так организовать жизнь индивида, чтобы приблизить ее к образцу общественного мнения и идеала руководителей. Но осознав, сколь велико значение мысли в деле оформления жизни, она будет добиваться также и контроля над мыслью, формируя индивидуальное мышление с помощью образования и приучая его воспринимать лишь одобренные обществом нравственные, социальные, культурные и религиозные убеждения, как то практиковалось в самых разных вариантах воспитания в древности. Но если она поймет, что это средство стало неэффективным, ей, вероятно, придется непосредственно ограничивать свободу мысли, оправдывая это опасностью для государства и цивилизации. У нас уже достаточно примеров того, как государство претендует на право вмешиваться в индивидуальное мышление самым решительным образом. Предполагалось, что, по крайней мере, религиозная свобода была человечеству гарантирована; но в настоящее время перед нами рост положительно преуспевающей доктрины нового мышления, согласно которой государство вовсе не обязано считаться с религиозными свободами индивида, а если оно и обеспечивает ему свободу религиозной мысли, то лишь из соображений целесообразности, а не как его право. Оно не обязано, лишь согласно, лишь дозволяет свободу культа; это кажется вполне логичным, так как если государство имеет право полностью регулировать жизнь индивида, то оно должно иметь неотъемлемое право регулировать и его религиозную жизнь**.

Если мы допускаем, что хорошо отлаженная машина социалистического Всемирного государства все же утвердит свою власть в мире, то должны понимать, что свобода мысли при подобном режиме будет неизбежно означать критическое отношение не только к деталям жизни, но и к самим устоям существующего порядка. Такая критика, если она заботится не о мертвом прошлом, но о будущем, может принять только одно направление, направление анархизма — духовного, толстовского, или интеллектуального, — который, хотя и остается пока еще символом веры для немногих, но постепенно начинает завоевывать себе признание в большинстве стран Европы. Он будет декларировать свободное развитие индивидуума, которое станет его евангелием, и изобличать прави-

тельство как изживающее себя зло. Он будет настаивать на полноте и свободе внутреннего религиозного, нравственного, интеллектуального и естественного развития человека, провозглашая его в качестве настоящего идеала человеческой жизни, а все остальное рассматривать как возмездие, может быть, еще и не самое худшее, за отречение от этого идеала, отречение, которое означает не что иное, как потерю души. Идеалом общества он провозгласит свободу объединения или братства людей без правительств и всякого принуждения.

Что может поделаться Всемирное государство с подобным свободомыслием? Терпеть его, до тех пор пока оно не выльется в индивидуальное и общественное действие; но не перейдя к практическому претворению себя в жизни, подобное свободомыслие обрушится на сам принцип государственности и начнет подрывать устои его существования; основа государства окажется в страшной опасности, и у правящей власти будет только две возможности: либо остановить разрушение данной основы, либо же согласиться на ее свержение. Но еще гораздо раньше принцип государственного регулирования воцарится во всех сферах жизни и будет при помощи общественного сознания управлять не только физической, но и умственной активностью человека — мечта предшествующих цивилизаций. Неизбежным следствием окажется незыблемый порядок. Но общество без свободы индивидуума развиваться не может. Его неизбежно начнет поглощать размеренность или рутина отлаженного совершенства, или то, что ему кажется совершенством, благодаря рационализму самой системы и представлению об однотипном порядке, ее олицетворяющем. Общественная масса всегда консервативна и статична в своем сознании, медленно движима неспешным процессом подсознательной Природы. Свободный индивид развивается свободно; но прогрессивное развитие общества возможным становится только в том случае, когда индивид способен поделиться своим динамичным сознанием с общей массой.

** Было ошибочно предполагать, что государство будет хоть сколько-нибудь колебаться в вопросе полного подавления свободы мысли. И в большевистской России, и в других тоталитарных государствах это было проделано разом и самым решительным образом. Под давлением государства и в России, и в Германии религиозная свобода если и не окончательно разрушена, то достаточно сурово наказана.

Очень важно не упускать из виду основных движущих сил и реалий жизни, если мы хотим избежать деспотичной власти логического разума и его пристрастия к жесткой и ограничивающей идее в тех экспериментах, которые, несмотря на свое удобство для практического претворения и привлекательность с точки зрения унитарного и шаблонного мышления, могут легко лишить силы саму жизнь и подорвать ее основы. Так как то, что вполне совершенно и удовлетворительно с точки зрения логического разума, может противоречить самой сущности жизни и живым потребностям человеческой расы. В представлении о единстве нет ничего произвольного и нереального; так как единство это сама основа бытия. Единство представляет собой скрытую основу всего сущего, и развитие духа в Природе движется к его сознательной реализации; эволюция, опираясь на фактор разнообразия, идет от простого единства к сложному. К единству же идет и человеческая раса, и она должна его в конечном счете достичь.

Но единообразие не является законом жизни. Жизнь существует благодаря разнообразию; она добивается, чтобы каждое объединение, каждое существо, даже будучи единым с остальными и несмотря на свою общность с ними, оставалось, в силу неких принципиальных или детальных отличий, уникальным проявлением. Предельная централизация — столь важное условие для осуществления единообразия — не свойственна полноценной жизни. Закон жизни это порядок, но не искусственное регулирование. Жизнеспособный порядок рождается изнутри, как производное самой природы, сумевшей обнаружить себя, найти свой закон и закон отношений с другими. Поэтому самым правильным порядком будет тот, что опирается на наиболее возможную в данных условиях свободу; так как свобода это единственное условие действительного разнообразия и условие самообретения. Природа достигает разнообразия разделением на группы и добивается свободы при помощи независимых индивидуальностей, из которых состоит группа. Поэтому для того, чтобы быть жизнеспособным и звучным глубочайшим законам жизни, единство человеческой расы должно быть основано на свободном группировании, а группирование, в свою очередь, должно строиться на естественном сообществе свободных индивидов. Такого идеала человечеству в нынешних условиях, безусловно, не достичь; но его нельзя упускать из виду, так как чем ближе мы способны к нему приблизиться, тем более верным будет наш путь. Искусственная во многом человеческая жизнь и есть причина большинства глубоко укоренившихся болезней; от недоверия к себе или из-за отсутствия искреннего отношения к Природе мы терпим невзгоды в нашей жизни и страдаем.

Практический смысл и необходимость естественного группирования будут нам более понятны, если мы примем во внимание задачи и процесс претворения

в жизнь одного из великих принципов разделения Природы — ее настойчивого стремления к поддержанию разнообразия языков. В конце прошлого и начале нынешнего столетия велись весьма упорные поиски общего для всего человечества языка; они породили ряд экспериментов, ни один из которых не увенчался сколько-нибудь длительным успехом. Как бы ни была ныне велика потребность в едином посреднике для общечеловеческого общения и какие бы она ни рождала варианты, подходящие для этих целей — удобного ли для всех искусственного языка, или нескольких существующих языков, подобно латыни средневековья, а позднее, в какой-то мере, и французского, выполнявшего роль общекультурного языка, на котором общались народы Европы, или санскрита, которым пользовались народы Индии, — нынешняя унификация так и не смогла разрушить, преодолеть, уменьшить или принизить значение и свободное использование естественных языков человечества; она потерпела поражение потому, что была вредной для жизни и прогресса человечества. Легенда о Вавилонской башне¹ гласит, что смешение языков стало для человеческой расы проклятием; но какими бы недостатками оно ни сопровождалось — а они все более и более уменьшаются по мере развития цивилизации и росте взаимоотношений, — для человечества оно оказалось скорее благословением, чем проклятием, скорее даром, чем недостатком. Бессмысленное приумножение чего бы то ни было всегда есть зло, и крайнее увеличение разнообразия языков, не способствующее цели выражения действительного разнообразия духа и культуры, есть, без сомнения, более камень преткновения, чем помощь; но подобная избыточность, хотя она и проявлялась в прошлом*, вряд ли возможна вновь в будущем. Скорее, существует обратная тенденция. В прежние времена разнообразие языков, чинившее препятствия пониманию и проникновению в иные знания и настроения, нередко оказывалось предлогом для действительной неприязни и способствовало более жесткому разобщению. Ограниченность действительного взаимопроникновения несет в себе и пассивное стремление понять, и обильный урожай активного непонимания. Но это было неизбежным недостатком конкретной стадии развития, излишним, может быть, преувеличением, по сравнению с тем что требовалось для полного развития каждой групповой души, обретавшей ярко выраженные индивидуальные черты. Сопровождавшие этот процесс недостатки продолжают сохраняться, но по мере того как у людей и наро-

1. *Вавилонская башня*: согласно др.-еврейскому мифу люди пытались после всемирного потопа построить город и башню (столп) высотой до небес. Разгневанный Бог "смешал языки", так что они перестали понимать друг друга, и рассеял людей по земле. Недостроенный город получил название Вавилон (от др.-еврейского *бабал* — смешивать).

* Насколько мне известно, некоторые педанты насчитывают в Индии более сотни языков. Это пустое и неверное заявление: есть несколько основных языков, остальные — либо диалекты, либо туземные пережитки племенных наречий, которые неизбежно исчезнут.

Глава 28. Разнообразие в единстве

дов растет желание более тесного общения, а также стремление к пониманию мыслей, духа и индивидуальных особенностей друг друга, их становится все меньше и меньше, и нет оснований полагать, что они в конце концов не исчезнут вовсе.

Разнообразие языков служит двум важным целям человеческого духа — объединению и видоизменению. Язык помогает привести тех, кто говорит на нем, к более общему единству развивающегося мышления, складывающегося характера, созревающего духа. Он создает такие интеллектуальные, эстетические узы, такую общность выражения, при которых возникающие различия характеров укрепляют единство там, где единство было достигнуто. Прежде всего он наделяет самосознанием единую нацию, народ и создает возможности для общего самовыражения, для конкретной регистрации достигнутого. С другой стороны, это средство для поддержания разнообразия народов, возможно, наиболее мощное из всех — это не просто принцип разделения, но возможность для плодотворного и полезного разнообразия. Так как каждый язык это знак и сила души каждого народа, на нем естественным образом говорящего. И потому каждый развивает свой конкретный дух, свой тип мышления, свое отношение к жизни, свои знания и опыт. Даже воспринимая и используя мысли, жизненный опыт, духовное влияние других народов, он тем не менее превращает их во что-то новое и, благодаря своей преобразующей силе, обогащает жизнь человечества — благодаря своим плодотворным заимствованиям, а не механическому повторению того, что уже было где-то достигнуто. Поэтому для народа, для коллективной человеческой души столь важно сохранить свой язык, превратить его в сильный и живой инструмент культуры. Лишаясь своего языка нация, раса или народ не могут вести полноценную жизнь. В то же время успех национальной жизни становится достижением общечеловеческой жизни.

Сколь много теряет человеческое общество, не имеющее независимого языка или же заменившее свое естественное самовыражение формой чужой для него речи, можно видеть на примере Британских колоний: Соединенных Штатов и Ирландии. Эти колонии в психологическом смысле представляют собой действительно самостоятельные народы, хотя они и не стали еще отдельными нациями. По большей части или в основном английского происхождения, и будучи английскими по своему политическому и социальному настроению, они, в то же время не являются точной копией Англии; им свойствен уже иной, собственный темперамент, они развивают свой особый характер. Но такая новая индивидуальность может проявляться только в более внешних и механических областях жизни, и даже в этом ее образ не будет чем-то значимым, действенным и плодотворным. Британские колонии не имеют большого значения для мировой культуры, поскольку не обладают самобытной культурой, и из-за того, что у них тот же язык, они остаются лишь провинциями Англии. Сколь бы великими ни были их успехи в интеллектуальной сфере, они могут создать только свой

провинциальный вариант жизни, не имеющий самостоятельного интеллектуального, эстетического и духовного вида, способного внести новый вклад в копилку человеческих достижений. По той же причине вся Америка, несмотря на ее мощную и независимую политическую и экономическую жизнь, остается всего-навсего провинцией культурной Европы, зависящей на юге и в центре от испанского, а на севере — от английского языков. Только в жизни Соединенных Штатов есть тенденция и активное стремление добиться независимой культурной жизни, но успех здесь непропорционален затрачиваемым на это усилиям. В культурном смысле они по-прежнему остаются провинцией Англии. Ни в литературе (исключение составляют одно-два великих имени), ни в искусстве, ни в мысли, а также в иных творческих сферах Соединенные Штаты не смогли пока добиться каких-либо зрелых результатов, выражающих независимость их душевного типа. И это потому, что инструмент их самовыражения, язык, с помощью которого национальное самосознание может оформиться и быть готовым подвергнуться такому воздействию, был сформирован и во многом продолжал формироваться иным типом мышления, другой страной — именно там был, по-прежнему, его центр и именно там поддерживался закон его развития. В прежние времена Америка могла бы, развиваясь, изменить английский язык в соответствии со своими нуждами, пока он не стал бы новым языком, подобно тому как средневековые нации поступали с латынью, формируя при этом нужный им инструмент самовыражения; но в современном мире, при современных условиях добиться этого не просто*.

Когда Ирландия имела независимую национальность и культуру, у нее был собственный язык; его утрата стала утратой не только для ирландской нации, но и для всего человечества. Сколько бы мог дать миру этот кельтский народ с его тонкой психической организацией, независимым интеллектом и изысканным выражением, так много сделавший для европейской культуры и религии на заре их становления, оставайся он в течение всех этих веков в естественных условиях! Но насильственное насаждение иностранного языка и превращение нации в провинцию оставило Ирландию на долгие века в состоянии бесплодия, культурного застоя — сухой ветвью европейского древа жизни. Не меняет ситуации и то небольшое влияние, которое этот народ оказал на английскую культуру, или тот незначительный вклад, которым несколько выдающихся ирландцев одарили иностранный тип мышления, внося в него свой природный талант. Даже когда Ирландия в борьбе за свободу пыталась вновь обрести свободу своей души и наделить ее звучанием, ей приходилось пользоваться языком, который не мог

* Утверждают, что такое независимое развитие имеет место в Америке сейчас; нужно понимать, насколько это верно: налицо только провинциальные отличия, тип национального жаргона и расового чудачества. Даже с учетом самых сильных расхождений его можно рассматривать как диалект, а не как национальный язык.

естественным образом выразить ее дух и характерные особенности. Со временем ей, конечно же, удастся одолеть столь нелегкое препятствие и вернуть себе и язык и силу его для самовыражения, но это, если и случится, произойдет нескоро, и нескоро к ней вернутся те богатство, сила и индивидуальная свобода, которые отличали ее гэльскую речь — ту речь, которую она пыталась воссоздать; естественные препятствия были и, вероятно, всегда будут слишком значительными и слишком прочно утвердившимися, для того чтобы это предприятие увенчалось полным успехом.

Другой яркий пример — современная Индия. Ничто так сильно не мешало быстрому прогрессу Индии, ничто так не препятствовало росту ее самосознания и развитию в современных условиях, как долгое подавление индийских языков английским, лишавшее их возможности быть средством культурного общения. Весьма примечательно, что один из народов Индии — Бенгалия, первым воспротивившийся этому гнету и посвятивший себя развитию языка, надолго сосредоточив на том все свои усилия, вложив в него наиболее оригинальный ум и наиболее живые энергии, оставив в стороне иные цели, теряя интерес к коммерции и уделяя политике внимания не более, чем любому интеллектуальному и ораторскому развлечению, сумел обнаружить национальную душу, возродить духовность, заставить весь мир прислушиваться к голосам своих великих духовных учителей, сделать индийского поэта и ученого достойными всемирной славы, возродить к жизни умирающее искусство Индии, внести свой первый вклад в мировую культуру и первым же, в качестве награды, достичь во внешней жизни жизнеспособного политического сознания и живого политического движения — не подражательного, но независимого по духу и лежащей в его основе цели*. Так как слишком уж велика роль языка в жизни народа; слишком уж важна его роль для общечеловеческих достижений, и потому коллективная душа нации должна оберегать, развивать и использовать наравне с сильной коллективной индивидуальностью и свой естественный инструмент выражения.

Общий язык способствует созданию единства, и потому можно было бы сказать, что единство человеческой расы требует единства языка; а преимущества разнообразия должны лишь предшествовать этому более великому благу, достигаемому пусть даже ценой серьезной временной жертвы. Но такой язык только тогда способствует действительному плодотворному и живому единству, когда он предстает как естественное выражение расы или стал естественным средством выражения в процессе долгого приспособления и внутреннего развития. История всеобщих языков, оказывавшихся чужими для некоторых народов, которые на них говорили, не слишком ободряющая. Они всегда были склонны стать мертвыми языками, бесплодными все то время, пока они сохраняли свою

* Теперь, конечно, все изменилось, и эти замечания не применимы к нынешнему состоянию Индии.

Глава 28. Разнообразие в единстве

власть, и плодотворными только в тех случаях, когда растворялись или терялись в языках новых, производных или сохранивших в силу своего упорства независимую прежнюю речь, выживших, но запечатлевших в себе новые веяния. Латынь, после того как век ее господства на Западе закончился, стала мертвым языком, утратившим творческий потенциал, и она не произвела на свет никакой новой, живой или развивающейся культуры в тех народах, которые на ней говорили; даже мощная поддержка христианства не смогла возродить ее к жизни. Времена, при которых латынь была средством выражения европейской мысли, были как раз теми временами, когда эта мысль стала наиболее тяжеловесной и традиционной, наименее плодотворной. Стремительный и яркий расцвет новой жизни начался после того, как языки, сложившиеся на осколках умирающей латыни или старых языков, не утративших еще своего значения, заменили ее, став целостным средством национальной культуры. Однако повседневного использования естественного языка недостаточно; язык должен иметь возможность выражать самые высокие проявления жизни и мысли. И если он выживает только как местный говор или провинциальный диалект, подобно уэльскому после победы английского или бретонскому и прованскому во Франции, чешскому в Австрии или западноукраинскому и литовскому в Российской империи, он оскудевает, становится бесплодным и более не способствует истинной цели выживания данного народа.

Язык это показатель культурной жизни народа, зеркало мыслящей души, он обогащает ее жизненные проявления. Поэтому именно в языке легче всего охватить само явление и практические возможности разнообразия — гораздо легче, чем в прочих внешних проявлениях; кроме того, эти истины важны и потому, что они в равной мере применимы и к вещам, которые они выражают и символизируют, и к вещам, которым служат в качестве инструмента. Разнообразие языка надлежит оберегать, поскольку надлежит оберегать разнообразие культур и различия душ коллективных; а без такого разнообразия жизни не может быть полноты проявления, и при его отсутствии почти неизбежно возникает опасность упадка и застоя. Исчезновение разнообразия национальных типов в единообразной человеческой общности — возможность и даже вероятность которого мы рассматривали как вполне реальную, если возобладают определенные тенденции — может привести к политическому миру, экономическому благополучию, совершенному управлению, к решению сотни материальных проблем, как то произошло, хотя и в меньшем масштабе, во времена единой Римской империи; но какой в них будет прок, случись, в конце концов, подобное, если это приведет также и к лишаящей творческого начала стерилизации разума и духа, к косности души человечества? Уделяя особое внимание культуре, плодам человеческого разума и духа, нельзя недооценивать внешней, материальной стороны жизни; и не в моих планах умалять смысл того, чему Природа всегда придает такое большое значение. Напротив, внутреннее и внешнее зависят друг от друга. Мы можем видеть, что в жизни каждой нации важ-

ный период расцвета национальной культуры, сильной интеллектуальной и духовной жизни это всегда часть некоего общего взлета и определенного движения, имеющего свои отражения во внешней политической, экономической и практической жизни данного народа. Культура создает или усиливает материальный прогресс, но нуждается также и в собственном расцвете, в его полноценном и действенном проявлении. Мир, благополучие, утвердившийся в человеческом мире порядок — цели достаточно высокие, о них можно мечтать как о желанной основе для великой всемирной культуры, на которой человечество могло бы объединиться; но несмотря на все преимущества, и внешние, и внутренние, она может оказаться без того, что гораздо важнее мира, порядка или благополучия — без свободы и силы жизни, которые создаются групповым и индивидуальным разнообразием и свободой. Не однообразное, не логически простое, строго научное, аккуратное и механически одинаковое, но живое единство, преисполненное полноценной свободой и разнообразия, является тем идеалом, о котором мы должны все время помнить и за который должны бороться, для того чтобы он мог осуществиться в нашем человеческом будущем.

Как подобную трудность можно было бы одолеть? Чрезмерная централизация и единообразие стремятся упразднить столь нужную изменчивость и обязательные свободы, но в то же время богатое разнообразие и сильный коллективный индивидуализм могут привести к тому, что прежний сепаратизм возродится и даже обретет новую силу и лишит человеческое единство обогащающей полноты или даже будет препятствовать созданию прочной для него основы. Недостаточно, чтобы составляющие единство группы или подразделения имели, подобно американским штатам, определенную формальную административную и законодательную независимость, если их свобода, как в тех же штатах, заключается только в некоем весьма искусственном разнообразии, а все действительные отклонения от общей нормы, рождаемые более глубоким внутренним разнообразием, подавляются или запрещаются. Недостаточно, чтобы единство, допускающее местную независимость, напоминало собой Германию, где реальной правящей силой был воинственный прусский дух, сплотивший и дисциплинировавший остальные земли, независимые только формально. Английская колониальная система тоже не подходит в качестве примера; так как, хотя она и допускает местную независимость и признает силу независимой жизни, мозг, сердце и дух ее сосредоточены в метрополии; остальные же части оказываются в лучшем случае только внешними форпостами англо-сакского идеала*. Не содержит в себе полноценного ответа и жизнь швейцарских кантонов, так как, помимо незначительных размеров страны, единая жизнь и практический дух Швейцарии интеллектуально обусловлены резко разделяющими народ культурами; общей же швейцарской культуры не существует. Проблема эта, скорее

* В меньшей степени, чем прежде, хотя улучшения незначительны.

Глава 28. Разнообразие в единстве

соответствует той, которая в большем объеме и с гораздо большими сложностями стояла какое-то время перед Британской империей в виде возможности объединения Великобритании, Ирландии, колоний, Египта и Индии в действительное единство, в виде возможности соединения всех их достижений в общий ствол, для того чтобы использовать их энергии для общих целей, способствовать обретению основы их национальных индивидуальностей в общей для них всех жизни, но в то же время сохранить и саму индивидуальность: в Ирландии — ирландские дух, жизнь и культуру, в Индии — индийские, в каждой — свои, помогая их развитию уже не за счет британизации, что более соответствовало старому идеалу времен построения империи, но на основе более значительного и пока еще не осуществленного принципа свободного единства. Никакого конструктивного решения этой проблемы так и не было предложено, за исключением некой системы чисто механического соединения — системы единого пучка, или, скорее, букета, не связанного единым живым стеблем общего происхождения или прежнего единства (поскольку таковое отсутствовало), системы, предлагавшей искусственное административное единство, которое в любой момент могло безнадежно развалиться под воздействием центробежных сил.

В завершение можно было бы сказать, что единство остается первой необходимостью и в любом случае должно быть достигнуто, подобно тому как национальное единство было достигнуто путем разрушения независимой жизни отдельных обществ; впоследствии новый принцип группового разнообразия может возникнуть уже на иной, не национальной основе. Но параллель здесь не вполне правомочна, потому что отсутствует важный фактор. История рождения нации это сращивание малых групп в более крупные общности среди других подобных или больших единиц. Прежнее разнообразие малых единств, которое породило настолько же удивительные в культурном отношении, насколько неудовлетворительные в политическом смысле результаты в Греции, Италии и Индии, исчезло, но сам принцип жизни, обретя силу благодаря межнациональному разнообразию, был нациями сохранен в среде отличающихся друг от друга единств и в культурной жизни континента как общая основа. В данном случае такая возможность исключена. Останется единое сообщество — всемирная нация, а все внешние источники разнообразия исчезнут. Внутренний же источник должен быть изменен, должен занять подчиненное положение, но обязательно быть сохранен и защищен от вымирания. Возможно, этого не произойдет, возобладает унитарное представление, превратив существующие народы просто в географические области или административные округа единого хорошо организованного государства. Но в таком случае, испытав на себе столь грубое насилие, данная жизненная потребность будет мстить либо застою, разрушением и уничтожением преимуществ новых разделений, либо же неким внутренним протестом. Может возникнуть, например, вера в анархию и погубить во имя нового творения установившийся мировой порядок. Возникает вопрос, нельзя ли

Глава 28. Разнообразие в единстве

выработать такой принцип единства в разнообразии, благодаря которому данным методом действия и противодействия, созидания и разрушения, достижения и повторения можно было бы если не исключить, то, по крайней мере, несколько ослабить и направить в русло более спокойного и гармоничного претворения?

Глава 29. Лига Наций

Есть только один способ сохранить необходимую для каждого общества свободу и продолжать в то же время объединение человечества — это стремиться не к ладно скроенному Всемирному государству, но к свободному, гибкому и совершенствующемуся всемирному союзу. Однако чтобы этого добиться, нам придется разрушить почти неизбежную тенденцию, вынуждающую любое объединение, достигаемое политическими, экономическими и административными — то есть механическими — средствами, следовать процессу, аналогичному процессу развития национального государства. И в то же время нам придется поддерживать и возрождать силу идеалистического национализма, который перед войной был, казалось, почти полностью разрушен гнетом мировых империй, Англии, России, Германии и Франции, с одной стороны, и ростом противоположного идеала интернационализма с его полным и губительным презрением к ограниченным представлениям о стране, нации, с его открытым выступлением против национального патриотизма, объявленного им злом, с другой. Но в то же самое время мы должны быть озабочены все еще не искорененными сепаратистскими настроениями, естественными для того представления, которое мы пытаемся с новой силой поддерживать. Как все это можно было бы исполнить?

В данном случае нашим союзником оказывается естественный принцип компенсирующего противодействия. Закон действия и противодействия, описываемый физической наукой, в человеческом действии, которое во многом определяют факторы психологического характера, оказывается постоянной и весьма распространенной истиной. Именно в жизни всякое действие активных сил встречает противодействие сил противоположного характера, которые, даже не имея возможности проявиться сразу, обязательно должны будут рано или поздно проявиться если и не в полном объеме, то, по крайней мере, частично, а как только они сумеют утвердиться, продемонстрируют всю полноту своего противостояния. Это подтверждается и теорией, и практикой, так как Природа работает, уравнивая взаимодействие противоположных сил. Если она поддерживает какое-то время преобладающее влияние одной силы, противостоящей всем остальным, то впоследствии ищет возможности уравновесить предыдущую крайность возрождением (в случае их смерти) сил противостоящих или новым пробуждением (в случае их угнетения), выведением на передний план в другой и видоизмененной форме склонности, имеющей в точности противоположный характер. После долгой настойчивой поддержки процессов централизации она старается видоизменить ситуацию, подчинив ее находящемуся на втором плане процессу децентрализации. После поощрения наиболее полного единообразия она вновь возрождает к жизни дух многоплановой изменчивости. Обе склонности не обязательно будут проявляться одинаково — между ними может возникнуть любой компромисс. Или же, вместо компромисса может возникнуть слияние, и в результате из двух начал родится что-то новое. Надо пола-

гать, Природа воспользуется тем же самым методом и в том случае, когда ей придется иметь дело с двумя склонностями: к единообразию и к групповой изменчивости. В настоящее время нация стала опорным пунктом для последней, использующей ее в своем противостоянии единообразной ассимиляции, к которой склонны империи. И вот теперь Природа, воздействуя на человечество, может разрушить национальную основу, подобно тому как она разрушила родоплеменную систему, и выработать некий новый принцип группирования; но она может и сохранить его, поддержать и продлить его жизнь, дабы уравновесить стремление к слишком тягостному единообразию. Именно этот последний случай мы и намерены рассмотреть.

Перед войной двумя действующими силами были: империализм различных типов — от более жесткого империализма Германии до более либерального империализма Англии — и национализм. Они представляли собой две стороны одного и того же явления, выражая агрессивный, завоевательный и оборонительный аспект национального эгоизма. Но в процессе развития империализма этот эгоизм мог в конце концов раствориться, исчезнуть, подобно тому, как исчезли племена-агрессоры, например, персы, растворившиеся вначале в империи, а затем в национальности персидского народа, или как в Римской империи исчезли вначале города-государства, а затем исчезли и сами родовые отношения, без всякой надежды на возрождение в тех нациях, которые возникли от слияния вторгшихся германских племен с народами пришедшего в упадок латинского мира. И агрессивный национальный империализм может, распространившись так или иначе в мире, привести к полному разрушению единства нации, подобно тому как агрессивное нашествие нескольких господствующих городов-государств и племен разрушило город-государство и родовые отношения. Сила отстаивавшего свои права национализма боролась с этой склонностью, ограничивала и постоянно расстраивала цели ее развития. Но в предвоенный период сепаратным настроениям национализма было, по-видимому, уготовано полное бессилие под гнетом той чудовищной власти, которую наука, организация и эффективность дали в руки государственной машине могущественных империй.

Все факты указывали в одном направлении. На азиатском материке в набравшей силу японской империи исчезла Корея. Угас персидский национализм, став жертвой системы сфер влияния, бывшей по сути скрытым протекторатом — а опыт показал, что начало протектората это начало конца защищаемой нации, мягкое название для предварительного разжевывания, предшествующего проглатыванию. Тибет и Сиам были настолько ослаблены и находились в таком упадке, что не оставалось никакой надежды на какую бы то ни было их независимость. Китай избежал appetитов мировых держав и благодаря своему размеру, который делал его трудным для глотания куском, сохранил возможность вариться в собственном соку. Разделение Азии между четырьмя-пятью, самое

большее шестью великими империями — итог, по-видимому, предрешенный, который ничто, кроме разве что беспрецедентного международного конфликта, не могло предотвратить. Европейские победы в Северной Африке были завершены почти полным исчезновением Марокко, укреплением английского протектората в Египте и итальянского — в Триполи. Земли Сомали находились в процессе медленного поглощения; Абиссиния¹, сохранявшая свою целостность, благодаря усилиям Менелика², а ныне переживающая внутренний распад, стала объектом ожившей итальянской мечты о колониальной империи. В водоворот империалистической агрессии была втянута Бурская республика. Вся остальная Африка принадлежала практически трем великим и двум малым державам. Правда, оставалось еще несколько небольших независимых наций, балканских и немецких, да две совсем незначительные нейтральные страны. Но Балканы были постоянным местом смуты и разрушения, и возродившийся национальный эгоизм мог исчезнуть только в результате изгнания из Европы Турции, либо при создании молодой, алчной и амбициозной славянской империи, возглавляемой Сербией или Болгарией, или после их поглощения Австрией и Россией. Расширяющаяся Германия жадно тянулась к немецким государствам, а поскольку она располагала силой, руководимой благоразумно рискованной дипломатией новоявленного Бисмарка³ — и не так уж маловероятна была смерть Вильгельма II⁴, до того как будут спущены гонимые войны, — их поглощение вполне могло входить в ее планы. Оставалась Америка, где империализм еще не пробудился, но уже начал распространяться в форме республиканского движения, поддерживаемого политикой Рузвельта⁵, а достаточно поспешное вмешательство в дела Мексики продемонстрировало неизбежность протектората и погло-

1. *Абиссиния* — неофициальное название Эфиопии.

2. *Менелик II* (1844—1913) — император Эфиопии с 1889 г.; завершил политику централизации государства, воссоздал единое Эфиопское государство, удачно использовал острые англо-франко-итальянские противоречия для сохранения независимости государства.

3. *Бисмарк* (1815—1898) — германский государственный деятель, князь. С 1862 г. министр-президент и министр иностранных дел Пруссии. Опираясь на мощь прусской армии, серией войн осуществил объединение Германии на прусской основе. В 1871—1890 гг. рейхсканцлер Германской империи. Явился инициатором русско-австрийско-германского соглашения 1873 г. ("Союз трех королей"), добился союза с Австро-Венгрией (1879), Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия — 1882 г.), направленного против России и Франции. В 1887 г. заключил договор с Россией, предпринимал неудачные попытки договориться с Англией. Провал политики подавления рабочего движения и неудачи во внешней политике привели к его отставке в 1890 г.

4. *Вильгельм II* (1859—1941) — германский император и прусский король (правил в 1888—1918); представитель агрессивного германского юнкерско-буржуазного империализма; активно способствовал развязыванию первой мировой войны; свергнут революцией 1918 г., бежал в Нидерланды, где 28 ноября 1918 г. отрекся от престола.

шение в конечном итоге Соединенными Штатами дезорганизованных республик Центральной Америки; союз Южной Америки был бы в этом случае необходимой мерой защиты. И только мощный взрыв Мировой войны поколебал набравший силу процесс разделения мира между великими империями, которых вряд ли насчитывалось более дюжины.

Война с новой силой возродила представление о свободной нации, облекая его в три формы, каждая из которых имела свои особенности. Во-первых, даже оставшимся империями европейским нациям, противостоящим империалистическим амбициям Германии, пришлось обратиться к идеалу свободной национальности и выступить в роли его поборников и защитников. Во-вторых, Америка, более склонная, нежели Европа, к политическому идеализму, вступила в войну с призывом о создании лиги свободных наций. И наконец, исходный идеализм русской революции, благодаря своему конкретному, позитивному и бескомпромиссному подходу, свободному от всех дипломатических ограничений и личной заинтересованности, привнес в этот новый творческий хаос совсем иной элемент, провозгласив право каждой общности людей, естественным образом отличающейся от других общностей, самой определять свой политический статус и свою свободу. Эти три положения достаточно различались между собой, но каждое из них имело в своем проявлении определенное отношение к действительно возможной судьбе человечества. Первое опиралось на современные условия и стремилось к определенному практическому переустройству. Второе старалось ускорить практическое воплощение грядущих, не слишком отдаленных возможностей. Третье при помощи революционной алхимии (весьма условно именуя революционным то, что представляет собой эволюционное ускорение) торопило результат, достижение которого при обычном течении событий было бы возможно, если вообще возможно, только в отдаленном будущем. Нужно учитывать их все, так как оценка, принимающая во внимание только силы проявленных возможностей, дает неверную перспективу. Более того, русская идея в стремлении, пусть и недостаточно пока эффективно, выразить себя продемонстрировала такую силу, что ее роль среди прочих сил, определяющих судьбу человеческой расы, будет весьма значительна. Великая идея, добивающаяся своего практического осуществления, остается той действенной силой, которую никак нельзя было бы исключать из рассмотрения или недооценивать, только оттого что в настоящий момент она не имеет возможности проявиться полностью.

Позиция, занимаемая Англией, Францией и Италией — западноевропейской ветвью союзников, предполагала политическое переустройство мира, но не какое-либо радикальное изменение существующего порядка. Да, она провозгла-

5. Имеется в виду президент США Теодор Рузвельт (1858—1919), находившийся на посту с 1901 по 1909 гг.

шала принцип свободных наций; но в международной политике, продолжающей оставаться полем действия естественных сил и интересов, идеалам — этому недавнему приобретению человеческого разума — отведена весьма скромная роль, и преобладать могут только принципы, созвучные этим интересам, а если и враждебные им, то опирающиеся на поддержку естественных сил, достаточно сильных, чтобы перевесить интересы, им противостоящие. Чистое приложение идеалов к политике — это весьма революционный метод действия, благоприятствовать которому может лишь некий исключительный кризис; день, когда такой подход станет правилом бытия, человеческой природы и самой жизни, ознаменует собою начало нового явления, сверхъестественного, по сути, и божественного. Но такой день еще не наступил. Союзные державы Европы сами были нациями с имперским прошлым, а вероятно, и будущим, и не в их силах, даже если они того пожелают, порвать с этим, руководствуясь одной только идеей. Их главный интерес, а значит, и главная забота их правителей, сохранять свою империю, даже стараться увеличивать ее, если это делается законным, по их мнению, путем. И потому принцип свободы наций в чистом виде мог быть ими применен только там, где не страдали их собственные имперские интересы, например, против Турции и стран центральной Европы, поскольку в этом случае сам принцип был созвучен их интересам, а против интересов Германии, Австрии и Турции его могли поддерживать к тому же и естественные силы, сулившие войне успех, поскольку у нее появлялось моральное оправдание, связанное с участием в ней держав, вынужденных терпеть страдания. Но там, где дело касалось их личных интересов, он уже не мог быть применен в чистом виде, потому что в этом случае противопоставлялся уже утвердившимся силам, а достаточной уравнивающей силы, которая могла бы поддерживать оппозицию, не было. Поэтому здесь он вынужден был проявляться лишь в узком смысле, как сила, смягчающая действие чистого империализма. В таком применении он мог бы привести самое большее к внутреннему самоуправлению в таких пропорциях, в такое время и на таких этапах, которые были бы возможны, практически осуществимы и подходящи для интересов империи и подчиненной нации, до тех пор пока они не смогли бы друг к другу приспособиться. Его не следует понимать — да так его никто и не воспринимал — в чистом виде, в том смысле, который придавали ему идеалисты-русские, безразличные ко всему, кроме исключительной чистоты собственного принципа.

Какими тогда могли бы быть практические последствия такого более узкого варианта принципа свободы наций, если бы было возможно применить его после полной победы союзников, его представляющих? Он не нашел бы своего непосредственного применения в Америке. В Африке, за исключением Египта и Абиссинии, нет не только свободных наций, но и наций как таковых; поскольку Африка продолжает оставаться такой частью мира, где сохранились старые родоплеменные отношения и существуют только народы племенного типа, а нации в политическом смысле отсутствуют. И полная победа союзников означала

бы в этом случае разделение континента между тремя колониальными империями: Италией, Францией и Англией, с сохранением бельгийских, испанских и португальских владений и достаточно неясным положением Абиссинского царства. В Азии это означало бы появление на развалинах Турецкой империи трех-четырёх свободных наций; но им пришлось бы тут же оказаться, по крайней мере на время, под влиянием или протекторатом той или иной из великих держав. В Европе это означало бы сокращение размеров Германии за счет потери Эльзаса и Польши, распада Австрийской империи, возвращение побережья Адриатики Сербии и Италии, освобождение чешского и польского народов, некоторое переустройство на Балканах и в союзных с ними странах. То есть достаточно серьезный передел карты мира, но никак не радикальные изменения. В итоге националистические настроения имели бы некоторое более широкое распространение за счет появления на свет независимых наций; империалистические же настроения имели бы успех за счет их более значительного распространения, за счет еще большего расширения подвластных им территорий, за счет мирового влияния и международных обязательств преуспевающих империй.

Тем не менее определенные серьезные результаты не могли не оказать непосредственного содействия процессу становления свободного всемирного единства. Наиболее важный из них состоит в том, что в ходе родившейся в огне войны русской революции, с ее призывом к свободе наций (правда, полностью зависящем от утверждения революционного принципа), Россия, как агрессивная империя, исчезла, превратившись из империалистической машины в совокупность* или федерацию свободных республик. Вторым результатом стало разрушение империализма германского типа и освобождение определенного количества независимых народностей, находившихся под его властью**. Третьим — оказываются многочисленные народности, требующие признания своего независимого существования и права голоса в международных делах, что ведет к усилению представления о свободном всемирном союзе, как основном средстве решения международных проблем. Четвертым стало ясное понимание Британской нацией уместности принципа свободы наций в неизбежном переустройстве Империи.

Это развитие приняло две формы: признание принципа самоуправления для Ирландии и Индии и признание права каждой нации, входящей в состав Империи, иметь свой голос, который в случае самоуправления*** означал бы свободное и равноправное участие в совете Империи. Взятые вместе, обе фор-

* На практике же, при большевистском управлении, не таких уж и свободных, как предполагалось в теории; но все же принцип существует, и у него есть возможность для развития в более свободном будущем.

** К несчастью, этот результат оказался, по-видимому, бесплодным после чудовищного возрождения военной Германии под властью фюрера.

мы знаменуют, несомненно, начало превращения империи, построенной на старом принципе националистического империализма, представленного верховным руководством одной господствующей нации, Англии, в свободное и равноправное содружество наций, управляющих своими общими делами при помощи гибкой координации как основы общего блага и согласия. Другими словами, такое развитие должно в конечном счете означать частный вариант приложения того же самого принципа, который мог бы при его более широкомасштабном использовании лечь в основу устройства свободного всемирного единства. Для того чтобы такое содружество могло стать свершившимся фактом, должна быть проделана немалая работа, придется претерпеть определенное развитие, преодолеть множество противоборствующих сил; но то, что ему удалось в принципе и в зачаточном виде принять конкретную форму, представляет собой выдающееся достижение мировой истории. Нерешенными остаются два вопроса. Во-первых, какое воздействие этот эксперимент может оказать на другие империи, придерживающиеся старого принципа централизованного господства? По всей видимости, результат в случае успеха будет таков: сталкиваясь лицом к лицу с ростом сильных националистических движений, им придется приспособливаться к тому же самому или аналогичному решению и перенять его, подобно тому как им пришлось перенять у Англии, хотя и с некоторыми видоизменениями, ее удачную для решения национальных проблем систему парламентского правления. И во-вторых, какими будут отношения между этими империями и множеством независимых империалистических наций и республик при новом устройстве мира? Как они будут защищены от новых попыток распространить империалистические настроения, или как их существование будет согласовано в международном комитете с громадной и омрачающей мощью империй? И вот здесь вступает в силу и оказывается в принципе оправданной американская инициатива о создании Лиги Свободных Наций.

К несчастью, всегда было трудно понять, что же именно эта инициатива представляет собой на практике. Провозглашенная своим первым поборником Вильсоном⁶, она была отмечена печатью удивительного и вместе с тем туманно-

*** Ныне именуемого статусом доминиона. К несчастью, признание это смогло вступить в силу только после яростной борьбы в Ирландии и было омрачено разделением страны на две части. В Индии же его начали признавать только после мощного пассивного сопротивления, да и то в усеченном виде, отложив полное решение вопроса на далекое будущее. То же было с Египтом — свобода была ему предоставлена только при условии подчинения контролю Британского союза. И все же националистический принцип участвовал в создании свободного Ирака, Арабских эмиратов и Сирийских республик, он ограничил империалистическое влияние на Персию и принимал самое живое участие в учреждении статуса доминиона, предполагающего внутренне свободное и равноправное участие в содружестве народов под руководством Империи. Несмотря на свое несовершенство, эти результаты подготовили более значительные достижения, которые, как мы теперь видим, стали частью нового мира свободных народов.

го идеализма, полного вдохновенных мыслей и выражений, но лишена при этом конкретных указаний о ее претворении в жизнь. Чтобы понять эту инициативу президента, нам нужно вспомнить о прошлой истории и традиционном характере американцев. Соединенные Штаты всегда оставались миролюбивой и неимпериалистической в своих настроениях и отношениях державой, хотя и с оттенком националистической чувствительности, которая угрожала в наше время принять империалистический облик и привела нацию к двум-трем войнам, закончившимся победами, результаты которых им пришлось примирять со своим неимпериалистическим пацифизмом. В результате одной из таких войн они присоединили к себе мексиканский Техас, превратили его в Штат, вошедший в состав союза, и заселили американскими колонистами. Они отвоевали у Испании Кубу, а Филиппины — вначале у Испании, а затем у восставших филиппинцев и, будучи не в силах заселить их своими колонистами, дали ограниченную своим влиянием независимость Кубе и пообещали полную независимость Филиппинам. Американский идеализм всегда руководствовался ясным пониманием американских интересов, а высочайшим из этих интересов считалось сохранение американской политической идеи и ее конституции, с точки зрения которых всякий империализм, и иностранный, и американский, должны были восприниматься как смертельная опасность.

Как следствие и как результат неизбежной адаптации к намного более ограниченным целям союзников, Лига Наций вынуждена была содержать в себе элементы и оппортунизма, и идеализма. Элемент оппортунизма в своем первом выражении вынуждал к легализации карты и политического устройства мира, сложившихся в результате всех военных потрясений. Ее идеализм, опирающийся на влиятельное положение Америки в Лиге Наций, способствовал бы росту практического претворения демократического принципа в жизнь и, как следствие, появлению в конце концов Соединенных Штатов мира, руководимых демократическим конгрессом народов. То, что такая легализация могла бы вести к уменьшению возможностей для возникновения войн (если только действующая Лига Наций добьется успеха и обретет практический смысл), вывод, даже при самом благоприятном стечении обстоятельств, ни в коей мере не предрешенный*. Однако при ее склонности к стереотипному пониманию вещей, весьма искусственному и безалаберному, ненормальному и имеющему лишь времен-

6. Президент США Вильсон (занимавший пост с 1912 по 1921 гг.) выдвинул программу т.н. "14 пунктов", предлагавшую новые принципы урегулирования международных отношений на основе равноправия правительств и народов — больших и малых; она включала также право на самоопределение, открытую дипломатию, свободное сотрудничество. Предполагалось, что эти принципы лягут в основу новой международной организации — *Лиги Наций*.

* В конечном счете Лига была сформирована без участия Америки и как инструмент европейской дипломатии, что было плохим для ее будущего предзнаменованием.

Глава 29. Лига Наций

ный смысл, действия ее могли иметь только плохие последствия. Закон необходим для поддержания порядка и стабильности, но он становится консервативной и ограничивающей силой, если не способен обеспечить себя действенным механизмом, позволяющим изменять существующие законы сразу же, как только обстоятельства и новые потребности сделают это желаемым. Но такое может случиться, только если придет к власти настоящий парламент, конгресс или свободный совет народов. Какое же противодействие можно было бы оказать этой дополнительной силе, оберегающей старые принципы, и гарантировать достижение результата, к которому стремится американский демократический идеал? Одного американского присутствия и влияния в подобной Лиге явно для этой цели недостаточно, так как она будет поддерживать и другие влияния, заинтересованные в сохранении *status quo* и определяющем развитии империалистических решений. Понадобится иная сила, иное влияние. И в этом случае может вмешаться и быть оправданным, при правильном применении и использовании его силы, русский идеал. Для нашей цели он будет безусловно наиболее интересным и важным из тех трех антиимпериалистических тенденций, которые Природа опускает в качестве исходных элементов в свое могучее горнило, дабы переплавить земную человеческую массу в нечто доселе невиданное.

Глава 30. Принцип свободной конфедерации

Исходное русское представление о конфедерации свободных самоопределяющихся наций стало намного более сложным из-за временного явления революции, которая, подобно предшествовавшей ей Французской, добивалась немедленного (безо всяких компромиссов и промежуточных стадий) преобразования самой основы не только управления, но и общества в целом; до конца она доводилась к тому же уже под натиском разрушительной войны. Эта двойственная ситуация неизбежно вела к беспримерной анархии, а в данном случае еще и к насильственному господству экстремистской партии, олицетворявшей идеи революции в их наиболее бескомпромиссной и яростной форме. Деспотизм большевиков в этом отношении соответствовал деспотизму французских якобинцев времен террора. Он был достаточно длительным, для того чтобы могла быть осуществлена поставленная цель, а именно — обеспечен переход, насильственный и бесспорный, от постфеодального общества к демократическому, опирающемуся на средний класс. Пролетарский деспотизм России, Власть Советов, укрепление этой власти и ее продолжительное правление позволили обществу перейти ко второй, к более передовой, претерпевшей дальнейшее развитие основе. Но нас интересует сейчас роль идеала свободы наций. С этой точки зрения вся Россия, за исключением небольшой реакционной партии, была с ним с самого начала солидарна, однако обращение к принципу руководства, построенному на насилии, вызвало к жизни противоположный элемент, сделавший опасным нормальное осуществление идеала даже в самой России и утративший тем самым силу, которую он мог бы иметь в ближайших процессах мирового развития*. Так как он опирается на нравственный принцип, принадлежащий будущему; в то время как управление другими народами при помощи силы — это метод прошлого и настоящего, и он никак не совместим с принципами нового мироустройства на основе свободного выбора и свободного статуса. Поэтому рассматривать его необходимо вне какой-либо связи с его нынешним приложением, которое неизбежно оказывается ограниченным и несовершенным.

Политическое устройство мира до сих пор покоилось почти исключительно на материальной и жизненной основе, другими словами, на географии, политике и военных отношениях. Именно так складывались и развивались национальные и государственные представления. Первоначальное стремление к

* Республики, входившие в состав большевистской России, признавались в качестве культурных, языковых и прочих автономий, в остальных же отношениях независимость была не более чем иллюзией — они находились под властью предельно централизованного авторитаризма Москвы.

единству было стремлением к географическому, коммерческому, политическому и военному союзу, и после установления такого единства более ранний принцип жизни данного народа, основой которого были родоплеменные отношения, оказывался полностью преодоленным. Само представление о нации по-прежнему покоится на представлении о народе, но это по своей природе неверно. Оно связано с историческим фактом смешения многих народов и отражает естественное движение к историческому и географическому объединению. Нация, в сущности, обусловлена отчасти этим объединением, отчасти совсем иным типом общности: общности интересов, языка, культуры и всего того, что совместными усилиями создает определенное психологическое представление, психологическое единство, находящее свое выражение в идее национализма. Но нация и государство совпадают не всегда, и в большинстве случаев второе довлеет над первым; и материальная, и жизненная основа для этого всегда одна и та же: географическая, политическая и военная необходимость или выгода. В их противоборстве, как и в любой жизненной и физической борьбе, последнее слово остается за силой. Однако новый принцип предполагает*, что каждое естественное образование, испытывающее потребность в самостоятельном выборе своего статуса и партнеров, имеет право отрицать жизненные и материальные основания и подчиняться чисто психологическому принципу свободной воли и свободного выбора, вопреки требованиям политической и экономической необходимости. Или же, точнее, жизненные и материальные основания для объединения должны служить только поддержкой тому, что получает психологическое одобрение, и сами должны на него опираться.

Как действуют оба эти противоборствующих принципа можно видеть на примере России — примере достаточно характерном. Россия никогда не была, подобно Франции, Испании, Италии, Великобритании или современной Германии, государством чисто национальным; она представляла собой совокупность разных народов: Великороссии, Украины, Белоруссии, Литвы, Польши, Сибири (славянских, по сути, но с примесью татарской и немецкой крови), Курляндии¹ (в основном славянского происхождения, но с примесью немецкого и финского элементов, мало общего имевшими с остальной Россией), позднее азиатских народов Туркестана, которых вместе удерживали только одни узы — власть царя.

* Теоретически, этот принцип признавался союзниками как принцип самоопределения, но стоит ли говорить, что о нем забыли сразу, как только призыв к нему принес свои плоды.

1. *Курляндия* (Курземе) — старое название области Латвии к западу и юго-западу от Рижского залива. С древнейших времен была населена куршскими и прибалтийско-финскими племенами. В XIII в. была захвачена Ливонским орденом. В 1561—1795 гг. большая часть Курляндии входила в состав Герцогства Курляндского, затем присоединенного к России и образовавшего Курляндскую губернию.

Глава 30. Принцип свободной конфедерации

Единственным психологическим оправданием подобного союза была возможность будущего слияния в единую нацию с русским языком в качестве основы и выразителя культуры, мысли и власти, и именно такую цель преследовал старый российский режим. Добиться этого можно было только при помощи руководящей власти; этим путем долго шла Англия в Ирландии, а также Германия в немецкой части Польши и Лотарингии. Можно было бы еще вспомнить австрийский тип федерации, применявшийся по отношению к Венгрии, ее второму партнеру, — тип давления, смягченного терпимостью, уступками и полуавтономией; но особого успеха он в Австрии не имел. Федерация не могла еще стать идеальным принципом объединения; исключения составили государства и народы или полунациональности, уже склонные к единству в силу общей культуры, общего прошлого и развитого или развивающегося чувства общей национальной принадлежности; такие условия существовали в Американских Штатах, в Германии и по-прежнему существуют в Китае и Индии, но их не было в Австрии и России. Или, если бы созрели соответствующие условия и представления, то вместо подобных устремлений могла бы быть найдена основа для свободного союза народов, и царь стал бы символом такого сверхнационального представления, центром единства; но мир к этому движению не был еще готов. Для преодоления стойкого психологического сопротивления у жизненного и материального стремления к объединению остается одно достаточно успешно применявшееся в прошлом средство — сила: военная, административная, политическая. Россия, по-видимому, находилась на верном, хотя и медленном пути к успеху, пока это касалось славянских частей империи; в Финляндии, а также, по-видимому, в Польше она потерпела поражение, гораздо более серьезное, чем долгое английское правление в Ирландии, отчасти потому, что ни российская, ни германская авторитарии не могли не только в совершенстве, но даже в полной мере воспользоваться бескомпромиссными, чрезвычайно жестокими и разбойничьими методами Кромвеля и Елизаветы*, а отчасти потому, что противостоящий ему психологический фактор национализма стал довольно сознательным и способным к организованному пассивному сопротивлению или, по крайней мере, к пассивному выживанию.

Но если психологическая оправданность единства была явно недостаточной или только находилась в процессе формирования, жизненный и материальный мотив для самого решительного объединения России, включая и Финляндию, был непреодолим. Действия Петров и Екатерин определялись во многом политической, военной и экономической необходимостью. С политической и

* После возрождения средневековой варварской жестокости нацистской Германии — одного из наиболее поразительных условий "современного" человечества — этого уже нельзя утверждать. Правда, относиться к этому надо, видимо, как к временному отречению, хотя оно еще бросает свои страшные отблески на достаточно мрачные свойства человеческой натуры.

Глава 30. Принцип свободной конфедерации

военной точки зрения эти славянские народы при их разъединении очень многого лишались, потому что тем самым обрекали себя на всяческого рода притеснения со стороны любого из своих соседей, Швеции, Турции, Польши (пока Польша оставалась враждебным и мощным государством), а также Германии и Австрии. Союз с Россией украинских казаков держался на взаимном согласии как средстве защиты против Польши. Потеряв же свою силу, Польша только выигрывала от союза с Россией, избегая участи беспомощной и зажатой тремя великими и могущественными соседями страны, и ее полное присоединение было бы, вероятно, для нее лучшим решением, чем фатальное расчленение между тремя голодными державами. С другой стороны, при таком союзе возникло бы государство настолько географически цельное и вместе с тем настолько крупное и плотно населенное, настолько надежно защищенное естественными условиями и богатое потенциальными ресурсами, что, добившись достаточной организованности, оно смогло бы не только надежно за себя постоять, но и господствовать над половиной Азии, как это происходит теперь, и половиной Европы, как уже было прежде, когда оно, не имея еще надлежащей организованности и должного развития, почти добилось подобного положения, вмешиваясь в дела соседей то как освободитель, то как победитель австро-венгерского угнетателя на Балканах. С этой точки зрения оправданным становилось даже поглощение Финляндии, так как свободная Финляндия сделала бы Россию географически и экономически неполноценной, ограничив и стеснив ее выход в Балтийское море; в то же время Финляндия, захваченная сильной Швецией или мощной Германией, была бы постоянной военной угрозой Российской столице и Российской империи. Включение в свой состав Финляндии с этой точки зрения, напротив, сулило России безопасность, защиту и могущество. Можно предположить, что Финляндия сама, обретая независимость, что-то теряла, будучи слишком незначительной и слабой, чтобы противостоять империалистической агрессии соседей, и должна была бы опереться на поддержку России. Но все эти преимущества были разрушены, по крайней мере на время, высвобожденными в процессе революции центробежными силами и принципом свободного для каждой нации выбора.

Очевидно, что подобные аргументы, основанные, как в данном случае, на потребностях материального и жизненного характера и никак не связанные с их моральной и психологической оправданностью, могут завести слишком далеко. Они могли бы оправдать не только нынешнее господство Австрии в Триесте и на ее славянских территориях, так же как они оправдывали, несмотря на отчаянное сопротивление ирландцев, английские завоевания и владения в Ирландии, но, следуя данной логике, и Германскую схему пангерманизма, равно как и ее еще большие надежды на новые завоевания и дальнейшее распространение. Они могли бы даже привести к заявлениям о том, что вся империалистическая экспансия европейских народов, не имеющая сейчас никакого морального оправдания, могла бы иметь его в будущем, при создании сверхнациональ-

ных психологических единств; поскольку для этого всегда существуют жизненные и материальные основания. А также привести к утверждениям о моральной или, по крайней мере, психологической и культурной оправданности объединения российской культуры и жизни в процессе ее создания. Требование Европы на распространение и универсализацию европейской цивилизации путем насильственного присоединения к ней и навязывания своего руководства является собой в несколько большем масштабе аналогичный пример моральной оправданности данного подхода. Такое отношение могло бы привести к оправданию предвоенного германского идеала об объединении мира под эгидой германской власти и культуры. Однако в том мире, где все еще царствует закон силы, пусть и в несколько смягченных формах, а также жизненная и материальная необходимость, слово остается, несмотря на ее склонность злоупотреблять своим значением, за жизненной необходимостью, до тех, по крайней мере, пор, пока это касается естественных географических единств, подобных России, Соединенному Королевству* и Австрии в пределах ее естественных границ**.

Русский принцип принадлежит, по сути, будущему, когда у моральных и психологических принципов появится действительная возможность возобладать над жизненными и материальными потребностями; и тогда уже этим потребностям придется к ним приспосабливаться; он относится к такому положению дел, которое полностью противоположно современной международной системе. При нынешней же системе ему пришлось бы бороться с трудностями, поистине непреодолимыми. Русских много высмеивали и ругали за то, что они предложили демократический мир, основанный на свободном выборе народов, авторитарной и милитаристской Германии, склонной, подобно другим империям, к экспансии средствами нечестной дипломатии и оружия. С точки зрения практического смысла управления государством насмешка была вполне оправданной; так как такое предложение пренебрегало действительными фактами и силами и опиралось лишь на силу голой и безоружной идеи. Русские — бескомпромиссные идеалисты — действовали, фактически, в том же духе, что и Франция на первой волне своего революционного энтузиазма; они преподнесли свой первый новый принцип свободы и демократического мира всему миру — а не одной Германии — в надежде, что его моральная красота, истинность и вдохновляющая мощь будут восприняты не столько правительствами, сколько самими народами, которые смогут действовать руками своих правительств, или свергнуть их, окажи те сопротивление. Подобно французским революционерам, они показали, что в нашем мире идеалы могут иметь право на существование, только если их поддерживает преобладающая жизненная и моральная сила. Якобинцы во Франции су-

* Теперь уже не единому Соединенному Королевству, а Великобритании и Ирландии.

** С этой точки зрения следует обратить внимание на губительные экономические последствия распада Австрийской империи на малые, возникшие на ее месте, государства.

Глава 30. Принцип свободной конфедерации

мели сосредоточить свои энергии и силой оружия добились того, чтобы их идеал унитарного национализма восторжествовал на время над враждебным миром. Русские идеалисты в стремлении осуществить свой принцип пришли к тому, что сам принцип стал источником их слабости; однако беспомощными перед тупоголовым германским цинизмом они оказались не потому, что были дезорганизованы — так как революционная Франция также была дезорганизована и все-таки сумела преодолеть свои трудности, — но по причине распада всей старой российской машины, которой позволялось угнетать их своим объединяющим и организующим действием. Тем не менее сам принцип, в основе которого лежал все же нравственный мотив, более преуспел, по сравнению с агрессивным национализмом, подаренным миру Французской революцией; для будущего он имел гораздо большее значение.

Он принадлежит будущему свободного всемирного единства, так как именно принцип свободного самоопределения должен стать предваряющим его условием или основным конечным результатом; он принадлежит такому положению дел, при котором мир, придерживавшийся в своих национальных и международных отношениях средств войны и силы, должен был бы оказаться в состоянии заменить их принципом свободных соглашений. Если такое представление сумеет утвердиться даже в пределах одной России* и принять форму обычного действия, хотя бы и за счет агрессивности, порождаемой централизацией национальной жизни, это будет означать появление в мире новой психологической силы. Конечно, у него не будет безоговорочного повсеместного признания, за исключением, разве что, случаев неожиданных революций; но его влияние начнет готовить мир к его принятию; когда же он будет готов, этот идеал сыграет определяющую роль в окончательном устройстве человеческого единства. Но и в случае поражения его роль, как средства подготовки мира к лучшим условиям, будет несомненной.

* Какое-то время это представление оставалось достаточно искренним, но оно потеряло свое значение, оттого что Советская власть все еще придерживается принципа революционной силы.

Глава 31. Условия свободного всемирного единства

По своей природе свободное всемирное объединение будет единством многогранным, основанным на разнообразии, а разнообразие должно быть обеспечено свободой самоопределения. Механическая унитарная система в группировании людей по географическому признаку могла бы усматривать многие преимущества, связанные с разделением на провинции и удобством управления ими; подобным образом революционная Франция перекраивала свои территории, полностью игнорируя прежние естественные и исторические разграничения. Такая система рассматривала бы человечество как единую нацию и пыталась полностью вытравить старый дух национального сепаратизма; она бы, вероятно, устроила свою систему на основе удобного ей географического разделения. При другом, противоположном подходе географический, физический принцип объединения должен был бы подчиниться принципу психологическому; так как его целью в таком случае было бы не механическое разделение, но живое разнообразие. Если удастся обеспечить такую возможность, народам может быть позволено группироваться в соответствии с их свободной волей и естественными склонностями; и никакими принудительными мерами нельзя заставлять какую-либо нацию или независимый союз народов вступать в другую систему или объединение или принуждать их оставаться в рамках существующей системы из соображений удобства, самовозвеличивания или иных политических потребностей другого народа, даже в интересах общего благополучия, вопреки желаниям принуждаемого к этому народа или союза. Нации или страны, достаточно друг от друга удаленные географически, вроде Англии и Канады, Англии и Австралии, должны иметь возможность объединиться, при желании. А нации, близко расположенные друг от друга, иметь право жить, если нужно, независимо, подобно Англии и Ирландии или Финляндии и России. Единство должно быть величайшим принципом жизни, но свобода — стать его краеугольным камнем*.

При построении нового мира на современной политической и коммерческой основе такой системе группирования придется столкнуться с непреодолимыми подчас трудностями или серьезными неудобствами; но в тех условиях, которые будут благоприятны для свободного всемирного союза, действие таких трудностей и неудобств значительно сократится. Уйдет в прошлое необходимость военных союзов, создаваемых в целях безопасности или в интересах экспансии, потому что исчезнет возможность возникновения войны; решение международных разногласий силовым путем и свободный всемирный союз — это

* Приложение каждого принципа должно быть разумно ограниченным; в противном случае место живой истины займут фантастические и лишённые какого бы то ни было практического смысла глупости.

два несовместимых представления, которые не могут сосуществовать на практике. Потребность в политике также должна будет исчезнуть; так как осуществляется она в значительной степени в силу самого духа противостояния и вытекающих из этого небезопасных условий международной жизни, распределяющих господство в мире между физически мощными и сильными своей организацией нациями; а из этого складываются военные потребности. При свободном всемирном союзе, решающим свои дела и закрепляющим различия путем соглашений, а в тех случаях, где к такому соглашению прибегнуть не удастся, — при помощи третейского суда, единственным политическим преимуществом включения значительных масс людей, не объединенных в едином государстве, будет мощное движение, возникающее в самой народной массе. Но такое движение не сможет действовать, если включение было произведено вопреки воле наций, входящих в состав одного государства; в этом случае оно станет, скорее, источником слабости и разногласий в международном действии государства; и так будет продолжаться до тех пор, пока международные сообщества будут ценить его только за размеры и численность, игнорируя волю и мнение входящих в его состав народов. Так народы Финляндии и Польши давали возможность увеличить число голосов, которые объединенная Россия могла иметь в совете наций, но воля, настроения и мнения финнов и поляков не имели бы никаких реальных средств выражения в таком механическом и неестественном единстве*. Но это бы противоречило современному пониманию справедливости, здравому смыслу и никак не сочеталось с принципом свободы, единственно который и может гарантировать полноценную ненасильственную основу для такого мироустройства. Так, отмена войны и устранение разногласий мирными средствами избавило бы мир от военной необходимости силовых союзов, в то время как право каждого народа иметь свой голос и особое положение в мире устранило бы их политическую необходимость и особые преимущества. Отмена войны и признание равных прав для всех народов связало бы их внутренними узами. Такая взаимозависимость, возникшая уже, пусть и несовершенным образом, во время Европейского конфликта, должна будет иметь все более широкое распространение по мере того, как человечество начнет решать задачу полного объединения.

Остается еще вопрос экономики; и он оказывается единственной важной проблемой жизненного и материального порядка, способной преподнести при подобного рода мироустройстве самые неожиданные трудности, или же привести к тому, что преимущества унитарной системы перевесят преимущества такого более многогранного единства. Но в любом случае насильственная экономическая эксплуатация одного народа другим, остающаяся пока еще достаточно важной частью современного экономического устройства, должна быть, неизбежно, устранена. Тогда остается возможность своего рода мирной экономичес-

* Включение в Лигу Наций Индии носило аналогичный характер.

кой борьбы, определенной разобщенности, введения искусственных барьеров — то есть то, что так характерно для современной коммерческой цивилизации. Но, вероятно, с устранением борьбы из политической сферы напор борьбы в экономической также сильно ослабеет. Преимущества независимости и господства, которым политическое соперничество, борьба и возможность враждебных отношений придают сейчас такую невероятную важность, потеряют большую часть своей значимости, и станут легко заметны преимущества более свободного взаимобмена. Очевидно, что, к примеру, независимая Финляндия с гораздо большей готовностью будет соглашаться на то, чтобы российская коммерция велась через финские порты, а итальянский Триест — торговать с нынешними австрийскими областями, вместо того чтобы создавать преграды между собой и теми, кто их снабжает. Политически и административно независимая Ирландия, способная самостоятельно развивать сельскохозяйственное и техническое обучение и интенсифицировать свою производительность, найдет гораздо больше преимуществ в том, чтобы участвовать в коммерческой жизни Великобритании, нежели оставаться в изоляции, так же как и Великобритании будет более выгодно иметь дело именно с такой Ирландией, вместо того чтобы содержать ее на правах живущего в ее поместье раба, бедного и голодного. И как только начнет преобладать представление о подобном союзе, как только такой союз начнет складываться, всему миру станет очевидна общность интересов и те серьезные преимущества, которые сулят согласие и взаимное участие в естественным образом организованной жизни, по сравнению с лихорадочным искусственным успехом, создаваемым за счет поддержания разделяющих народы барьеров. Такое поддержание неизбежно при устройстве, обусловленном борьбой и международной конкуренцией; очевидно, что оно будет пагубным для порядка, построенного на мире и союзе, призванном способствовать взаимной адаптации. Принципом свободного всемирного союза будет принцип решения общих дел путем общего соглашения, он не может ограничиваться устранением одних только политических разногласий и устройством политических отношений, но должен естественным образом распространяться и на экономические разногласия и на экономические отношения в целом. К прекращению войн и признанию права народов на самоопределение в качестве третьего условия свободного союза должно быть добавлено устройство всемирной экономической жизни на основе нового порядка при взаимном и общем согласии.

Остаются также вопросы психологического свойства: о развитии души человечества, о его культуре, о его интеллектуальном, моральном, эстетическом и духовном росте. В настоящее время основной потребностью психологической жизни человечества является его рост в направлении большего единства; однако это потребность — в живом единстве, а не во внешних проявлениях цивилизованности, не в облике, не в привычках жить, не в деталях политического, социального и экономического устройства, не в единообразии, превозносящем как раз то единство, к которому ведут устремления технократической цивилизации,

Глава 31. Условия свободного всемирного единства

но потребность в повсеместном свободном развитии при постоянном дружественном взаимообмене, достаточном взаимопонимании и ощущении нашей общей человеческой природы, ее общих высших идеалов и истин, по направлению к которым она движется, а также определенное единство и согласованность усилий в совместном человеческом прогрессе. В настоящее время складывается впечатление, что такому положению дел более всего способствует и помогает многообразие народов и культур, собранных в одно политическое государство-союз, нежели ведущих политически самостоятельную жизнь. Как временная мера это может быть в какой-то степени и верно, но давайте посмотрим в какой именно.

Старое психологическое оправдание насильственного поглощения господствующим народом нации подчиненной определялось правом или привилегией якобы высшей цивилизации насаждать свое влияние среди народов низших или варварских. Например, считалось, что подчиненное положение Уэльса и Ирландии стало великой милостью и благом для их народов, их языков — мелких местных говоров, находящихся на грани исчезновения; и единственный для них путь к цивилизации, культуре и процветанию был в принятии английской речи, английских социальных институтов, английских представлений. Британское владычество в Индии преподносилось как безвозмездный дар английской цивилизации и английских идеалов, неоспоримой и единственно верной религии — христианства — языческому, невежественному и полуварварскому азиатскому народу. Ныне этот миф уже развеян. Теперь со всей очевидностью ясно, что долгое подавление кельтского духа и его культуры, более весомого в духовном смысле, хотя и не столь откровенного в определенных практических направлениях, по сравнению с латинским и германским, было потерей не только для кельтских народов, но и для всего мира. Индия яростно отвергла претензии британской цивилизации, культуры и религии на ее превосходство и подчинилась не столько британским, сколько современным представлениям и методам в политике и склонности к большему социальному равенству; теперь уже ясно, в том числе и достаточно образованным европейским интеллектуалам, что "британизация" Индии была бы бедой не только для самой Индии, но и для всего человечества.

Тем не менее можно возразить, что, несмотря на неудачность самого принципа, подобное объединение вело в конечном итоге к положительным результатам. Хотя Ирландия во многом утратила свою старую национальную речь, а Уэльс лишился живой литературы, все же, компенсируя свое прежнее положение, кельтский дух начинает оживать и накладывать свой отпечаток на английскую речь, используемую миллионами людей, живущими по всему миру, и включение кельтских стран в Британскую империю может способствовать развитию англо-кельтской жизни и культуры в мире даже лучше, чем независимое развитие этих двух народов. И что Индия, овладев английским языком, сумела

Глава 31. Условия свободного всемирного единства

соединиться с жизнью современного мира и перестроить литературу, жизнь и культуру на более значительной основе и теперь возрождение в новой модели ее духа и идеалов оказывает свое воздействие на западную мысль; непрерывный союз этих двух стран и постоянный взаимообмен между культурами, благодаря такому союзу, дает гораздо больше и им, и всему миру, нежели культурная изоляция при независимом существовании.

Есть в этом временная и очевидная правда, хотя в такой позиции не все правда; общее ее значение мы обсуждали при рассмотрении требований империалистического решения путей достижения единства. Но и эта доля правды в ней может быть допущена только при условии, что свободный и равноправный союз сменит современные ненормальные, болезненные и фальшивые отношения. Более того, успехи такого рода могут иметь ценность только как временная стадия на пути к более полному единству, при котором подобная тесная связь не будет иметь того же самого значения. Поскольку конечной целью остается такая всеобщая мировая культура, при которой каждая национальная культура не сливается или сочетается с какой-либо другой культурой, отличной от нее по своей сущности и характеру, но развивается до наибольшей полноты и движется к этому, пользуясь помощью и поддержкой других культур, а также оказывается способной поделиться с ними своими успехами и оказывать на них влияние, содействуя своей независимостью и взаимообменом с ними достижению общей цели и росту представления о человеческом совершенстве. Лучше всего этому будут служить не разобщенность и изоляция, которых можно было бы больше не опасаться, но определенная разнокачественность и независимость жизни, избавленной от необходимости подчиняться механической силе искусственного объединения. Даже в пределах одной независимой нации с успехом могла бы быть претворена в жизнь тенденция к большей местной свободе развития и разнообразия, своего рода возврат к полноценной местной и автономной жизни времен древней Греции и Индии, средневековой Италии; поскольку из жизни исчезнут отрицательные стороны противоборства, политической слабости и неопределенной национальной независимости, в силу того что уйдут в прошлое старые понятия физических конфликтов, но останутся культурные и психологические преимущества. Всеобщую гарантию мира и свободы можно легко использовать для интенсификации настоящих возможностей человеческой жизни за счет вдохновения, за счет полного расцвета интеллектуальной жизни и силы индивидуального, местного, автономного, национального типа в рамках надежного каркаса объединенного человечества.

Какой может оказаться конкретная форма подобного каркаса, невозможно предсказать и бесполезно размышлять об этом; пока что понятен тот набор представлений, которые нужно было бы видоизменить или оставить. Прежде всего привлекает внимание представление о Всемирном парламенте, потому что парламентская форма наиболее привычна нашему мышлению; но законодатель-

Глава 31. Условия свободного всемирного единства

ное собрание современного унитарного национального типа не может быть подходящим средством для свободного всемирного союза столь значительного и сложного типа; она может быть только инструментом унитарного Всемирного государства. Представление о всемирной федерации немецкого или американского типа также будет неприемлемо для более значительного разнообразия и свободы национального развития, которого данному типу всемирного единства придется придерживаться как одного из своих основополагающих принципов. Наиболее подходящим принципом такого единства должен быть, скорее, некий тип конфедерации народов, связанных общечеловеческими интересами, стремящихся устранить все возможные причины борьбы и разногласий во имя установления справедливых взаимоотношений и организации взаимопомощи и обмена, конфедерации народов, оставляющей каждому участнику полную внутреннюю свободу и право для самоопределения.

Но коль скоро подобное более свободное единство установится, что могло бы защитить его от возрождения духа сепаратизма и причин для столкновений и разногласий в таком мощном виде, который способен поставить под удар дальнейшее существование и саму основу такого единства — если вообще этот дух и эти причины позволят ему достичь сколько-нибудь значительных успехов? Унитарный идеал, напротив, ищет возможности стереть проявления всех противоположный ему устремлений, даже искоренить их причины в надежде таким образом гарантировать продолжительность союза. Но можно было бы возразить в ответ, что если такое единство будет достигнуто силой политических представлений и механизмов, под давлением политического и экономического духа, то есть за счет представлений и опыта, обусловленных материальными преимуществами, удобствами, благополучием, сопровождающими объединение, то в таком случае унитарная система не сможет рассчитывать на сколько-нибудь длительную продолжительность своего века. Так как с учетом постоянной изменчивости человеческого мышления и материальных обстоятельств, до тех пор пока жизнь не теряет своей активности, новые представления и перемены просто неизбежны. Подавленное желание возродить утраченный элемент разнообразия, раздельности, независимой жизни могло бы признать значение тех из них, которые стали бы благотворной и необходимой для этого реакцией. Тогда безжизненное единство распалось бы под давлением жизненных потребностей изнутри, подобно тому как распалось безжизненное единство Рима, неспособное ответить на давление изнутри; в этом случае местному, региональному, национальному эгоизму вновь пришлось бы воссоздавать для себя подходящие формы и новые центры.

С другой стороны, при свободном всемирном союзе, даже зарождавшемся изначально на национальной основе, национальное представление, возможно, подвергнется сильному видоизменению; оно даже может раствориться в новой не столь компактной форме и в представлении об иных коллективных образова-

Глава 31. Условия свободного всемирного единства

ниях, единых по духу, но сохраняющих элемент независимости и разнообразия, необходимый и индивидууму, и группе для их полного удовлетворения и полноценного существования. Более того, делая упор на психологическую, а не только на политическую и механическую основу, можно будет обрести более свободную и менее искусственную форму и благоприятную возможность для безопасного развития потребности в интеллектуальных и психологических изменениях; так как только такое внутреннее изменение может дать возможность для продолжительного существования самого объединения. Таким изменением могло бы быть развитие живой идеи или религии человечества; поскольку только так изменится психология самой жизни, ее ощущения, ее направленности, способной научить отдельных людей и целые коллективы жить прежде всего и в основном общечеловеческими представлениями, способной подчинить себе их индивидуальный и коллективный эгоизм, не угнетая ни индивидуальной, ни коллективной силы, а также способной развивать и выражать скрытую в человеке божественность, другими словами, помогая им достигнуть истинной цели бытия, после того как достигнуто определенное устройство материального существования.

Глава 32. Интернационализм

Представление о единой человеческой расе, ведущей общую жизнь и имеющей общие интересы, является, пожалуй, одним из наиболее характерных и выдающихся достижений современной мысли. Европейскую мысль характеризует способность строить заключения на основе жизненного опыта и, не углубляясь в суть, вновь возвращаться к жизни, стремясь изменить ее внешние формы и установления, ее порядок и систему. И подобное представление приобрело в европейском мышлении форму, известную в наше время как интернационализм. Интернационализм это попытка человеческого ума и человеческой жизни превзойти представление и форму нации, даже готовность разрушить их ради того, чтобы создать более широкомасштабный человеческий синтез. Представление, порожаемое этими намерениями, вынуждено в те или иные периоды пристраиваться к любой конкретной силе или к любому развивающемуся качеству жизни, прежде чем оно сможет рассчитывать на практический успех. Но обычно сочетание с интересами и предубеждениями своего союзника-покровителя действует на него пагубно, оно редуцируется, даже искажается и именно в этой форме, уже не чистой и не абсолютной, добывается своего первого практического осуществления.

Представление об интернационализме — это плод мысли 18 века; определенное звучание оно обрело на первых идеалистических этапах Французской революции. Но в то время оно было, скорее, незрелым интеллектуальным настроением, чем определенным представлением, знающим путь своего практического воплощения; ему не удалось найти в жизни достаточной поддержки, чтобы обрести конкретный облик. Не интернационализм, но национализм, полноценный и сознательный, родился в недрах Французской революции, и именно он боролся за жизнь, опираясь на ее поддержку. Далее мы видим, как в течение 19 века это более широкое представление вновь возникает и обретает в умах мыслителей все более ясные очертания, иногда в несколько видоизмененной форме, иногда в своем чисто идеальном виде, и наконец, в союзе с растущими силами социализма и анархизма оно получает конкретный образ и становится явной жизненной силой. В абсолютном виде оно превращается в интернационализм интеллектуалов, нетерпимый к национализму, как ограниченному духу прошлого, презирующий патриотизм, как неразумный предрассудок, как преступный и ограниченный эгоизм, свойственный недалекому мышлению и порождающий надменность, предубеждения, ненависть, угнетение, разобщение и борьбу между народами — такого возрождающегося монстра прошлого, который должен быть уничтожен в процессе развития человеческого разума. Оно опирается лишь на такое понимание вещей, которое рассматривает человека в его человеческом качестве, исключая физические и социальные моменты, происхождение, родство, сословия, цвет кожи, веру, национальность, породившие такое множество стен и преград вокруг человека, что они полностью закрыли его от братьев; человек превратил их в обоснование для тех рвов и

блиндажей, из которых он, защищаясь и нападая, ведет войну с самим собой, войну народов, континентов, классов, войну рас, вер, культур. Все это варварство интеллигент-интернационалист пытается устранить, оставляя человека один на один с самим собой, напоминая о его общечеловеческих предрасположенностях, целях, высших интересах будущего. Его представление полностью футуристично по своему виду; ему отвратительно построенное на борьбе темное благо прошлого, его влечет к более чистому благу будущего, когда человек действительно начнет, наконец, становиться интеллектуальным и этическим существом, отринет все источники предрассудков, страсти, зла. Человечество станет цельным и в мыслях, и в чувствах, а жизнь, вопреки тому, чем она теперь является, обретет свой сознательный статус и будет единой и по земле, и по судьбе.

Сила и благородство такого представления несомненны, и, определенно, человечество, способное построить жизнь на этой основе, создаст лучшую, более чистую, более миролюбивую и просвещенную расу, по сравнению с тем, на что мы могли бы надеяться в настоящий момент. Но для современного человека чистая идея, даже обладающая огромной силой, остается по-прежнему источником огромной слабости. У нее есть неотъемлемое свойство: однажды родившись, она поддерживает человека и заставляет его в конце концов признать ее истинность, приложить усилия для ее воплощения — в этом ее сила. Но именно потому, что человек живет пока внешними, а не внутренними вещами, он руководствуется не столько высшим думающим интеллектом, сколько жизнью как таковой, настроениями, чувствами, привычным образом мысли и действительно ощущает себя при этом живущим, существующим; в то же время мир идей это нечто далекое и абстрактное (хотя, возможно, и достаточно мощное и интересное само по себе) — не живая вещь, но всего лишь чистая идея, остающаяся до тех пор, пока она не воплотилась в жизнь, чем-то не вполне реальным; именно в ее абстрактности, оторванности от жизни и заключена ее слабость.

Именно чувство абстрактности вынуждает это представление несвоевременно и поспешно претворять себя в жизни, обрести форму. Если бы оно доверилось собственной силе, если бы было согласно расти, настаивать, запечатлеть себя, если бы оно прочно закрепилось в человеческом сознании, ему бы удалось стать неотъемлемой частью духа жизни, его постоянной психологической силой, и преуспеть в переустройстве по своему образу всей жизни человека. Но оно жаждет быть признанным как можно скорее в качестве жизненной формы, поскольку без этого не ощущает своей силы и уверенности в том, что ему удастся отстоять собственную правду. Оно спешит проявиться в действии, не осознав себя по-настоящему, и потому вынуждено испытывать разочарование, даже когда кажется, что победа и осуществление близки. Ради успеха оно заручается поддержкой сил и движений, имеющих совсем иные цели, и с готовностью предлагает им свою помощь, дабы они смогли усилить собственные по-

Глава 32. Интернационализм

ложения и требования. И когда ему удастся, наконец, осуществиться, это происходит в смешанной, нечистой и несовершенной форме. Жизнь воспринимает его как частное правило, оно лишается полноты и необходимой искренности. Такова судьба почти каждого представления, добившегося успеха в жизни, и это основная причина того, что в человеческом прогрессе всегда существует что-то нереальное, незавершенное, тягостное.

В настоящее время в человеческой жизни достаточно тенденций и условий, благоприятствующих прогрессу интернациональных представлений. Самой действенной из таких благоприятствующих сил оказывается все более усложняющаяся тесная и взаимосвязанная международная жизнь, множественность точек пересечения и путей консолидации, всевозрастающая общность мышления, науки, знания. Наука в этом плане стала особенной силой, поскольку представляет собой явление общее для всех людей: общее по своим выводам, открытое для всех в своих методах, одинаково ценное для всех своими результатами — международное по самой природе; не может быть национальной науки — возможен только национальный вклад в развитие науки, который является неделимым для всего человечества наследием. Поэтому именно людям науки или тем, на кого она оказала сильное влияние, легче всего прийти к интернационализму; сейчас уже весь мир начинает ощущать научное влияние и жить при его поддержке. Кроме того, наука связала воедино самые разные части мира, и на этой основе складывается характерный тип интернационального мышления. Определенный космополитизм жизни перестал быть чем-то необычным, и уже некоторое количество людей можно было бы в той же или даже в большей степени назвать гражданами не только их собственных наций, но и мира. Рост знания вызывает у народов интерес к искусству друг друга, к литературе, религии, идеям и разрушает множество предрассудков и невежество, исключительность прежних национальных представлений. Религия, которая должна была бы указать путь, но оказавшаяся в большой зависимости от внешних вещей и более подверженная подсознательным, нежели духовным влияниям, в той же, если не в большей мере ответственная за распространение смуты, как и за учение о единстве, религия сама начинает постигать, хотя еще и не вполне отчетливо и малоэффективно, что ее основная задача и истинная цель это прежде всего духовность, и что именно духовность объединяет все религии. Можно надеяться, что по мере того как эти влияния будут усиливаться и вести ко все более сознательному сотрудничеству, необходимость психологического видоизменения будет спокойно, постепенно, но все же непреклонно и со всевозрастающей силой добиваться такого положения, которое сможет подготовить действительное и основополагающее изменение в жизни человечества.

Но сейчас это еще довольно медленный процесс, а тем временем интернациональное представление, достаточно нетерпеливо добивающееся своего осуществления в жизни, сотрудничает и почти отождествляет себя с двумя всевоз-

растающими мощными движениями, претендующими на интернациональный характер: социализмом и анархизмом. Действительно, обычно именно этот союз называют интернационализмом. Но подобный социалистический и анархический интернационализм был подвергнут достаточно суровому испытанию мировой войной и в ходе этой проверки обнаружил свою полную несостоятельность. В каждой стране социалистическая партия легко и просто распространила свои социалистические обещания; немецкий социализм, поборник этой идеи, мощно лидирует на пути чудовищного отречения. Справедливо и то, что в каждой стране всегда оставалось некоторое количество людей, либо героически верное его принципам, либо же возвратившееся к ним сразу же, как только возросло общее утомление страшной международной бойней; даже большинство проявило к нему известное сочувствие; но это было, скорее, результатом обстоятельств, чем итогом убеждений. Русский социализм, надо заметить, продемонстрировал, по крайней мере в своем внешнем выражении, более основательное чувство интернационализма. Хотя в действительности он пытался установить власть рабочего класса на чисто националистической основе, достаточно неагрессивной, если не считать его революционных целей и потребностей самообеспечения, а не на основе более широкомасштабного интернационального представления. Во всяком случае, практические результаты русской политики демонстрируют пока только неспособность этого представления обрести какую-то жизненную силу и действенность, чтобы дать ему оправдание в жизни; их можно использовать, скорее, как убедительный довод против интернационализма, чем в пользу его истинности, или, по крайней мере, его приемлемости на современной стадии человеческого развития.

Но в чем причина почти полного банкротства идеала интернационализма при его столкновении с жизнью? Отчасти это может объясняться тем, что победа социализма не связана непосредственно с ростом интернационализма. Социализм — это, по сути, попытка завершить развитие общества национального типа; он принуждает индивидуальность делать нечто, ей дотоле несвойственное, — жить прежде всего интересами общества. Социализм возникает на национальной, а не на интернациональной основе. Несомненно, что после того, как будет сформировано такое общество в пределах одной нации, можно и нужно будет создавать общество, состоящее из подобных наций; но это уже следующий возможный или конечный результат социализма, а вовсе не первая его потребность. В перипетиях жизни обычно слышен голос главной жизненной необходимости, в то время как другой, не столь насущный элемент вынужден оставаться просто представлением, еще не готовым для своего претворения; он обретает силу только став либо жизненной, либо психологической потребностью. Действительная правда и причина неудачи интернационализма в том, что он пока еще остается для большинства, не считая отдельных исключительных личностей, просто представлением; он еще далек от наших жизненных настроений и не стал частью нашей психологии. Обычный социалист или синдикалист не

Глава 32. Интернационализм

может избежать общего человеческого чувства и на поверку оказывается, даже исповедуя в повседневной жизни *sans-patrie*, националистом. Более того, как показала жизнь, подобные движения складывались как поддерживаемый немалым числом интеллектуалов протест рабочего класса против установленного порядка; с интернационализмом они сотрудничали просто потому, что он представлял собой протест, хотя и интеллектуальный, и потому, что его представления помогали им в этой борьбе. Если рабочему классу удастся прийти к победе, будет ли он сохранять или распространять свои интернациональные настроения? Опыт стран, в которых он оказывается или оказался во главе, не дает вдохновляющего ответа, и можно, по крайней мере, сказать, что до тех пор пока психологическое изменение человечества не пойдет гораздо дальше того, которое мы сейчас имеем, рабочий класс, вероятно, более расположен будет утратить чувство интернационализма, нежели его сохранить, и будет действовать, скорее, в рамках старых человеческих настроений.

Без сомнения, империалистическая война сама решительно взорвала то, что было опасным и вредным в преуспевавшем национализме, и ее пожар мог вполне превратиться в очистительный процесс, сжигающий все, чему следовало умереть. Ей удалось усилить интернациональные настроения и навязать их правительствам и народам. Но нельзя слишком доверять представлениям и выводам, сложившимся в период невероятного кризиса, под яростным натиском исключительных обстоятельств. Тем не менее определенный результат все-таки был налицо: возникло первое понимание более справедливых принципов ведения международных дел и международной политики, способствующее лучшему, более разумному или, по крайней мере, более удобному международному устройству. Но до тех пор пока это представление человечества не сформируется в настроении, в чувствах, в естественных симпатиях и разумных привычках человека, а не только в его уме, прогресс, вероятно, будет наблюдаться более во внешних средствах, нежели в самой ткани жизни, скорее, в использовании этого идеала ради смешанных и эгоистических целей, нежели непосредственно для скорейшей и полной его реализации. До тех пор пока человек не готов к нему внутренне, невозможно никакое глубокое изменение условий мира; или оно может быть навязано силой, физической силой или силой обстоятельств, при том что вся действительная работа останется неисполненной. В этом случае может быть заложена только основа, но тогда душе придется вращаться в это механическое тело.

Глава 33. Интернационализм и человеческое единство

Представлению об интернационализме, которое уже действует на наше сознание и даже в некоторой степени исподволь влияет на наши действия, должны будут, в таком случае, оказать поддержку и насущная потребность в нем, и это серьезное препятствие, и они, превратив его из простой, пусть и достаточно сильной, идеи во что-то более вещественное, сделают его центральной темой и неотъемлемой частью человеческой природы. Удовлетворение его должно стать психологической потребностью, подобно тому как стали психологическим мотивом, требующим своего удовлетворения, семья или нация. Но как этого достичь? Представление о семье утвердилось в жизни на основе изначальных жизненных потребностей человека, и оттого оно без особого труда стало психологическим мотивом и потребностью, поскольку наиболее готовыми и сильными ментальными побуждениями и психологическими потребностями оказываются те, что произошли от низших инстинктов и надобностей. Подобное же происхождение имели родовые и племенные отношения, уже вторичные и не столь необходимые и потому более свободные и легче расторгимые; но все же они произошли от жизненной потребности человеческой природы создавать сообщества и на уже готовой основе, укреплявшейся по мере того как семья перерастала в род и племя. Они были естественными сообществами, эволюционными формами, сложившимися уже на животном уровне.

Национальное представление, напротив, возникло не из первоначальной жизненной потребности, но из потребности, если можно так выразиться, второго или даже третьего порядка, связанной не с чем-то неотъемлемо присущим нашей жизненной природе, но с определенными обстоятельствами, с эволюцией окружающих условий; оно возникло не от жизненной, но от географической и исторической потребности. И поэтому, надо отметить, создавалось обычно при помощи силы, силы обстоятельств, физической силой — властью короля и победившего племени, превратившегося в военное и господствующее государство. Или же оно складывалось как реакция на действие силы, как протест против завоевания и господства, и так или иначе вело к сплоченности народов, которые, несмотря на свою географическую или даже историческую и культурную общность, не имели достаточной сплоченности и слишком были привержены исходной разнородности, местным и региональным или каким-то иным разделением. Но сама потребность продолжала сохраняться: после множества неудач и ложных успехов возникла форма нации, а психологический мотив патриотизма, как признак сложившегося национального я, обрел форму, став выражением ее духа и гарантией долговечности. Поскольку без такого духа, без такой психологической силы и присутствия ее в структуре ничто не может гарантировать ее долговечности. При их отсутствии, какие бы условия ни складывались, нация всегда будет легко разрушаемой. Именно поэтому древнему миру не удалось создать нацию, но только незначительные малые рода и небольшие местные народности, недолговечные и не связанные жесткой структурой; он сумел породить ис-

Глава 33. Интернационализм и человеческое единство

кусственные империи, распадавшиеся впоследствии и оставлявшие после себя только хаос.

Что тогда выполнит роль катализатора, способного вывести международное единство из неконтролируемых потуг начальной стадии? Какая насущная потребность его определит? Если мы руководствуемся только внешними проявлениями, такая потребность оказывается гораздо менее конкретной и не столь очевидной, по сравнению с тем, что ей предшествовало. При поверхностном наблюдении такой потребности не видно; человечество, как целое, может вполне обойтись без международного единства, пока все остается как есть; оно, правда, будет далеко от совершенства, от рациональной или идеальной коллективной жизни — но где, в конце концов, в человеческой жизни или обществе мы видим хоть какое-то совершенство, рациональное или идеальное? Пока, по крайней мере, нигде; и тем не менее нам как-то удается справляться с жизнью, потому что наша жизненная суть, витальный человек, тот, кто определяет инстинкты и действия, не заботится о таких вещах и довольствуется любой приемлемой формой жизни или же согласованной случайно или отчасти, поскольку это все, к чему он привык, и в чем, следовательно, нуждается. Те, кто недоволен — мыслители, идеалисты — всегда остаются в меньшинстве, в конечном счете в неэффективном меньшинстве, потому что, даже если им и удастся добиться хотя бы частичной победы, она обязательно оборачивается поражением; так как в большинстве, по-прежнему, витальный человек, и он низводит до мелочной пародии любую их разумную надежду, любой ясно различаемый ими идеал или настойчивый призыв к совершенству.

Географической потребности в такого рода объединении не возникнет до тех пор, пока мы полагаем, что оно уже было создано тем, что Земля с ее обитателями обрела большую цельность средствами науки с ее мечтой о преодолении расстояний и разрушении барьеров. Что бы ни сулило нам будущее, этого явно недостаточно; Земля все так же велика, а ее разобщенность слишком очевидна, и без формального объединения никак не обойтись. Если и есть какая-нибудь настоящая потребность в этом, ее можно было бы назвать — если такой эпитет применим к настоящему и будущему — исторической потребностью, то есть потребностью, возникающей в результате действия определенных обстоятельств, которые ведут к развитию интернациональных отношений. Это необходимость экономического, политического, механического характера, способная при известных условиях выполнить некую пробную или предварительную работу по созданию скелета того организма, который впоследствии мог бы оживить его явлением психологического единства. Однако она еще не настолько жизненна, чтобы стать именно потребностью; поскольку сопряжена, главным образом, с потребностью в устранении определенных опасностей и неудобств, вроде постоянной угрозы войны, и наибольший интерес вызывает как возможное средство для улучшения международного сотрудничества. Но все это созда-

ет только возможность, даже не внутреннюю определенность, первого незрелого наброска и общей схемы искомого единства, которая может привести, но может и не привести к чему-то более конкретному и реальному.

Однако помимо внешних условий существует еще иная сила, которую мы вправе принять во внимание. Так как за всеми внешними обстоятельствами и потребностями, без особого труда распознаваемыми нами в Природе, всегда остается внутренняя потребность бытия, воля и желание самой Природы, которые предшествуют внешним признакам ее развития, и вопреки всем препятствиям и неудачам, неизбежно должны дать себе в конце концов возможность осуществиться. Сейчас мы открываем эту истину повсюду, вплоть до самых низших форм Природы; в самом зародыше жизни, в самом сердце Природы присутствует воля, хотя она и не вполне сознательна, или сознательна лишь отчасти. Это — подсознательная или, если хотите, несознательная и пока еще слепая воля, молчаливая идея, уже содержащая ту форму, которую она стремится создать; ей ведома иная, не обусловленная внешними условиями, потребность — потребность, заключенная в самой сути бытия, и она настойчиво и неуклонно создает ту форму, которая лучше всего будет отвечать этой потребности, несмотря на наши попытки вмешаться или воспрепятствовать ее действиям.

Это верно биологически, хотя в более тонком и измененном виде верно и психологически. К настоящему моменту главная особенность природы человека — это индивидуальность, подчеркивающая и развивающая особые свойства, для того чтобы расширить свою силу и влияние; однако скрытые за ней Идея и Истина побуждают ее к объединению с другими представителями вида, к соединению с ними или привлечению их на свою сторону для создания группы, объединения, коллектива. А если есть такое сообщество или коллектив, которые она могла бы создать, но еще не создала, можно быть уверенными, что и их она также в конце концов сформирует. Эта скрытая воля будет не всегда, а часто и не вполне сознательна или предсказуема; но и будучи подсознательной она в конечном счете оказывается непреложной. А если она проникает в сознательный разум человека, как сейчас происходит с представлением об интернационализме, мы можем быть уверенными в ее более стремительном развитии. Такая скрытая в Природе воля создает или стремится создать благоприятные для себя внешние условия и обстоятельства путем определенного развития событий. И даже если они оказываются недостаточными, все же эта воля, стоящая за ними, использует их вне зависимости от их внешнего эффекта, не беспокоясь о неудаче, так как знает, что в конце концов она добьется своего, а каждый случай неудачи будет лишь способствовать усовершенствованию конечного результата.

В таком случае можно было бы предложить просто довериться неумолимой воле Природы, последовать за ее методом действия и создать необходимый каркас — любой каркас сообщества, раз уж ей ведома совершенная форма, которую она намерена проявить; и она в конце концов выработает ее, силой ли са-

мого представления и нашего стремления реализовать его, с помощью ли неутомимой силы обстоятельств и всевозможного давления, а если будет нужно, то и физической силой, которая, по-видимому, остается пока еще частью неизбежного механизма действия Природы. Пусть он возникнет; пусть родится вначале организм, а в нем уже будет постепенно формироваться новый дух. И не важно, что созданный организм будет искусственным, без всякой оживляющей его психологической реальности, либо лишь с весьма незначительной поддержкой с ее стороны. Она может начать складываться сразу же, как только будет сформирован сам организм, так как нация тоже вначале формировалась на более или менее искусственной основе из несовместимых элементов, сводимых вместе необходимостью подсознательного представления, хотя явными при ее создании были только физическая сила и сила обстоятельств. И подобно тому как национальное эго формировалось при отождествлении себя с географическим телом нации и развивалось в нем, а психологический инстинкт национального единства и необходимость его удовлетворения складывались уже на его основе, коллективное человеческое я также могло бы развиваться в международном организме и создавать в нем психологический инстинкт человеческого единства и необходимость его удовлетворения. Это и будет залогом его продолжительности; и возможно, по мере развития событий человек станет тем, кто он есть. Надо сказать, что если нам не удастся добиться ничего лучшего, все так и будет происходить, поскольку единство должно быть достигнуто.

В свете этих предположений мы можем вкратце рассмотреть основные возможности и силы, которые ведут нас в нужном направлении в современных мировых условиях. Старый способ объединения на основе победы одной какой-то великой державы, способной покорить часть мира силой, а остальным народам навязать положение колоний, протекторатов и зависимых союзников, полностью формирующей основную структуру великого окончательного объединения — по типу Римской империи — в наши дни, по-видимому, невозможен. Он требует значительного превосходства силы на суше и на море*, несомненно более совершенной науки и, вместе с тем, организации постоянного успеха в дипломатической сфере и невероятно благоприятной судьбы. Если война и дипломатия будут продолжать, как и в прошлом, играть существенную роль в международной политике, можно смело предсказать, что такого сочетания не возникнет; если же другие методы не принесут успеха, может подействовать и этот, так как нет ничего такого, что можно было бы считать однозначно невозможным в будущем: настойчивость Природы всегда создаст необходимый подход. Но в настоящий момент нет, по-видимому, никаких свидетельств, подтверждающих такую возможность. С другой стороны, существует, у всей ли земли или, по крайней мере, у трех континентов восточного полушария, весьма вероятная

* А теперь и в небе.

возможность оказаться во власти трех-четырех великих империй, распространяющих свое всевозрастающее господство, сферы влияния, протектораты и упражняющихся тем самым в своем превосходстве, которое они могут утверждать либо при помощи соглашений, избегая причин для конфликтов, либо путем соперничества, которое вполне может стать причиной новых войн и перемен в мире. Именно это и послужило причиной Европейского конфликта.

Но такая возможность столкнулась с возрождением национальной идеи, выразившейся в новой формуле самоопределения, которое великие мировые империи вынуждены были признать, по крайней мере, на словах. Представление о международном единстве, к которому вело вторжение вновь ожившей силы национализма, приобрело форму так называемой Лиги Наций. Однако на практике Лига Наций в современных условиях или тех, которые возможны в ближайшем будущем, будет по-прежнему означать установление над Землей контроля нескольких великих держав — контроля, ограничивать который могли бы только необходимость иметь расположение и поддержку меньших и не таких могущественных, но более многочисленных наций. И решение всех важных и сомнительных вопросов основывалось бы на силе влияния этих нескольких держав. Без согласия Лиги не может быть никакого шанса утвердить решение большинства против любой сопротивляющейся великой державы или союза держав. Рост демократических институтов мог бы, конечно, несколько уменьшить вероятность конфликта и злоупотребления силой — хотя все это и не так однозначно; но действительного характера такого союза они изменить не смогут.

Никакие из этих условий не обещают в ближайшем будущем той формы объединения, которая дала бы место чувству подлинного психологического единства и, менее того, неизбежность его роста. Такая форма, может быть и появится; но это уже вопрос того, насколько мы доверяем случайности или хотя бы уже проявленному требованию Природы, выраженному в идее интернационализма. С этой точки зрения была возможность, которая, казалось, могла бы неожиданно и быстро принести свои плоды: появление во всех преуспевающих странах мира сильной партии, возлагавшей надежды на интернационализм, сознающей его необходимость как первого условия для достижения других стоящих перед ними целей, способствующей тому, чтобы они признали его первостепенное значение, и объединились в интересах его осуществления. Союз интеллектуалов с рабочим классом, который привел к созданию социалистических партий в Германии, России и Австрии, а также способствовал появлению лейбористской партии в Англии и возникновению ее копий в большинстве стран Европы, движется, похоже, именно к этому. Мощное всемирное движение, утвердившее интернационализм и власть рабочего класса в качестве двух своих главных принципов, уже привело к революции в России и готово, по-видимому, осуществить следующую великую социалистическую революцию в централь-

ной Европе. Возможно, что эта партия сможет сплотить свои ряды повсюду. Чередой революций, имевших место в 19 веке, и последовавшим за ними менее насильственным, но все же довольно стремительным развитием, или даже простым обретением большинства голосов в каждой стране, эта партия вполне может начать контролировать всю Европу. Она может создать подобные ей образования во всех американских республиках и азиатских странах. Она может, используя механизм Лиги Наций или, применяя, где необходимо, физическую силу, экономическое или иное давление, предложить всем народам объединиться или вынудить их к этому, прибегнув к более жесткой системе международного сообщества. Может возникнуть Всемирное государство или же весьма сплоченная конфедерация демократических народов с общим руководящим органом для принятия законов и решения общих важных дел или, по крайней мере, дел и проблем, имеющих международное значение; может установиться общий для всех наций закон, а для его претворения в жизнь — международный суд или некий вид системы международного полицейского контроля. И таким образом, при победе какого-то представления, социалистического или иного рода, может возникнуть достаточно формальное единство, имеющее целью организовать человечество в соответствии с собственной моделью или иным непредвиденным образом.

Тогда возникает вопрос, как из этого чисто формального объединения может быть создано настоящее психологическое единство, и может ли оно превратиться в единство живое. Так как простое формальное, механическое, административное, политическое и экономическое объединение не обязательно порождает единство психологическое. Ни одна из великих империй так и не сумела этого добиться, и даже в Риме, которому некоторое чувство единства все же было свойственно, так и не возникло ничего близкого к живому единству; ему не удалось отразить все внутренние и внешние удары и предотвратить то, что было много более опасным — возможность распада и потерю жизнеспособности, к которым привело сокращение естественных элементов свободного разнообразия и полезной борьбы. У полного всемирного союза есть, в действительности, то преимущество, что ему можно больше не бояться внешних сил, так как они перестанут существовать. Но отсутствие внешнего давления может, тем самым, предоставить пространство и силу элементам внутренней дезинтеграции и еще более благоприятную возможность для распада. Оно в состоянии достаточно долго поощрять внутреннюю интеллектуальную и политическую активность и социальный прогресс, поддерживающий его в жизнеспособном состоянии, но сам принцип прогресса не всегда будет застрахован от естественной склонности к истощению и застою, наступление которых может быть ускорено не только сокращением разнообразия, но и просто удовлетворенностью социальным и экономическим благополучием. Тогда, для того чтобы вернуть человечество к жизни, потребуется разрушение единства. И точно так же как Римская империя была очарована идеей римского единства — искусственного и случай-

ного принципа, Всемирное государство будет очаровано идеей человеческого единства — реального и жизнеспособного. Но если идея единства оказывается привлекательной для человеческого разума, это может случиться и с идеей независимой жизни, так как обе они обращены к жизненным инстинктам его природы. И кто гарантирует, что последнее не возобладает, когда человек, добившись единства, обнаружит, возможно, что его преимущества не несут удовлетворения всей его природе? Только рост мощного психологического фактора даст ему понимание необходимости единства, какие бы еще изменения и манипуляции ни оказывались желанными для удовлетворения иных его потребностей и инстинктов.

Формальное объединение человечества может прийти только в виде некой системы, которая, возникнув, и пройдя определенный этап развития, достигнет в конце концов своей кульминации. Но каждая система по самой природе вещей склонна после кульминации начать распадаться и умирать. Для того чтобы предохранить себя от распада и смерти, организм должен обладать такой психологической реальностью, которая позволит пересилить и пережить все органические изменения тела. У наций она представлена коллективным национальным самосознанием, которое сохраняется, несмотря ни на какие перемены в жизни. Но это самосознание не достижимо каким-либо методом: оно самосуще и бессмертно; его поддерживают определенные вещи, с которыми оно отождествляется. Во-первых, существует географическое тело, страна; во-вторых, общие интересы тех, кто в этой стране обитает: защита, экономическое благополучие и прогресс, политическая свобода и т.д.; в-третьих, общее имя, характер, культура. Но надо отметить, что национальное самосознание своей жизнью обязано соединению инстинкта независимости с инстинктом единства; так как нация чувствует себя единой благодаря своему отличию от других наций; а своей жизнеспособностью она обязана взаимодействию и борьбе с ними во всех активностях ее природы. Но этого еще недостаточно; есть более глубокий фактор. Должна существовать своего рода разновидность религии страны, постоянное, но не всегда, правда, ясное понимание священного характера не только самого физического истока, земли, но также (хотя, возможно, и не столь конкретное) и его народа, олицетворяющего собой коллективную душу; каждый принадлежащий ей человек должен заботиться о сохранении ее жизни, защищать от угнетения и смертельных опасностей, а если она оказывается в угнетенном положении, искать ее спасения и свободы, ждать их и бороться за них, а в случае возникновения какой-либо фатальной духовной болезни, не покладая рук стремиться исцелять и оживлять ее, защищать ее жизнь.

Всемирное государство даст своим обитателям значительные преимущества для мира и экономического благополучия, для общей безопасности и союза в интересах интеллектуальной, культурной, социальной активности и прогресса. Но одного этого еще недостаточно, чтобы привести к созданию необходимо-

го психологического фактора. Мы все жаждем мира и безопасности, поскольку их явно не хватает; но нам надо помнить, что человек несет в себе потребность сражаться, достигать, бороться, почти что требует их для своего роста и полноценного существования; этот инстинкт будет в значительной степени подавлен всеобщим миром и полной безопасностью, и он вполне может восстать против такого подавления. Одного экономического благополучия недостаточно для полного удовлетворения, и цена, которой оно достигается, может оказаться довольно высокой и тем самым уменьшить его привлекательность и ценность. Человеческий инстинкт к свободе, индивидуальный и национальный, также может стать постоянной угрозой Всемирному государству, пока оно не организует систему столь искусно, чтобы обеспечить им возможность свободного проявления. Общая интеллектуальная и культурная активность и прогресс способны на многое, но их одних еще недостаточно для того, чтобы привести к появлению требующегося мощного психологического фактора. Сложившееся коллективное могло бы быть уверенным только в инстинкте единства; так как оно окажется в конфликте с инстинктом независимости, который дает национальному "я" половину его жизнеспособности.

Нельзя сказать, что необходимый внутренний фактор для такого внешнего скелета не мог бы быть постепенно создан в процессе самого развития, однако для этого должны появиться определенные достаточно сильные психологические элементы. А для того, чтобы сделать изменения устойчивыми, была бы нужна некая общечеловеческая религия или эквивалентное ей настроение намного более мощное, ясное и сознательное, универсальное в своей привлекательности, по сравнению с национальной религией страны; было бы нужно отчетливое восприятие человеком, всей его мыслью и жизнью, единого общечеловеческого духа, воплощением и формой которого является каждый человек и каждый народ; было бы нужно возвышение человека над принципом эго, я, сильного своей отдельностью, но без разрушения его индивидуальности, отсутствие которой ведет к застою; нужен такой тип и такое устройство общей жизни, которые дали бы возможность проявляться свободно индивидуальному разнообразию, взаимообмену при таком разнообразии и потребности в успехе и победе, благодаря которым человеческая душа живет и стремится к величию, а также достаточные средства выражения всей многогранной жизни и роста в пластичной и развивающейся форме человеческого общества.

Глава 34. Общечеловеческая религия

Общечеловеческой религией может быть либо некий идеал, взывающий к разуму и чувствам, живой догмат, обладающий интеллектуальным, психологическим и практическим действием, либо же определенное духовное вдохновение и закон жизни — отчасти признак, отчасти причина изменений общечеловеческого духа. Интеллектуальная религия человечества уже в какой-то мере существует — отчасти как сознательная вера немногих, отчасти как неявный намек, присущий сознанию всей человеческой расы. Тень не родившегося, но готовящегося к рождению духа. Наш материальный мир, помимо воплощенных в нем вещей настоящего, населен также мощными тенями, призраками уже мертвых вещей и духом вещей, еще не родившихся. Призраки мертвых вещей — это очень беспокойные реальности; их полным-полно: призраков мертвых религий, мертвых искусств, мертвой морали, мертвых политических теорий, настаивающих либо на сохранении своих разлагающихся тел, либо же на поддержании, хотя бы отчасти, их основы. Однообразно повторяя священные формулы прошлого, они завораживают обращенное к ним сознание и устрашают даже прогрессивную часть человечества. Но есть еще духи не рожденные; они не в состоянии пока принять конкретное тело, но они уже воплотились в мысленных представлениях и существуют как влияния, которые человеческий ум осознает и которым отвечает неким несвязанным и невразумительным образом. Общечеловеческая религия была порождением ума 18 века, *манаса путра (mānasa putra)** рациональных мыслителей, которые выдвинули ее как заменитель формальной духовности официального христианства. Первой ее формой стал позитивизм, пытавшийся сформулировать догматы этой религии, но на слишком тяжелой и чересчур рационалистической, даже для восприятия Века Разума, основе. Ее наиболее выдающимся эмоциональным результатом стал гуманизм. А филантропия, служение обществу и тому подобные типы деятельности — внешним выражением ее благих начинаний. Демократия, социализм, пацифизм также во многом оказались ее производными или, по крайней мере, обязанными своей силой ее внутреннему присутствию.

Ее основополагающая идея в том, что человечество это божество, и человек должен почитать его, служить ему, а главная обязанность и цель человеческого духа — способствовать и служить развитию человека и его жизни, уважать их. Никакой иной идол, нация, государство, семья и тому подобное не могут занять их место; все прочее достойно уважения только в том случае, если

* "Ребенок, родившийся в уме" — мысль и выражение космологии индийских Пуран¹.

1. *Пураны* (санскр.) — канонические тексты индуизма, наиболее древние восходят к сер. 1-го тыс. до н.э. Но основные относятся ко 2-ой половине 1 тыс. Наиболее ценными в литературном и историческом отношениях считаются Маркандея-пурана, Ваю-пурана, Вишну-пурана, Бхагавата-пурана, Матсья-пурана.

Глава 34. Общечеловеческая религия

становится выражением человеческого духа и оберегает его присутствие и цель его самовыражения. Но в тех случаях, когда почитание этих идеалов стремится возвыситься над человеческим духом и выдвигает требования, несовместимые со служением ему, их нужно отвергать. Никакие предписания прежних вероисповеданий, религий, никакие политические, социальные и культурные каноны не будут обоснованными, если они идут вразрез с его требованиями. Даже наука — первая среди новых идеалов — не вправе требовать того, что противоречит его этическому характеру и цели, так как наука ценна до тех пор, пока помогает и служит своим знанием и прогрессом этой общечеловеческой религии. Война, капиталистическое принуждение, посягательство на человеческую жизнь, жестокости любого рода, которым подвергается индивидуальность со стороны государства или общества — не только физические, но и психологические жестокости, деградация человеческого существа или любого класса человеческих существ под любым предлогом или в любых интересах, угнетение и эксплуатация человека человеком, одного класса другим, одной нации другой, и все нормы жизни, а также общественные институты, поддерживающие это и допускаявшиеся прежними религиями и моралью, даже поощрявшие их на деле, какими бы ни были они в своем идеальном законе и вере, являются преступниками против общечеловеческой религии, отвратительными для этического разума, запрещенными ее основными догматами — с ними необходимо постоянно вести борьбу, не приемля их ни под каким видом. Человек — существо святое, безотносительно расовых различий, веры, цвета кожи, национальности, положения, политического и социального успеха. Достоин уважения физический облик человека, его необходимо защищать от насилия и оскорбления, оберегать методами науки от болезней и преждевременной смерти. Священна человеческая жизнь, ее необходимо оберегать, усиливать, облагораживать и возвеличивать. Но священно и человеческое сердце, его эмоциональное существо, оно должно обладать свободой, быть защищено от насилия, угнетения, механизации, освобождено от умаляющих его значение влияний. Разум человека должен быть освобожден от всех его оков, ему должна быть предоставлена свобода, простор, благоприятная возможность, он должен быть наделен всеми возможностями для обучения и развития, для организации себя в пределах своих возможностей для служения человечеству. Но такое отношение нельзя воспринимать лишь как абстрактное и религиозное настроение, ему непременно надо искать полное и практическое выражение в людях, в нациях, в человечестве. Это, в целом, и есть смысл и дух интеллектуальной общечеловеческой религии.

Нужно только сравнить жизнь, мысль и чувства людей один или два века тому назад с жизнью, мыслями и чувствами людей предвоенного периода, чтобы увидеть сколь велико влияние этой общечеловеческой религии и как плодотворно было ее воздействие. Она довольно стремительно обрастает такими вещами, которых ортодоксальной религии не удавалось достичь главным образом еще и потому, что ее действие оказалось сродни интеллектуальному и критичес-

Глава 34. Общечеловеческая религия

кому растворителю, она подобно беспощадному противнику, выступающему против всего установленного, и решительному поборнику грядущего, неуклонно стремящемуся к будущему, в то время как ортодоксальная религия в союзе с силами настоящего и даже прошлого ограничила себя договором и способна действовать в лучшем случае как успокоительная, но никак не реформирующая сила. Более того, эта религия верит в человечество и его земное предназначение и поэтому может способствовать его земному прогрессу, в то время как ортодоксальные религии смотрели на земную жизнь человека глазами, полными слез и печали, и были всегда готовы заставить его сносить ее смиренно и покорно, даже признать, что вся ее грубость, жестокость, любое угнетение, судилище — это всего лишь средства научиться ценить и добиваться лучшей жизни, которая дарована будет впоследствии. Вера, даже интеллектуальная вера, всегда будет оставаться поборником чудес; эта же общечеловеческая религия, даже не приняв еще конкретной формы или некой вынужденной формы и не обретя еще видимых средств для самоисполнения, уже смогла сделать достаточно много из того, что она намеревалась исполнить. Это в какой-то мере гуманизированное общество, гуманизированные закон и система наказания, более гуманное отношение человека к человеку, запрещение пыток и грубых форм рабства, возвышение угнетенных и падших, надежда на гуманность, поощрение филантропии, милосердия и служения человечеству, повсеместная жажда свободы, обуздание угнетения и сильное смягчение его наиболее зверского выражения. Ей почти удалось добиться некоторого успеха в гуманизации войны и, возможно, она смогла бы достичь полного успеха, если бы не противоположная ориентация, к которой склонна современная нация. Она дала человеку возможность считать, что мир можно себе представить свободным от войны и помимо ожидаемого царствия небесного христиан. Во всяком случае, изменение зашло настолько далеко, что теперь уже не мир оказывается интерлюдией непрекращающихся войн, но война стала интерлюдией, хотя и слишком частой интерлюдией все еще вооруженного мира. Возможно, это не слишком значительный шаг, но все же шаг вперед. Она утвердила новые представления о человеческом достоинстве и его воспитании, саморазвитии и потенциальных возможностях. Она распространила просвещение; она заставила человека почувствовать большую ответственность за прогресс и счастье всего человечества; она пробудила чувство собственного достоинства и способности у средней части человечества; она вселила надежду в раба и уверенность в угнетенного, уравнила трудящегося в человеческом достоинстве с богатым и сильным. Поистине, если мы сопоставим то, что есть, с тем, чему бы следовало быть, действительное достижение с идеалом, все это покажется не более чем ограниченными предварительными движениями. Но все это стало замечательным достижением полуторавековой или несколько более длительной работы невоплощенного еще духа, вынужденного действовать при помощи тех посредников, которых ему удастся найти и, не имеющего своей формы, прибежища или видимого механизма для конкретной

Глава 34. Общечеловеческая религия

работы. Но, возможно, именно в этом и состояла его сила и успех, поскольку тем самым он был застрахован от кристаллизации в некую форму, от окаменелости или, по крайней мере, от потери более свободного и тонкого действия.

Но все же для того, чтобы обрести полноту в будущем, это представление, эта общечеловеческая религия должна сама стать более ясным, настойчивым и категоричным императивом. Так как иначе она проявится ясным представлением лишь в умах немногих, а на основную массу людей будет оказывать некоторое смягчающее влияние и не сможет стать общечеловеческой нормой жизни. И до тех пор пока это положение не изменится, ей не удастся полностью возобладать над своим принципиальным врагом. Этот враг, враг всякой настоящей религии — человеческий эгоизм: эгоизм индивидуальный, эгоизм классовый, эгоизм национальный. Она может его на время смягчить, видоизменить, обуздать наиболее высокомерные, явные и жестокие его проявления, вынудить использовать более подходящие институты, но не заставить ни любить человечество, ни признать истинное единство всех людей. Так как целью общечеловеческой религии, как и земной целью всех человеческих религий, должна быть любовь, общее признание человеческого братства, живое ощущение общечеловеческого единства и практическое его претворение в мыслях, чувствах и жизни — идеалом, который несколько тысяч лет назад впервые прозвучал в древнем ведическом гимне* и который всегда должен оставаться высочайшим предписанием заключенного в нас Духа по отношению к человеческой жизни на земле. И до тех пор пока он не достигнут, общечеловеческая религия не будет совершенной. Достижение же его сделает действенным одно необходимое психологическое изменение, без которого никакое формальное и механическое, административное или политическое единство не сможет стать действительным и надежным. Если же оно будет достигнуто, тогда внешнее объединение будет, возможно, даже и необязательным, а если и обязательным, то произойдет естественным образом, иным, нежели сейчас кажется реальным, — не путем катастрофы, но в результате требования человеческого разума, и будет устойчиво поддерживаться главной потребностью нашей совершенствующейся и развивающейся человеческой природы.

Но остается вопросом, достанет ли общечеловеческой религии разума и чувств, для того чтобы осуществить столь значительное изменение в нашей психологии. Слабость интеллектуального представления, даже когда оно находит поддержку в чувствах и эмоциях, состоит в том, что оно не затрагивает центра человека. Интеллект и чувства это только его инструменты, и они могут быть инструментами либо его более низшей, внешней формы, либо внутреннего высшего существа, исполнителями его я или проводниками его души. Цель общечеловеческой религии, гуманизма, была сформулирована в 18 веке некой

* Ригведа, X, 191.

Глава 34. Общечеловеческая религия

изначальной интуицией; и она по-прежнему состоит в том, чтобы перестроить человеческое общество по образу и подобию трех родственных идей: свободы, равенства и братства. Ни одной из них не удалось, несмотря на достигнутый прогресс, добиться победы. Свобода, которая громогласно была провозглашена основой современного развития, остается внешней и механической, а потому неистинной свободой. Равенство, которого впоследствии так настойчиво искали и за которое сражались, остается равенством внешним и механическим, а значит, ненастоящим равенством. Братство, как практический организующий принцип жизни, даже не было еще и провозглашено, а то, что выдвигалось как его заменитель, — это чисто внешний и механический принцип некой общности интересов или, в лучшем случае, трудовое товарищество. Именно поэтому гуманистическому представлению приходится в этом интеллектуальном веке прятать истинный характер религии и свою причастность к сущности души и духа и более рассчитывать на житейский и физический здравый смысл человека, нежели на его внутреннюю суть. Оно ограничило свои усилия попыткой революционизации политических и социальных институтов и выработкой такой модификации представлений и настроений среднего ума человечества, которая могла сделать эти институты практически приемлемыми; оно более трудились над механизмом человеческой жизни и внешнего разума, чем над душой человечества. Оно добивалось утверждения политической, социальной и явной свободы, равенства и взаимопомощи в равноправном сообществе.

Однако хотя эти цели сами по себе имеют огромное значение, они тем не менее не составляют основы; они могут быть гарантированы только если у них есть возможность опираться на изменения внутренней человеческой природы и внутреннего способа жизни; сами по себе они важны только как средства для создания более широкомасштабного и лучшего пространства для развития человека в этом направлении, а когда это изменение, наконец, достигнуто — как внешнее выражение более значительной внутренней жизни. Свобода, равенство и братство — это три божественных образа души; они не достижимы при помощи внешнего механизма устройства общества или человека, живущего исключительно индивидуальным и коллективным эго. Требуя свободы, эго создает соперничающий индивидуализм. Добиваясь равенства, оно прибегает в первую очередь к борьбе, затем пытается игнорировать изменчивость Природы и, как единственный способ добиться своего, создает искусственное и механизированное общество. Общество, выдвигающее свободу своим идеалом, неспособно достичь равенства; общество, стремящееся к равенству, вынуждено жертвовать свободой. Для эго говорить о братстве — это говорить о чем-то, противоречащем его собственной природе. Все, что ему ведомо — это объединение ради достижения общих эгоистических целей, и самое большее, на что оно способно, это более строгая организация для равномерного распределения труда, продукции, потребления и удовлетворения.

Глава 34. Общечеловеческая религия

И все же братство это настоящий ключ к триединому евангелию человечества. Союз свободы и равенства может быть достигнут только силой человеческого братства и не может быть основан ни на чем ином. Но братство существует в душе и за счет души; у него нет иного места. Так как братство — не продукт физического родства, жизненной солидарности или интеллектуального согласия. Когда душа требует свободы, она требует свободы саморазвития божественного в человеке, во всем его существе. Когда она требует равенства, она требует свободного равенства для всех и признания души, божественности во всех людях. Когда она добивается братства, то опирается на равную свободу саморазвития на основе общей цели, общей жизни, единства разума и чувства, основанного на признании этого внутреннего духовного единства. Эти три вещи и есть, по сути, природа души; так как свобода, равенство и единство — извечные атрибуты Духа. Практическое признание этой истины, пробуждение души в человеке и стремление дать ему возможность жить этой душой, а не эго, представляют собой смысл религии, и это именно то, к чему общечеловеческая религия также должна прийти, прежде чем она сможет осуществить себя в жизни человеческой расы.

Глава 35. Заключение

Иными словами — и это наш вывод — можно политическими и административными средствами создать неустойчивое и искусственное единство; однако надежным и реальным единство человеческой расы будет только в том случае, если на передний план сумеет выйти и стать основным внутренним законом жизни общечеловеческая религия, остающаяся в настоящее время высочайшим активным идеалом человечества.

Внешнее единство может быть достигнуто — хотя пока и неясно каким образом, — потому что таково намерение Природы в отношении человеческого общества; это именно она создает все более и более крупные его объединения; и она не может потерпеть поражение в своем стремлении привести человеческое сообщество к более оформленной всемирной системе.

В осуществлении этой цели Природа зависит от двух сил, сочетание которых делает подобное широкомасштабное образование неизбежным. Во-первых, налицо всевозрастающее сближение общих интересов или, по крайней мере, интересов перекрещивающихся и взаимосвязанных; круг их все более и более расширяется, что превращает старые разделения и препятствия в причину слабости, создает помехи и увеличивает трения, а столкновения и противоречия, возникающие от этого, порождают губительные бедствия для всего, даже для победы, которая достается в итоге слишком дорогой ценой; в таком случае даже планируемых результатов, по мере того как война оказывается все более сложным и губительным процессом, достичь становится все труднее и труднее, а их успех имеет весьма сомнительный вид. Возрастающее понимание этой общности или взаимосвязанности интересов и растущее нежелание сталкиваться с последствиями противоречий и губительной борьбы вынуждают людей прибегать к любым средствам для ослабления той разобщенности, которая ведет к подобными бедствиям. Если тенденция к ослаблению разобщенности примет определенную форму, это послужит толчком, ведущим ко все более тесному союзу. Если ей не удастся добиться успеха таким путем, если несовместимость окажется слишком серьезным препятствием для того, чтобы тенденция к объединению победила, Природа прибегнет к иным средствам, к таким как войны и завоевания, временное господство мощного государства или империи, или к угрозе господства, вынуждающего угнетенные народы выработать более сплоченную систему союза. Это те средства и та сила внешней необходимости, которыми она пользовалась при создании наций и национальных империй; и претерпев определенные видоизменения в условиях и действиях, они в своей сути остаются той же силой и теми же средствами, которыми она пользуется для движения человечества к международному объединению.

И во-вторых, существует сила общего объединяющего чувства. Она может действовать двумя путями: либо как изначальная или содействующая причина,

либо, проявившись позже, уже как скрепляющий воедино результат. В первом случае чувство общего единства распространится среди его будущих составных частей, до этого разобщенных, и вынудит их искать форму союза, основанного на силе этого чувства и представления, а во втором — при помощи других, более внешних событий и причин. Надо заметить, что в прежние времена это чувство среди, например, небольших родов или малых народностей не было достаточно эффективным; единства изначально приходилось добиваться действием внешних обстоятельств и в основном господством, достигаемым войнами и победами самых крупных народов над многочисленными соседями. Но впоследствии чувство единства, поддерживаемое более ясным политическим представлением, стало гораздо более сильным. Более крупные национальные объединения возникали просто при установлении федерации или заключения союза, хотя нередко это сопровождалось общей борьбой за свободу или военным союзом против общего врага; так возникли Соединенные Штаты, Италия, Германия и более мирным путем Австралийская и Южноафриканская федерации. В других случаях, в особенности на ранних стадиях образования наций, чувство единства возникало в значительной степени или целиком как следствие формального, внешнего и механического союза. Но при формировании, и при поддержании роста этого чувства неизбежным был психологический фактор; без него не могло быть надежного и устойчивого союза. Именно его отсутствие или неспособность его создать или сделать достаточно живым, естественным и сильным порождали неустойчивость таких образований, как Австро-Венгрия, и именно это определяло эфемерный характер империй древности, так же как именно это, по-видимому, если не изменятся обстоятельства, будет способствовать продолжающемуся разрушению и распаду великих империй современности.

Сосредоточение усилий на создании международной всемирной организации, способной привести к объединению, только еще начинающей оформляться как представление и цель (хотя причины, делающие ее неизбежной, уже оказали свое воздействие), осуществляется под давлением необходимости, окружающих условий и внешних обстоятельств. В то же самое время существует, поддерживаемое и стимулируемое этими внешними обстоятельствами, чувство космополитизма и интернационализма — весьма туманный и незрелый пока идеал, который может ускорить рост формального союза. Однако одного этого чувства будет недостаточно для скрепления и сохранения возможного искусственного союза, так как ему нелегко было бы стать настолько крепким и сильным, чтобы конкурировать с чувством национализма. Выгодность и удобство такого союза — вот единственные для него источники поддержки. Но опыт прошлого показывает, что одной выгоды от такого договора, в конце концов, недостаточно, чтобы сопротивляться давлению неблагоприятных обстоятельств и вновь заявляющих о себе старых или нарастающих новых центробежных стремлений. Однако есть еще действие более мощной силы, своего рода интеллектуальной

Глава 35. Заключение

общечеловеческой религии, очевидной для немногих, и не столь явной в своих действиях и косвенном проявлении для большинства, которая во многом способствовала ориентации современного мышления и развивающихся в связи с этим общественных институтов. Это психологическая сила, склонная разрушить образ нации и заменить собою национальную религию, а в своих наиболее крайних формах даже уничтожить национальное чувство и упразднить национальные разделения, чтобы создать единую нацию человечества.

И потому можно утверждать, что подобные усилия, несмотря ни на какие трудности, должны принести свои плоды; а трудности действительно велики — они намного больше тех, что стояли на пути формирующейся нации. Если неудачный характер нынешних международных отношений приведет к ряду переворотов, либо к очередной великой, охватившей весь мир современной войне или к серии войн меньшего масштаба, в совокупности своей затрагивающих весь мир и неизбежно касающихся, в силу возросшей взаимосвязи интересов, даже тех, кто не подпал непосредственно под их воздействие, тогда человечеству придется в интересах самозащиты установить новый, более строгий и жесткий единый порядок. Ему придется выбирать между этим порядком и медленным самоубийством. Если же человеческий разум не сумеет отыскать нужный путь, тогда, несомненно, сама Природа прибегнет к подобным переворотам, которые принесут необходимый ей результат. Можно признать, что рано или поздно — под воздействием ли растущего чувства единства, вызванного общими интересами и удобствами, или же при растущем давлении обстоятельств — окончательное объединение или, по крайней мере, определенное формальное устройство общечеловеческой жизни на земле (принимая, конечно, в расчет непредсказуемость бытия) обязательно произойдет.

На аналогичном примере предыдущего развития нации я пытался показать, что такое международное объединение должно, или, по крайней мере, может, завершиться возникновением одной из двух форм. Вероятно, это будет либо централизованное Всемирное государство, либо более свободный Всемирный союз, в виде ли более сплоченной федерации или более свободной конфедерации народов, объединившихся во имя общих интересов человечества. Наиболее желательна последняя форма, потому что она обеспечивает наибольший размах принципу разнообразия, который так необходим для свободного течения жизни и полноценного развития человеческой расы. Процесс, благодаря которому может прийти к власти Всемирное государство, начнется с создания центрального органа, имеющего вначале весьма ограниченные полномочия, но постепенно вбирающего в себя самые разнообразные функции централизованного международного контроля, подобно тому как государство, вначале в форме монархии, а затем парламента, прибирало постепенно к рукам весь контроль над жизнью нации — так что теперь мы уже недалеко от централизованного социалистического государства, не оставляющего ни единой сферы жизни своих граждан непод-

Глава 35. Заключение

контрольной ему. Во Всемирном государстве подобный процесс в конечном счете завершится взятием под контроль и регулированием всех сфер жизни входящих в его состав народов; и даже может закончиться упразднением национальной индивидуальности и превращением созданных нацией самостоятельных территорий в области, провинции или районы единого государства. Это может казаться фантастической мечтой и неосуществимой идеей; но это как раз то, что при определенных условиях, вероятно, пока еще остающихся весьма условной перспективой, вполне может стать реальным, а с определенного момента и неизбежным явлением жизни. С другой стороны, федеративная система, и в еще большей степени конфедеративная, означает сохранение национальной основы и более или менее свободной национальной жизни, которая все более подчиняется общим и главным интересам, диктуемым международными потребностями.

Уместен вопрос, насколько старые аналогии способствуют пониманию столь новой проблемы, и не может ли сложиться что-либо еще, незаметно и независимо возникшее в ней самой и более соответствующее ее сложности. Но человечество, даже имея дело с новыми проблемами, опирается на опыт прошлого и в том числе на старые побуждения и аналогии. Даже вдохновляясь новыми представлениями, оно обращается к прошлому, заимствуя у него форму для них. Мы видим, что за явными изменениями наиболее радикальных революций остается все тот же принцип, продолжающий сохраняться в сердце нового порядка. Более того, похоже, что единственный путь решения конфликта между этими двумя силами современности состоит либо в исчезновении одной из них — независимого национального инстинкта, либо в их взаимном приспособлении. А с другой стороны, вполне возможно, что человеческая мысль и действие примут совершенно неожиданный поворот и введут иные, непредвиденные возможности, определив тем самым и иной итог. В этом направлении каждый вправе предполагать свои наиболее удачные варианты. У этих конструктивных усилий человеческого воображения есть своя, и часто немалая, ценность; но любые подобные умозаключения будут уже вне рамок предпринятого мною исследования.

Несомненно, ни один из этих двух исходных вариантов и ни одна из трех форм их реализации не лишены серьезных возражений. Централизованное Всемирное государство будет означать победу представления об искусственном единстве или даже победу единообразия. Оно будет означать чрезмерное подавление всего необязательного для энергичной человеческой жизни и прогресса, другими словами — свободной жизни индивидуальности, свободного разнообразия народов. И после того как оно упрочит свое положение и осуществит все свои тенденции, его ожидают либо увядание жизни, застой, либо протест со стороны некой сохранившейся, но достаточно революционной силы, кризис, который вдребезги разобьет всю его машину. Логический разум человека, механи-

Глава 35. Заключение

ческий по своей природе, с легкостью прибегает к помощи механизма, действие которого ему понятно и легко поддается управлению; и потому его полное развитие может казаться разуму желанным, необходимым и неизбежным, но результат его предопределен. Централизованное социалистическое государство, однажды возникнув, может оказаться необходимым фактором будущего, но обречено и на все вытекающие из этого последствия. Чем больше будет его давление, тем более решительно ему будет противостоять набирающий силу духовный, интеллектуальный, жизненный и практический анархизм, протестующий против его механического давления. Точно так же и централизованное, механическое в своей сути Всемирное государство приведет в конце концов к пробуждению подобной силы, выступающей против него, придет к распаду и разъединению, даже к необходимости еще раз повторить этот цикл, для того чтобы решить проблему иначе. Оно сумеет сохраниться только в том случае, если человечество согласится на то, чтобы все остальное в его жизни было урегулировано в интересах мира и стабильности, и отвергнет свободу индивидуальной духовной жизни, как уже случилось однажды при Римской империи. Но и это было бы только временным решением. Федеральная система также будет склонна к утверждению единого типа жизни, институтов и активностей; она сможет допустить проявление лишь некоторого разнообразия. Но потребность в разнообразии, необходимом для полноценно развивающейся Природы, не может быть удовлетворена столь скудными средствами. В то же время вызывает возражения и более свободная конфедерация, поскольку она способна предоставить слишком соблазнительную возможность для сил центробежного характера, которые при ней только возрастут. Более свободная конфедерация не сможет оказаться постоянной; ей придется повернуть в том или ином направлении и завершиться либо более строгой и жесткой централизацией, либо разрушением, в какой-то мере, более свободного единства в образующих ее исходных частях.

Требуемая оберегающая сила — новый психологический фактор, который может заставить человечество признавать необходимость единой жизни и уважать принцип свободы. Такой растущей силой, развивающейся именно в этом направлении будет, по-видимому, общечеловеческая религия; она имеет значение для всего человечества, она оперирует понятием человеческой расы и в то же время уважает человеческую личность и естественные человеческие объединения. Но одной ее современной интеллектуальной формы явно недостаточно. Будучи довольно сильным и действенным, данное представление еще не набрало нужной силы, чтобы оформить всю человеческую жизнь по своему образу и подобию. В нашей жизни слишком много внимания уделяется эгоистической стороне человеческой природы, целиком или на девять десятых составляющей наше существо, с которым это великое представление оказывается в противоречии. А с другой стороны, имея в основном интеллектуальную поддержку, она слишком легко обращается к механическому решению, так как рациональное представление всегда попадает в сети своего механизма, становится рабом соб-

Глава 35. Заключение

ственного слишком жесткого процесса. Против него восстает новое представление, с иной логической ориентацией, и разрушает его механизм, но только для того чтобы, в свою очередь, подчиниться новой механической системе, иному кредо, формуле или методу.

Надежда будущего — в духовной общечеловеческой религии. Но это совсем не то, что обычно называется универсальной религией, — некой системой, имеющей определенный символ, интеллектуальную веру, свои догматы и ритуал. Человечество уже пыталось добиться объединения подобными средствами; но потерпело поражение и заслужило его, потому что не может быть никакой универсальной религиозной системы, единой по ментальному символу веры и жизненной форме. Внутренний дух действительно един, но духовная жизнь более, чем что-либо еще, настаивает на свободе и разнообразии в своем самовыражении и способе развития. Общечеловеческая религия означает все более углубленное постижение того, что существует скрытый Дух, божественная Реальность, в которой мы все едины, что человечество является его высочайшим современным выразителем на земле, что человеческая раса и сам человек — это средства, благодаря которым он последовательно обнаруживает себя здесь. Она означает усиливающееся стремление жить на основе такого понимания, создавать царство божественного Духа на земле. По мере того, как оно будет развиваться внутри нас, ведущим принципом всей нашей жизни станет общность со своими братьями — не просто кооперация, но более глубокое братство, реальное внутреннее чувство единства, равенства и общей жизни. Индивидуум должен понять, что его жизнь обретает полноту только в жизни его братьев. А человеческая раса должна понять, что ее собственное совершенство и непрерывное счастье может быть основано только на свободной и полноценной жизни индивидуума. Еще должны определиться дисциплина и путь освобождения, соответствующие этой религии, то есть способ, с помощью которого она может быть претворена как в жизни каждого человека, так и в жизни всей расы. Это слишком значительная тема, требующая самостоятельного освещения; пока достаточно отметить, что конечная цель именно в этом направлении. Несомненно, если это только идея, подобная многим, то ей придется разделить судьбу всех идей. Но если это все же истина нашего существа, тогда это именно та истина, к которой все движется, и именно через нее должен быть открыт путь к фундаментальному, внутреннему, полному и действительному человеческому единству; она — единственная надежная основа для объединения человеческой жизни. Духовное единство, порождающее единство психологическое — независимое от какого-либо интеллектуального или внешнего единообразия и побуждающее к общности жизни не средствами механического объединения, но за счет обогащения своего устойчивого единства свободой внутреннего разнообразия и легко видоизменяющегося внешнего самовыражения, — будет основой для более высокого уровня человеческого бытия.

Глава 35. Заключение

Если человечество быстро придет к подобному осознанию, мы сумеем решить проблему объединения более глубоким и более истинным способом и от внутренней истины перейдем к внешней форме. До этого формирование его будет идти механическим путем. Но главная надежда человечества — в росте числа людей, претворяющих эту истину и ищущих ее развития в себе; когда человек сумеет отрешиться от склонности к механической деятельности — обнаружив, возможно, что его механические решения остаются временными и разочаровывающими, — истина Духа сможет в него, наконец, проникнуть и повести путями высшего счастья и совершенства.

Постскрипtum ¹

В то время, когда эта книга близилась к своему завершению², уже обсуждался и рассматривался первый вариант нового мироустройства — предприятия поспешного и незрелого, — насущную потребность в котором начали испытывать правительства и народы в надежде утвердить в мире сколько-нибудь приемлемый порядок; он не нашел еще конкретной и жизнеспособной формы, однако начало было положено. Эта первая проба пера получила название Лиги Наций. Она не отличалась ни удачной концепцией, ни подходящим устройством, судьба не сулила ей сколько-нибудь долгого существования и особого успеха. Но то, что такое организованное усилие было вообще предпринято и какое-то время сохраняло жизнеспособность, — событие само по себе неординарное и означает начало новой эры в мировой истории; даже в случае своей неудачи подобное начинание не могло не иметь последствий, напротив, оно предполагало, что поиск успешного решения будет продолжаться, для того чтобы оградить человечество не только от царящего беспорядка и смертельной опасности, но и от тех разрушительных возможностей, которые способны привести к гибели всей цивилизации, к тому, что более походит на самоубийство. Поэтому Лига Наций исчезла, но на смену ей пришла Организация Объединенных Наций, которая в настоящее время олицетворяет центр всемирной деятельности и борется за достижение надежного успеха и стабильности в этом великом и весьма перспективном начинании, от которого зависит будущее всего мира.

Это событие огромного значения, решающий и определяющий итог всемирных движений, осуществляемых Природой во имя единого грандиозного замысла. Несмотря на непрерывные недостатки человеческих усилий и тяжеловесность человеческого мышления, несмотря на враждебные возможности и намерения помешать успеху этого великого предприятия или оттянуть его исполнение, именно оно определяет будущее. Катастрофы, которые сопровождали развитие событий и возникали, по всей видимости, только для того чтобы воспрепятствовать осуществлению этого намерения Природы, помешать ему не смогли; также и грядущие катастрофы не сумеют помешать успешному распространению и развитию данного предприятия, необходимость которого определялась интересами развития, а возможно, и самого существования человечества. Земля была потрясена двумя невероятными по силе и разрушительности войнами и революциями, которые их сопровождали или завершали, имевшими самые отдаленные последствия; все это изменило политическую карту Земли и международное равновесие — довольно стабильное когда-то равновесие пяти континентов, — определив иное будущее. Уже маячит тень третьей войны, гораздо более разрушительной, с перспективой использования для уничтожения

1. Глава написана как послесловие ко второму изданию, опубликованному в 1950 г.

2. Речь идет о первом издании книги в 1919 г. (см. Предисловие к первому изданию).

Постскриптум

людей оружия и научного подхода, намного более гибельных и более широкомасштабных, по сравнению с теми, что когда-либо изобретались — оружия, широкое применение которого таит в себе страшную опасность для цивилизации; последствия его использования вполне могут привести к тотальному истреблению человечества. Над сознанием народов довлеет настоящая угроза и стимулирует их к дальнейшей эскалации войны, порождает атмосферу непрерывного противостояния — если не противоборства, принимающего форму так называемой холодной войны, ведущейся даже в мирное время. Но обе войны грянули и прошли, не предотвратив ни первого, ни второго из великих усилий по созданию союза и началу формирования конкретного органа — организованного парламента: они, скорее, способствовали новому начинанию и ускорили его осуществление. Лига Наций появилась как прямое следствие первой мировой войны, ООН, в свою очередь, — как следствие второго широкомасштабного конфликта. Если же возникнет третья мировая война (что многие, если не большинство, рассматривают как факт неминуемый), она, вероятно, ускорит неизбежное осуществление дальнейшего шага, а возможно, и завершающего усилия этого великого всемирного предприятия. К средствам, явно противоположным ее намерениям и усилиям, опасным для них, Природа прибегает в интересах достижения намеченных ею целей, подобно тому как подвижник духовной науки и искусства — йоги — должен пробудить, для того чтобы уничтожить, скрытые в его природе психологические свойства, стоящие на пути его духовного совершенства и осуществления и способные в любой момент восстать из своего оцепенения и разрушить предпринимаемую работу. Так Природа поступает со стоящими у нее на пути силами, — она не только вызывает те, что ей содействуют, но и пробуждает, дабы покончить с ними, те, которые рассматривает как постоянные и даже неизбежные препятствия ее скрытым замыслам. В истории человечества это наблюдается довольно часто; можно видеть это и сегодня: невероятные силы вполне соизмеримы со значимостью того, что должно быть исполнено. Но всегда подобное сопротивление обращается в нечто такое, что своим сопротивлением более способствует, нежели препятствует намерению великой Ваятельницы и ее Движущей Силы.

Тогда мы с вполне оправданным оптимизмом можем смотреть на уже достигнутое и на перспективы еще больших достижений в будущем. Однако несмотря на оптимизм, мы не должны закрывать глаза на нежелательные черты, опасные тенденции и возможности серьезных препятствий в этой работе, даже на вероятность таких беспорядков, которые способны погубить всю работу. Что же касается реальных условий нынешней ситуации, то стоит признать, что большинство людей сегодня недовольны недостатками Организации Объединенных Наций, ее грубыми ошибками и злостными нарушениями, подвергающими опасности ее дальнейшее существование, а многие ощущают растущий пессимизм и с сомнением смотрят на возможность ее конечного успеха. Однако нет необходимости, да и неразумно впадать в пессимистическое настроение;

поскольку подобное отношение склонно предполагать или допускать такие результаты, которые вовсе не обязательно должны последовать. Но в то же время не стоит забывать и об опасности. Лидеры наций, от которых зависит успех и которые будут держать ответ перед потомством за любую неизбежную неудачу, должны быть застрахованы от неразумной политики или фатальных ошибок; недостатки, свойственные самой организации или ее устройству, должны быть либо быстро исправлены, либо медленно и планомерно устранены; если существует устойчивая оппозиция необходимым изменениям, ее каким-то образом необходимо преодолеть или исправить, не разрушая сам институт; даже если его усовершенствование будет нелегким и медленным, оно должно быть предпринято во что бы то ни стало, чтобы тем самым воспрепятствовать крушению надежд всего мира. Для человечества нет другого пути, пока истинно великий путь не будет открыт ему Силой, способной совершить спасительный поворот и изменить и человеческую волю, и человеческую природу или же предпринять неожиданный эволюционный шаг, некий непредсказуемый пока рывок, *saltus*³, позволяющий исполниться человеческой судьбе иным, более величественным образом.

Первоначальному представлению о всемирном союзе, принявшем форму Лиги Наций, помимо ошибок, обусловленных ее структурой, например, стремлением к анонимности, которое вело, по сути, к потере ее эффективности, к ограничению возможностей или к созданию препятствий для практических действий, был свойствен основной недостаток, содержащийся в самой ее концепции и общем принципе устройства, что, в свою очередь, определялось условиями того времени. Лига Наций была, фактически, органом власти великих держав (каждую из которых сопровождала свита государств малых), использовавших этот орган до тех пор, пока удавалось проводить прежде всего собственную политику, и отодвигавших общие интересы и благо мира в целом на второй план. Более всего этот характер проявился в сфере политической, и ни тактические маневры, ни разногласия, ни приспособления и компромиссы, неизбежные при таком положении дел, не могли наделить действия Лиги достаточной эффективностью, отвечающей ее первоначальному замыслу. Отсутствие среди ее членов Америки и позиция России лишь способствовали окончательному краху этого первого рискованного предприятия, были его естественным итогом, возможно даже, неизбежным итогом. При устройстве ООН была сделана попытка, по крайней мере, в принципе избежать этих ошибок; но и эта попытка оказалась недостаточно радикальной и не вполне успешной. На первом месте по-прежнему оставались выжившие мощные олигархические системы — пять великих держав Совета Безопасности, обладавших правом вето; это была уступка чувству реальности и необходимости учитывать действительное положение дел и

3. *saltus* (лат.) — скачок, прыжок.

Постскриптум

результаты второй мировой войны, и их, видимо, нельзя было избежать, но они порождали новые затруднения, препятствовали действию и сводили на нет успех нового предприятия более, чем что-либо еще в его устройстве или способе действий, диктовавшихся ему международной ситуацией или трудностями, связанными с совместным действием, неотъемлемыми от самой его структуры. Если подобные недостатки устранять чересчур поспешными и радикальными мерами, это может привести к разрушению всего здания, оставлять же их неизменными — значит, поддерживать болезнь; невозможность же гармоничной и гладкой работы и, как следствие, недоверие и ощущение ограниченности и неудовлетворительности его действия, вызывающие широко распространенное чувство бесполезности и склонность к сомнению в целесообразности самого предприятия в целом, начали омрачать этот весьма важный и необходимый, основанный с такими большими надеждами, институт, без которого условия мира были бы бесконечно хуже и опаснее, возможно даже, оставались бы неизлечимыми. Третья возможность — устройство иного типа — сможет проявиться, только если этот институт будет разрушен в результате новой катастрофы: если осуществят свою угрозу некоторые сомнительные пророчества, она, несомненно, появится опять, и будет на этот раз, может быть, даже более успешной, благодаря возросшей и непреклонной решимости не допустить возникновения подобной катастрофы вновь — но уже после третьей опустошительной войны, если ей все же удастся поколебать основы международного устройства и с таким трудом достигнутой (после двух предыдущих катастроф) сплоченности. И в этом случае намерение Природы сумеет, очевидно, преодолеть препятствия, ею же выдвинутые, и они будут раз и навсегда устранены. Но для этого придет — по крайней мере, создать настоящее Всемирное государство, построенное исключительно на принципе равенства, при котором не имели бы значения ни размер, ни сила стран-участников. За ними может быть оставлено право оказывать какое-то естественное для них влияние на хорошо организованную гармонию народов мира, защищаемых законом нового международного порядка. Законом такого Всемирного государства и основой устройства должны стать полная справедливость, основополагающее равенство и сочетание прав и интересов.

Действительная опасность нынешней второй стадии общечеловеческого единства заключается не в каких-либо, пусть и весьма серьезных ошибках, допущенных при устройстве Организации Объединенных Наций, но в разделении народов на два лагеря, склонных быть естественными противниками, способными в любой момент стать конкретными врагами и сделать свое сосуществование немислимым. Это оттого, что так называемый коммунизм большевистской России родился не вследствие стремительного развития, но в результате беспрецедентного взрыва и продолжительной революции, кровью утверждавшей свои крайности и породившей авторитарную и нетерпимую государственную систему, возникшую из классовой борьбы, в процессе которой все прочие

классы, за исключением пролетариата, были вычеркнуты из жизни — ликвидированы, — положившей в основу власти диктатуру пролетариата или, скорее, жесткую, но всемогущую партийную систему, действующую от его имени, другими словами — полицейское государство, объявившее смертельную борьбу внешнему миру. Взрыв этой борьбы породил в умах организаторов нового государства навязчивую идею о необходимости не только выжить, но продолжать работу и распространять свое господство до тех пор, пока новый порядок не разрушит или не вытеснит старый если не по всей Земле, то, по крайней мере, на большей ее части, и не утвердит новое политическое и социальное евангелие или его главные догматы среди всех народов мира. Но такое положение дел может измениться, потерять свою остроту и свое значение, так как развитие событий достигло определенного уровня, пришло к некой стабильности и ослаблению первоначальной жестокости, свирепости и агрессивности, питавших данный конфликт; наиболее нетерпимые и ужасающие элементы нового порядка смогли, наконец, успокоиться, а ощущению несовместимости или неспособности к общему сосуществованию пришлось исчезнуть, отчего и стал возможным более безопасный *modus vivendi*⁴. Если почти столь же тяжелое чувство неизбежности борьбы, взаимной нетерпимости и экономической неприспособленности все же существует, то происходит это, скорее, оттого, что идеологическая борьба используется как средство достижения мирового господства и поддержания наций в положении взаимного недоверия и подготовки к вооруженному противоборству, а не от невозможности сосуществования этих двух идеологий. Если бы этот элемент был исключен, мир двух сосуществующих идеологий пришел бы к неизбежности экономических взаимоотношений и сближению, и большей части проблем просто бы не существовало; поскольку мир стремится к еще большему развитию принципа государственного контроля над жизнью общества, то лагерь социалистических государств, с одной стороны, и государства модифицированного и контролируемого капитализма, с другой, вполне могли бы прийти к сосуществованию и развить между собой дружественные отношения. И вполне возможно было бы создание Всемирного государства, в котором оба эти мира, сохранившие свои собственные институты и участвующие в общей ассамблее, были бы в состоянии поддерживать общую жизнь и войти на этом основании в единый мировой союз. Такое развитие и является действительным и окончательным результатом, ради которого предполагалось основание ООН; ибо современный вид данной организации не может быть окончательным; он остается несовершенным началом, полезным и необходимым зародышем более мощного института, при котором все народы земли смогли бы принять участие в едином международном союзе: создание же Всемирного государства при движении такого рода будет единственным логичным и неизбеж-

4. *modus vivendi* (лат.) — способ существования.

Постскриптум

ным окончательным итогом.

Подобное отношение к будущему в современной обстановке можно расценить как чересчур легкомысленный оптимизм, но такой поворот событий также возможен, как и более губительный вариант, предрекаемый пессимистами, поскольку новая война не обязательно должна привести к предполагаемой ими всеобщей катастрофе и гибели цивилизации. Человечество имеет обыкновение выживать в наиболее худших катастрофах, порождаемых собственными ошибками или насильственным изменением условий, предпринимаемым самой Природой; именно так и должно быть, если есть какой-либо смысл в его существовании, если долгая его история и продолжительное выживание — не просто случайности удачно сложившейся Фортуны, как могло бы показаться при рассмотрении судьбы мира с чисто математической точки зрения. Если человек намерен выжить и продолжить эволюцию, которую он в настоящее время возглавляет и полусознательным лидером которой в какой-то степени является, ему придется продолжать нынешнюю хаотичную международную жизнь и добиваться начала организованного объединенного действия; ему придется создать в конце концов Всемирное государство, единое или федеративное, конфедеративное или коалиционное; никакое более частное или более свободное средство не поможет достижению этой цели. И тогда основной, освещаемый в этой книге тезис получит свое подтверждение, и мы с большей уверенностью сможем предполагать главное успешное направление, которое может принять развитие событий или, по крайней мере, основную тенденцию грядущей истории народов человечества.

Теперь же эволюционирующая Природа задает человечеству вопрос, не может ли его существующая международная система (если она вообще может быть названа таковой), представляющая собой некий временный порядок, утверждаемый постоянными эволюционными или революционными изменениями, быть заменена сознательным и спланированным надежным устройством, настоящей системой, а в конечном итоге и настоящим единством, служащем общим интересам народов Земли? Изначальный беспорядок и хаос множества сил, формирующих там, где это возможно, большие или малые очаги культуры, а также порядок, готовый рассыпаться или разлететься на куски при столкновении с внешним хаосом, были первой попыткой человеческого гения достичь более надежного космоса. В конце концов его сменило некое подобие международной системы, опирающейся на то, что можно было бы назвать международным законом или фиксированными правилами взаимоотношений и взаимообмена, позволившими нациям сосуществовать, несмотря на антагонизм и конфликты — некая удобная альтернатива случайностям, опасностям и дозволенности проявления множества уродливых свойств, хотя, возможно, и не всех, альтернатива угнетению, кровавым событиям, бунтам и беспорядкам, не говоря уже о войнах, потрясавших иногда целые континенты. Живая божественность, опре-

Постскриптум

деляющая судьбу человечества, пробудила в сознании и сердце человека новое представление, надежду на иной порядок, способный заменить порядок старый, неудовлетворительный, и подчинить себе условия всей мирной жизни, порядок, у которого появится в конечном счете вполне оправданная возможность утвердить всеобщий мир и благополучие; что приведет, наконец, к признанию идеала человеческого единства, бывшего до сих пор не более чем благородной фантазией. Тогда будет создано твердое основание для мира и гармонии, а также появится возможность для осуществления высочайших человеческих устремлений, для совершенствования расы, для появления совершенного общества, для высшей восходящей эволюции человеческой души и человеческой природы. Он должен найти отклик у людей наших дней, но более всего — завтрашнего дня. Слишком долгая отсрочка и слишком продолжительные неудачи откроют дверь для целого ряда нарастающих катастроф, способных породить слишком продолжительный и губительный беспорядок и хаос, что сделает решение чересчур труднодоступным и невозможным — может даже обернуться неким неизлечимым распадом не только современной цивилизации, но и всей человеческой цивилизации в целом. Тогда среди этого хаоса и разрушения, после возможного массового истребления людей, придется с трудом и в состоянии полной неопределенности начинать все сначала; и более успешное творение можно было бы предсказать только в случае обретения лучшего для человеческого развития пути, а возможно, уже и для иной, более великой сверхчеловеческой расы.

Главным вопросом остается: будет ли нация — величайшее естественное образование, которое удалось человечеству создать и упрочить в интересах коллективного бытия — окончательным и последним словом в этом процессе, или же возможно более крупное образование, способное охватить многие нации или даже их большинство, а в конце концов объединить все человечество полностью. Недостатка в побуждении создавать что-то более крупное, в настойчивом стремлении достичь более значительных и даже огромных сверхнациональных образований до сих пор не было; именно такое управление было характерной чертой жизненных инстинктов человеческой расы. Но его форма определялась желанием сильной нации господствовать над остальными, распоряжаться их территориями, держать в подчинении их народы, эксплуатировать их ресурсы; сохранялось и стремление к псевдоассимиляции, к навязыванию культуры господствующей расы, к полному поглощению более слабой культуры. Классическим примером такого рода усилия была Римская империя, а греко-римский союз единого образа жизни и культуры на широкой основе политического и административного единства в пределах его географии явил собой нечто такое, что из всех достижений данной цивилизации более всего напоминало предварительный набросок картины человеческого единства или, по крайней мере, несовершенное представление о нем. Подобные попытки, хотя и не в таком масштабе и не с такими возможностями, предпринимались на протяжении всей

Постскриптум

истории, но достичь чего-то конкретного за все эти долгие века так и не удалось. Неполющенным оказался основной использовавшийся в этих случаях метод, ввиду того, что он вступал в противоречие с другими жизненно важными инстинктами, столь необходимыми для жизнеспособности и полнокровной эволюции человечества — их отрицание всегда ведет к определенному застою и тормозит развитие. Империи так и не удалось достичь непобедимо жизнестойкой и способной к выживанию нации. Единственными предшественниками этих империй были огромные нации, именовавшие себя, подобно Германии и Китаю, империями, но представлявшие собой формы сверхнационального государства; поэтому они и не фигурируют в качестве примеров в истории формирования имперских объединений. И следовательно, несмотря на то, что тенденция к созданию империй свидетельствует в пользу весьма настойчивого стремления Природы создавать все более крупные объединения человеческой жизни (и мы можем видеть заключенную в нем и проявляющуюся в более широком масштабе волю к объединению разрозненных масс человечества в одно слитное и согласованное единство), империю, очевидно, надо рассматривать как неудачное образование, не имеющее перспективы и никак не способствующее дальнейшему прогрессу в этом направлении. На самом деле, новое стремление к всемирному господству могло бы быть успешным только на основе совершенно иного набора средств и в совершенно иных обстоятельствах, с вовлечением в этот процесс всех народов земли или при принудительном вступлении их в некий союз. Некоторый временный успех в достижении этой цели могла бы иметь какая-нибудь идеология, удачно соединившая народы общей целью и общим (вроде коммунистической России) лидером. Но подобный итог — не слишком к тому же желательный — не дал бы, вероятно, надежной основы для прочного Всемирного государства. При этом сохранились бы определенные склонности, сопротивление, стремление к другим условиям, которые рано или поздно привели бы к распаду или некоторым революционным переменам, означавшим его исчезновение. В конечном счете пришлось бы преодолевать и этот этап развития; и только формирование настоящего Всемирного государства, единого, но достаточно гибкого — поскольку жесткое унитарное государство будет способствовать застою и потере жизненных сил, — либо представляющего собой союз свободных народов, может иметь перспективу для полноценного и продолжительного мироустройства.

Нет необходимости повторять или пересматривать, за исключением лишь отдельных направлений, заключения и выводы, изложенные в этой книге в отношении средств и методов, возможных отклонений или этапов последующего развития, способного привести к действительному достижению человеческого единства. Тем не менее в некоторых отношениях возникли определенные возможности, требующие как-то видоизменить то, что было написано, или же те выводы, к которым удалось прийти в предыдущих главах. Предполагалось, например, что вероятность завоевания и объединения мира одним каким-либо

Постскриптум

народом или империей была весьма невелика. Сейчас это уже не столь однозначно, поскольку мы допускали подобную возможность при определенных обстоятельствах. Сейчас положение дел таково, что одна господствующая держава способна в принципе сплотить вокруг себя подчиненных ей сильных, обладающих достаточной мощностью и ресурсами союзников и втянуть их в мировую борьбу с другими державами и народами. Вероятность этого может еще больше возрасти, если такой господствующей державе удастся, пусть даже на какое-то время, добиться монополии на всеподавляющее превосходство в использовании какого-нибудь мощного средства агрессивного военного действия, которое наука в состоянии открыть и применить на практике. Страх перед разрушениями, даже перед широкомасштабным истреблением, порождаемый столь зловещими открытиями, может вызвать у правительств и народов стремление ограничить и предотвратить военное использование таких изобретений; однако до тех пор пока не изменится природа самого человека, предотвращение подобных действий будет достаточно неопределенным и случайным, а неуправляемые амбиции могут даже способствовать их секретности и побуждать воспользоваться ими неожиданно в критический момент ради полной победы, делая их тем самым весьма опасными в этом отношении средствами. Можно возразить, что опыт последней войны противоречит этой возможности, так как в условиях не вполне, но достаточно близких к подобному сочетанию, агрессивные державы потерпели полный крах своих стремлений к завоеванию мира и вынуждены были пережить весь ужас последствий столь мощного поражения. Однако в какой-то момент они были лишь на волосок от успеха, в случае которого у мира могло бы просто не оказаться другой благоприятной возможности для осуществления дальнейших более организованных и проводимых с большей дальновидностью шагов. По крайней мере, те, кто обладают силой воспрепятствовать и пекутся о благосостоянии расы, должны были бы заметить подобную возможность и выступить против ее осуществления.

Одной из предполагавшихся в то время возможностей было создание континентальных союзов, объединенной Европы, какого-либо союза народов Американского континента (с Соединенными Штатами во главе), а также возрождение Азиатских народов и их движение к независимости от европейского господства, сплачивающихся в целях самозащиты в союз наций этого континента; возможность подобных крупных континентальных союзов может даже стать ступенью к завершающему формированию всемирного единства. И она начала воплощаться в жизнь с такой скоростью, предвидеть которую в то время было просто невозможно. На обоих американских континентах это действительно стало преобладающей и удобной, хотя пока еще и не вполне завершенной формой. Идея Соединенных Штатов Европы также уже утвердилась и обретает сейчас формальный смысл, но развиться в полностью и всесторонне реализованную возможность ей пока не удалось из-за противоречий, связанных с противоборством идеологий, разделивших железным занавесом Россию с со-

Постскриптум

юзниками и Западную Европу. И разделение зашло настолько далеко, что в обозримом будущем его ослабление трудно себе представить. При других обстоятельствах стремление к подобным союзам могло бы породить опасность мощных континентальных столкновений, таких, например, как борьба между возрождающейся Азией и Западным миром, возможность которой одно время считалась вполне реальной; признание Европой и Америкой азиатского возрождения и, в конечном счете, всеобщего освобождения народов Востока, а также поражение Японии, выступавшей в роли освободителя и лидера свободной Азии против господства Запада или, во всяком случае, таковой себя представлявшей миру, устранили эту опасность. В данном случае, как, впрочем, и в остальных, действительную опасность представляют, скорее, столкновения двух противоположных идеологий: одной — возглавляемой Россией и красным Китаем и пытающейся утвердить крайности своей коммунистической доктрины отчасти военными, отчасти политическими средствами среди некоторых, как-то подверженных ей, но не вполне готовых к этому стран Азии и Европы, а другой — представляющей собой союз народов, частично капиталистических, частично умеренно социалистических, все еще держащихся за притягательную для них идею свободы — свободы мысли и остатков индивидуальной свободы жизни. В Америке, особенно у латинских народов, должна возникнуть, скорее, нетерпимость к полной американизации всего континента и примыкающих островов на основе распространившейся доктрины Монро, что вполне может привести к трениям с европейскими державами, имеющими свои интересы в северных частях континента. Но все это может создать лишь дополнительные трудности и разногласия, но не опасность серьезных противоречий — повод для разбирательства и урегулирования вопроса силами ООН, не сулящий каких-либо тяжелых последствий. Более опасная ситуация возникла в Азии: на пути любой возможности континентального союза народов этой части мира встало серьезное препятствие в виде коммунистического Китая. Создание гигантского блока, двух мощных коммунистических держав, России и Китая, предоставляет им удобную возможность без труда овладеть Северной Азией, накрыть своей тенью Юго-Восточную Азию и Тибет, угрожая поглотить их полностью, подступить даже к границам Индии, угрожая и ее безопасности, и безопасности Западной Азии, с высокой вероятностью вторжения, захвата и подчинения себе военным путем всей ее территории и утверждения нежелательной идеологии, а также политических и социальных институтов и господства воинствующей массы коммунизма, без труда доказывающего свою непреодолимость. В таком случае континент будет разделен на два крупных и находящихся в активном противостоянии блока, которые способны привести к реальности безумного международного конфликта, способного обесценить все ранее до него испытанное: возможность какого бы то ни было всемирного союза, даже безо всякого, связанного с военными действиями, поражения, оступит в далекое и неопределенное будущее, ввиду нетерпимости интересов и идеологий, проявляющихся в

Постскриптум

таком масштабе, который делает их включение в единое тело вряд ли целесообразным. И столь же далекой и неопределенной станет возможность создания трех-четырех континентальных союзов, которые могли бы постепенно превратиться в единый союз, если исключить из рассмотрения вероятность подрывающей нынешние устои мира новой мировой войны.

Одно время считалось, что социализм постепенно распространится на все народы Земли — в этом случае интернациональное единство могло быть достигнуто за счет свойственных ему тенденций, естественным образом направленных на преодоление разобщающей народы силы национализма, с его сепаратизмом, с его склонностью к конкуренции и соперничеству, часто оборачивающихся открытой борьбой; тогда этот вариант представлял бы собой естественный путь развития, ведущий в конечном итоге к всемирному союзу. Однако надо, прежде всего, отметить, что социализм при воздействии определенных сил не мог быть застрахован от зараженности духом национальной розни, и его интернациональные устремления могли с легкостью развиваться в случае его победы в отдельных национальных государствах и наследования им конкурирующих национальных интересов и потребностей; старый дух мог вполне найти себе место в новых социалистических телах. Кроме того, достаточно маловероятно либо возможно только на короткое время распространение волны социализма среди всех народов земли: могут проявиться другие силы, способные оспорить возможность того, что одно время казалось и до сих пор продолжает оставаться наиболее вероятным итогом мировых тенденций; и наконец, серьезные затруднения созданию Всемирного государства способен породить конфликт между коммунизмом и менее крайним социалистическим представлением, уважающим принцип свободы, хотя и ограниченной свободы (свободы сознания, мысли, личности человека), если таковое различие закрепится. Не так-то просто создать основу конституции и сгармонизированного государственного закона и практики, при которых было бы мыслимо и возможно пусть самое незначительное присутствие подлинной свободы для индивидуума или допустимо хоть какое-то его проявление помимо его обычной роли ограниченной ячейки в системе коллективной государственной машины. Подобные результаты не являются прямым следствием самого принципа коммунизма, и его система не обязательно должна вести к цивилизации муравьиного типа или к неременному подавлению индивидуальности; напротив, он может быть средством осуществления индивидуальности и совершенной гармонии коллективного бытия. Уже сложившиеся системы, так себя именующие, представляют собой устройства не подлинного коммунизма, но жесткого государственного социализма. Да и сам социализм вполне может уклониться от марксистской линии и выработать менее жесткие нормы; например, может возникнуть кооперативный социализм без сильной бюрократической и принудительной администрации полицейского государства; однако не просто предложить некий обобщающий взгляд распространения социализма при дан-

Постскриптум

ных обстоятельствах во всем мире, трудно даже представить преобладающую возможность: вопреки определенным склонностям или тенденциям, сложившимся в результате событий на Дальнем Востоке, наиболее вероятным итогом кажется разделение Земли между двумя системами, капиталистической и социалистической. В Америке, например, привлекательность идеологии индивидуализма и капиталистической системы общества, а также сильный антагонизм не только к коммунизму, но даже к умеренному социализму настолько велики, что вряд ли можно предполагать ослабление их интенсивности. Крайний успех коммунизма, распространившегося по всей земле Старого Света, возможность которого мы могли бы предполагать, а также равновесие, поддерживаемое противостоящими державами, при теперешнем положении дел очень маловероятны; но даже в этом случае будут неизбежны некоторые методы приспособления, прежде чем одна из этих двух сил добьется окончательной победы над своим оппонентом. В качестве успешного устройства требовалось бы создание органа, в котором могли бы решаться все спорные вопросы по мере их возникновения, не доводя дела до открытого конфликта; он был бы преемником Лиги Наций и ООН и их нелегкого пути развития. И так же как Россия и Америка, несмотря на устойчивое противостояние их политики и идеологии, избегали до сих пор любых шагов, затрудняющих или делающих невозможным сохранение ООН, так и этот третий орган оберегала бы та же самая необходимость или настойчивая потребность продолжить его существование. Те же силы работали бы в том же направлении, и создание эффективного мирового союза было бы все же возможным; в конце концов огромное количество общих потребностей человечества, а также потребность самосохранения могли бы породить уверенность в невозможности его устранения.

И теперь после создания Организации Объединенных Наций, а также после осуществления в Сан-Франциско решительного шага по созданию всемирного органа, который мог бы завершиться установлением истинного всемирного единства, ничто не мешает нам верить в успех данного великого предприятия. Существуют опасности и трудности, возможна угроза конфликтов, причем достаточно сильных, способных серьезно омрачить будущее, но пока живо само человечество, будет сохраняться и надежда на успех. Принятый нами тезис о движении Природы к более крупным объединениям, завершающимся созданием величайшего из них — окончательного союза народов мира, по-прежнему остается неизменным: это то явное направление развития, за которым будущее человеческой расы; ему могут противостоять самые невиданные конфликты и пертурбации, способствуя существенному видоизменению его формы, вырисовывающейся сейчас, но предотвратить его они не в силах; поскольку в этом случае единственной альтернативой для человечества оставался бы полный его распад. Но какие бы катастрофические возможности ни уравнивали определенные благоприятные результаты почти безграничного распространения современных научных открытий и внедрений, подобный распад имеет столь же

Постскриптум

призрачную возможность осуществиться, как и надежды на слишком скорое установление окончательного мира и счастья или совершенного человеческого общества. Здесь мы вполне могли бы довериться самому эволюционному процессу и если и не величайшему скрытому Могуществу, то хотя бы проявленному действию и стремлению, или намерению Всемирной Энергии, именуемой нами Природой, ведущей человечество к необходимости предпринять следующий шаг — шаг самосохранения: поскольку такая необходимость существует и сложилось не только ее понимание, но и понимание того, какой должна быть реализация этого представления в жизни; ему уже нужна конкретная форма. В этой книге мы, избегая излишнего догматизма и личного отношения, попытались обозначить те условия, возможности и формы, которые может принять это новое творение, а также те из них, которые кажутся наиболее желательными. Задачей данного исследования было непредвзято осветить действие сил, участвующих в этой работе, и возможные результаты самой работы. Остальное будет зависеть от того, насколько интеллектуальные и нравственные способности человечества позволят осуществиться представлению, ставшему уже отчетливой потребностью.

Мы приходим к выводу, что в условиях современного мира (принимая во внимание даже его наиболее неблагоприятные черты и опасные возможности) нет ничего противоречащего нашему представлению о необходимости и неизбежности всемирного союза; движение Природы, действие обстоятельств, современные и грядущие потребности человечества делают его неизбежным. Справедливыми остаются достигнутые нами общие выводы, а также смысл общих норм, возможных форм и направлений успешного или противоположного ему развития. Завершающим результатом должно стать создание Всемирного государства, а наиболее желательной его формой — федерация свободных народов, для которой было бы свойственно отсутствие любого подавления, силового соперничества и подчинения одним другим (хотя и при возможном сохранении определенного естественного влияния), обеспечение всех одинаковым статусом. Конфедерация обеспечит народам, составляющим Всемирное государство, наибольшую свободу, но она оставляет слишком много места для деструктивных и центробежных устремлений; в таком случае федеральный порядок был бы наиболее желанным вариантом. Конечный же результат определяют развивающиеся события, общее согласие или форма, которую обретут данные представления и новые возможные потребности. Всемирный союз будет обладать величайшими возможностями длительного или непрерывного существования. Этот мир подвержен переменам, и могут возникнуть неопределенности и опасности, способные породить временные трудности; сложившаяся структура может быть подвергнута действию революционных настроений, вместе с распространением новых представлений, сил и их влиянием на общее сознание человечества, но существенный шаг уже будет сделан и человечеству гарантировано будущее, или, по крайней мере, будет преодолена современная стадия, с ее угрозой и действи-

Постскриптум

ем разрушительных и нерешенных потребностей и трудностей, с ее случайными условиями, грандиозными переворотами, чудовищными и кровопролитными мировыми конфликтами и с вероятностью возникновения новых. Идеал человеческого единства будет уже не неосуществимым идеалом, но свершившимся фактом, а сохранение его — делом и заботой объединенных народов человечества. Его дальнейшая судьба окажется тогда в руках богов; и если боги заинтересованы в сохранении человеческой расы, в безопасности ее уже можно будет не сомневаться.

Пояснения переводчика

Итак, перед Вами перевод "Идеала человеческого единства". 16 сентября 1915 года, во время публикации первой главы "Идеала" в "Арье" Шри Ауробиндо писал Матери: "Я начал в публикующейся теперь "Арье" серию статей об идеале человеческого единства. У меня есть намерение действовать очень осторожно и вначале не слишком углубляться в тему, постепенно подводя читателя к более глубокому пониманию единства — и, в частности, к пониманию ошибочности представления, подменяющего единство единообразием и искусственным объединением".

В первом издании (1919) был использован текст "Арьи" без изменений. Второе издание книги (1950) Шри Ауробиндо сопровождал следующими пояснениями: "Идеал человеческого единства" впервые появился в "Арье" (т.2, №2 — т.4, №12) в виде 35 отдельных глав, печатавшихся с сентября 1915 по июль 1918. Он был переиздан в виде книги в 1919 году в Мадрасе (Sons of India Ltd.). Настоящее издание представляет собой исправленный вариант, но исправления вносились до второй мировой войны. Тем не менее, они публикуются в первоначальном виде; их дополняет Постскриптум, в котором рассматриваются особенности современного мира".

Текст первого издания Шри Ауробиндо начал редактировать заново около 1927 года, но вскоре прекратил работу. Перед публикацией второго издания (1950) редактирование было доведено до конца; оно включало, в частности, и исправления 1927 года. В новой редакции "Идеала" появились сноски, комментировавшие некоторые важные моменты событий той эпохи. Тем самым они подчеркивают ценность и значение многих выводов и прогнозов (хотя и не всех — на что указывает и сам Автор), сделанных в начале века, на заре ожидавших мир грандиозных перемен.

С тех пор Ашрам Шри Ауробиндо выпустил несколько репринтных изданий. Данный перевод выполнен со второго репринтного издания (Sri Aurobindo Ashram Trast, Pondicherry, 1970).

Мы сочли уместным снабдить перевод примечаниями, в которые вошли встречающиеся в тексте иностранные слова и выражения, а также имена, названия и понятия, которые на наш взгляд могли бы показаться читателю незнакомыми или малоизвестными.

* Теперь это уже не сюрприз, но факт, который становится все более отчетливым. В настоящее время утратила свободу слова и мысли Россия; на какое-то время этого были лишены полностью Германия и Южная Европа.

Постскриптум

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

